

**Труды Института
востоковедения РАН**

Выпуск 29

Труды Института востоковедения РАН

Серийное издание ISSN 2587-9502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Андросов Валерий Павлович – *председатель*
Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН – *сопредседатель*
Демченко Александр Владимирович – *ученый секретарь*
Аликберов Аликбер Калабекович
Белокреницкий Вячеслав Яковлевич
Железняков Александр Сергеевич
Романова Наталья Геннадиевна
Саутов Владимир Нилович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Акимов Александр Владимирович	Кузнецов Василий Александрович
Алаев Леонид Борисович	Любимов Юрий Васильевич
Александров Юрий Георгиевич	Мамедова Нина Михайловна
Алпатов Владимир Михайлович	Микульский Дмитрий Валентинович
Белова Анна Григорьевна	Мосяков Дмитрий Валентинович
Бурлак Светлана Анатольевна	Настич Владимир Нилович
Ванина Евгения Юрьевна	Орлова Кеemia Владимировна
Васильев Дмитрий Дмитриевич	Панарин Сергей Алексеевич
Воронцов Александр Валентинович	Плотников Николай Дмитриевич
Десницкий Андрей Сергеевич	Пригарина Наталья Ильинична
Другов Алексей Юрьевич	Сарабьев Алексей Викторович
Захаров Антон Олегович	Смагина Евгения Борисовна
Звягельская Ирина Доновна	Суворова Анна Ароновна
Карасова Татьяна Анисимовна	Шаумян Татьяна Львовна
Катасонова Елена Леонидовна	
Кобзев Артем Игоревич	

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

**Труды
Института востоковедения РАН**

Выпуск 29

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ
И ВОСТОКОВЕДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

**Язык меняющийся:
семантические и грамматические
изменения
в языках Азии и Африки**

Москва
2020

Ответственный редактор выпуска

А. И. Коган

Редактор-составитель

А. С. Панина

Рецензенты:

С. А. Бурлак, И. Б. Иткин

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Института востоковедения РАН

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 29: Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Язык меняющийся: семантические и грамматические изменения в языках Азии и Африки / отв. ред. выпуска А. И. Коган; ред.-сост. А. С. Панина. – М.: ИВ РАН, 2020. – 303 с.

Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS. Issue 29. Studies in General and Oriental Linguistics. Languages and Change / Ed. by A. Kogan. – Moscow: IOS RAS, 2020. – 303 p.

ISSN 2587-9502

DOI: 10.31696/2587-9502-2020-29

Выпуск основан на материалах конференции «Востоковедные чтения 2020. Язык меняющийся: семантические и грамматические изменения в языках Азии и Африки» (Институт востоковедения РАН, 21-22.10.2020) и охватывает широкий круг тем, включая языковые контакты, заимствования, инновации в фонетике и морфологии, эволюцию синтаксических конструкций и лексических значений.

The volume is based on the proceedings of the conference on the languages of Asia and Africa held at the Institute of Oriental Studies on 21-22.10.2020. It covers a broad range of topics such as language contact and lexical borrowings, semantic shifts, innovations in syntax, morphology and grammar in various languages of Asia and Africa.

© ФГБУН ИВ РАН, 2020

Памяти Зои Михайловны Шаляпиной (1946-2020)

СОДЕРЖАНИЕ

Грамматика

Бакланова Е. А. <i>Аффиксальное заимствование в тагальском именном словообразовании</i>	5
Блинов А. А. <i>Развитие процесса аббревиации в арабском языке: от Корана до средневековых рукописей</i>	20
Быкова С. А. <i>О некоторых изменениях в японском языке в конце XX – первых десятилетиях XXI вв.</i>	41
Гутгарц Я. Н. <i>Дистрибутивы в языке тигринья (тиграйском) ...</i>	50
Зверев А. С. <i>Знак смеха в японском языке: рождение нового служебного показателя в условиях письменной интернет-коммуникации</i>	57
Комарова И. Н. <i>Особенности фонологической системы тибетского языка</i>	74
Крнета Н. <i>Изменения в системе личных местоимений японского языка в XX веке</i>	81
Крылова А. С., Ренковская Е. А. <i>Контактные явления в языке куллу</i>	90
Рудницкая Е. Л. <i>Частичная лексикализация синтаксической модели «прямой объект + отглагольное имя» (лексическая номинализация) в эвенкийском языке как не имеющем словосложения</i>	103
Beletskiy S., Ojwang' E. <i>Sound Variation /j/~/y/ in Kuria Varieties Rinchari and Simbiti</i>	118
Grashchenkov P. <i>Turkic Serialization as Functional Head Spell-Out</i>	128
Лексика	
Андреева В. А. <i>Лексические изменения в современном вьетнамском языке</i>	145
Белова А. Г. <i>Лексическая и грамматическая спецификация в древнеарабском</i>	151
Демич К. И., Костыркин А. В. <i>Особенности становления современной японской философской терминологии в эпоху Мэйдзи по лексикографическим данным</i>	167

Додыхудоева Л. Р. <i>К составу и семантике фразеологии, обозначающей страх, со стержневым компонентом глаза (на материале памирских и таджикского языков)</i>	179
Кадырова О. М. <i>Примеры семантических переходов в турецком языке: семантический снежный ком и история сужения «турецких итанов»</i>	201
Крамарова С. Г. <i>Смешение кодов и заимствования в балийском языке</i>	206
Кульпина В. Г. <i>Расширение и динамика профессиональной картины мира (по материалам польско-российского ежегодника <i>Opuscula Iaropica et Slavica</i>)</i>	214
Молчанова Е. К. <i>Сакральные термины и изменение их семантики у иранских зороастрийцев</i>	227
Погибенко Т. Г. <i>«Видеть» и «знать» в диахронии кхмерского языка: пути семантической деривации</i>	236
Смирнитская А. А. <i>Каталог семантических переходов в языках мира: данные дравидийских языков</i>	255
Столбова О. В. <i>Семантические изменения в контексте лексической реконструкции (на примере магической лексики в чадских языках)</i>	268
Эдельман Д. И. <i>Динамика соотношения понятий «путь» и «дорога» в этимологии иранских языков (к типологии семантических трансформаций)</i>	276
Приложения	
Аннотации	289
Summaries	296
Сведения об авторах	302

ГРАММАТИКА

©

ORCID 0000-0003-1049-5812

МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

DOI 10.31696/2587-9502-2020-29-5-19

Е. А. Бакланова

Памяти филиппинистов В. А. Макаренко и Л. И. Шкарбан

Аффиксальное заимствование в тагальском именном словообразовании

1. Введение

1.1. Продолжительные контакты тагалога с испанским языком колонизаторов (сер. XVI – нач. XX вв.), обладавшим высоким престижем, привели, даже в отсутствие широкого двуязычия [Lipski et al. 1996], к заметным изменениям в тагалоге как языке-реципиенте. Массовое лексическое заимствование оказало влияние, в частности, на тагальское словообразование. Испанизмы в тагальском языке рассматривались в работах целого ряда лингвистов (например, С. Лопеса, Х. Панганибана, Р. Гуле, Д. Зорка, Д.-Х. Рау, П. Штайнкрюгера, Ж.-П. Поте и др.), однако заметно меньше внимания уделялось морфологическому заимствованию («трансферу», «копированию») из испанского в тагалог (см., например, [Alcántara 1999; Wolff 1973; 2001; Stolz 2012; Baklanova 2004; 2016; см. тж. Рачков 1981, с. 59-60]).

Исследования испанизмов проводятся в мировой лингвистике на материале различных языков. Аффиксальное заимствование из испанского зарегистрировано в, частности, в целом ряде языков американских индейцев и языков Австронезии – (см. например, [Quilis, Casado-Fresnillo 2008; Stolz, Bakker and Palomo 2008; Chamoreau 2012; Muysken 2012; Stolz 2012; Seifart 2015; Hajek, Williams-van Klinken 2019]). Первая общедоступная электронная База данных аффиксального заимствования [Seifart 2020] представляет данные из различных языков мира по 657 заимствованным аффиксам, в т.ч. испанского происхождения, однако информация о морфологических элементах, заимствованных в тагалог, до сих пор не включена в AfBo. Настоящая работа посвящена характеристике и месту заимствованных испанских именных суффиксов в дери-вационном инвентаре тагальских существительных.

1.2 Сведения о тагалоге. Тагалог, или тагальский язык, входит в центральнофилиппинскую подгруппу филиппинских языков, относящихся к западно-малайско-полинезийской ветви австронезийской языковой семьи. Еще до вторжения испанцев на архипелаг (в 1521 г.) тагалы мигрировали на юг острова Лусон, где тагалог стал главным языком Манильского и соседних районов. Испанская колонизация островов в XVI-XIX вв. способствовала распространению тагальского языка в качестве

неродного на большей части Филиппин [Reid and Schachter 2008, p. 833; см. т.ж. Lipski et al. 1996].

На сегодняшний день из ок. 170 автохтонных языков Филиппинского архипелага тагалог является родным почти для четверти населения, ок. 25 млн. человек [Ethnologue 2020; см. т.ж. Фролова 2019]. Его стандартизированный манильский диалект под официальным названием «филипино» (*Filipino*) выполняет роль государственного языка страны [Wolff 2006, p. 472; Reid and Schachter 2008, p. 833]¹; вторым официальным языком Республики Филиппины является английский, что закреплено в Конституции 1987 г. Филипино/тагалогом как неродным языком владеют ок. 45 млн. филиппинцев; английским языком как неродным в разной степени владеют ок. 50 млн. жителей страны [Ethnologue 2020], он является «вторым *lingua franca* после самого филипино» [Reid and Schachter *Ibid.*]. Для современной языковой ситуации в стране характерен массовый англо-филиппинский билингвизм [Thompson 2003; Bautista 2004; Фролова 2019].

Тагалог (далее – ТЯ) – агглютинативный язык с развитой системой глагольного слово- и формообразования. Наиболее распространенные способы деривации в ТЯ – аффиксация и редупликация, а словосложение периферийно. В классе имен доминируют аффиксированные и корневые (безаффиксальные) словоформы [подроб. Макаренко 1970; Рачков 1981; Шкарбан 1995; De Guzman 1996]. При этом число префиксов в ТЯ преобладает над числом суффиксов. Как будет показано далее, заимствование испанских суффиксов внесло изменения в дистрибуцию аффиксов в именном классе ТЯ.

Морфологический инвентарь тагалских глаголов, существительных и прилагательных имеет много общих элементов, в т.ч. аффиксов [Shkarban 2004]. Деление на лексические категории в тагалогe более ориентировано на семантику – морфологию, нежели на синтаксис [De Guzman 1996, p. 320]. По определению Л. И. Шкарбан, словоформа в ТЯ отождествима как именная, или адъективная, если: «1) при наличии аффиксов в ней нет залогового показателя; 2) словоформа вообще не содержит аффиксов» и ударного редупликатора [Шкарбан 1995, с. 50]. Как и в других австронезийских языках, в исконно тагалской морфологии отсутствует категория рода, пол человека обозначается аналитически – с помощью атрибутивной конструкции с существительными *lalaki* ‘мужчина’ или *babae* ‘женщина’: *anak=na lalaki* ‘сын’ (букв. ‘отпрыск-мужчина’), *guro-ng babae* ‘учительница’ (букв. ‘педагог-женщина’). В работе будет также отмечена роль испаноязычных суффиксов в фор-

---

¹ Высказывается также мнение, что филипино является «развитием и продолжением тагалского языка, формирующейся наддиалектной <...> формой, возникшей в условиях сильного полиэтнизма» [Фролова 2019, с. 234].

мировании «маргинальной категории рода» в ТЯ [Stolz 2012; Baklanova 2016].

1.3. Задачи и материал исследования. В работе рассматривается влияние испанских заимствованных суффиксов на модели именной деривации ТЯ. Для определения преимущественного характера заимствования («прямого» или «непрямого») испанских номинативных суффиксов в ТЯ применен метод Ф. Зайфарта [Seifart 2015].

Испанские словообразовательные модели в ТЯ представляют особый интерес, т.к. начиная с XX вв. на тагалог и другие филиппинские языки оказывает сильное влияние английский язык ввиду массового англо-филиппинского билингвизма на Архипелаге [см. напр. Thompson 2003; Bautista 2004]. В связи с этим к исследованию привлечены как (а) синхронные, так и (б) диахронные материалы: (а) Лейпцигский корпус (ЛК) тагальских новостей, блогов и публицистики на ТЯ 2012-2016 гг. (ок. 18 млн. словоформ, из них ок. 472 тыс. уникальных), а также «Новый тагальско-русский словарь» [Рачков 2012], включающие лексику XX-XXI вв. и отражающие, таким образом, влияние английского языка на современный ТЯ; (б) испано-тагальские словари [Lopes, Bensley 1895; Calderón 1915] как лексикографические источники к. XIX – нач. XX вв., т.е. периода до широкого распространения английского языка на Филиппинах.

Отметим, что, поскольку ударение в тагалоге является фонемическим, в работе принят следующий способ отображения ударений и гортанной смычки /ʔ/ в финали словоформ:

báta ‘халат’ (в учебных текстах и словарях не отображается)

batá ‘терпящий’ (обычно отображается как ‘ ’ ’)

báta? ‘ребенок; молодой’ (обычно отображается как ‘ ‘ ‘: *batà*)

batá? ‘прислуживающий’ (обычно отображается как ‘ ^ ‘: *batâ*).

2 Тагало-испанский языковой контакт

2.1. Филиппинский архипелаг находился под властью Испании с 1521-1565 гг. по 1896-1898 гг., когда в результате освободительной революции и вмешательства войск США испанское правление сменилось американским [см. напр.: Левтонова 1979]. В силу целого ряда факторов [Lipski et al. 1996, p. 272], в т.ч. особенностей языковой политики [Фролова 2019, с. 47-51], испанский язык так и не стал ни языком значительной части населения, ни *lingua franca* в регионе, он обслуживал в основном колониальную администрацию и узкую прослойку местной элиты. Согласно данным переписи населения 1870 г., лишь около 2,46 % жителей Филиппин говорили по-испански [Lipski et al. 1996, *Ibid*]. Хотя с нач. XIX в. число испано-филиппинских, в первую очередь испано-тагальских, билингвов заметно увеличилось, де-факто испанский ос-

тался языком филиппинской социальной верхушки до конца периода испанского колониализма, а также и в нач. XX в., в первые десятилетия правления американцев [Thompson 2003, p. 17]. Тем не менее, испанский как коммуникативный код элиты обладал высоким престижем на Архипелаге и за 300 с лишним лет оказал значительное влияние на культуру и языки Филиппин. В результате тагало-испанского контакта произошли изменения в различных ярусах тагало, включая морфологию. Интенсивность контакта оценивается по меньшей мере как степень 3 по шкале Томасон и Кауфмана [Thomason, Kaufman 1988, p. 77-78] – «более интенсивный»: наличие билингов и социальных факторов, способствующих заимствованию; усвоение значительного объема испанской лексики, в т.ч. базового словаря; заимствование словообразовательных морфем (-ero/a, -ito/a, -ado/a, de- и др.); расширение фонемного инвентаря ТЯ, изменения в фонотактике, и др. [подроб.: Vaklanova 2017].

2.2. Вытесненный из региона контактный язык может сохранять свое влияние в реципиенте как источник топонимов и антропонимов; как инструмент образования терминов в вытеснившем его языке; как язык меньшинств – все это справедливо в отношении испанского языка на Филиппинах [McFarland 1980, p. 15]. По меткому замечанию Р. Томпсона, «испанский исчезает с Филиппин как живой язык, оставляя в повседневной речи лишь испанский слой, который не воспринимается большинством как испанский» [Thompson 2003, p. 66, *перевод мой – Е.Б.*].

Вытеснив с Архипелага испанцев, уже с 1900-х гг. США проводили успешную политику по внедрению английского языка во все основные сферы жизни филиппинцев. Однако испанский язык сохранялся в судебной и некоторых официальных сферах вплоть до Второй Мировой войны [Thompson 2003, p. 63]. К 2016 г. 50 млн. чел. из ок. 105 млн. населения Филиппин владели английским как неродным языком; число филиппинцев, знающих испанский, снизилось до полумиллиона [Ethnologue 2020]. По подсчетам различных исследователей, объем испанизмов в современном ТЯ составляет от 20 % до 30 % лексики, в то время как число английских заимствований оценивается как 6 – 8 %. Так, Д.-Х. Рау на выборке из 1074 лексем по тагальскому словарю Л. Инглиша (1987) выявил 32 % испанизмов и 8,6 % англицизмов в тагалоге [Rau 1992, p.101]. Анализ большего объема данных – корпуса публицистических и художественных текстов за 2005-2015 гг. из 37500 лексем (135000 токенов) – показал следующее соотношение испанских и английских заимствований разных типов в тагалоге (филипино) нач. XXI в.: 20,2 % – ассимилированные испанизмы (0,2% с сохранением орфографии донора); 6 % неассимилированные англицизмы (варваризмы, или *nonce borrowings*, из них 0,2% – английские варваризмы в тагальской деривационной рамке) и только 1,5 % – ассимилированные англицизмы [Vaklanova 2017, p. 333-334, 353].

Отмечено, что, вследствие влияния контактного испанского слоя на тагало, одной из моделей ассимиляции англицизмов стала их «испанизация»: фонетико-морфологический состав заимствования подвергается носителями ТЯ уподоблению испаноязычной лексике [Wolff 2001; Baklanova 2004]. Основными способами изменения англицизмов по аналогии с испанизмами являются: а) подстановка суффиксов, входящих в состав испанизмов, вместо соответствующих или сходных с ними английских морфем (примеры (1), (2), (3)), или б) добавление испаноязычной финали *-o* (реже *-a*, обычно для маркирования словоформы женским родом) к англицизмам с именной и адъективной семантикой, как в (4), (5), (6):

- (1) англ. *trumpet-er* > таг. *trumpet-éro* ‘трубач’ (ср. исп. *trompetista*)
- (2) англ. *casual-ty* > таг. *kaswali-dád* ‘несчастный случай; жертва’ (ср. исп. *accidente; victima*)
- (3) англ. *plann-ed* > таг. *plan-ádo* ‘запланированный’ (ср. исп. *planificado*);
- (4) англ. *host* > таг. *host-o* ‘хозяин; ведущий’ (ср. исп. *anfitrión; presentador*)
- (5) англ. *fabulous* > таг. *pabulós-o/-a* ‘восхитительный/-ая’
- (6) англ. *defective* > таг. *depektib-o* ‘дефектный; плохой, неудовлетворительный’ (ср. таг. *depektóso* ‘дефектный, испорченный’ от исп. *defectuoso* ‘дефектный, ошибочный’).

Наличие маркированных по роду именных пар испанизмов в ТЯ обусловило осмысление гендерной семантики экспонентов *-o/-a* в их составе. Трансфер испанских суффиксов с экспонентами *-o/-a* в ТЯ способствовал развитию в современном тагалоге маргинальной категории рода [Stolz 2012, p. 100-101]. В ее рамках согласование в ТЯ может устанавливаться только между именами лиц как контролером и лексемами с испаноязычными маркерами рода как мишенью [Baklanova 2016, p. 31-32], к последним относятся испанизмы (7), тагальские гибридные неологизмы с испанскими суффиксами (8), испанизированные англицизмы (9):

- (7) *Isa na siya ngayong mistery-ósa=ng babae* (Balita, 12-05-2018)
‘Теперь уже она некая загадочная=FEM женщина’

и

- Anne binasag ang pagiging mistery-óso ni Dennis* (PhilStar, 09-10-2016)
‘Анн разрушила загадочность=MASC Дэнниса’;
- (8) *Nawala ang pagiging komikero at daldal-éro ng Concert King sa stage* (PhilStar, 20-01-2015)
‘Перестал быть комиком и болтуном-MASC Концертный Король на сцене’

и

Daldal-éra kasi, female personality kinatatakutan ng mga basketball player (PhilStar, 04-05-2016)

‘Поскольку болтушка=FEM, этой особы женского пола опасаются баскетболисты’;

(9) ... *masilip namin kung pabulos-o rin ito* (PhilStar, 02-01-13)

‘... мы посмотрим, восхитителен=MASC ли и этот [актер] тоже’

и

... *babaeng tinaguriang pabulos-a* (PhilStar, 10-09-13)

‘женщина, считающаяся восхитительной=FEM’.

Таким образом, в современном тагалоге сохраняется влияние испанского контактного слоя, что отражается в: i) наличии тагальского словообразования с испанскими аффиксами; ii) явлении «испанизации» как изменения заимствуемых англицизмов по аналогии с испанизмами; iii) развитии «маргинальной категории рода» на базе испанизмов, испанизированных англицизмов и тагальских дериватов с испанскими суффиксами, маркированными по роду. Все три явления основаны на заимствовании испанских аффиксов в ТЯ.

3. Испанские суффиксы в тагальском именном словообразовании

3.1. В литературе имеются подтвержденные примеры деривации тагальских или ранее заимствованных иноязычных основ с такими испанскими морфологическими элементами, как: а) в качестве именных: агентивные суффиксы *-ero/a*, *-ista*; диминутивные *-ilyo* [< исп. *-illo*], *-ito/a*; и б) в качестве адъективных: суффикс *-ado/a*, а также притяжательный предлог *de*, заимствованный в качестве «квази-префикса» *de-so* значением «обладающий свойством/предметом» [напр. Рачков 1981, с. 59; Wolff 1973, 2001; Alcántara 1999; Baklanova 2017]. В рамках нашей работы с корпусным и лексикографическим материалом (см. п. 1.3.) предпринят анализ суффиксальных дериватов группы (а), которые относятся к существительным в тагалоге.

К основным моделям тагальского именного словообразования относится префиксация, конфиксация и другие аффиксальные комплексы, редупликация, конверсия, в то время как доля суффиксации незначительна [см. напр. Рачков 1981]. В исконно тагальской морфологии в образовании существительных участвуют аффиксы и аффиксальные комплексы «общего глагольно-именного инвентаря» и несколько именных деривационных аффиксов, представленных только префиксами [Шкарбан 1995, с. 38-42].

В области именной деривации выделяют три группы явлений: образование абстрактных имен действий и свойств; образование имен лиц и вещей; образование особой группы существительных при помощи именных префиксов *ka-* и *pa-* [там же, с. 153-154]. Производные существительные в основном образуются от именных (номинативных) и глагольных основ, число отадективных существительных весьма ограничено, учитывая, что большое число адективов являются дериватами от номинативных основ [De Guzman 1996, p. 313]. Рассмотрим исконные способы образования имен лиц и диминутивных имен в ТЯ и место, которое заняли в именной деривации испаноязычные суффиксальные модели.

3.2. Образование имен со значением лица в современном тагалоге.

3.2.1. Тагальские модели образования имен лиц [подроб.: Рачков 1981, с. 48-63; De Guzman 1996, p. 309-313] можно кратко представить в виде таблицы:

Таблица 1. Образование имен со значением лица в тагалоге²

Значение	Способ словообразования	Модель словообразования
Лицо – субъект регулярного или профессионального действия	префиксация	<i>taga-</i> + основа V <i>taga-sunód</i> ‘последователь’ <i>taga-showbiz</i> ‘деятель шоубизнеса’ (< англ.) <i>taga-pagsalitá?</i> ‘спикер’
	конверсия	<i>maŋ- +r</i> , <i>mag- +r</i> (реже) (основа V активного залога, ирреалис буд. вр. длит. вида) <i>man-lalaró?</i> ‘игрок’ <i>mag-nanákaw</i> ‘вор’
Лицо-уроженец или житель места	префиксация	<i>taga-</i> + основа N <i>taga-báyan</i> ‘горожанин’ <i>taga-Estádos Unidos</i> ‘лицо из США’ (< исп.)
Лицо со значением социатива	префиксация	<i>ka-</i> + основа N/V <i>ka-líhim</i> ‘секретарь, доверенное лицо’

² N – именная основа, V – глагольная, r – основа с частичной (односложной) редупликацией, R – основа с полной (или двусложной) редупликацией.

		<i>ka-mag-ának</i> ‘родственник (член семьи)’ <i>ka-laró?</i> ‘партнер по игре’
Два лица, образующие пару как члены опред. отношений	префиксация	<i>mag-</i> + основа N <i>mag-lolo</i> ‘дед с внуком’ (< исп. <i>abuelo</i> ‘дедушка’) <i>mag-katípan</i> ‘двое влюбленных’
Лицо – субъект подобия (малопродуктивн.)	суффиксация	основа N + <i>-(h)in</i> <i>iná-hin</i> ‘самка, мать животного’
Лицо со значением ‘ненастоящий; притворный’ (см. 3.3.)	полная редупликация +суффиксация	R+основа N+ <i>-an</i> <i>daga-dagá?-an</i> ‘игрок-мышь (в игре в кошки-мышки)’

3.2.2. Как видно из таблицы 1, суффиксация как способ образования имен лиц в исконно тагальской деривации малопродуктивна, здесь преобладает префиксация. Заимствование в ТЯ испанских агентивных суффиксов *-ero/a* и *-ista* расширяет суффиксальный инвентарь тагальского словообразования со значением ‘субъект регулярного или профессионального действия’. Наш подсчет по словарю [Рачков 2012] показал следующее соотношение испанизмов и тагальских гибридных неологизмов с данными суффиксами:

– дериваты с *-ero/a* – 155 испанизмов к 48 гибридным неологизмам (из них 20 от тагальских основ);

– дериваты с *-ista* – ок. 200 испанизмов и, в большей степени, испанизированных англицизмов к 18 гибридным неологизмам (из них 3 от тагальских основ).

Агентивные суффиксы *-ero/-era*, *-ista* в ТЯ образуют существительные со значением профессии (10), типичного поведения (11), склонности (12) с усечением финального гласного основы или гласного + смычки /?/:

- (10) *balíta?* ‘новость’ – *balit(a?)-éro* ‘репортер’
moro-móro ‘театральная постановка *moro-moro*’ (< исп. *Moro* ‘мавр’) – *moro-mor(o)-ísta* ‘артист/ драматург театра *moro-moro*’;
- (11) *bulakból* ‘черный шар (при баллотировке); прогулявший’ (< англ. *black ball*) – *bulakbol-éro/a* ‘прогульщик, бродяга, *м/ж*’
wélgá ‘забастовка’ – *welg(a)-ísta* ‘участник забастовки’;
- (12) *langís* ‘растительное масло; лезть’ – *langis-éro/a* ‘лестец/лестница’
dehádo ‘последний (в списке претендентов на победу)’ (< исп.

dejado ‘отстающий’) – *dehad-ísta* ‘(обычно) делающий ставки на аутсайдера’.

Из заимствованных испанских суффиксов наиболее продуктивен в тагалог суффикс *-ero*. Суффиксальное образование на *-ero* в ряде случаев варьирует с исконными префиксальными моделями на *mang-*, *taga(pag)-* (см. Таблицу 1), например:

- (13) *mam-bubutáng / butang-éro* ‘бандит’;
 (14) *taga-pag-balíta? / balít-éro* ‘репортер’.

3.2.3. Согласно Ф. Зайфарту, есть три основных критерия, позволяющих определить, что заимствование аффикса языком-реципиентом являлось исключительно или преимущественно «непрямым», т.е. трансфер аффикса произошел не непосредственно из языка-донора, а через усвоенные из него лексические заимствования: 1) число заимствованных дериватов («комплексных заимствований») больше, чем число гибридных неологизмов с этим аффиксом в реципиенте; 2) в реципиенте имеются пары заимствований с и без данного аффикса; 3) частотность заимствованных дериватов ниже, чем у соответствующих непроемных инолексем [Seifart 2015, p. 514].

Учитывая значительное количество пар «производный – непроемный испанизм» с испанскими именными суффиксами в ТЯ, «непроемное» аффиксальное заимствование представляется преимущественным способом трансфера испанских суффиксов. Данное предположение было проверено на материале дериватов с *-ero/a* и соответствующих им непроемных испанизмов по корпусу ЛК и словарю [Рачков 2012]. Анализ подсчета по методу Зайфарта показал следующее соотношение:

Таблица 2. Дистрибуция суффикса *-ero* в тагалог по образцу [Seifart 2015, p. 524]

КРИТЕРИЙ	Примерное соотношение
заимствованные дериваты к тагалским гибридам	3:1
заимствованные дериваты к соотв. непроемным заимствованиям	1:1
заимствованные дериваты, малоупотребительные по сравнению с соотв. непроемными заимствованиями	1:2

Как видно из таблицы 2, критерии 1 и 2 полностью соблюдены, критерий 3 выполняется частично, что в целом указывает на преимущественно непроемный характер заимствования суффикса *-ero* в тагалог. Поскольку *-ero* является наиболее продуктивным из испанских именных суффиксов в ТЯ (что характерно и для ряда других языков-реципиентов,

см. [Muysken 2012; Stolz 2012; Seifart 2015]), можно предположить, что дистрибуция остальных заимствованных суффиксов еще более соответствует критериям непрямого аффиксального заимствования. Однако этот вопрос требует дальнейшего исследования с привлечением диахронного языкового материала.

3.3. Образование имен с диминутивным значением в современном тагалоге. Диминутивы в основном, дескриптивном значении ‘маленький (предмет, лицо); ребенок’ представляются малопродуктивными в аффиксальном инвентаре современного ТЯ. Морфологически значение уменьшительности может быть передано путем полной редупликации («двусложного редупликатора», по [Шкарбан 1995, с. 38]) номинативной основы с присоединением суффикса *-an*. Однако данная диминутивная конструкция в большинстве случаев образует: а) от основ с предметной семантикой – существительные со значением ‘ненастоящий, игрушечный’ (15), реже с пейоративным оттенком (16); б) от имен лица – существительные в субъективно-метафорическом значении, близком к пейоративному ‘ненастоящий, притворный’. По модели «R + основа N + *-an*» образуются имена или лица (17):

(15) *lángit* ‘небо’ – *langít-langít-an* ‘полог; тент (букв. искусственное небо)’;

(16) *salitá?* ‘слово, речь’ – *sali-salitá?-an* ‘слухи, молва’;

(17) *táo* ‘человек’ – *tau-taú-h-an* ‘марионетка’
sánto ‘святой’ (< исп. *santo*) – *santu-santú-h-an* ‘*пренебр.* святоша’.

Из двух приводимых в [Рачков 1981, с. 58] примеров диминутивных словоформ со значением ‘маленький предмет’ (*silid-silir-an* ‘комнатка’, *ilog-ilúg-an* ‘речушка’) в Лейпцигском корпусе (ЛК) и словарях обнаружена только лексема *ilug-ilúgan*. Отметим также, что словоформа *dala-daláhan* (от таг. *dalá* ‘несомое’) в проанализированном нами корпусном материале (ЛК) не обладает диминутивной семантикой и употребляется в общем значении ‘несомые вещи; возимое имущество, багаж’, например:

(18) *Ang abasto o bagahe <...> ay tumutukoy sa mga dala-dalahan ng isang taong naglalakbay* (ЛК)

‘Поклажа или багаж означают **возимое имущество** путешественника’.

В отличие от ряда других языков-реципиентов испанского аффиксального заимствования, в которых трансферу способствовала близость типологических и семантических характеристик аффикса донора соответствующему аффиксу реципиента [см. напр. Chamogean 2012, p. 85-86], диминутивная конструкция в ТЯ обладает лишь некоторой функциональной конгруэнтностью в отношении испанской аффиксальной мо-

дели. Представляется, что триггером копирования испанских суффиксальных моделей в ТЯ могла также стать вышеуказанная семантическая неполнота исконной диминутивной конструкции.

Испанские диминутивы *-ito/a* и *-ilyo/a* (< исп. *-illo/a*) содержатся в целом ряде испанизмов в ТЯ и в большинстве случаев выражают базовое значение ‘маленький (предмет, лицо); ребенок’.

Так, на материале ЛК и словаря [Рачков 2012] нами выявлено 45 диминутивных испанизмов с суффиксом *-ito/a*, все они заимствованы в тагалог как существительные. Из них 44 обладают базовой диминутивной семантикой (например, в (19)), и только 1 – пейоративной (20):

- (19) исп. *esquin(a)-ita* ‘уголок’ > таг. *eskinita* ‘проулок; проход между домами’
исп. *pal(o)-ito* ‘палочка’ > таг. *palíto* ‘зубочистка, спичка; палочка’
исп. *chiqu-ito/a* ‘маленький’ > таг. *tsikito/a* ‘китайчонок, м/ж’;

- (20) исп. *niño bonito* ‘красивый ребенок, м’ > таг. *nínuyi bonítu* ‘пренебр. красавчик, смазливый’.

В тагалог диминутив *-ito/a* обладает слабой продуктивностью. По корпусу ЛК и словарю [Рачков 2012] выявлены 7 тагалогских дериватов с *-ito* в значении ‘уменьшительность по размеру/возрасту’ (21) и 2 диминутива с пейоративной коннотацией (22). Все они образованы от тагалогских или ранее заимствованных именных основ со значением предмета/лица:

- (21) *bangkó?* ‘скамья’ – *bangk(ó?)-ito* ‘скамеечка; низкий табурет’
prinsésa (< исп. *princesa*) ‘принцесса’ – *prinses(a)-íta* ‘юная принцесса’;

- (22) *bágo* ‘новый’ – *bag(o)-íto* ‘новичок; неопытный’
sánto (< исп. *santo*) ‘сущ. святой’ – *santo-sant(o)-íto* ‘перен., иронич. ангел, святой’ (конструкция аналогична исконной модели со значением «ненастоящий», ср. (17)).

Диминутивный суффикс *-ilyo/a* выявлен в 54 испанизмах по словарю [Рачков 2012] в значении ‘уменьшительность по размеру’ от имен предметов/объектов (23), дериваты от имен лиц со значением ‘уменьшительность по возрасту’ не обнаружены:

- (23) исп. *bols(a)-illo* ‘карман; сумочка’ > таг. *bulsilyo* ‘маленький карман; маленький кошелек’

исп. *curs(o)-illo* ‘короткий курс’ > таг. *kursilyo* ‘подготовительный курс в семинарии’.

Суффикс *-ilyo* в ТЯ демонстрирует самую слабую продуктивность из всех испаноязычных суффиксов именной деривации. На синхронном материале обнаружено только 2 тагалогских деривата в значе-

нии «уменьшительность по размеру/возрасту» (24) и 3 деривата от усвоенных тагалогом испанских основ, два из которых обладают пейоративной коннотацией (25):

(24) *bangkól?* ‘скамья’ – *bangk(ól?)-ilyo* ‘скамеечка для ног’
bináta? ‘юноша’ – *binat(a?)-ilyo* ‘мальчик-подросток’;

(25) *bigóte* (< исп. *bigote*) ‘усы’ > *bigot(e)-ilyo* ‘маленькие усики; человек с усиками’
mediko ‘медик, врач’ (< исп. *médico*) – *medik(o)-ilyo* ‘шарлатан’.

4. Основные выводы

4.1. Заимствование испаноязычных морфем заметно увеличило удельный вес суффиксации в инвентаре именной деривации современного тагалого (филипино): наряду с 5 несуффиксальными и 2 слабопродуктивными суффиксальными моделями исконного именного словообразования различную по степени продуктивности приобрели 4 модели суффиксальной деривации с испанскими суффиксами:

а. образование имени лица со значением ‘субъект регулярного или профессионального действия; склонности’ с суффиксами *-ero/a*, *-ista*;

б. образование имени лица, или предмета со значением ‘уменьшительность по размеру/возрасту’ (и в ряде случаев с пейоративным оттенком) с диминутивами *-ito/a*, *-ilyo/a* (исп. *-illo/a*).

При этом модели (а) расширили словообразовательную парадигму агентивных имен, создав предпосылки для свободного варьирования с исконной префиксальной моделью «*taga-* + основа V» и конверсионной «*maŋ-* +г». Испанские модели (б) дополнили инвентарь исконной диминутивной деривации ТЯ (модель «R+основа N+ *-an*») конструкциями с базовыми значениями ‘маленький (предмет, лицо); маленький по возрасту’.

4.2. Метод Зайфарта [Seifart 2015] может быть успешно применен для определения преимущественного характера аффиксального заимствования в ТЯ. Анализ дериватов с *-ero/a* по критериям Зайфарта показал, что трансфер данного испанского суффикса в тагалог происходил опосредованно, через заимствованные испанские дериваты и при условии наличия в реципиенте пар однокоренных не-/производных испанизмов. По нашей предварительной оценке, суффиксы *-ista*, *-ito*, *-illo* также могли быть усвоены ТЯ преимущественно через непрямо заимствование.

4.3. Испанские заимствованные суффиксы в ТЯ стали эффективным инструментом «испанизации» англицизмов как способа их фонетической ассимиляции в реципиенте. Это, с одной стороны, способствует активному усвоению новой английской лексики, а с другой, приводит

к возникновению в ТЯ значительного числа испано-английских частичных и ложных когнатов.

4.4. Частичная продуктивность суффиксов *-ero/a*, *-ito/a*, *-ilyo/a*, маркированных по роду, способствует дальнейшему развитию и расширению лексической базы маргинальной категории рода в тагалоге.

Литература и источники

1. Левтонова Ю. О. *История Филиппин. Краткий очерк*. М.: Наука, 1979.
2. Макаренко В. А. *Тагальское словообразование*. М.: МГУ, Ин-т восточных языков, 1970.
3. Рачков Г. Е. *Введение в морфологию современного тагальского языка*. Л.: ЛГУ, 1981.
4. Рачков Г.Е. *Новый тагальско-русский словарь*. Том 1,2. СПб: СПбГУ, 2012.
5. Фролова Е. Г. *Языковые изменения на Филиппинах в контексте языковой ситуации*. М.: Ключ-С, 2019.
6. Шкарбан Л. И. *Грамматический строй тагальского языка*. М.: Восточная литература, 1995.
7. Alcántara y Antonio T. *Mga Hispanismo sa Filipino (Batay sa Komunika-syong Pangmadla ng Filipinas: Pag-aaral Lingguwistiko)*. Quezon City: UP Diliman, 1999.
8. Baklanova, Ekaterina. Interference in Tagalog as a Result of Borrowing // *Pilipinas. A Journal of Philippine Studies*, No. 42 (March), 2004. Canberra. P. 95–116.
9. Baklanova, Ekaterina. On marginal gender in Tagalog: A case study // *Материалы XII Международной научной конференции Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки LESEWA (Москва, 16-17 ноября 2016 года)*. М.: Языки Народов Мира, 2016. С. 25–33.
10. Baklanova E. On contact-induced changes in modern Tagalog: A case study // *Межцивилизационные контакты в странах Юго-Восточной Азии: исторические перспективы и глобализация. Сборник статей*. СПб: Нестор-История, 2017. С. 329–359.
11. Bautista Ma. L. Tagalog-English code-switching as a mode of discourse // *Asia Pacific Education Review*, Vol. 5, Issue 2, 2004. Seoul. P. 226–233.
12. Calderón, Sofronio G. *Diccionario Ingles-Español-Tagalog (Con partes de la oracion y pronunciacion figurada)*. Primera edición. Manila: Libreria y papeleria de J.Martinez, 1915.

13. Chamoreau, Claudine. Spanish diminutive markers -ito/-ita in Mesoamerican languages: a challenge for acceptance of gender distinction // Vanhove, Martine and Stolz, Thomas and Urdze, Aina and Otsuka, Hitomi (eds.), *Morphologies in Contact*. Berlin: Akademie Verlag, 2012. P. 71–89.
14. De Guzman, Videia P. Lexical categories in Tagalog // Mark Alves, ed. *Pan-Asiatic Linguistics: Proceedings of the Fourth International Symposium on Languages and Linguistics*, Vol. 1. Mahidol University, 1996. P. 307–396.
15. Hajek, John and Catharina Williams-van Klinken. Language Contact and Gender in Tetun Dili: What Happens When Austronesian Meets Romance? // *Oceanic Linguistics*, Vol. 58, no. 1, June 2019. Univ. of Hawaii Press. P. 59-91.
16. Lipski, John and Peter Mühlhäusler, F. Duthin. Spanish in the Pacific // Wurm, S. and P. Mühlhäusler, D. Tryon, (eds.). *Atlas of languages of intercultural communication in the Pacific, Asia, and the Americas*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 271-298.
17. Lopes, José M., Bensley, Edward R. *Nuevo diccionario inglés-español y español-inglés*. Paris: Garnier, 1895.
18. McFarland, Curtis. *A linguistic atlas of the Philippines*. Tokyo, 1980.
19. Muysken, Peter. Spanish affixes in the Quechua languages: A multidimensional perspective // *Lingua* Vol. 122, 2012. P. 481–493.
20. Quilis, Antonio and Celia Casado-Fresnillo. *La lengua española en Filipinas: Historia, situación actual, el chabacano, antología de textos*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2008.
21. Rau, Der-Hwa V. Language contact in the Philippines // *Philippine Journal of Linguistics*, Vol. 23, no. 1, 2, June & December 1992. Manila. P. 91-109.
22. Reid, Lawrence and Paul Schachter. Tagalog // *The World's Major Languages* (2nd edition), edited by Bernard Comrie. London: Routledge, 2008. P. 833-855.
23. Seifart, Frank. Direct and indirect affix borrowing // *Language* Vol. 91, No. 3. 2015. P. 512-534.
24. Seifart, Frank. *AfBo: A world-wide survey of affix borrowing*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2020 // [сайт] URL: <https://afbo.info/> (дата обращения 03.05.2020).
25. Shkarban, Lina. On Tagalog morphology in the context of parts-of-speech typology // *Malay and Indonesian Studies*, ed. by Natalia Aliieva, Issue XVI (collection of articles in memory of B.B. Parnickel). Moscow, 2004. P. 314-324.

26. Stolz, T., Bakker, D., and Salas Palomo, R. (eds.). *Hispanisation. The Impact of Spanish on the Lexicon and Grammar of the Indigenous Languages of Austronesia and the Americas*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2008.
27. Stolz, Thomas. Survival in a niche. On gender-copy in Chamorro (and sundry languages) // Vanhove, M., Stolz, T., Urdze, A. (eds.). *Morphologies in Contact*. Studia Typologica Series (Book 10). Berlin, Boston: Akademie Verlag, 2012. P. 93–140.
28. Thomason, S.G. and T. Kaufman. *Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics*. University of California Press, 1988.
29. Thompson, Roger. *Filipino English and Taglish: language switching from multiple perspectives*. Amsterdam, 2003.
30. Wolff, John. The character of borrowings from Spanish and English in the languages of the Philippines // *Journal of Philippine Linguistics*, no. 4(1), 1973. Manila. P. 72–81.
31. Wolff J. The influence of Spanish on Tagalog // K.Zimmerman and T.Stolz (eds.). *Lo propio y lo ajeno en las lenguas austronésicas y amerindias. Procesos interculturales en el contacto de lenguas indígenas con el español en el Pacífico e Hispanoamérica*. Frankfurt am Main: Vervuert, 2001. P. 233–252.
32. Wolff, J.U. Tagalog // Keith Brown (ed.) *The Encyclopedia of Language and Linguistics*, 2nd edition. Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 472–475.
33. ЛК – Leipzig Corpora Collection (2017). *Tagalog community corpus based on material from 2017. Leipzig Corpora Collection. Dataset* // [сайт] URL: https://corpora.uni-leipzig.de?corpusId=tgl_community_2017 (дата обращения март-июнь 2020).
34. Balita – [электронная газета] *Balita* // [сайт] URL: <http://balita.net.ph/> (дата обращения 20.12.2018)
35. Ethnologue 2020 – Eberhard, David M., Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). *Ethnologue: Languages of the World. Twenty-third edition*. Dallas, Texas: SIL International, 2020 // [сайт] URL: <http://www.ethnologue.com> <http://www.ethnologue.com> (дата обращения 16.06.2020).
36. PhilStar – [электронная газета] *Pilipino Star Ngayon* // [сайт] URL: <https://www.philstar.com/pilipino-star-ngayon> (дата обращения 20.12.2018).

Развитие процесса аббревиации в арабском языке: от Корана до средневековых рукописей

1. Аббревиатуры в тексте Корана

Аббревиация в качестве высокопродуктивного способа словообразования зародилась в арабском языке в глубокой древности. Буквенные сокращения впервые появились здесь еще в VII в. в первом письменном памятнике арабского языка – Коране. В начале 29 из 114 сур Священного Писания, представляющего собой ниспосланное откровение Аллаха, размещены различные аббревиатуры, в которых, как считают арабы, зашифрован скрытый смысл, известный только Пророку и его последователям. В арабской традиции они получили название *muqatta'āt* «разорванные» или *fawātih* «открывающие». Несмотря на слитное написание таких аббревиатур, каждая из составляющих их букв произносилась отдельно. Более того, четыре главы Корана даже были названы в честь этих иносказательных буквенных обозначений: суры «Та Ха», «Йа Син», «Сад» и «Каф».

Начиная с времени составления Корана «мукатта'ат» стали предметом обширных исследований и жарких обсуждений мусульманских богословов и корановедов. Изучению этой темы были посвящены бесчисленные работы арабских теологов, которые публиковались ими на протяжении многих веков. Эти сочинения были направлены на раскрытие возможных значений, зашифрованных в подобных загадочных сокращениях. В настоящее время отсутствуют надежные свидетельства, указывающие на использование пророком Мухаммедом таких выражений в своей обыденной речи или описывающие конкретные случаи, когда он прояснял особенности их употребления в Коране. Более того, никто из его сподвижников никогда не интересовался их истинным значением, что может служить доказательством того, что такие аббревиатуры были хорошо известны арабам того времени и являлись общепринятыми задолго до наступления ислама.

Существуют различные гипотезы о значении этих таинственных сокращений. Среди арабских ученых бытует мнение, что они обозначают имена и атрибуты Аллаха. Так, наиболее подробное объяснение их происхождения было представлено знаменитым шиитским ученым и пе-

редатчиком хадисов¹ Абу Джафаром Мухаммадом ибн Али ибн Бабавай-хом аль-Кумми, более известным как шейх ас-Саду² (923-991), в его книге «Ма‘ани аль-Ахбар» («Значения преданий»).

Перечислим более подробно эти аббревиатуры с комментарием шейха ас-Садука (см. более подробно [Bābawīh 1979, p. 22-23]):

الم – предваряет суры «Аль-Бакара», «Аль-Имран», «Аль-Анкабут», «Ар-Рум», «Лукман» и «Ас-Саджда». Как пишет в этой связи шейх ас-Садук, в суре «Аль-Бакара» это буквенное сокращение имеет значение *'anā 'allahu l-malik* «Я – Аллах, властитель», а в суре «Аль-Имран» – *'anā 'allahu l-mağīd* «Я – Аллах, славный».

المص – предваряет суру «Аль-Араф». Согласно шейху ас-Садуку, данную аббревиатуру следует толковать как *'anā 'allahu l-muqtadiri s-ṣādiq* «я – Аллах, могущественный и правдивый».

الر – предваряет суры «Юнус», «Худ», «Юсуф», «Ибрахим» и «Аль-Хиджр». По мнению шейха ас-Садука, в этих арабских буквах заключен следующий смысл: *'anā 'allahu r-ra'ūf* «я – Аллах, милосердный».

الر – предваряет суру «Ар-Раад». Как указывает шейх ас-Садук, это сокращение обозначает фразу *'anā 'allahu l-muhyī l-mumītu r-rāziq* «я – Аллах, оживляющий, умерщвляющий и питающий».

كهيعص – предваряет суру «Марьям». Шейх ас-Садук в данном случае предлагает следующую трактовку: *'anā l-kāfi l-hādi l-waliyyu l-‘ālimu s-ṣādiqu l-wa’d* «я – достаточный, направляющий, опекающий, знающий, правдивый в обещаниях».

طه – предваряет суру «Та Ха». По утверждению шейха ас-Садука, буквы «та, ха» являются одним из имен пророка Мухаммеда и означают выражение *yā ṭālibu l-ḥaqqi l-hādi 'ilayhi* «о, искатель истины, ведущий к ней».

طسم – предваряет суры «Аш-Шуара» и «Аль-Касас». Шейх ас-Садук видит в этих буквах следующий скрытый смысл: *'anā ṭ-ṭālibu s-sāmi' u l-mubdi' u l-mu'īd* «я – ищущий, слышащий, начинающий и возвращающий».

طس – предваряет суру «Ан-Намль». По предположению шейха ас-Садука, это сокращение заменяет словосочетание *'anā ṭ-ṭālibu s-sāmi' u* «я – ищущий и слышащий».

يس – предваряет суру «Йа Син». Как отмечает шейх ас-Садук, буквы «йа, син» являются одним из имен пророка Мухаммеда и означают выражение *yā 'ayyuhā s-sāmi' li-l-wahy* «о, внимающий откровению».

ص – предваряет суру «Сад». Шейх ас-Садук пишет о назначении этой буквы весьма смутно, называя ее «источником, вытекающим из-под

¹ Предание о словах и действиях пророка Мухаммеда.

² От араб. الشيخ الصدوق «правдивый ученый».

трона, водой из которого совершил пророк Мухаммед омовение во время вознесения» [Bābawīh 1979, p. 22].

ح – предвеляет суры «Гафир», «Фуссылят», «Аз-Зухруф», «Ал-Духан», «Аль-Джасия» и «Аль-Ахкаф». Шейх ас-Садуk считает, что данная аббревиатура передает значение *al-ḥamīdu l-maḡīd* «хвалимый и славный».

ح عسق – предвеляет суру «Аш-Шура». По замыслу шейха ас-Садука, это буквенное сокращение следует интерпретировать как *al-ḥalīmu l-muṣību l-‘ālimu s-sāmi‘u l-qādiru l-qawīyu* «терпеливый, вознаграждающий, знающий, слушающий, могучий и сильный».

ق – предвеляет суру «Каф». Шейх ас-Садуk называет букву «каф» «горой, окружающей землю, из-за которой небо позеленело, с помощью нее Аллах удерживает землю от колебаний вместе с её обитателями» [Bābawīh 1979, pp. 22-23].

ن – предвеляет суру «Аль-Калям». По мнению шейха ас-Садука, это название реки в Раю.

Приведенное выше толкование, изображающее «мукатта‘ат» как ряд акрофонических знаковых обозначений, в рамках которых каждая буква отождествлялась с определенным именем или эпитетом Аллаха, представляется весьма правдоподобным. Такой подход разделялся большинством раннемусульманских ученых, которые приступили к всестороннему изучению Корана начиная с VIII в. Кроме того, в пользу этой точки зрения высказывались и ближайшие соратники пророка Мухаммеда – Ибн Аббас и Ибн Масуд, как пишет арабский грамматик из Андалусии Абу Хайян аль-Гарнати (1256-1344) в своей книге «аль-Бахр аль-мухит» [al-Ġarnāṭī 1992, v. 1, p. 58].

Тем не менее данные взгляды не всегда находили поддержку у других толкователей Корана или совпадали с их трактовкой сакрального смысла этих букв ввиду того, что набор их возможных комбинаций был воистину бесконечен, а атрибуты для их обозначения нередко подбирались в произвольном порядке. Так, прославленный арабский корановед, историк и философ Ибн Кутайба (828-889) расшифровывал «мукатта‘ат» несколько по-иному, понимая, например, под аббревиатурой كهيص выражение *kāfīn hādīn ḥakīm ‘ālim ṣādiq* «достаточный, направляющий, мудрый, знающий, правдивый» [Naḍar 2008, p. 181], выдающийся исламский историк и богослов аль-Байдави (ум. в 1286 г.) разъяснял семантику сокращения ق как *qiyāmah* «воскресение», а Абу Хайян допускал наличие нескольких значений у буквы «сад» в аббревиатуре المص: от *ṣādiq* «правдивый» и *‘aṣal* «самый решительный» до *ṣābir* «терпеливый» [Khan].

Споры мусульманских богословов о происхождении этих мистических элементов Корана длились годами и иногда даже столетиями, не ограничиваясь территорией только арабского мира. Например, в начале

XX в. индийский писатель и ученый Мауляна Мухаммад Али (1874-1951) в своем переводе Священного Корана обобщил все накопленные знания о буквенных сокращениях, размещенных в начале некоторых сур, частично передав их традиционным образом (например, буква **ح** *al-ḥamīd* «хвалимый», буква **ه** *hādī* «направляющий» и т.д.), частично предложив новые значения (например, **ب** *baṣīr / yarā / ru 'yā / ra 'y / rā 'in* «видящий / видит / видение / взгляд / видящий») [Muqatta'at].

Обозревая историю возникновения данного феномена в арабском языке, известный исламский богослов и философ Фахруддин ар-Рази (1149-1209) в одном из своих тафсиров³ перечисляет более 20 теорий образования вышеописанных мистических компонентов Корана, сформулированных к концу XII в. Сам он считал, что такие сокращения служили названиями сур, данными им Всевышним Аллахом. Помимо этого, он упоминал, что арабы пользовались некоторыми аббревиатурами в качестве кратких наименований определенных предметов (например, **ع** (*'ayn*) «глаз», **ع** (*ġamām*) «облака», **ن** (*nūn*) «рыба») [Muqatta'at].

С его мнением согласен и современный исследователь Корана Амин Ахсан Ислахи (1904–1997), нашедший следы употребления таких букв в доисламской поэзии, поэтому их включение в Коран, по его мнению, казалось арабам естественным шагом. Он считал подобные аббревиатуры собственными именами сур, отражающими содержание и тематику конкретной суры. Например, буква **ن** (*nūn*) символизирует рыбу, а в суре «Нун» упоминается пророк Юнус, отождествляемый с пророком Ионой, в качестве «спутника рыбы». Аналогичным образом буква **ط** (*tā*) символизирует змею, а во всех сурах, начинающихся с этой буквы, упоминается история пророка Мусы (Моисея) и змей [ʿIslāhī 2004, pp. 82-85].

Среди западных ученых большое распространение получила версия происхождения этих сокращений, впервые озвученная немецким ориенталистом Теодором Нельдеке (1836-1930). Он выдвинул предположение, что изначально такие аббревиатуры попали в первое собрание Корана, подготовленное личным секретарем и писцом пророка Мухаммеда Зейдом ибн Сабитом (615-665) во время правления халифа Усмана, в качестве знаков, обозначающих принадлежность копий Корана их владельцам. В дальнейшем эти буквы оказались в окончательном тексте Корана лишь по невнимательности его составителей. Также Нельдеке утверждал, что такие сокращения могли быть монограммами владельцев отдельных коранических глав [Noldeke 2013, pp. 270-273]. Данную концепцию уже в наши дни развил американский ученый Кит Мэсси, считавший «мукатта'ат» инициалами или монограммами писцов, которые осуществляли запись коранических сур [Massey 1996, pp. 497-501].

³ Одна из дисциплин исламского богословия, заключающаяся в толковании Корана и сунны.

Нельзя не отметить также ряд современных нумерологических теорий, связанных с этими буквами. Так, немецкий арабист Отто Лот активно применял методику гематрии⁴ для их анализа, а египетский биохимик Рашад Халифа даже заявил, что открыл математический код Корана, основанный на этих буквах и числе 19. Однако все эти гипотезы кажутся намного менее вероятными на фоне других.

Кроме того, наряду с «мукатта'ат» в ранних отрывках Корана нередко встречались другие аббревиатуры, употребление которых было продиктовано орфоэпическими и орфографическими нормами, так как они фактически служили заменой некоторым огласовкам. Например, в ряде случаев начальная форма букв «джим» (ج), «мим» (م) и «ха» (ه), расположенных над строкой, могла обозначать сукун⁵ (от араб. *ğazmah*), начальная форма буквы «шин» без диакритических знаков (ش) – шадду⁶, а начальная форма буквы «сад» (س) – васлю⁷ [Gacek 2001, p. 23]. Впрочем, по прошествии времени эти сокращения утратили свою значимость и были во многом забыты, а на их место пришли более привычные знаки, известные каждому арабисту.

Огромный интерес ученых в тексте Священного Писания привлекали также надстрочные знаки остановок при чтении, многие из которых сформировались в результате аббревиации соответствующих слов и выражений, такие как م (*lāzim*) «обязательная пауза», ج (*ğā'iz*) «возможная пауза», صلى (*al-waṣl 'awlā*) «чтение предпочтительно», قلى (*al-waqf 'awlā*) «пауза предпочтительна».

Постепенное развитие различных коранических дисциплин и растущее количество литературы по данной теме привели к увеличению количества таких аббревиатур, применяющихся в отдельных областях корановедения. Они затрагивали как анализ остановок при чтении Корана (*waqf*), так и многочисленные способы чтения (*qirā'āt*). Подобные сокращения писались красными чернилами над соответствующим словом и иногда имели близкие значения, перекликающиеся друг с другом.

Таким образом, в коранических текстах неоднократно прослеживались случаи употребления следующих аббревиатур, обозначавших места остановок во время чтения (см. более подробно [Quran Reading]):

م (*lāzim*) «обязательная пауза». Этот значок вынуждал чтеца сделать остановку в специально отведенном месте, ведь в противном случае все значение предложения могло исказиться до неузнаваемости.

---

⁴ Один из методов анализа смысла слов и фраз на основе числовых значений входящих в них букв.

⁵ Огласовка (кружок над буквой), обозначающая отсутствие гласного звука.

⁶ Огласовка (W-образный знак над буквой), обозначающая удвоение буквы.

⁷ Огласовка (похожая на букву «сад»), стоящая над алифом в начале слова и обозначающая, что этот алиф не произносится, если слово перед ним заканчивается на гласный звук.

ط (*muṭlaq*) «абсолютная пауза». Этот значок позволял чтецу на мгновение перевести дыхание при чтении долгого отрывка, чтобы полностью осознать содержание прочитанного текста.

ج (*ġā'iz*) «возможная пауза». Этот значок указывал на логическое завершение фрагмента аята⁸, где чтецу было рекомендовано остановиться для уяснения смысла прочитанного, хотя это не являлось обязательным требованием.

ص или ض (*muraḥḥaṣ darūlatan, darūriyy*) «допустимая пауза в случае необходимости». Этот значок разрешал чтецу сделать небольшую остановку и перевести дух, но только если он устал, в остальных случаях было желательно продолжать чтение.

ز (*muġawwaz li-waġh*) «разрешенная пауза в отдельных случаях». Этот значок не запрещал чтецу сделать остановку, однако скорее предписывал ему продолжать чтение.

ق (*qīla 'alayhi l-waqf* или *qad qīla*) «пауза не требуется». Этот значок диктовал чтецу не останавливать чтения, хотя мнения по этому поводу могли различаться.

قف (*yūqaf 'alayhi*) «знак ожидания». Этот значок ставился в том месте, где чтец мог счесть остановку необязательной.

صل (*qad yūṣal*) «возможно продолжение чтения». Этот значок позволял не прерывать чтение, хотя можно было остановиться.

صلى (*al-waṣl 'awlā*) «чтение предпочтительно». Этот значок показывал чтецу, что лучше продолжить чтение без остановки.

قلى (*al-waqf 'awlā*) «пауза предпочтительна». Этот значок показывал чтецу, что лучше сделать остановку без продолжения чтения.

س (*sakt*) «символ молчания». Этот значок означал, что чтецу следует сделать короткую паузу, не переводя дыхания, прежде чем читать дальше.

مع (*mu'ānaqah*) или * «выбор паузы». Этот значок указывал на возможность остановки на любом из таких символов, обычно стоящих близко друг к другу, но не на обоих.

Что касается различных способов чтения Священной книги мусульман (так называемых «кираат»), то при упоминании десяти знаменитых имамов-чтецов Корана (семи основных и трех дополнительных) их имена в большинстве своем сокращались особым образом. Наиболее употребительными являлись аббревиатуры, представленные в руководстве о семи способах чтения Корана «Шатыбия» андалузского ученого Ибн Фарруха аш-Шатыби (1144–1194), а также в книгах по таджвиду⁹ «Таййиба ан-нашр фи кыра'ат аль-ашар» и «Гаят ан-нихайа фи табакат

⁸ Стихотворная строка Корана, входящая в состав суры.

⁹ Наука о правильном чтении Корана, позволяющая исключить искажение смысла посредством соблюдения установленных правил.

аль-курра» прославленного сирийского богослова Абу ибн Юсефа ибн аль-Джазари (1350-1429). При перечислении аббревиатур использовались либо арабский алфавитный порядок (например, ا = Нафи¹⁰, ب = Калюн¹¹, = Варш¹², ج = Ибн Касир¹³), либо одна из букв, составляющих имена авторов (например, ح = Абу Джафар аль-Ка'ка'¹⁴, ي = Якуб аль-Хадрами¹⁵, خ = Халяф аль-Баззар¹⁶).

1. Аббревиатуры в средневековых рукописях

Несомненно, что использование аббревиатур в тексте Священного Корана вдохновило многих арабских ученых, стремящихся следовать «Слову Божию», поэтому употребление различного рода сокращений и усечений прочно вошло в обиход средневековых мусульманских авторов. На популярность этого способа словообразования в древних арабских рукописях указывает и многообразие слов, применявшихся для их обозначения: *'alamāt* «знаки», *rumūz* «символы», *muṣṭalahāt* «термины», *muḥtaṣarāt* «сокращения» и т.д.

В текстах рукописных манускриптов мы обнаруживаем достаточное количество примеров, когда даже в рамках одного предложения можно увидеть сразу несколько сокращений, идущих одно за другим. Рассмотрим, например, фрагмент иранского манускрипта неизвестного автора XIX в. из коллекции Библиотеки исламоведения Университета

---

¹⁰ Абу Рувайм ибн Абдаррахман ибн Аби Наим аль-Ляйси, более известный как Нафи' аль-Мадани (689-785) – выдающийся корановед и передатчик хадисов, с именем которого связан самый надежный способ чтения Корана.

¹¹ Абу Муса Иса ибн Мина аз-Зарки, более известный как Калюн (738-835), – ученик имама Нафи', автор одного из популярных способов чтения Корана, получившего особое распространение в Африке.

¹² Абу Саид Осман ибн Саид аль-Кутби, более известный как Варш (725-812), – ученик имама Нафи', один из двух основных передатчиков канонического способа чтения Корана наряду с Калюном.

¹³ Имадуддин Абу аль-Фида Исмаил ибн Умар ад-Димашки, более известный как Ибн Касир (1301-1373), – исламский ученый, историк, толкователь Корана и хадисов.

¹⁴ Абу Джафар Язид аль-Ка'ка' аль-Мадани (ум. 748) – один из последователей пророка Мухаммеда, входящий в число десяти самых авторитетных чтецов Корана.

¹⁵ Якуб ибн Исхак аль-Хадрами (ум. 820) – представитель басрийской школы чтения Корана, входящий в число десяти самых авторитетных чтецов Корана.

¹⁶ Абу Мухаммад Халяф ибн Хишам аль-Баззар аль-Багдади, более известный как Халяф (765-844), – создатель собственного способа чтения Корана, входящий в число десяти самых авторитетных чтецов Корана.

Макгилла, где было зафиксировано сразу семь близко стоящих аббревиатур в рамках религиозного текста:

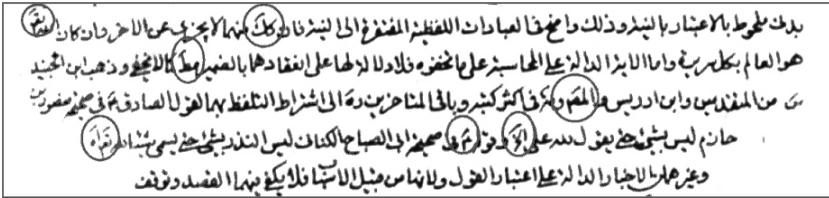

Рис. 1. كل (*kaḥ*) «а также», ت (*taʿālā*) «Всевышний», مط (*maṭlūb*) «искомый, требуемый», الص (*al-muṣannif*) «автор, сочинитель», الخ (*ʿilā ʾāhīrihi*) «и т.д.»¹⁷, ع (*ʿalayhi s-salām*) «мир ему», تعا (*taʿālā ʿintahā*) «Всевышний завершил» [Gacek 2009, p. 3].

Как мы можем убедиться, использованные здесь приемы аббревиации весьма искусны и изощрены: это и опущение концовки слова, и пропуск его серединной части, и обозначение лексемы всего лишь одной буквой, и т.д. Все это демонстрирует, что сокращения занимали особое место в первых письменных памятниках арабского языка.

Как правило, в средневековых арабских текстах встречались четыре основных типа аббревиатур:

1. Конечные усечения – аббревиатуры, образованные путем сокращения конечной части слова, например *تسد* (*tasalsul*) «последовательность», *حص* (*ḥuṣūl*) «получение», *اص* (*ʿaṣlan*) «родом (откуда-л.)», *المقصد* (*al-maqṣūd*) «подразумеваемый», *مم* (*mamnū*) «запрещено» и т.д. Среди этой категории наиболее примечательным являлось употребление конечных усечений, напоминавших своими очертаниями цифры и даже считавшихся некоторыми учеными именно числами. На самом деле они представляли собой особые значки, схожие по форме с арабскими цифрами ٢ («2») и ٣ («3»), однако близкие скорее к буквам *ت* и *ث* (*tā* и *ṯīn*), лишенным диакритических знаков. Эти символы обозначали слова *tamām* «окончание» и *ṣarḥ* «комментарий» и использовались применительно к маргинальным глоссам, размещенным на полях средневековых сочинений, извещая читателя о завершении текста глоссы или указывая на внесенные заметки и толкования.
2. Контрактуры (стяжения) – аббревиатуры, образованные путем срединного усечения слова, например *نم* (*nusallimu*) «мы приветствуем»,

¹⁷ Эта аббревиатура, в отличие от многих других, с течением времени не утратила своего значения в современном арабском языке, активно употребляясь на страницах газет и журналах.

ماحه (*maḥālah*) «невозможно», نه (*numrah*) «номер»¹⁸, كه (*katabahu*) «он записал ее»¹⁹, (fa-mawḏū) «и тема» и т.д.

3. Сиглы – начальные буквы, обозначающие целое слово, например و (*waraqah*) «бумага», ت (*ta'liqah*) «комментарий, примечание», س (*su'āl*) «вопрос», ج (*ǧawāb*) «ответ» и т.д.

4. Аббревиатурные символы – логограммы, используемые для обозначения целых слов. Типичным примером таких символов являлась длинная горизонтальная линия (иногда изогнутая на конце), обозначающая слово *sanah* «год», которая, по всей видимости, стала результатом преобразования буквы «син». Соответствующая дата проставлялась над или под такой линией, как в следующем примере:

Другой любопытной особенностью было применение так называемой «двузубой линии», как ее чаще всего описывали арабские средневековые улемы²⁰, которая выглядела как две соединенные вместе буквы ب (*bā'*) без диакритических знаков: . Она употреблялась для обращения внимания читателя на определенные фрагменты содержания, выступая в качестве символического эквивалента слова

قف (*qif*) «остановитесь» или усеченной формы فت выражения *fa-ta'ammalhu/hā* «поразмышляйте над этим». Еще одной заслуживающей внимания логограммой являлась горизонтальная линия, завершающаяся небольшим выступом, похожим на букву *hā'* в конечной позиции: . Этот тип символов, судя по всему, образовался от аббревиатуры به (*tanbīh* «примечание») или ته (*ta'ammalhu* «поразмышляйте над этим»). Чаще всего такие линии размещались над основным текстом, указывая на вынесенные на поля сноски и маргиналии [Gacek 2011].

Аббревиатуры, в особенности контрактуры и сиглы, могли также сопровождаться горизонтальной волнистой линией (так называемой «тильдой»), расположенной над ними. Этот знак напоминал по форме мадду, т.е. надстрочный диакритический знак в арабском письме, обозначавший удвоение хамзы над буквой «алиф», однако не имел ничего общего с выполняемой ей функцией в арабском тексте. Как правило, та-

¹⁸ Поскольку диакритические точки нередко опускались в средневековых манускриптах, буква «га-марбута» в этих случаях автоматически превращалась в «ха».

¹⁹ Эта аббревиатура чаще всего использовалась при проставлении подписи и указании владельцев или авторов рукописи.

²⁰ Улем (от араб. عالم «ученый») – признанный и авторитетный знаток теоретических и практических сторон ислама.

кие условные обозначения выделялись красным цветом между строками, чтобы обратить на них внимание читателя. Специфика употребления таких условных обозначений хорошо прослеживается на следующем примере, представляющем собой выдержку из йеменского сборника хадисов 1701 г., обнаруженного в коллекции Библиотеки исламоведения Университета Макгилла:

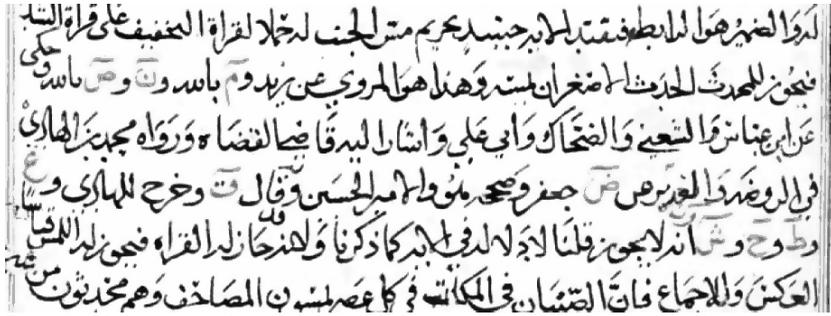

Рис. 2. Начальные буквы (сиглы) имен, отмеченные красной волнистой линией над ними, обозначают авторов изречений или передатчиков хадисов [Gacek 2009, p. 3].

Конечные усечения, напротив, обозначались длинной нижней линией, которая, как можно предположить, была заимствована из греческой и римской палеографической практики.

С вышеуказанными способами аббревиации в арабском языке близко соотносилось явление языковой контаминации, которое приводило к созданию нового слова-гибрида, например: *basmalah* (*bi-smi-llah*) «во имя Аллаха!», *ḥamdalah* (*al-ḥamdu li-llah*) «во славу Аллаха!» и *ṣalwalah/ṣal'amah* (*ṣallā-llah 'alayhi wa sallama*) «да благословит его Аллах и приветствует!» (формула величания пророка Мухаммеда после упоминания его имени). В арабской лингвистической традиции подобные сложные слова обозначались термином *naḥt* и соответствовали акронимам, т.е. аббревиатурам, образованным в большинстве случаев начальными сегментами каждого слова в конструкции. Многие из этих языковых образований являлись текстовыми и религиозными формулами. Помимо таких устойчивых выражений, как *basmalah*, *ḥamdalah* и *ṣalwalah*, в средневековых арабо-мусульманских сочинениях регистрировались следующие слова-клише: *ṭalbaqah* (*'aṭāla-llah baqā'ahu*) «да продит Аллах ему жизнь!», *ḥawqalah* или *ḥawlaqah* (*lā ḥawla wa lā quwwata 'illā bi-llah*) «нет силы и могущества, кроме как у Аллаха!», *ḥasbalah* (*ḥasbunā-llah*) «достаточно нам Аллаха!», *maš'alah* (*mā šā'a-llah*) «как пожелает Аллах!», *sabḥalah* (*subḥāna-llah*) «хвала Аллаху!», *ḥay'alah* (*ḥayya 'alā ṣ-ṣalāt*) «спешите на молитву!» и многие другие [as-Samarrā'i 1987, pp. 108-109].

Аббревиатуры пользовались большой популярностью среди мусульманских ученых, хотя изначально употребление некоторых из них, в особенности связанных с возносимыми Аллаху молитвами (*basmalah*, *ḥamdalah* и т.д.) и благословением пророка Мухаммада (*ṣal'amah*, *ṣalwalah*), не поощрялось арабскими богословами и, более того, скорее подвергалось резкому порицанию и осуждению в связи с упоминанием имени Всевышнего (*'ismu l-ḡalālah*). Тем не менее со временем они начали превалировать в большинстве рукописей и впоследствии вместе с развитием типографского дела проникли в язык печатных изданий.

В целом в период средневековья особые религиозные сокращения присутствовали большей частью в различных панегириках и молитвах. В рамках данной категории можно вспомнить следующие аббревиатуры, относящиеся к эпитетам Аллаха: ع/ع/عج (*'azza wa ḡalla*) «всемогущий и великий»; تع/تع (*ta 'ālā*) «Всевышний»; جش (*ḡalla ša'nuhu*) «да будет велико его дело!»; ص/ع/صلع/صلعم/صلم/صله/صم/ص (*ṣallā-llāh 'alayhi wa sallam*) «да благословит его Аллах и приветствует!»; ع/ع/عم/عم/ع/ع (*'alayhi s-salām*) «мир ему!»; س/ق/قد/قده/قس/قس (*qaddasa-llah sirrahu/ rūḥahu*) «да освятит Аллах его могилу/дух!» или *quddisa sirruhu* «да будет свята его могила!»; ر/رض/رضه/رض (*raḍiya-llah 'anhu*) «да будет доволен им Аллах!»; ر/م/رحه/اره (*raḥimahu-llah*) «да смилуется над ним Аллах!»²¹; ط/طه/طع/طع (*tāba-llah ṣarāhu*) «да будет земля ему пухом!»; طره/طه (*'aṭāla-llah 'umrahu*) «да продлит Аллах его годы!».

Интересно, что средневековые улемы не всегда могли достичь согласия по поводу значения некоторых аббревиатур, используемых в рукописях. Например, буква *ح*, которая использовалась для отделения одного *иснада*²² от другого, расшифровывалась одними учеными как *hā'il* «препятствие», *taḥwīl* «переход» или *ḥaylūlah* «разъединение», другие, напротив, видели в ней такие слова, как *ḥadīṣ* «хадис» и даже *ṣaḥḥah* «истинность, правильность». Некоторые даже полагали, что буква *ḥā* должна быть маркирована надстрочной диакритической точкой (*ح̣* – *hā' mi ḡamah*) и поэтому обозначает выражение *'isnād 'āḥar* «другой иснад». В наши дни исследователи арабоязычных манускриптов зачастую сталкиваются со схожими проблемами, так как диакритические знаки не всегда строго соблюдались составителями хадисов.

²¹ Эта религиозная формула, как правило, произносится во время обращения к покойнику и соответствует церковному выражению «царствие ему небесное!».

²² *Иснад* (от араб. إسناد «источник») – одна из составных частей хадиса наряду с *матном*, которая обозначает цепочку людей, передававших друг от друга, что сказал (совершил, одобрил) пророк Мухаммед. *Матн* (от араб. متن «текст») – это непосредственно то, что сказал (совершил, одобрил) пророк Мухаммед. *Матн* служит основой хадиса и следует после *иснада*.

Кроме того, аббревиатуры в средневековых рукописях не только иногда были лишены диакритики, но и принимали форму слов-символов (логограмм). В подобных случаях при их переводе огромную роль играло понимание контекста и связанных с ним текстовых и географических особенностей. Следовательно, то, что на первый взгляд напоминало букву ط, могло в действительности являться буквой ط, а то, что казалось буквой «айн» в ее начальной позиции (ع) или изолированной форме (ع), могло на самом деле обозначать ح (ḥ) или خ (ḫ) без диакритической точки наверху (например, *nushah 'uhrā* «другая копия»).

Аналогичным образом одна и та же лексема или аббревиатура могла выполнять различные функции или иметь различные значения. Так, например, слова *ḥāšiyah* и *fā'idah* одновременно обозначали как «поля (книги)», так и «гlossы, примечания». Переписчики или составители рукописей обычно включали их в текст, когда хотели разъяснить какой-то фрагмент содержания, добавляя одно из этих слов целиком над комментируемым отрывком либо представляя их в виде следующих аббревиатур: ح, حيه, حش, حه, ح (в случае *ḥāšiyah*); ف, فيه (в случае *fā'idah*). При этом последняя лексема – *fā'idah* – регистрировалась главным образом в рукописях Ирана и Индии.

С другой стороны, сокращения ص или ص могли одновременно расшифровываться и как *ṣaḥḥah* «правильно» (эти аббревиатуры употреблялись, например, при пропуске/вставке определенных лексических конструкций или внесении корректорских правок в случае обнаружения бросающихся в глаза ошибок), и как 'aṣl «основная часть текста». Иногда они даже выражали следующее значение: *ḍabbah* «дверная задвижка, защелка». Этот знак применялся писцами, когда они не были до конца уверены в правильности чтения той или иной словоформы, и являлся своего рода эквивалентом вопросительного знака, используемого в европейской традиции. В свою очередь, аббревиатура ح могла обозначать слово *bayān* «разъяснение»²³ или *nushah 'uhrā* «другая копия», причем последняя лексема чаще всего встречалась в манускриптах персидско-го/индийского происхождения [Gacek 2011].

Анализируя содержание средневековых рукописей, можно отметить, что большинство аббревиатур размещались в основной части текста. Их употребление до определенной степени было обусловлено практическими соображениями, ведь многие из них были введены в обращение в целях ускорения процесса переписывания рукописей, так что частотность их использования варьировалась исходя из тематики или

²³ Данная форма использовалась главным образом для исправления неразборчиво написанных или запачканных чернилами слов с выноской корректного варианта на поля, помеченного сверху аббревиатурой ح или словосочетанием *bayānuhu* «его разъяснение».

типа конкретной работы. Сокращения обнаруживались практически во всех видах работ, однако особенно активно применялись в сочинениях, посвященных правильному чтению Корана, сборниках и критике хадисов, книгах по философии, лексикографии, поэзии и астрономии, при составлении родословных и жизнеописаний и т.д.

Списки аббревиатур часто включались в предисловие с перечислением имен авторов и названий их сочинений. Помимо этого, во вступительной части текста можно было найти дидактические касыды, которые имели особую структуру, призванную упростить процесс заучивания определенных наборов аббревиатур. В частности, они были характерны для работ по хадисоведению и юриспруденции (как шиитских, так и суннитских). При этом, хотя некоторые из этих аббревиатур были стандартизованы, большинство из них представляли собой впервые созданные словоформы, специфичные для данного труда. Среди общепринятых сокращений, вошедших в основные сборники хадисов, можно выделить следующие: خ (имам аль-Бухари²⁴), (имам Муслим²⁵ либо имам Малик²⁶), د (Абу Дауд²⁷), ت (ат-Тирмизи²⁸), ك (имам Малик), و (Абу Зарр²⁹ либо Ибн Маджа³⁰), ن или س (ан-Насаи³¹) и др.

---

²⁴ Абу Абдуллах Мухаммад ибн Исмаиль аль-Бухари, более известный как имам аль-Бухари (810-870), – мусульманский ученый, собиратель и исследователь хадисов, комментатор Корана, автор одного из канонических сборников суннитских преданий «аль-Джами ас-Сахих».

²⁵ Асакир ад-Дин Абу аль-Хусейн Муслим ибн аль-Хадждадж ан-Найсабури, более известный как имам Муслим (821-875), – исламский богослов, хадисовед и правовед, автор одного из самых авторитетных сборников хадисов «Сахих Муслим», считающегося вторым по достоверности после «Сахиха» аль-Бухари.

²⁶ Абу Абдуллах Малик ибн Анас аль-Асхаби, более известный как имам Малик (713-795), – исламский богослов-законовед, знаток мусульманского права, основатель маликитского мазхаба, автор сборника хадисов-преданий о жизни и поступках пророка Мухаммеда «Муватта имам Малика».

²⁷ Абу Дауд Сулейман ибн аль-Ашас ас-Сиджистани, более известный как Абу Дауд (817-888), – исламский ученый-хадисовед, автор почитаемого свода хадисов «Сунан Абу Дауд».

²⁸ Абу Иса Мухаммад ибн Иса ат-Тирмизи (824-892) – хадисовед и исламский правовед, автор ряда книг по различным аспектам мусульманского вероучения.

²⁹ Абу Зарр Джундуб ибн Джанада аль-Гифари (ум. 652) – один из известных сподвижников пророка Мухаммеда.

³⁰ Абу Абдуллах Мухаммад ибн Язид аль-Казвини, более известный как Ибн Маджа (824-887), – исламский богослов, хадисовед, автор одного из шести авторитетных суннитских сборников хадисов «Сунан ибн Маджа».

С историей изучения хадисов связаны и другие аббревиатуры, появление которых в тексте было вызвано необходимостью замены выражений, часто повторяющихся в рассказах о жизненном пути пророка Мухаммеда. В подобных ситуациях при перечислении всех передатчиков хадиса и сообщенной ими информации часто одни и те же глаголы следовали один за другим. Во избежание их дублирования переписчики хадисов изобрели упрощенные аббревиатуры для их обозначения: **دَّثَا، ثَنَا** (*ḥaddaṣanā* «он рассказал нам»); **أَنَا** (*'anba'anā* или *'ahḥbaranā* «он уведомил нас» или «он сообщил нам»); **أَنَا، أَرْنَا، إْنَا** (*'ahḥbaranā* «он сообщил нам»); **قَا، ثَنَا، قَاتَا** (*qāla ḥaddaṣanā* «он сказал, сообщив нам») [as-Samarra'i 1987, p. 107].

Помимо этого, в ходе оценки хадисов их составители и исследователи пользовались расширенным терминологическим аппаратом, выделяя определенные текстовые фрагменты следующими аббревиатурами: **ض** (*da'if* «слабый»³²), **صَح** (*ṣaḥīḥ* «правильный»³³), **ح** (*ḥasan* «хороший»³⁴); **م** (*mağhūl* «неизвестный»³⁵), **مُو** (*muwāfiq* «согласный»³⁶ или *muwqūf* «прерванный»³⁷); **ق** (*muwassaḡ* «надежный» или *muttafaḡ 'alayhi* «согласованный»³⁸), **ل** (*mursal*³⁹).

Кроме хадисов, особые аббревиатуры также употреблялись в других книгах, в частности словарях и тематических справочниках. В этой связи можно вспомнить такие издания, как арабско-персидский словарь

³¹ Абу Абдурахман Ахмад ибн Шуайб ан-Насаи (829-915) – мусульманский ученый-хадисовед, автор одного из шести авторитетных суннитских сборников хадисов «ас-Сунан ас-Сугра».

³² Хадис считался «слабым» из-за наличия пропусков в цепочке его рассказчиков, в частности опущения некоторых передатчиков в различных частях иснада.

³³ Эта аббревиатура обозначала правдивое сообщение, переданное заслуживающими доверия рассказчиками и считающееся достоверным.

³⁴ Эта аббревиатура обозначала правдивое сообщение, переданное заслуживающими доверия рассказчиками, однако не достигающее степени достоверного хадиса.

³⁵ Эта аббревиатура употреблялась в тех случаях, когда один из рассказчиков был неизвестен авторитетным знатокам хадисов.

³⁶ Эта аббревиатура употреблялась в тех случаях, когда цепочка рассказчиков восходила до сподвижника пророка Мухаммада.

³⁷ Хадис, переданный надежными рассказчиками.

³⁸ Хадис, приведенный одновременно имамом аль-Бухари и имамом Муслимом в их сборниках «ас-Сахих» с одинаковым иснадом и матном.

³⁹ Эта аббревиатура употреблялась в тех случаях, когда в цепочке рассказчиков отсутствовал сподвижник пророка Мухаммада, ссылающийся на посланника Аллаха.

«Мукаддима аль-адаб» среднеазиатского писателя, философа и толкователя Корана Махмуда аз-Земахшари (1075-1144), справочник по ботанике «Умда ат-таиб фи ма'рифат ан-набат» андалузского агронома и исследователя Абу аль-Хайра аль-Ишбили (XII в.), всеобъемлющий словарь «аль-Камус аль-мухит» арабского лексикографа Мухаммада ибн Якуба аль-Файрузабади (1329-1415) и языковое пособие «Рамуз фи аль-люга» арабского лингвиста Мухаммада ибн Хасана ибн Али (XV в.). Файрузабади, например, приводит следующий список сокращений: ع (*mawḍi'* «место»), د (*balad* «страна»), ة (*qaryah* «деревня»), ج (*ġam'* «множественное число»), م (*ma'rūf* «общеизвестный») и т.д.

Похожая картина наблюдалась в сочинениях по юридическим наукам, грамматике и теологии. Здесь можно было встретить различные аббревиатуры, заменявшие часто повторяющиеся слова, такие как 'aḥaduhumā (ح) «один из двух», zāhir (ظ) «по-видимому», bā'il (بط) «неверно», kaḥalika (كك) «также», fa-kaḥalika (فكك) «а также», ḥīna 'izin (ح) «в то время», hāhunā (هن) «вот здесь», mawḍū' (ضع) «тема», mamnū' (مم) «запрещено», haḥā ḥalaf (ههف) «это отличие» и т.д. Эти типы аббревиатур стали очень популярны начиная с XVI в. и широко применялись в рукописях персидского происхождения.

Помимо работ, посвященных определенным областям науки и знаний, необходимо также упомянуть арабскую литературу других жанров, а именно: книги с комментариями (*ṣarḥ*) и пояснениями (*ḥāšiyah*), чаще всего по корановедению и религиозным дисциплинам. В эпоху развития рукописей существовало несколько способов отделения исходного комментируемого текста (*matn*) от размещаемых над ним и на полях пояснений и глосс. В книгах-комментариях (так называемых *ṣarḥ tamzūġ*) *matn* практически всегда отмечался красными чернилами, а *ṣarḥ* – черными [Gacek 2011]. Кроме того, имели хождение следующие аббревиатуры: م (*matn*) «текст», ص (*'aṣl*) «основная часть текста», ش (*ṣarḥ*) «комментарий», ق (*qāla*) «сказал», اق (*'aqūlu*) «говорю», قه (*qawluhu*) «его высказывание», المص (*al-muṣannif*) «автор, сочинитель», الش (*aṣ-ṣāriḥ*) «толкователь, комментатор», المح (*al-muḥaṣṣi*) «комментатор».

В средние века процесс переписки рукописей принял поистине колоссальные масштабы. Не секрет, что каждый правоверный мусульманин считал своим долгом как минимум один раз переписать Священный Коран, а для некоторых, напротив, это богоугодное занятие являлось прибыльным ремеслом. Переписчики разработали целый свод правил аббревиации, предназначенных для внесения комментариев и примечаний, оформления сносок на полях, включения простейших критических замечаний и предположений, исправления ошибок, сличения различных копий рукописи, сокращения названий месяцев, проставле-

ния сигнатур⁴⁰ рукописных тетрадей, размещения заключительных формулировок в колофоне⁴¹ и т.д.

Глоссы и комментарии чаще всего предварялись словами *ḥāšīyah* (в восточных мусульманских странах и регионе Машрика) и *ṭurrah* «поля» (регион Магриба). *ḥāšīyah* в большинстве случаев сокращалось переписчиками как ح, حه, حش, حيه, ح, а *ṭurrah* – как ط. Среди других терминов, задействованных в подобных ситуациях, можно назвать следующие: *ta' līq(ah)* (аббревиатура ت или ع) «анализ», *tafsīr* «толкование», *šarḥ* «объяснение» (сокращение س часто употреблялось без диакритических точек, в начальной позиции или в виде логограммы), уже упомянутое выше слово *fā'idah* (аббревиатуры ف (с длинной горизонтальной линией), فيه, فف, فصل, فص, ص – для *fā'idatu l-'aṣl* «смысл основной части текста») и *hāmiš* (аббревиатуры ه или ه).

Для других типов глосс использовались условные обозначения (включая слово *šarḥ*, часто в форме логограммы) либо краткие наименования (или сиглы). Периодически комментарии дополнялись ссылками на хорошо известные словари – например, ق («аль-Камус аль-мухит» аль-Файрузабади), ص («ас-Сихах» аль-Джаухари).

Отрывок, сопровождаемый комментарием или глоссой, цитировался в полной или краткой форме. При этом конец глоссы обычно отмечался словами или их аббревиатурами, выражающими значение окончания или завершения. В данной связи заслуживают упоминания такие сокращения, как ◦ (в форме круга) или ◡ (в форме перевернутого сердца), ه (*hā' mašqūqa* «изолированная ха»), هي (буквы *hā'* и *yā'*) или ه, представляющие собой различные аббревиатурные варианты глагола *'intahā* «завершаться»; похожие на цифры значки ٢, ١٢ и ١٤ (*tamām* «конец», *tamām šud* «полный конец», только для персидских/индийских рукописей); فقط «и достаточно» (только для Ирана и Индии, часто в форме логограммы), به (*niḥāyah* «конец», часто в рукописях индийского происхождения) или الخ (*'ilā 'āhīrihi*) «и т.д.», в то время как глосса могла вводиться в текст словом 'ay «т.е.».

Заметки и примечания на полях, расположенных сбоку от текста, чаще всего оформлялись с помощью слов и словосочетаний *qif* «остановитесь», *qif hunā* «остановитесь здесь», *qif wa-ta'ammal* «остановитесь и обратите внимание» (чаще всего это словоформа употреблялась в регионе Магриба), от которых в конечном итоге образовалась логограмма в виде линии с двумя «зубчиками» в начале, используемая для верхнего

⁴⁰ Цифра, порядковый номер печатного листа издания, проставляемый на первой странице каждого печатного издания (тетради).

⁴¹ Текст на последней странице рукописной или старинной печатной книги, в котором сообщаются данные об авторе, времени и месте создания этого произведения.

подчеркивания (*tawqīf* «знак остановки») (см. выше). Среди других выражений, применяемых для этой цели, можно выделить *'unẓur* «посмотрите» (аббревиатура ظ – главным образом в регионе Магриба) и *fā'idah* «поля (книги); глоссы, примечания» [Gacek 2011].

Простейшие критические замечания вносились в текст во время сличения оригинала рукописи с ее сохранившимися копиями. В процессе их сравнения (*muqābalah* «сопоставление», *mu'āraḍah* «сличение»), который иногда отмечался буквой ع (*ūriḍa* «сопоставлены»), было задействовано большое количество аббревиатур и символов, которые отличались в зависимости от региона и периода времени.

Аббревиатура ٲ, первоначально символизировавшая слово *ḍabbah* «дверная задвижка, защелка» (также именуемая как *'alāmatu t-taḍbīb* «знак неясности», *'alāmatu t-tamrīd* «знак болезненности» или *'alāmatu t-taškīk* «знак сомнения»), использовалась для выражения неопределенности (сомнений) при чтении и напоминала по форме букву *ṣād* в начальной позиции. Позднее аббревиатура ٲ стала все чаще считаться тождественной слову *ṣahḥah* «правильно», поэтому арабским ученым рекомендовали добавлять к ней букву ح (*hā'*) во избежание путаницы, если такой вариант чтения был подтвержден, либо указывать корректный способ написания на полях. Другие ученые ввели в обращение аббревиатуру ٲ (*dād*) в качестве эквивалента выражению *ḍabbabtuḥu* «его смысл неясен». Сокращение ٲ также использовалось в начальной позиции для обозначения пропусков в качестве аналога слова *ṣahḥah*.

Кроме того, предположения маркировались аббревиатурами ع (*ra'su l-'ayn*) или иногда ع (*la'allahu* «возможно») и ظ (*'aẓunnuhu* «полагаю, что») или ٲ (*ẓāhir* «по-видимому»). Последнее значение регулярно встречается в персидских/индийских рукописях.

Для исправления ошибок переписчиков рукописей применялись буквы ب и ن – они писались над скорректированным словом на полях (*bayān* «разъяснение» или *bayānuḥu* «его разъяснение»). Тем не менее в рукописях, принадлежащих перу шиитских имамов, эти ошибки часто фиксировались при помощи слова *badal* «замена» или его аббревиатуры ٲ.

Для перестановки соседних букв или слов использовались следующие аббревиатуры (они размещались над соответствующими лексемами): خ (*mu'ahhar*) «идущий сзади»; ق (*muqaddam*) «идущий спереди» или *qabla* «перед»; خ ق (*mu'ahhar muqaddam*) «идущий сзади, идущий спереди»; ق خ (*mu'ahhar muqaddam*) «идущий сзади, идущий спереди»; م (*muqaddam*) «идущий сзади»; م م (*muqaddam mu'ahhar*) «идущий спереди, идущий сзади»; م خ (*mu'ahhar muqaddam*) «идущий сзади, идущий спереди»; ب (*ba'da*) «после». С другой стороны, лакуны в тексте обозначались аббревиатурой ٲ (*bayād*) «пропуск» или *hunā bayād* «здесь пропуск», а буква ٲ часто заменяла местоимение *kaẓā* «так» (или *hakaẓā*

«таким образом») в качестве пометы, указывающей на полное соответствие оригиналу.

Важным источником текстовых изменений являлись ошибки, найденные переписчиком при чтении рукописи, а также исправленные слова, фразы или короткие отрывки, которые переписчик обязательно включал в новый скопированный текст. Различные варианты чтения зачастую возникали из-за существования нескольких версий (новых редакций) одного и того же сочинения, задокументированных либо самим автором при жизни, либо переписчиком, который мог в ряде случаев дополнять его новым материалом, основываясь на комментариях автора или учителя, сделанных им во время зачитывания фрагментов сочинения своим ученикам. В случае наличия нескольких текстовых вариантов соответствующего труда арабские ученые рекомендовали осуществлять его переписку исходя из одного принятого варианта, а также, если обнаруживались другие редакции текста, указывать имена их передатчиков (так называемых *rāwī* «рави»).

Например, применительно к книге «ас-Сахих» аль-Бухари встречались следующие сиглы, обозначающие ее передатчиков: س (ас-Сарахси⁴²), ح (аль-Хамави⁴³), ه (аль-Кушмихани), س и ح (иногда размещаемые над текстом) для ас-Сарахси и аль-Кушмихани при их совместном упоминании. Среди других аббревиатур регистрировались следующие варианты: ه (Абу Зарр аль-Харави), ص (аль-Ашили), ش (Ибн Асакир ад-Димашки⁴⁴), ظ (Абу аль-Вакт), ست (аль-Мустамли), حس (аль-Хамави и аль-Мустамли), حه (аль-Хамави и аль-Кушмихани) [Quiring-Zoche 1998, p. 203].

Нехарактерные варианты чтения (обычно обнаруженные в другой копии рукописи) отмечались целым рядом аббревиатур, например خ, نغ, نخ, نه, ن (в основном в Индии). Сочетания букв نخ и نغ часто напоминали по форме буквы ع/ع и غ/غ, в то время как начальная форма *hā'* без диакритической точки могла выглядеть как *dāl* (د). Все они заменяли слово *nushah* (*'uḥrā*) «(другая) копия» или выражения *fī nushah* «в копии», *fī nushah 'uḥrā* «в другой копии», *fī 'uḥrā* «в другой».

Различные текстовые варианты могли также оцениваться учителем, корректором или переписчиком. В случае выбора правильного ва-

⁴² Абу аль-Аббас аль-Фадль ибн Сахль ас-Сарахси (770-818) – везир Аббасидского халифата в Хорасане, служил при дворе халифа аль-Мамуна.

⁴³ Шихабуддин Абу Абдуллах Якут ибн Абдуллах аль-Хамави (1178/1180-1229) – мусульманский ученый и писатель, филолог, путешественник, историк и географ.

⁴⁴ Абу аль-Касим Али ибн аль-Хасан ад-Димашки, более известный как Ибн Асакир (1105-1176), – арабский историк, представитель арабской региональной историографии.

рианта и включения его в основную часть текста он сопровождался аббревиатурой خ (*nushah 'uhrā*), а вычеркнутое слово выносилось на поля вместе со словом 'asl или сиглой ص.

В рукописях персидского/индийского происхождения слово, подлежащее замене другим словом, маркировалось аббревиатурой ل или иногда د (*badal* «замена» или *baddilhu* «замени его»). Буква ل здесь отражала предпочтительный вариант, рекомендуемый к использованию вместо конкретного слова в тексте. Она часто способствовала выявлению орфографических ошибок и неразборчивого почерка, употребляясь вместе с буквой خ (*nushah 'uhrā* «другая копия») в следующих сочетаниях: خل (иногда لخ) либо نل. Комбинация буквы и цифры خ могла обозначать либо обычный (ل 'uhrā «другой»), либо считающийся более корректным вариант. В данном случае некоторые ученые интерпретировали цифру ل как букву bā' (*badal* «замена») в начальной позиции и без диакритической точки, т.е. ل «заменяющая копия», а другие видели в аббревиатуре لх либо само слово *badal* (считая тем самым цифру ل буквой ب), либо соединение графического символа ل (*bā' hindiyūyah* «индийская ба») и буквы ل [Gacek 2009, p. 274].

Сокращение месяцев года в арабоязычных манускриптах стало общепринятой практикой во времена Османской империи: م (*muḥarram*) «мухаррам» (1-й месяц лунного календаря); ص (*ṣafar*) «сафар» (2-й месяц лунного календаря); ر, ع, ا или ع (*rabī'u l-'awwal*) «раби аль-ауваль» (3-й месяц лунного календаря); ر, ر, ع или ع (*rabī'u s-sāni* (*'āhir*)) «раби ас-сани» (4-й месяц лунного календаря); ج, ا, ا или ج (*ḡumādā l-'ulā*) «джумада первый» (5-й месяц лунного календаря); ج или ج (*ḡumādā l-'āhirah*) «джумада последний» (6-месяц лунного календаря); ب или ر (*raḡab*) «раджаб» (7-й месяц лунного календаря); ش или ش (*ša'bān*) «ша'бан» (8-й месяц лунного календаря); ن или مض (*ramadān*) «рамадан» (9-й месяц лунного календаря); ل или ش (*ṣawwāl*) «шавваль» (10-й месяц лунного календаря); ذا или قع (*zū l-qa'dah*) «зу-ль-ка'да» (11-й месяц лунного календаря), ذ (*zū l-ḥiḡḡah*) «зу-ль-хиджжа» (12-й месяц лунного календаря).

В двух вышеуказанных абзацах мы можем наблюдать любопытный феномен смешения аббревиатур и цифр в средневековых мусульманских рукописях, что является отличительной особенностью подобного словоупотребления в арабском языке.

В конце колофона в манускриптах обычно размещались следующие формулировки: *tatmīm* «окончание», *ta'mīn* «постановка слова 'āmīn «аминь!» в конце текста», *tafqīṭ* «постановка слова *faqaṭ* «и достаточно» в конце текста», *intihā'* «завершение». Чаще всего они появлялись в сокращенной форме: م, فقط или ط, ه, или ه. Термин *tafqīṭ* в подавляющем большинстве случаев использовался в персидских / индийских текстах, а ه часто регистрировался в магрибских рукописях.

Объем арабской рукописи, как правило, исчислялся в тетрадах – по 10-12 листов. При проставлении сигнатур (или нумерации) тетрадей обычно использовались слова *ḡuz* '«часть» или *kurrās/kurrāsah* «тетрадь», которые употреблялись в полной или краткой форме: ج или ك, ج, ك или ك. Эта практика напоминает сложившуюся в рукописях на латинском языке, где использовалась буква Q (*quaternio*).

Вместе с наступлением эры книгопечатания и формированием современного арабского языка началось создание новых аббревиатур. Особое место среди них занимали акронимы и инициальные аббревиатуры. Отдельные буквы, составлявшие инициальные аббревиатуры, нередко (но не всегда) разделялись точками. В области библиографии, например, можно было встретить следующие обозначения: ص (*ṣafḥah*) «страница», ط (*ṭab'ah*) «печать, издание», دت (*dūna ta'rīḥ*) «без даты», دن (*dūna nāšir*) «без номера», دم (*dūna makān*) «без места», سم (*santīmatr*) «сантиметр», ج (*ḡuz*) «раздел, том», مج (*muḡallad*) «том», بدم (*ba'da l-mīlād*) «нашей эры», ت (*tuwuffīya, al-mutawaffā*) «умер».

Среди других распространенных инициальных аббревиатур и акронимов выделялись следующие: ببس (*bibisi*) «Би-би-си», جعم (*al-ḡumhūriyyatu l-'arabiyyatu l-muttaḥidah*) «Объединенная Арабская Республика», شمم (*šarikah zāt mas'ūliyyah maḥdūdah*) «общество с ограниченной ответственностью», صب (*ṣundūq barīd*) «абонентский ящик», يونسكو (*yūniskū*) «ЮНЕСКО», يونيسيف (*yūnīsīf*) «ЮНИСЕФ», ردمك или تدمك (*at-tarqīmu d-duwāliyyu l-mi'yāriyy li-l-kutub*) «Международный стандартный книжный номер», تدمد (*at-tarqīmu d-duwāliyyu l-mi'yāriyy li-d-dawriyyāt*) «Международный стандартный номер серийных изделий».

Тем не менее нельзя не признать, что по сравнению с периодом расцвета средневековых рукописей удельный вес аббревиатур в современном арабском языке на сегодняшний день сравнительно невелик.

Литература и источники

1. Gacek A. Abbreviations // *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics (EALL)*, 2011. [сайт] URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of-arabic-language-and-linguistics/abbreviations-EALL_SIM_0002?s.num=0&s.rows=50&s.f.s2_parent=s.f.book.encyclopedia-of-arabic-language-and-linguistics&s.q=abbreviations (дата обращения 02.02.2020).
2. Gacek A. *The Arabic Manuscript Tradition: A Glossary of Technical Terms and Bibliography*. Leiden: Brill, 2001.
3. Khan P. *Disjointed Letters in the Quran* // [сайт] URL: https://www.academia.edu/5836374/Disjointed_Letters_in_the_Quran (дата обращения 01.03.2020).
4. 'Iṣlāḥī A. *Taddabur-i-Quran*. Lahore: Faran Foundation, 2004.

5. Massey, K. A New Investigation into the “Mystery Letters” of the Qur’an // *Arabica*, Vol. 43, No. 3. Leiden: Brill, 1996, pp. 497-501.
6. Muqatta‘at. *World Heritage Encyclopedia* // [сайт] URL: <http://self.gutenberg.org/articles/eng/Muqatta%27at> (дата обращения 22.02.2020).
7. Nöldeke, T.; Schwally, F.; Bergsträßer, G.; Pretzl, O. *The History of the Qur‘ān*. Boston: Brill, 2013.
8. Quran Reading. *The Rules and Signs of Stopping (Waqf) When Reading Quran* // [сайт] URL: <http://www.quranreading.com/blog/rules-and-signs-of-stopping-waqf/> (дата обращения 14.02.2020).
9. Quiring-Zoche R. How al-Buḥārī’s ‘Saḥīḥ’ was edited in the Middle Ages: ‘Alī al-Yūnīnī and his ‘Rumūz’ // *Bulletin d’Etudes Orientales*. Damas: Institut Francais de Damas, 1998.
10. Bābawīh A. *Ma‘āni l-‘aḥbār*. Bayrūt: Dāru l-ma‘rifah li-t-ṭibā‘ah wa n-našr wa t-tawzī‘, 1979.
11. Ḥaḍar S. *al-‘Iḡāzu l-luġawiyy fī fawātiḥi s-suwar*. Bayrūt: Dāru l-kutubi l-‘ilmiyyah, 2008.
12. al-Ġarnāṭī A. *al-Baḥru l-muḥīt*. Bayrūt: Dāru l-fikr, 1992.
13. Samarrā’ī I. *al-Muḥtaṣarāt wa r-rumūz fī t-turāsī l-‘arabiyy // Mağallah mağma‘i l-luġati l-‘arabiyyatu l-‘urduniyy*. ‘Ammān: mağma‘u l-luġati l-‘arabiyyatu l-‘urduniyy, al-‘adad 32, 1987.

Фонетическая транскрипция

Согласные звуки:

ب – b	ز – z	ق – q
ء – ’	س – s	ك – k
ت – t	ش – š	ل – l
ث – ṯ	ص – ṣ	م – m
ج – ġ	ض – ḍ	ن – n
ح – ḥ	ط – ṭ	ه – h
خ – ḫ	ظ – ṣ	و – w
د – d	ع – ‘	ی – y
ذ – ḏ	غ – ġ	
ر – r	ف – f	

Гласные звуки:

Краткие:	Долгие:
a, i, u	ā, ī, ū

О некоторых изменениях в японском языке в конце XX – первых десятилетиях XXI вв.

Последние десятилетия XX – первые XXI вв. ознаменовались значительными изменениями в японском языке. Изменения в любом языке следует рассматривать как естественный процесс, все языковые системы претерпевают их с течением времени. Изменения в японском языке на разных этапах его развития происходили с различной скоростью и охватывали различные системы и подсистемы. Японский язык в наши дни характеризуется чрезвычайно высокой скоростью изменений прежде всего благодаря глобализации и научно-техническому прогрессу.

Ещё одним значимым фактором появления изменений в современном японском языке является существование т.наз. *синхо:гэн* «новых диалектов», сочетающих характеристики территориальных и социальных диалектов, рождающихся в молодёжной среде и оказывающих влияние на развитие общего языка. Существуют и другие диалектальные разновидности нового типа, которые берут начало в молодёжной среде либо конкретного региона, либо связаны с распространением массовой культуры, что также наиболее характерно для молодёжи. Это нео-диалекты и «виртуальные» диалекты, роль которых в современном японском языке возрастает.

Анализируя изменения в японском языке в последние десятилетия, можно утверждать, что в этот период происходили значительные изменения как в фонетической, грамматической и лексической системах общего языка *кё:цу:го*, так и в территориальных разновидностях японского языка и социальных жаргонах. Эти изменения происходили и происходят постоянно, при этом одни из них сохраняются в языке, позволяя сделать предположение о превращении их в норму с течением времени, другие исчезают, просуществовав в языке лишь короткое время. В рамках одной статьи невозможно указать все изменения в японском языке в вышеуказанный временной период, поэтому обратимся к наиболее, с нашей точки зрения, существенным новациям.

Так, говоря о фонетической системе современного японского языка, следует прежде всего обратить внимание на повсеместное распространение акцентуации по типу т.наз. *хэйбанкасики акусэнто* 平板化式アクセント, букв. «плоская (ровная) акцентуация».

В стандартном японском языке *хё:дзюngo* и общем языке *кё:ю:го* нормативной является акцентуация по типу *кифукусики акусэнто* 起伏式アクセント букв. «акцентуация по типу подъёма и спуска», характеризующаяся различной высотой тона при произношении тех или иных слогов слова и играющая смыслообразительную роль в словах с одинаковой слоговой структурой. Так, нормативная акцентуация для слова *амэ* «дождь» – *Амэ*, для слова *амэ* «тянучка (конфета)» – *аМЭ*¹. Существуют различные варианты акцентуации *кифукусики*, когда, например, начальный слог или мора слова произносятся высоким тоном, а последующий (последующие) слог (слоги) – средним или низким, который может распространяться или не распространяться на форманты, следующие за словом. В то же время для других единиц характерны варианты, когда начальный слог произносится низким тоном, а последующий (последующие) слог (слоги) – средним или высоким; повышение тона может присутствовать во втором слоге, а далее слоги или моры произносятся низким тоном и т.д. Варианты произношения слов с различной слоговой структурой были, как известно, описаны нашим выдающимся соотечественником Е. Д. Поливановым, основоположником теории акцентуации японского языка. Количество вариантов нормативной акцентуации для двусложных, трёхсложных и других единиц достаточно велико, что делает правила акцентуации сложными для усвоения даже носителями языка. Ещё более сложными для запоминания они оказываются для иностранцев, изучающих японский язык. К тому же нормативной считается акцентуация, которая в период формирования стандартного языка была распространена в Токио и диаметрально отличалась от акцентуации, характеризующей диалекты Западной Японии, прежде всего Киото и Осаки.

Напомним, что в Западной Японии слоги, которые в Токио произносятся высоким тоном, в словах с тем же слоговым составом и значением произносятся низким или средним тоном. Это создаёт определённые сложности для различения семантики омонимов в условиях признания нормативной токийской акцентуации. В настоящее время распространяется акцентуация *хэйбанкасики акусэнто*, при которой первый слог произносится низким тоном, а все последующие – высоким, т.е. происходит унификация акцентуации, её упрощение, при котором не возникает необходимости запоминать правила и нормы повышения и понижения тона в словах. Этот тип акцентуации примерно три десятилетия назад был зафиксирован в Токио, язык которого в качестве языка столицы Японии и основы нормативного языка обладает высоким статусом, а затем распространился в другие регионы страны.

Диктор NHK Митиура Тосихико [Гэндай ё:го 2020, с. 135] вспоминает, как тридцать лет назад, когда он начал работать диктором, при

---

¹ Слоги с высоким тоном здесь и далее выделены жирным шрифтом.

произношении заимствованных слов *гайрайго* действовали следующие правила акцентуации: либо повышение тона происходило в срединных, чаще всего вторых и третьих, слогах слова по типу *пуродю:са:* «продюсер» (слоги *пуро* и *са* произносились низким тоном, *дю:* – высоким), *дзайна:* «дизайнер»; в другом варианте произношения слов *гайрайго* первый слог произносился высоким тоном, а последующие – низким по типу *гита:* «гитара», *байку* «мотороллер». Ныне в связи с распространением *хэйбанка* эти же слова стали произносить иначе, а именно повышение тона происходит на втором слоге и сохраняется до конечного слога или моры слова по типу *пуродю:са:, дзайна:, гита:, байку.* Аналогичная ситуация наблюдается и при произношении некоторых *канго.* Так, прежняя норма произношения слов *шинкай* «комитет» и *киссатэн* «кафе» практически не соблюдается и уступает место произношению по типу *шинкай, киссатэн.* Изменения в акцентуации прослеживаются не только при произношении отдельных слов, но также в словосочетаниях и предложениях. Так, короткое предложение *ий н дзя нэ?* «Хорошо, правда?», где высоким тоном произносился первый слог в слове *ий* и конечная мора, в современном японском языке стало произноситься по типу *хэйбанка: ии н дзя нэ?* Следует отметить, что вдобавок исчезло удлинение звука *э* в частице *нээ.*

Каковы же причины этого явления? В качестве основного фактора распространения *хэйбанкасики акусэнто* обычно указывают на «экономии (произносительных) усилий», когда при крайне напряжённом образе жизни в современных условиях, особенно в больших городах, становится обременительным соблюдать ранее существовавшие правила, а именно вначале произносить какие бы то ни было слоги высоким тоном, а затем понижать тон. Акцентуация типа *хэйбанка* наиболее часто фиксируется при произношении *гайрайго,* реже – *канго.* Анализ распространения *хэйбанка* в речи различных возрастных и социальных категорий жителей страны показывает, что эта тенденция наиболее устойчива в молодёжном языке, а также в речи специалистов в области ИТ-технологий, модельного бизнеса, новых медийных технологий; для наименования акцентуации специалистов этой категории носителей языка в японской лингвистике употребляют термин *сэммонка акусэнто* «акцентуация специалистов». Высказывается предположение, что распространению *хэйбанка* способствует процесс заимствований из американского варианта английского языка и образование значительного количества слов, состоящих из двух частей, иноязычной по происхождению и японской или китайской корневой морфемы. Дело в том, что в начальном периоде распространения *хэйбанка* была характерна именно для заимствований, и эта тенденция закрепились в языке.

Важнейшим фактором, оказывающим значительное влияние на появление в японском языке новых грамматических и лексических еди-

ниц, является существование т. наз. «новых диалектов», фиксирующихся вначале в среде подростков в различных регионах страны и затем распространяющихся по всей территории Японии. Поскольку «новые диалекты» зарождались в определённой социальной среде (подростки), они могли бы оцениваться как социальные диалекты. В то же время эти диалекты начинали функционировать на определённой территории, различаясь своими характеристиками в зависимости от области распространения, и, следовательно, обладают особенностями территориальных диалектов. Впервые подобные диалекты были описаны выдающимся японским лингвистом Иноуэ Фумио [Иноуэ 1983, с. 18]. Вместе с не менее известным лингвистом Сибата Такэси им был предложен ныне используемый термин *синхо:гэн* для наименования подобных диалектов. Диалекты *синхо:гэн* возникали в нескольких регионах Японии: прежде всего в Токио, в префектурах Сайтама и Ямагата, на о-ве Хоккайдо, различаясь более всего фонетическими и лексическими характеристиками, в меньшей степени – грамматическими. При этом очевидно, что наибольшее распространение по стране получили формы, вначале зафиксированные в *синхо:гэн* Токио аналогично другим новациям в японском языке, например, неологизмам или модным словам, которые также на начальном этапе распространения фиксируются в столице страны, а затем заимствуются носителями японского языка в других префектурах.

Таким образом, влияние языка Токио как основы общего языка проявляется и в подобной ситуации. Возникает вполне естественный вопрос, почему *синхо:гэн* рассматриваются как своеобразное диалектальное явление, но не как подсистема молодёжного языка? Дело в том, что молодёжный сленг, жаргоны, аргó употребляются только представителями молодого поколения жителей страны и как правило не полностью совпадают в различных молодёжных коллективах. Формы же *синхо:гэн* с течением времени постепенно начинают употреблять и другие поколения, в частности категория носителей языка в возрасте от 30 лет и выше, по крайней мере в неофициальной обстановке.

Немало отклонений от норм стандартного языка, которые закрепились в разговорном варианте японского языка благодаря *синхо:гэн*, могут быть охарактеризованы как новые грамматические формы. Говоря о подобных формах, обычно прежде всего приводят примеры т. наз. *ра-нуки котоба* букв. «слова без *-ра*», под которыми подразумеваются глагольные формы страдательного залога типа *мирэру*, *табэрэру* от глаголов *миру* «видеть», *табэру* «есть, питаться» и др., которые в базисной грамматике традиционно определяются как глаголы 2-го спряжения и в соответствии с нормами стандартного языка должны употребляться в формах *мирарэру*, *табэрарэру* и т.д. [Иноуэ 1983, с.191-195]. Однако эллипсис форманта *ра* при образовании подобных форм у глаголов указанного типа получил значительное распространение в речи ряда поко-

лений носителей языка и, возможно, в будущем может стать нормативным. Наблюдается тенденция к замене отдельных глаголов в форме длительного вида в прошедшем времени на формы, являющиеся аналогами соответствующих форм предикативных прилагательных, по модели *тигакатта* вместо *тигаттэ ита* «было не так; отличался». Условная форма этого же глагола *вакарэба* «если знаешь» заменяется формой *вакаря*. Подобная замена *-рэба* на *-ря*, как и *-кэрэба* на *-кэря* была характерна для Ситамати-хо:гэн, диалекта торговых кварталов Токио (Эдо) с конца периода Токугава до первых послевоенных лет, однако вряд ли возможно утверждать, что молодое поколение токийцев попросту возродило в процессе коммуникации эту особенность исчезнувшего диалекта, добавив удлинение последнего гласного звука. Представляется, что это всё же случайное совпадение. Уже давно закрепились в общем языке стяженная форма совершенного вида на *-тяу* по типу *коварэ-тяу* ««окончательно сломаться» вместо нормативной формы *коварэтэ симау*. Связка *дэсё*: всё чаще заменяется на *дзя н*, где окончание *н* заимствовано из диалектов Западной Японии. Этой форме предшествовала форма *дзя най*, где *дзя* восходит к части *дэ ва* нормативной формы *дэ ва най*, компонент *най* был заменён на *н*. Служебное слово *митай* «похожий» в соответствии с нормами стандартного языка в случае употребления в адвербиальном значении сопровождается формантом *ни*, например, *уси митай ни* «словно корова». В *синхо:гэн* в подобной ситуации *митай* употребляется в форме *митаку* (*уси митаку*), т.е. аналогично предикативным прилагательным.

Появление новых форм нередко связано с фонетическими новациями. Так, токийская форма *ваканнэ*: и её вариант *ваканнай* восходят к отрицательной форме *вакаранай* глагола *вакару* «понимать». Появление подобных форм объясняется прежде всего распространением в *синхо:гэн* ассимиляции, при которой слог *ру* перед *н* заменяется на *н*, а также, что ярко демонстрирует форма *ваканнэ*:, высокой частотностью перехода дифтонга *ай* в долгий гласный звук *э*.

Широкое распространение в Токио получили лексические единицы, которые были зафиксированы в *синхо:гэн* ещё в 80-е гг. XX века: *катасу* (синоним *катадзукэру* «приводить в порядок»), *бэро* «язык» (заимствование из диалектов Западной Японии, синоним общепонского *сита*), *энсэки* (синоним *моносаси* «линейка»), *сё:бай* (синоним *сио-карай* «пересолённый»), *тяринко* (синоним *дзитэнся* «велосипед») и пр.

Ещё одной разновидностью новых диалектов японского языка, которые также получили распространение в последние десятилетия и формы которых употребляются носителями японского языка аналогично формам *синхо:гэн*, являются нео-диалекты, или *нэо-хо:гэн*, как их определил Санада Синдзи [Садзи, Санада 1997, с.34-35]. Нео-диалекты, как и *синхо:гэн*, зародились в конце прошлого века и продолжают ак-

тивно функционировать в современной Японии. Эти диалекты представляют собой диалекты «смешанного типа», когда носители языка, говорящие на стандартном языке, «вкрапляют» в свою речь диалектальные формы. Как и в случае с *синхо:эн*, нео-диалекты более распространены в среде молодого поколения, но постепенно получают распространение и в других возрастных категориях. При этом анкетный опрос показывает, что молодые люди в различных регионах страны признают, что употребляют диалектальные формы в процессе коммуникации на общем языке, и согласны с тем, что их язык далёк от стандартного. Наиболее распространён подобный «смешанный» нео-диалект в Кансае, при этом высока частотность употребления форм этого диалекта в речи молодых девушек. Короткое предложение общего языка *Со: дзя най но* «Не так» в речи молодых жительниц Осаки приобретает вид *Со: я най но*, где вместо *дзя* (выше уже разъяснялась этимология этой формы) употреблена кансайская форма *я*, эквивалент связки *да*. В качестве эквивалента предложения *Дамэ дзя най но* «Разве можно? (Пожалуй, нельзя)» в Осаке можно услышать *Акан я най кай на* или *Акимахэн га на*, где *акан* является эквивалентом *дамэ* (= *икэнай*), а формант *хэ* в отрицательной форме *акимахэн* (= *икэмасэн*, *дамэ дзя аримасэн*) характерен не только для осакского диалекта, но и в целом для диалектов Кансаю. В последнее время ряд подобных форм фиксируется в Токио, хотя эта тенденция не распространяется на все кансайские варианты отрицательных форм связок и глаголов. Употребляемые в Киото формы *ки я хэн*, *кэ:хэн*, *ки:хэн*, *ко:хэн* «не пойду» и распространённая в Осаке форма *кэ:хэн* с тем же значением в настоящее время фиксируются прежде всего в среде молодых жителей этих городов, реже – в речи более старших возрастных категорий, но их употребление пока ограничивается пределами района Кансай (Кинки). Однако, принимая во внимание заимствование токийским языком вышеописанных форм, нельзя исключить распространение в столичном регионе и этих вариантов.

Ещё одной тенденцией, обращающей на себя внимание в настоящее время, является распространение в первые десятилетия XXI в. так наз. «виртуальных» диалектов [Кибэ и др. 2014, с.116-118]. Эта тенденция, как и описанные выше процессы, развивается в результате возрастающей популярности японской массовой культуры и новых для японского общества способов общения с помощью социальных сетей, ведения блогов и переписки с помощью мессенджеров. «Виртуальные» диалекты не являются территориальными диалектами в традиционном понимании. Это не территориальные разновидности японского языка, функционирующие в действительности, а своеобразные псевдодиалекты, на которых говорят персонажи *キャラ* *кяра* пользующихся популярностью во всём мире японских аниме, манги, косплей. Язык этих персонажей, прежде всего героев косплей, в совокупности с их костюмом должен со-

ответствовать представлениям о жителях тех или иных районов Японии. Главной задачей в данном случае является стремление создать 方言らしさ *хо:гэн расиса*, т.е. ощущение «подобия диалекту». Заметим в связи с этим, что использование «виртуальных» диалектов служит ещё одним доказательством изменения статуса диалектов в современном японском обществе и признания их ценности даже в условиях повсеместного распространения стандартного языка. Основными видами «виртуальных» диалектов являются *ジモ方言 дзимо хо:гэн* и *ニセ方言 нисэ хо:гэн*. *Дзимо хо:гэн* – диалектальные формы, которые используют персонажи косплей, представляющие те или иные регионы страны и в соответствии с сюжетом владеющие каким-либо диалектом, а также молодые люди, приехавшие в Токио из других регионов, в переписке с членами своей семьи и друзьями, оставшимися на родине. В отличие от них молодые люди, родившиеся и выросшие в Токио, не говорят на диалектах, используют *кё:цу:го* и не ощущают, что их речь в действительности диалектальная, поскольку считают, что токийский язык абсолютно нормативен. Заметим в связи с этим, что в современном Токио отмечаются значительные нарушения норм стандартного языка, и *то:кё:го*, язык токийцев, вовсе не идеален. У некоренных же токийцев, даже повседневно говорящих на общем языке, сохраняется привязанность к родному диалекту и желание выразить это чувство в общении с близкими.

Первая часть термина *дзимо хо:гэн* восходит к слову 地元 *дзимото* «место, район» и является сокращением слова *дзимоти* «местный», распространённом в 90-е гг. прошлого столетия. *Нисэ хо:гэн* в случае использования в косплей предполагает эпизодическое употребление диалектальных форм персонажами, чтобы создать иллюзию знания диалекта. Молодые люди, являющиеся коренными токийцами, аналогичным образом эпизодически используют известные им отдельные диалектальные формы в переписке с друзьями с использованием современных способов связи. Не обладая знаниями того или иного диалекта, молодые токийцы употребляют отдельные диалектальные единицы как неформальное средство выражения дружеского отношения, т.е. как своеобразный код.

Интересна этимология термина *нисэ хо:гэн*. Казалось бы, учитывая, что этот диалект виртуален, часть *нисэ* может трактоваться как «поддельный, псевдо», поскольку в японском языке существует морфема именно с этим значением. Но этимология данного компонента иная: слово *нисэ* является единицей диалекта Сацугу, одного из диалектов о-ва Кюсю, и означает «молодой мужчина». Со временем слово в этом значении было заимствовано молодёжным языком, а впоследствии стало употребляться в составе указанного термина. Данные японских диалектологов, проводивших обследование по различным регионам Японии в отношении использования *нисэ хо:гэн* в частной переписке, свиде-

тельствуют, что наибольшей частотностью употребления характеризуются диалекты Кансай, северного Канто, Кюсю и р-на Тююку.

Разумеется, эти разновидности массовой культуры наиболее популярны в молодёжной среде, но в то же время такие её виды как манга и аниме привлекают внимание людей среднего и старшего возраста. В отличие от *синхо:гэн* и нео-диалектов, которые уже «перешагнули» рамки функционирования в молодёжной среде и формы которых фиксируются в речи различных поколений жителей страны, «виртуальные» диалекты не оказывают влияния на *кё:ю:го*, но само по себе появление в японском языке этих диалектов, несомненно, следует рассматривать как новую тенденцию в развитии диалектов японского языка.

Изменение в системе диалектов японского языка одновременно означает изменение в японской языковой системе в целом. В то же время распространение *синхо:гэн*, нео-диалектов и «виртуальных» диалектов и возрастание их влияния, реально существующего или предполагаемого, на *кё:ю:го*, служат убедительной иллюстрацией изменения статуса диалектов в современной Японии, отказа от «диалектного комплекса» (определение Сибата Такэси) и оценки диалектов как языка, говорить на котором постыдно и недопустимо для современного представителя японского общества, формирования нового восприятия диалектов в качестве источника, из которого общий язык черпает новые формы. Знание диалекта ныне не только не подвергается насмешкам, но, напротив, оценивается достаточно высоко [Быкова 2013, с.29-38].

Большинство новаций, о которых шла речь выше, связано с языком молодёжи, т.е. поколения граждан будущей Японии, и, следовательно, молодёжный язык в качестве языка будущего играет особую роль в развитии японского языка. Разумеется, различные новации фонетического, грамматического и лексического характера вовсе не обязательно связаны с языком молодёжи, но именно этот язык наиболее подвержен различным изменениям. Осознавая значимость молодёжного языка для системы японского языка в целом, японские лингвисты уделяют ему особое внимание. Косвенным доказательством внимательного отношения к молодёжному языку служит постоянно фигурирующая рубрика «молодёжный язык» (*вакамонокотоба*) в большинстве ежегодно издающихся справочниках «Гэндай ё:го но киси тисики» (Основные сведения о современной лексике). Примечательно также и то, что тематика молодёжного языка присутствует в материалах известного японского лингвистического журнала «Нихонгогаку» (Японское языкознание). Один из номеров журнала за 2012 год целиком посвящён изменениям в японском языке в эпоху Хэйсэй (*Хэйсэй но гэнго хэнка*) [Нихонгогаку 2012, с. 33-34], которая, как известно, продолжалась с 1989 г. по 2019 г. и характеризовалась значительными новациями. Примечательно, что две из пяти статей, опубликованных в этом номере журнала, посвящены моло-

дѣжному языку. Это статьи Окамото Норико «Мэдиа но котоба но хэн-ка» (Изменения в медийном языке) и Ёнэкава Акихико «Гакусэй сю:дан но котоба но хэнка» (Изменения в языке студенческих коллективов). Анализ различных новых тенденций в молодѣжном языке приобретает особую значимость в связи с процессом изменений в японском языке.

Литература

1. Быкова С.А. О статусе территориальных диалектов в современном японском языке // *Японский язык в ВУЗе. Выпуск 8. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе» (октябрь 2012 г.)*. М.: Ключ-С, 2013, с. 29-38.
2. *Гэндай ё:го но киси тисики* (現代用語の基礎知識 Основные сведения о современной лексике). Токио: Дзюю: кокуминся, 2020, с. 135-137.
3. Иноуэ Фумио ред. «Синхо:гэн» то «котоба но мидарэ» ни кансуру сякай гэнгогакутэки кэнкю: (Социолингвистические исследования синхо:гэн и «порчи языка») (井上史雄編. «新方言」と「言葉の乱れ」に関する社会言語学的研). Токио: То:кё: дайгаку сюпанкай, 1983, с. 18, 191-195.
4. Кибэ Нобуко, Такэда Ко:ко, Танака Юкари, Хидака Мидзухо, Мицуи Харуми. *Хо:гэнгаку ню:мон* (Введение в диалектологию) (木部暢子、竹田暢子、田中ゆかり、日高水穂、三井はるみ. 放言学入門). Токио: Сансэйдо:, 2014, с. 116-118.
5. Нихонгогаку (日本語学、Японское языкознание), 2012, №9, с. 33-34.
6. Садзи Кэйдзо:, Санада Синдзи ред. Нихонго то сякай (Японский язык и общество) (佐治圭三、真田信治監修. 日本語と社会). Токио: То:хо:, 1997, с. 34-35.

Дистрибутивы в языке тигринья (тиграйском)

1. Введение

Тигринские дистрибутивы, или распределительно-последовательные формы, образуются от широкого круга частей речи, включая числительные, существительные, прилагательные, некоторые глагольные формы, предлоги, наречия и относительные местоимения. Дистрибутивная словообразовательная модель является довольно продуктивной в тигринья, при этом о ней практически ничего не упоминается в лингвистической литературе. В толковых тигринских, а также тигринья-иноязычных словарях отдельными статьями распределительно-последовательные формы, за редким исключением, не приводятся.

Дистрибутивы образуются редупликацией первой буквы исходного слова или формы, при этом первая буква новообразованной формы переходит в первый порядок (в случае гуттуральных – в четвёртый), а согласный второй буквы удваивается: **ክልተ** *kələttä* «два» → **ክክልተ** *käkkələttä* «по два». Гуттуральные согласные в тиграйском языке, как правило, не подвергаются геминации, но при образовании дистрибутивов возможны исключения. В случаях **ሀ** *hä*, **አ** *ʾä* и **ዐ** *ʿä*, впрочем, удвоение очень лёгкое, нестабильное и в основном слабо различимое, и только в случае **ሐ** *hä* оно очевидно: **ሐደ** *hadä* «один» → **ሐሐደ** *haḥhadä* «по одному», **ሐሊፉ** *halifu* «минуя, проходя» → **ሐሐሊፉ** *haḥhalifu* «иногда».

Дистрибутивы наделяются семантикой распределительности и/или последовательности, их значения выводятся из значений исходных слов/форм и контекста, а в некоторых случаях являются идиоматичными.

2. Образование тигринских дистрибутивов от различных частей речи и их семантика

Довольно часто дистрибутивные формы образуются от числительных – как количественных, так и порядковых: **ክክልተ ኩባያ ሰተቶ** *käkkələttä kubaya sätäyu* «они выпили по два бокала» (от **ክልተ** *kələttä* «два»); **ሐሐንቲ ቅርሺ አብ ወርሐ አዋጺኤን** *haḥhanti qərši ab wārḥi awwaṣiʾen* «они (ж.) складывались по [одному] доллару в месяц» (от **ሐንቲ** *hanti* «один» (ж.)); **ሰብ ጉዳይ ክክልተ ሰዓት ይኸውን ተካሪቦም** *säb gudday käkkələttä säʿat yəḵāwwün täzaribom* «пришедшие по делу люди разговаривали, вероятно, часа по два» (от **ክልተ** *kələttä* «два»); **ሃቡ ሚእቲ ቅርሺ ሐሐምሳኹም** *habu miʾti qərši, haḥḥamsakum* «давайте ваши сто долларов –

по пятьдесят с каждого» (от **አምሳ** ḥamsa «пятьдесят»); **ዳርጋ ረራብዓይ ሓሓምሻይ ጠራሙዝ በጸሐና** darga rärrabʿay haḥḥamṣay ṭaramuz bāšihna «мы принялись за четвёртую-пятую бутылку» (от **ራብዓይ** rabʿay «четвёртый», **አምሻይ** ḥamṣay «пятый»).

При наличии перед дистрибутивом-числительным предлога **አብ** «в, на», существительное при таком дистрибутиве наделяется семантикой одного из ряда подобных предметов или явлений, таким образом словосочетание переводится с помощью слова «каждый»: **አብ ውሽጢ ሓሓደ ገጽ** ab wūšti haḥḥadä gäṣ «на каждой странице» (от **ሓደ** ḥadä «один»); это можно контрастно проиллюстрировать также на примере **ሰለስተ** sälästä «три»: **ሰለስተ ሽሕ ከፈሉ** sässälästä šəḥ käfälu «они заплатили по три тысячи» vs. **አብ ሰለስተ ወርሒ እትሕተም መጽሔት** ab sässälästä wārḥi əttəḥəttäm mäṣḥet «журнал, публикующийся каждые три месяца» или «ежеквартальный журнал».

Не менее часто дистрибутивы образуются от существительных: **አብ ሰላልስቲ** ab sässälästi «каждый третий день» (от **ሳልስቲ** saləsti «третий день»); **ቀቅርሺ ሃቡኒ** qäqqrəši habunni «дайте мне по накфа» (от **ቅርሺ** qərši *любая базовая денежная единица*: «накфа», «быр», «рубль», «доллар» и т.д.); **ጠጥራሉን ንቅድሚት: ደድኹሙን እትጥሕን ፍለጠለይ** tättəriʿun nəqədmit, däddəḵmun əttəḥən fəlättälläy «Каждое крупное зерно отправляет вперёд, а каждое дроблёное зерно перемалывает, угадай – что это?» (от **ጥረ** ṭərə «[крупное] зерно», **ድኹም** dəḵum «дроблёное зерно») (*загадка, ответ – መድሃጽ* mädhäṣ «разделитель хлопкового семени»).

При переводе словосочетаний с дистрибутивами, образованными от существительных с притяжательными местоименными суффиксами, как правило, актуальна общая формулировка «каждый – свой [собственный]»: **ከኩርናገም ሓዘ** kʷäkkʷurnəʿom ḥazu «каждый [из них] занял свой угол» или «они рассредоточились по углам» (от **ኩርናዕ** kʷurnaʿ «угол»); **ዓዓራተን ሓዛ** ʿaʿaratän ḥaza «каждая [из них] легла в свою кровать» (от **ዓራት** ʿarat «кровать»); **ዓዓዶም እናኃደጉ አብ ከባቢ እቲ ገዳም ወፈሩ** (старая орфография) ʿaʿaddom ənaḥadägu ab kābabi əti gädam säfäru «покинув свои родные края (*каждый – свой*), они поселились в этом монастыре» (от **ዓዲ** ʿaddi «населённый пункт, деревня, родина»); **አቅሑ ሰስፍርሉ አትሓዘት** aqḥu sässäfrəʿu aḥazät «она расположила вещи по своим местам» или «она положила вещи на свои места (*каждую – на своё*)» (от **ሰፍራ** səfra «место»); **ሞቶራት ፍጹም ክሳዕ ዚቐውም አብ መመንበርኩም ጽንሑ** motorat fəṣṣum kəsaʿ ziqāwwūm ab məmmänbärkum šənḥu «оставляйтесь на своих местах (*каждый – на своём*) до полной остановки двигателей» (от **መንበር** mänbär «стул, сиденье, пассажирское кресло»).

Как и в случае с существительными, дистрибутивы-прилагательные образуются от прилагательных, как правило, с присоединением

притяжательных местоименных суффиксов, однако употребляются они гораздо реже: **ልክዕ ከምዚ ጸጸሊሙ እተርእ መነጽር ዝገበርና፡ ከክፉኡ ጥራይ ክንርእ ቅኑዕ አይኮነን** ləkkəʿ kāmzi šäṣṣällimu əttärəʿi mänäṣṣər zəgäbärna, kəkkəfuʿ tray kənrəʿi qənuʿ aykonän «видеть только плохое, будто в очках, которые выставляют всё в чёрном свете – неправильно» (от **ጸሊም** šällim «чёрный»), **ክፉእ** kəfuʿ «плохой»).

Дистрибутив как устойчивая лексическая единица с самостоятельным значением образуется, в частности, от высокочастотного слова **አንሳብ** ḥansab «однажды» (от **አንተ ሳዕ** ḥanti saʿ «один раз») → **አ-አንሳብ** ḥahḥansab «иногда», а также **በይኑ** bäynu и его близкого синонима **ንበይኑ** nəbäynu «один (*без другого*), отдельно» → **በበይኑ** bäbbäynu, **ነንበይኑ** nännəbäynu «разный; отдельный; особенный, другой»: **አ-አንሳብ አቦይ ካባና ደቂ ንላዕሊ ነዞም አሃብእ ይፈትው ኔሩ** ḥahḥansab abboy kabana däqqu nəlaʿli nəzom azabəʿ yəfättəw neru «иногда мой отец любил этих гиен больше, чем нас, своих собственных детей»; **አብ መላእ ዓለም ደቂ ተባዕትዮን ደቂ አንስትዮን ተኸተልቲ እምነት እስልምና አብ ውሽጢ መስጊድ በበይኖም ይፀልዩ** ab mällaʿ ʿalām däqqi tābaʿtəyon däqqi anəstəyon tākättälti əmnät əsləmənna ab wūṣṭi məsgid bäbbäynom yəṣəlləyu «во всём мире исповедующие Ислам мужчины и женщины молятся в мечети отдельно [друг от друга]; **ምድማርን፡ ሓድነትን ክልተ ነንበይኑ አርእስታትዮም** mədəmmarən, ḥadənnätən kələttä nännəbäynu arʿəstatəʿyuom «объединение и единство – это две разные вещи».

Из глагольных форм дистрибутивная модель характерна для герундия (герундива) и в таких случаях выражает, как правило, повторяющееся действие: **እቶም ህዝቢ ድማ አግራብ ሰሰሊዎም አብቲ መንገዲ አንጸፉሉ** ətom həzbi dəmma agrab sässäliʿom abti mängäddi anšəfullu «люди посрывали ветки с деревьев и постелили их для него (*Иисуса Христа, пришедшего в Иерусалим*)» (от **ሰልዕ** säliʿä «обрывать (*ветку и т.п.*)»); **ንሓደ ድልዱል ሰብአይ ዜርስን ዓቕን ቀቀዲሓ ዓደለተን** nəḥadä dəldul sebʿay zerəssən ʿaqän qäqqädiḥa ʿaddälättän «она разлила и раздала каждой по такому количеству [коктейля], от которого мог захмелеть даже крепкий мужчина» (от **ቀድሐ** qädḥä «наливать»); **እተን አንስቲ ናብ በቤተን ምስ አተዋ፡ አብ ሽቻቕ አአቲኻ ምትፋእ ጥራይ ኮና** ətän anəsti nab bäbbetän məs atāwa, ab šəqəq aʿatika mətfaʿ tray kəna «когда женщины вернулись в свои дома, то только и делали, что ходили срыгивать в туалет» (от **አተወ** atāwä «входить», а также от **ቤት** bet «дом»).

**ንህዝብና ዝገቦ እኽሊ ነነስኒሱ
አይብሳላኻ እንድዩ ጸጋና ፈሲሱ
ብሳላኻው ዘመን ተመሊሱ
ዝሞተ ከስዕና ሳላኻ አተንፊሱ**

nəhəzbəna zəhabo əkli nännäsnisu
aybəsallaḳa əndəyyu šəggana fäsisu
bəsaḳa ʿwwä zämän täməlisu
zəmotä kəsʿāna sallaḳa atānfisu

«Зерном народу нашему Он стал обильно посыпать
Ведь это Ты излил Свою нам благодать
Хорошие времена вернулись и теперь мы можем жать
По милости Твоей желудок наш голодный стал дышать»

(от ነስነስ näsnäsä «посыпать»).

(вольный поэтический перевод;
автор оригинала неизвестен)

В некоторых случаях дистрибутивы-герундии становятся устойчивыми лексическими единицами с самостоятельным значением: **ጸጸኒሑ** ṣäṣṣäniḥu «периодически, время от времени» (от **ጸኒሑ** ṣäniḥu «подождав», «через некоторое время»); **ሓሓሊፉ** haḥḥalifu «иногда, периодически», «местами, кое-где» (от **ሓሊፉ** ḥalifu «минуя, проходя»); **መመሊሱ** mäm-mälisu «в очередной раз, вновь и вновь» (от **መሊሱ** mälisu «возвращаясь», «снова, опять»). Например: **ወሓይዝ ናብቲ ዝኸዱሉ ቦታ መመሊሶም ይኸዱ** wäḥayəz nabti zəkädullu bota mämmälisom yəkädu «реки [снова и снова] возвращаются к своим истокам».

Образование дистрибутивов возможно также от относительных глагольных форм с местоименным префиксом **ዝ-** zə-: **ስማም ናይ ባሕሪ ኣብ ዘዝመጸ ወለዶዩ ዝመሓለፍ** ḥəmatam nay baḥri ab zäzzəməṣä wälädo'yyu zəmmäḥalaläf «морская болезнь передается по наследству» (букв. «каждому следующему поколению»); имеет место языковая игра – под морской болезнью здесь подразумевается тяга эфиопов к эритрейскому Красному морю, утраченному ими в результате обретения Эритреей независимости); **ኣብ ዘበሉኹም ጽንሑ** ab zäzzälläḳuməwwə ṣəñḥu «оставайтесь на своих местах (букв. там, где каждый из вас находится)»; **ዘበሉተውቶ እናቼጠበት ዓየየት** zäzzä'täwätto ənnaq'ättäbät 'əyāyät «она работала, откладывая всё, что зарабатывала».

Перевод словосочетаний с дистрибутивами-предлогами, как и в прочих случаях, в основном контекстуально зависим. Вот показательные примеры употребления дистрибутивных форм от предлогов **ምስ** mäs «[вместе] с», **ኑ-** nə- (маркер прямого дополнения, передается в основном винительным падежом), **ኣብ** ab «в, на», **ካብ** kab «из, от», **ናብ** nab «к, в, на, по направлению к» и **ናይ** nay (маркер принадлежности, передается в основном родительным падежом): **ሰብኡተን ግና: ከም መብዝሕትኣም ተቐማጦ ሓድሽ እምባ: መምስ ኣዕሩኹም መምሰይቲ ነበሩ** säb'utän gəna, käm mäbzəḥtə'om täqämmaṭo ḥaddəṣ əmba, mämməs ə'ruḳom mämsäyiti näbäru «а каждый из их супругов, как и большинство жителей Хаддыш-Ымбы, проводил вечера со своими друзьями»; **ነንሕድሕድም ነንሕድሕድም ነበቡሕ ክመሃሩ ይኸእሉ** ḥəṣanat kab nännəḥədhədom «друг друга»; **ህጻናት ካብ ነንሕድሕድም ብዙሕ ክመሃሩ ይኸእሉ** ḥəṣanat kab nännəḥədhədom bəzuḥ kəmmäḥaru yəkə'əlu «дети могут многому науч-

читься друг от друга»; **አኣብ ዝደለይዎ ቦታ በጸሓዎ** aʿab zədäläyəwwo bota bäsīhom «они прибыли туда, куда хотели (*каждый из них соответственно*)»; **ካብ ዝተፈላልዩ ሃገራት ዓለም ብዲሞክራሲያዊ አገባብ ከካብ ዝቕመጥዎ ቦታ ተመሪጾም ዝመጹ አባባት** kab zətäfälaläyā hagärat ʿaläm bədīmokrasyaawi aggäbab käkkab zəqəmmätəwwo bota tämärišom zəməšu abalat «избранные демократическим путём и прибывшие из своих резиденций делегаты из разных стран мира»; **15000 ስደተኛታት ክሳብ ምዝሃም እዚ ዓመት’ዚ ካብ ሊብያ ነናብ ሃገርም ናይ ምምላስ መደብ ከምዘሎ አህጉራዊ ውድብ ስደተኛታት ማለት** IOM ሓቢሩ 15000 (ʿassärtä ḥamməštä šəḥ) səddätäññatat kəsaʿ məzəzam əzi ʿamät’zi kab libya nännab hagärom nay məmlas mädäb kämzällo ahgurawi wüddəb səddätäññatat malät ay ow äm ḥabbiru «Международная организация по миграции, т.е. IOM, сообщила о планах репатриации из Ливии 15000 мигрантов до окончания текущего года»; **ነፍስ ወከፍም ነናይ ውልቆም ሓሳባት አለዎም** näfsə wäkkäfom nännay wülqom ḥasabat alläwwom «у каждого из них есть свои [собственные] идеи»; **ነናይ ትካላቶም አርግ ሒዞም ቀረቦም** nännay təkcalatom arma ḥizom qäribom «каждый из них представил эмблему своего учреждения»; **ሰራሕተኛታት ናይቲ ትካል ነናይ ሓደ ወርሒ ደሞዞም ንምክልኻል ኮርና ቫይረስ አወፍዮም** säraḥtäññatat nayti təkcal nännay ḥadä wärḥi dämozom nəməkkələḳkal korona vayräs awäffəyom «сотрудники этого учреждения пожертвовали по месячной зарплате для борьбы с коронавирусом»; **ክልተ ነናይ ሓምሳ ግበረለይ** kəlättä nännay ḥamsa gəbärälläy «разменяй мне [сотню] на две [купюры] по пятьдесят».

Особого внимания заслуживает предлог **ብ-** bə-, выражающий множество отношений, в частности, указывающий на деятеля, орудие совершения действия и в этом значении часто передающийся творительным падежом. От данного предлога, пожалуй, чаще других образуются дистрибутивы, например: **ብብዝተደልደሉ ጊዜ** bäbbəzətädälyallu gize «всякий (каждый) раз, как они (*ж.*) были нужны»; **እግዚአብሔር ንኹሎም ፍጥረታት ብብወገኖም ገይሩ ፈጠርዎም** əgziʾabḥər nəḵwüllom fəṭrätat bäbbəwägänom gäyru fäṭirəwwom «Бог создал всех существ по [их соответствующим] видам». Некоторые такие формы, в частности образованные от существительных с притяжательными местоименными суффиксами, прочно закрепились в языке в качестве особых лексических единиц с самостоятельным значением. В целом **ብ-** bäbbə- в этих случаях присущи такие значения, как «каждый, всякий; разнообразный»: **ብብመዓልቲ** bäbbəməʿalti «каждый день, ежедневно»; **ብብጊዜኡ** bäbbəgizəʿu или **ብብእዮኑ** bäbbəʿəwwanu «постоянно, регулярно; всякий раз»; **ብብዓይነቱ** bäbbəʿaynätu «разные, всевозможные, разных видов (*также название популярного в Эритрее и Эфиопии постного блюда-ассорти*)»; **ብብዓይነተን መራኽብ** bäbbəʿaynätan märaqəb «разнообразные (разные) корабли»; **ብብዓቕኑ** bäbbəʿaqänu «разных (любых) размеров, разной (любой) вели-

чины); በብሓደ bäbbəhadä по одному, по очереди; በብቅሩብ bäbbəqʷürub «постепенно, понемногу, по-тихоньку»; በብተራ bäbbətära или በብተርታ bäbbətärta «по очереди, по порядку».

В случаях образования дистрибутивов от предлогов ቅድሚ qədmi «перед» и ድሕሪ dəhri «за» при глаголах движения значение либо практически не изменяется, либо соответствующий глагол наделяется семантикой несколько динамичного или неравномерного движения, например, повторяющего траекторию чего- или кого-либо: እቲ መንእሰይ ቀቅድሚአላላፈ äti mänʔäsäy qäqqədmiʔa ḥaläfä «этот парень прошёл перед ней»; ደድሕሪ ጽምብላሊዕ ምጉዳይ däddəhri şəmbəlaläc məgʷayä «бежать [вслед] за бабочкой».

3. Заключение

Дистрибутивная модель демонстрирует значительную продуктивность, и в её орбиту входят практически все части речи. Дистрибутивы наделяются семантикой распределительности и/или последовательности. Их значения обычно выводятся из значений исходных слов/форм и часто контекстуально зависимы, однако в некоторых случаях являются идиоматичными. Отдельные дистрибутивы обрели в языке статус устойчивых лексических единиц с самостоятельным значением.

Поскольку дистрибутивные формы до сих пор почти не упоминались в лингвистической литературе и только в особых случаях упоминаются в словарях, а знание значений соответствующего слова порой недостаточно для определения значения его дистрибутивной формы, в т.ч. в контексте, представляется целесообразным составление очерков о тигринских дистрибутивах в качестве приложений к тигринья-иноязычным словарям.

Литература и источники

1. Гутгарц Я. Н. *Русско-тиграйский тигринья-русский разговорник и словарь*. М.: Наука, Восточная литература. 2017
2. Муса Арон. *Уоркыха: история одной девушки*. Перевод с тигринья Я.Н. Гутгарца. Москва, Наука-Восточная литература, 2019
3. da Bassano, Francesco. *Vocabolario tigray-italiano*. Roma, 1918.
4. Kane, Thomas Leiper. *Tigrinya-English dictionary* (2 vol.), Springfield, 2000.

5. ተክአ ተስፋይ። ዘመናዊ መዝገበ ቻላት ትግርኛ፡ አስመራ፡ 1999፡ 2011።
6. ካሳ ገ/ሂወትን አማኑኤል ጋንኪንን። መዝገበ-ቃላት ትግርኛ፡ አዲስ አበባ ፳፻ ዓ.ም.።
7. ናይ ኢትዮጵያ ቋንቋታት አካዳሚ። መዝገበ ቃላት ትግርኛ ብትግርኛ። አዲስ አበባ፡ ፲፱፻፹፱ ዓ.ም.።
8. አባ ዮሐንስ ገብረ-እግዚአብሔር። መዝገበ-ቃላት ትግርኛ-አምሓርኛ፡ አሥመራ፡ ፲፱፻፵፰-፵፱ ዓ.ም.።
9. ሙሳ አሮን። “ወርቅሃ”፡ አስመራ፡ 1966።
10. ተክአ ተስፋይ። መባእታ ሰዋስውን ስነ-ጽሑፍን ትግርኛ። አስመራ፡ 2014።
11. ሃይለ ቦኹረ። ምስላታትን ሕንቅልሕንቅሊተይን ትግርኛ፡ ትግረ፡ ሳሆ፡ ብሊና፡ ዓፈር፡ ኩናማ። Powder springs, 2020

Знак смеха в японском языке: рождение нового служебного показателя в условиях письменной интернет-коммуникации

1. Введение

Сфера неформальной электронной коммуникации – динамично развивающаяся область японского языка, отмеченная множеством письменных инноваций. В их числе – разнообразные средства передачи модально-экспрессивной информации: символы типа ♪, ☆, ♥, всевозможные смайлики-*каомодзи*, нестандартные формы многоточия. Вопросительный и восклицательный знаки тоже принадлежат этому ряду: по сравнению с европейскими языками, в японском они имеют еще слишком ограниченное распространение, но активно употребляются в эмоциональном и персонализированном интернет-дискурсе.

По совокупности критериев, принимающих во внимание форму, значение и другие особенности функционирования этих единиц, все они с большим или меньшим основанием могут быть причислены к периферии японской пунктуации [Зверев 2016] (ср. также [Akizuki 2009, p. 230-258]), а с точки зрения собственно грамматики мы относим их к разряду модально-экспрессивных частиц – одному из канонических классов японских служебных показателей [Зверев 2014a; Зверев 2014b]. Частицы этого класса употребляются на правой границе своей сферы действия, придавая ей определенную модально-экспрессивную окраску. Например, вопросительный знак ?, подобно непунктуационной заключительной частице *か ka*, размещается в конце предложения и приписывает ему вопросительную модальность.

В настоящей статье будет рассмотрено несколько этимологически связанных письменных выражений, передающих эмоцию смеха, – от целых скобочных групп типа (笑い), (笑) до максимально экономных вариантов типа *w*, *v*. В элементах этого эволюционного ряда можно видеть разные стадии на пути развития нового пунктуационного показателя, который мы называем «знаком смеха». Вот типичные примеры употребления таких единиц:

- (1) 娘も結構楽しんでいたようです(笑)
Musume mo kekkoō tanoshin-de i-ta yoo
дочь и вполне радоваться-CNV AUX-PST EVD

des-u (笑)
COP.ADR-PRS PTCL
«Дочь тоже была вполне довольна :)» (BCCWJ)

- (2) お腹と相談して追加オーダーしましたよw
Onaka to soodan shi-te tsuika oodaa
живот с совет VRB-CNV добавление заказ
- sh-imash-ita yo w*
VRB-ADR-PST PTCL PTCL
«Посоветовавшись с животом, [я] заказал добавки!» (BCCWJ)

В приведенных примерах показатели смеха глоссируются нами как частицы (PTCL). При глоссировании пунктуацией обычно пренебрегают, а в традиционной теории пунктуации знаки препинания просто выносятся за рамки частеречной системы (ввиду сильнеешего примата графики над грамматикой – см. о проблеме [Зверев 2014a]). Во многих отношениях подход к их грамматическому описанию разработан недостаточно. Тем больше сложности для анализа представляет случай развития пунктуационной единицы из непунктуационной, с необходимостью интерпретировать переходные формы. Грамматический статус новых единиц будет обсуждаться подробнее в следующих разделах.

В первую очередь наше внимание будет обращено к перечисленным выше вариантам: благодаря своему крайнему положению они позволяют в наиболее рельефном виде оценить те изменения, которые произошли в истории этого показателя. Однако они не исчерпывают всего разнообразия форм – наряду с ними встречаются и такие промежуточные варианты, как 笑, わら, ワラ и другие модификации. Все они могут считаться единицами современного японского языка, и это обстоятельство отражает известную переменчивость языка неформального электронного общения и стремительность многих протекающих в нем процессов.

Между тем история «знака смеха» началась задолго до эпохи интернета. Согласно справочнику [Shoogakukan 2007, p. 83], заключенные в скобки ремарки типа (笑い) «смех» или (ここで A 氏退席) «здесь господин A выходит» впервые стали употребляться в текстах интервью в журналах эпохи Тайсё (1912-1926). С ними сближаются модально-экспрессивные маркеры типа (笑), (爆), (泣), (驚) (соответственно, обозначения смеха, взрыва хохота, плача, удивления), которые используются в электронных письмах, на электронных досках объявлений и т.п. [Shoogakukan 2007, p. 83]. Они продолжают собой прежнюю традицию, которая получила бурное развитие в уникальных условиях электронного субмодуса письменного языка – в условиях, которых никогда еще не существовало в истории визуально-графической коммуникации.

В статье мы обсудим изменения, которые обеспечивают наблюдаемое превращение свободной дискурсивной ремарки в модально-экспрессивную частицу. Следует подчеркнуть специфически «письменный» характер этих явлений, их обособленность от звучащей речи – неслучайно вопрос о способе озвучивания вызывает у носителей затруднения: в нормальном прочтении эти новые показатели лишены устных коррелятов. При этом, несмотря на яркую графическую специфику и традиционную ассоциированность пунктуации с областью графики, мы не намерены ограничивать свое внимание графической формой, а готовы рассматривать всю совокупность свойств, которые обычно обсуждаются при изучении грамматикализации (ср. [Lehmann 2015, p. 129-188; Heine, Kuteva 2007, p. 33-45]).

2. Функционально-семантические изменения

Как показывают исследования на традиционном для лингвистики устном материале, процессы грамматикализации, как правило, начинаются с изменений функционально-семантического характера, которые, в свою очередь, могут мотивировать дальнейшие формальные преобразования [Плунгян 2000, с. 232-233; Heine, Kuteva 2007, p. 35]. Развитие японского «знака смеха», хотя и протекает в особых условиях письменного языка, по-видимому, следует тем же путем. Вариант (笑), сохраняя еще внешний облик комментария в скобках, уже демонстрирует описанные ниже перемены в значении и функции и потому рассматривается наравне с другими модально-экспрессивными маркерами конца предложения из разряда «новой пунктуации» [Akizuki 2009, p. 257-258].

Сравнивая употребление исходной ремарки с функционированием новых единиц, прежде всего стоит отметить переход от комментирования речи третьих лиц к употреблению в речи от первого лица. В транскриптах интервью и подобных им текстах собственная речь участников беседы и авторские комментарии составляют два разных плана изложения. При этом помета «смех» при чьей-то реплике выступает таким же авторским уточнением обстановки, сопровождающей эту реплику, как и фразы типа «смех в студии» или «здесь господин А выходит». Совмещение авторов основного высказывания и метатекстового комментария к нему в одном лице открывает путь к дальнейшей интеграции этих двух компонентов дискурса.

В новых условиях пишущий получает возможность использовать пометы типа (笑) для передачи собственных эмоций, непосредственно доступных его восприятию, а не для описания их внешних проявлений. Прагматический контекст употребления пометы расширяется таким образом, что автор высказывания уже и не должен в самом деле издавать смех – требуется только намерение выразить соответствующую эмоцию.

Абстрагирование от самого действия смеха ведет к утрате прежнего референциального значения: помета уже не может отсылать к явлению смеха при его реальном отсутствии. Таким образом происходит переход к прямому выражению эмоции: типичная именная семантика существительного «смех» сменяется значением, свойственным экспрессивной частице¹.

Значительные функциональные изменения закономерно отражаются на сфере употребления новых показателей: вместо текстов интервью, сценариев, драматических произведений они начинают активно использоваться в различных жанрах неформальной интернет-коммуникации. Именно этот тип дискурса является главной областью распространения пунктуационных модально-экспрессивных частиц, где наблюдается их наибольшее разнообразие [Зверев 2014а, с. 97-98].

3. Грамматические изменения и категориальный переход

С точки зрения грамматики исходная ремарка (笑い\)) представляет собой скобочную группу – сочетание служебного пунктуационного показателя – круглых скобок ( ) – с существительным 笑い\ warai ‘смех’, образованным от глагола 笑う warau ‘смеяться’. Переход этой пометы в класс модально-экспрессивных частиц сопровождается целым рядом морфосинтаксических изменений с появлением новых упрощенных вариантов показателя.

Во-первых, можно констатировать утрату значимых морфологических сегментов – круглых скобок и суффикса отглагольного существительного. В исходном выражении скобки указывали на второплановость, возможно, пониженную коммуникативную значимость заключенного в них комментария (по сравнению с вербальным содержанием реплик), структурно отделяя его от основного текста (о семантике скобок см. [Зверев 2015]), тогда как суффикс ゝ -i маркировал категориальную принадлежность к классу существительных. В функции маркера эмоциональной окраски, развившейся на базе семантики корня 笑 wara- ‘смех’, грамматическая нагрузка этих служебных элементов потеряла свою актуальность, так что они могли быть без ущерба утрачены.

Отпадение указанных элементов означает безусловную потерю внутренней морфологической членимости: показатель 笑 (не говоря о еще более упрощенных вариантах) является морфологически элементарным.

---

¹ Ограничиваясь в характеристике значения одной «эмоцией смеха», мы, вероятно, несколько упрощаем ситуацию, упуская из рассмотрения такие возможные функции, как выражение доброжелательности по отношению к читателю-собеседнику, смягчение категоричности высказывания и пр. Безусловно, семантика новых единиц заслуживает более подробного изучения.

Отметим, что в японской орфографической практике окончание отглагольного существительного не обязательно получает отдельное выражение на письме, так что и 笑い, и 笑 (без выраженного суффикса) в принципе являются допустимыми способами записать слово *warai*. Переход между вариантами (笑い) и (笑), по сути, заключает в себе выбор между двумя альтернативами, существовавшими безотносительно к употреблению в качестве модально-экспрессивной пометы. При этом они явно отличаются друг от друга в плане экономичности письменной формы. По данным корпуса (BCCWJ), частотность более простого варианта (笑) оказывается на порядки выше, чем (笑い): 13963 против 355 употреблений. Можно утверждать, что его преобладание не имеет отношения к устной речи, а объясняется сугубо письменной экономией.

Во-вторых, развитие в направлении служебного показателя сопровождается утратой прежней морфосинтаксической сочетаемости и вариативности. Исходная ремарка строится как свободное языковое выражение и допускает потенциально неограниченное множество модификаций, в которых ее центральный компонент – отглагольное существительное 笑(ゝ) *warai* – демонстрирует свойства обычного японского существительного, а именно:

- выступает составной частью композитов: (苦笑い) *nigawarai* «горькая усмешка», (泣き笑い) *nakiwarai* «смех сквозь слёзы», (含み笑い) *fukumiwarai* «подавленный смех». Также довольно употребительны выражения с композитами-канго (苦笑) *kushoo* «горькая усмешка», (爆笑) *bakushoo* «взрыв хохота», где устным коррелятом элемента 笑 выступает сино-японская морфема *shoo* (на форме письменной единицы это не отражается);
- присоединяет различные зависимые определения: (スタジオ笑い) *sutajio warai* «смех в студии»², (酷い笑) *hidoi warai* «страшный смех», (ほっこり笑い) *nikkori warai* «приветливая улыбка»;
- употребляется в составе других синтаксических конструкций – ср. фактически сокращенную клаузу (また笑) *mata warai* «снова смех» (все примеры здесь обнаружены в корпусе (BCCWJ)).

Стандартизация показателя в форме (笑) (с дальнейшим упрощением) означает утрату всей этой прежней вариативности.

В-третьих, важным аспектом грамматических изменений является интеграция нового показателя в синтаксическую структуру предложения, выступающего сферой действия новой модально-экспрессивной частицы.

В статье [Heine et al. 2015, p. 111-114] для описания ранней стадии формирования заключительных частиц на основе союзов в разных европейских языках привлекается понятие «тетических элементов» – своего рода парентез дискурсивного уровня, которые отличаются син-

² Примечательно, что эта ремарка указывает на смех, который заведомо не принадлежит автору высказывания.

таксической независимостью и по своему содержанию зачастую не относятся к тому высказыванию, к которому примыкают, а характеризуют внешнюю дискурсивную ситуацию, в которой оно было произнесено. Грамматикализация таких вставных элементов в функции заключительной частицы предполагает их вхождение в состав предшествующего высказывания. По сути, исходная ремарка является таким же изолированным «тетическим элементом», находящимся вне зоны действия синтаксиса предложения.

Можно сказать, что положение таких «закадровых» комментариев в тексте, в отличие от позиции модально-экспрессивных частиц, определяется не столько правилами грамматики, сколько прагматическими условиями: на какой фрагмент речи приходится соответствующее (неречевое) действие или иное изменение фоновой обстановки? То обстоятельство, что в действительности смех часто (хотя и не всегда) завершает высказывания, так или иначе находит отражение в синтаксической позиции новой единицы.

По классификации [Зверев 2012], ремарки типа (笑) в исходном употреблении принадлежат к сильным скобочным группам, отличаясь известной структурной обособленностью от контекста. Синтаксическая связь таких единиц с внешним текстом разными исследователями ставится под сомнение, так что они могут вообще не включаться в состав предложения (ср. [Биянова 2007] о разных подходах к вставным конструкциям в скобках на английском и русском материале). Утрата скобок снимает это формальное разграничение, а в плане содержания новый элемент становится полноправной частью предложения, превращаясь в показатель его эмоциональной окраски (и правой границы).

В целом эти изменения находятся в русле тенденции к формализации относительно свободных «прагматических» дискурсивных конструкций в синтаксисе [Givón 1979, p. 207-233]. Формальным признаком становления нового показателя в качестве завершающего компонента предложения может служить его систематическое употребление *вместо* точки, как в следующем тексте:

- (3) この「koseiの日常独り言」開設して今夜で丸3年ですよ(笑)まことにありがとうございます(笑)こんな写真ばかりアップしていますが今後ともよろしくです(笑)

<i>Kono</i>	«kosei	<i>no</i>	<i>nichijoo</i>	<i>hitorigoto</i> »	<i>kaisetsu</i>
этот	Косэй	GEN	повседневно	монолог	основание
<i>shi-te</i>	<i>konya</i>	<i>de</i>	<i>maru</i>	<i>sannen</i>	<i>des-u</i>
VRB-CNV	этот.вечер	в	целый	три.год	COP.ADR-PRS
<i>yo</i>	(笑)	<i>Makotoni</i>	<i>arigatoo.gozaimasu</i>	(笑)	<i>Konna</i>
PTCL	PTCL	искренне	спасибо	PTCL	такой

shashin bakari appu shi-te i-mas-u ga
фото только загрузка VRB-CNV AUX-ADR-PRS a

kongo tomo yoroshiku des-u (笑)
впредь и хорошо COP.ADR-PRS PTCL
«Этим вечером будет целых три года, как я начал свои
«Повседневные монологи Косэя!» :) Большое спасибо :) Только
и делаю, что выкладываю такие фото, всегда пожалуйста :)»
(BCCWJ)

Данный пример показывает, что грамматической функцией по маркированию конца предложения наделяется уже консервативный вариант (笑).

Отдельного внимания заслуживает вопрос об изменениях в категориальной принадлежности модально-экспрессивной пометы: к какой части речи следует относить новые языковые единицы?

В исходном виде маркер (笑い) является скобочной группой, внутренний текст которой представляет собой отглагольное существительное. Наиболее близкий к нему промежуточный вариант (笑) формально тоже допускает такую интерпретацию, поэтому его грамматический статус зачастую трудно установить однозначно³. Несмотря на консервативную форму, фактически маркер (笑) уже функционирует как модально-экспрессивная частица и в монографии [Akizuki 2009, p. 44; 257-258] ставится в один ряд со смайликами типа (^o^) и другой экспрессивной пунктуацией конца предложения. Это заставляет вспомнить результаты наблюдений над грамматикализацией на «каноническом» устном материале, согласно которым «функциональные процессы, как правило, хронологически предшествуют остальным, а морфосинтаксические никогда не могут происходить под влиянием фонетических (обратное возможно)» [Плунгян 2000, с. 232-233] (аналогом фонетики в письменном языке выступает графика).

Так, в следующем примере вариант (笑), выполняя функцию точки, грамматически оформляет конец предложения наравне с такими маркерами, как ☆, ♪ и ! (ср. также пример (3) выше):

- (4) 今日、LETTERや誕生日プレゼント頂きました☆ありがとうございます♪♪♪♪
卒業オーディション一応終わりました！疲れた(笑)
Kyoo, LETTER ya tanjoobi purezento
сегодня, письмо и день.рождения подарок

³ Можно ориентироваться на такие косвенные признаки, как жанр текста, употребительность в нем других помет в скобках или других новых средств экспрессивной пунктуации и т.п.

itadak-imash-ita ☆ *Arigatoo.gozaimasu* ♪♪♪ Sotsugyoo
 получить-ADR-PST ☆ спасибо ♪♪♪ выпуск

oodishon ichioo owar-imash-ita!
 прослушивание в.общем кончатся-ADR-PST!

Tsukare-ta (笑)
 уставать-PST PTCL
 «Сегодня получила письмо и подарок на день рождения!
 Спасибо!!! И выпускные прослушивания в общем закончились!
 Устала :)» (BCCWJ)

В таком употреблении показатель (笑) предпочтительно рассматривать как особую единицу словаря (вместе с упоминавшимися маркерами аналогичной структуры (爆), (泣), (驚)), а прикрепление скобок, по-видимому, уже лишенных прежней грамматической нагрузки, расценивать как лексикализацию исходного сочетания⁴.

Удаление скобок, казалось бы, делает все выражение идентичным существительному из состава исходной ремарки. Но показатель 笑 лишь отчасти напоминает существительное 笑(い) *warai* ‘смех’. Рассмотрим примеры:

- (5) 今日は、マックで、抹茶のマックフルーリーを食べた!!…うまい笑。
Kyoo wa, makku de, maccha no makkufuruurii
 сегодня TOP, Макдоналдс в, маття GEN макфлурри
o tabe-ta!!... Uma-i 笑.
 ACC есть-PST!!... вкусный-PRS PTCL .
 «Сегодня в Маке ел макфлурри со вкусом маття!!!.. Вкусно :)»
 (BCCWJ)

Фрагмент うまい笑 внешне не отличается от сочетания существительного с определяющим его предикативным прилагательным – ср. приводившуюся выше именную группу 酷い笑 *hidoi warai* «страшный смех», устроенную таким образом. Однако лексическая семантика прилагательного うまい *umai* ‘вкусный’ и общий смысл высказывания практически исключают такую синтаксическую трактовку.

- (6) 丑三つ時ごろに見るにはちょうどいい映画でした笑
Ushimitsudoki goro ni mi-ru ni wa
 глухая.ночь около в смотреть-PRS DAT TOP

⁴ Подобный путь, вплоть до полного исчезновения, вероятно, проделали и скобки в составе знака сноски. В более широком смысле эти скобки уподобляются любым старым морфемам, утратившим свой морфологический статус и окончательно «растворившимся» в контексте.

choodo i-i   *eiga desh-ita*   笑
точно хороший-PRS   фильм COP.ADR-PST PTCL
«Это был самый подходящий фильм для просмотра глубокой
ночью :)» (BCCWJ)

Здесь интерпретация 笑 как существительного, которое в таком случае должно было бы подчинять предшествующую клаузу в качестве определения, и вовсе не является грамматичной: форма связки *でした* *deshita* не употребляется в атрибутивной позиции. Грамматически приемлемый и в целом содержательно непротиворечивый анализ обоих приведенных примеров возможен только при трактовке завершающего элемента 笑 как заключительной частицы, выражающей эмоцию смеха.

Чтобы препятствовать смешению варианта 笑 с этимологически связанным существительным, пишущие могут отделять его от остальной части предложения пробелом, размещать его после точки – или использовать другие варианты показателя, которые не создают таких проблем для понимания текста.

По-видимому, отсутствие скобок уже может использоваться как простой формальный критерий категориального перехода, так что и 笑, и еще более сокращенные варианты показателя можно вполне уверенно относить к классу модально-экспрессивных частиц.

Хотя новые единицы уже начинают завоевывать лексикографическое признание, нельзя сказать, что их грамматические особенности получают при этом адекватное отражение. Возможно, первым авторитетным изданием, засвидетельствовавшим редуцированную форму *w*, стал словарь [Sanseidoo 2013] (7-е издание; в 6-м издании от 2008 г. этой единицы еще нет). Описание маркера *w* было включено в состав статьи, посвященной употреблению буквы *W* и расположенной в словаре по фонетическому принципу в соответствии с японским названием этой буквы (заголовок статьи имеет вид *ダブリュー* [*W*]). Эта единица охарактеризована как «знак, выражающий смех или насмешку» – сокращение от 笑い *warai*, которое получило распространение в интернет-сленге XXI в. При этом вся статья в целом носит грамматическую помету «существительное» и, за исключением рассматриваемого модально-экспрессивного маркера, перечисляет употребления знака *W* (заглавной, не строчной буквы) для сокращенной записи разных существительных, как это было в ранних изданиях словаря.

Между тем показатель *w* имеет еще меньше оснований, чем 笑, чтобы быть отнесенным к разряду существительных. Отличительная черта варианта *w* (а также *v*) – повторяющееся употребление в составе протяженных последовательностей, усиливающих эмоциональную экспрессию, как в следующем примере из того же словаря:

- (7) まさかwww
Masaka www
 ни.за.что PTCL
 «Да ладно»))» [Sanseidoo 2013]

Способность к многократной интенсифицирующей редупликации – яркая особенность пунктуационных модально-экспрессивных частиц [Зверев 2014а, с. 106]. Ограниченной повторяемостью отличается и «иероглифический» вариант (в основном в форме удвоения 笑笑), но в полной мере это свойство реализуется только у вариантов w и v – вероятно, по причинам чисто графического характера. Кроме того, эти варианты свободно употребляются в абсолютном конце предложения в составе кластеров вместе с другими пунктуационными и непунктуационными заключительными частицами:

- (8) まて、来月2回もテストがあるぞっ! ? wwwwww
Mat-e, raigetsu nikai mo tesuto ga
 ждать-IMP, следующий.месяц два.раза и тест NOM
ar-u zo'!? wwwwww
 быть-PRS PTCL! ? PTCL
 «Стоп, в следующем месяце аж две контрольных?!?!))» (BCCWJ)

Употребления вида (7) или (8), обычные для пунктуационных модально-экспрессивных частиц, разумеется, совершенно нехарактерны для японских существительных, равно как и для содержащих их комментариев в скобках.

Отдельным аспектом категориального перехода является утрата именной семантики существительного 笑(ゝ) *warai* ‘смех’ в пользу отвлеченного значения, характеризующего модально-экспрессивную частицу, о чем говорилось в соответствующем разделе выше.

4. Графическое упрощение

Наконец, регулярное употребление в функции модально-экспрессивной частицы приводит, в дополнение к уже описанному морфосинтаксическому упрощению, и к изменениям в означаемом новых языковых единиц. Если при изучении грамматикализации на материале устного языка, основанного на акустическом сигнале, принято говорить о фонетической редукации, то в письменном языке, основанном на визуально-графической субстанции, аналогом этого явления должно выступать упрощение графической формы.

Специфика электронного субмодуса оказывает свое влияние на эту поверхностную сторону языковых изменений. Коль скоро для про-

изводства и восприятия речи систематически применяются специальные орудия, их свойства выступают неотъемлемой частью условий функционирования языка, без учета которых объяснение многих языковых явлений становится невозможным. В этом смысле они приобретают такую же значимость, какую имеют особенности строения речевого аппарата для анализа устной коммуникации.

Разительное визуальное несходство между разными вариантами показателя может вызвать некоторое недоумение у неосведомленного наблюдателя, привыкшего связывать между собой единицы, скажем, печатно-типографской или рукописной природы. Как статические графические формы, действительно, варианты типа 笑, わら, w значительно отличаются друг от друга. Их неочевидная близость обусловлена развитием в условиях электронной коммуникации, где один вариант отделяется от другого всего лишь парой дополнительных нажатий на клавиатуру.

Переход от формы 笑 к w, едва ли возможный в рукописи, при использовании на электронном устройстве системы фонетического ввода, основанной на латинском алфавите, предполагает всего лишь сокращение слова до первого вводимого символа. Чем более востребованны в письменной речи средства для выражения смеха, тем более естественным выглядит подобный переход с точки зрения динамики порождения и экономии усилий пишущего.

Показательным примером чисто графического явления внутри письменного языка – без какой-либо связи с устной речью – может служить переход формы w в v. Знак w, используемый для выражения смеха, уже не имеет фонетических ассоциаций, присущих букве w, а мыслится только в графическом ключе. Этот визуальный образ легко реинтерпретировать как сочетание двух v – особенно в свете употребительности разной длины цепочек из повторяющихся символов, вида www, передающих интенсивность смеха. А если вариант v может повторяться, его, как и w, начинают употреблять и без повтора. Как результат, выражение эмоции смеха достигает предельной графической простоты:

- (9) ちよつと楽しみです～v
Chotto tanoshimi des-u～ v
немного предвкушение COP.ADR-PRS～ PTCL
«Жду с нетерпением» (BCCWJ)

В конечном итоге изменения в области графики ведут к тому, что в составе «знака смеха» сокращается количество графического материала, его визуальная форма становится более простой, а порождение (при помощи клавиатуры) – более легким и быстрым. Происходит переход от комбинации графем разных классов (иероглифика, хирагана, знаки препинания в (笑い)) к монографемному выражению.

О каком-либо усилении графической связности новых единиц с контекстом – развитии ограничений на перенос, асимметричной конфигурации пустого пространства вокруг знака – нам не известно (о понятии графической связности см. [Зверев 2018]). С точки зрения графической самостоятельности новые «знаки смеха» отличаются от обычных пунктуационных показателей типа запятой или точки.

5. «Знак смеха» как новый знак препинания

Инвентарь японских знаков препинания на протяжении истории периодически пополнялся новыми единицами, и на современном этапе одним из главных источников пунктуационных инноваций является язык интернета. Такие знаки, как ♪, ☆, ♥, ?, !, разнообразные смайлики уже могут признаваться японскими исследователями в качестве пунктуационных показателей конца предложения, и «знак смеха» – даже в консервативном варианте (笑) – тоже включается в этот ряд [Akizuki 2009, p. 230-258]. Какие же новые свойства переводят показатели смеха в разряд средств пунктуации?

Решающим изменением в этом направлении, обеспечившим появление важнейшего признака прототипических знаков препинания, следует считать утрату сегментного устного коррелята – при сохранении сегментности на письме. Как уже отмечалось, новые показатели ведут исключительно «письменное» существование и в нормальном прочтении никак не озвучиваются. (Речь, разумеется, не идет о чтении в автономном употреблении, диктовке под точную запись и подобных специфических ситуациях.) Именно поэтому мы избегаем указывать при них какую-либо транскрипцию, ограничиваясь одной графической формой.

Уже на стадии ремарки в записи интервью, драматических произведений связь этих единиц с устной речью была ослабленной. По своему характеру эти жанры направлены на фиксацию (или имитацию) устной речи, и подразумевается, что почти весь их текст напрямую соответствует каким-то фрагментам этой речи – за исключением разного рода «закадровых» авторских комментариев, которые могут быть прочитаны только в особом режиме.

Первым формальным шагом на пути превращения показателя смеха в чисто письменную единицу стало удаление из его записи знака слоговой азбуки い – элемента фонетического письма, принципиально ориентированного на отражение устного звучания. По сравнению с (笑い), уже вариант (笑) по своей форме больше подходит для передачи смысла, нежели звука, а по формам w и v прежний устный коррелят *warai* и вовсе невозможно распознать.

В плане соотношения с устной речью «знак смеха» оказывается своеобразным антиподом для знака повтора иероглифов 々. Знак по-

вторя получает собственное прочтение в конкретных употреблениях при разных иероглифах, но не имеет такового в системе языка. «Знак смеха», наоборот, лишен устного коррелята в конкретных речевых контекстах, но парадигматически, при установлении системных связей между письменными и звучащими единицами безотносительно к конкретным употреблениям, видимо, может претендовать на функциональное соответствие звукам смеха. Впрочем, принадлежность последних к языковым единицам весьма спорна (в отличие от «знака смеха», который является единицей японского языка), так что в лучшем случае речь может идти только о соотношении с периферийной фонетикой.

Утрачивая устный коррелят, «знак смеха» в то же время приобретает новую семантику, причем как раз в такой области, которая типично «обслуживается» пунктуационными единицами (информация о конце предложения и модально-экспрессивной окраске). Этой семантикой наделяются даже варианты показателя в форме латинских букв *w* и *v*, для которых, в отличие от иероглифов, в принципе не характерно наличие собственных семантических ассоциаций (означаемого).

Редуцированные варианты *w* и *v*, достигнув необходимой степени графической простоты, получают свойственную экспрессивной пунктуации способность к многократным повторам (*www*, *vvv* – аналогично *???*, *!!!*), а в заключительных пунктуационных кластерах они свободно употребляются в финальной позиции, отделяясь от основного текста предложения другими знаками препинания. При этом, подобно другим экспрессивным знакам, они могут вытеснять нейтральную точку (см. примеры для разных вариантов в тексте статьи). В целом характер их взаимодействия с другими знаками препинания свидетельствует о постепенном вхождении в один парадигматический ряд с точкой, вопросительным, восклицательным знаками и другими пунктуационными показателями конца предложения.

Преобразование графической формы приводит к тому, что показатель смеха начинает визуально выделяться на фоне непунктуационного контекста – как в следующем примере, где с точки зрения графической выделенности знак *w* (а вместе с ним и правая граница предложения) не уступает круглой точке *.* и нотке *♪*:

- (10) 母は大絶賛の漫画でした。面白い作品ですよぜひ読んでみてくださいね♪
Haha wa daizessan no manga desh-ita.
 мама TOP высокая.похвала GEN манга COP.ADR-PST.

Omoshiro-i sakuhin des-u yo w
 интересный-PRS произведение COP.ADR-PRS PTCL PTCL

Zehi yon-de mi-te kudasai ne ♪
 обязательно читать-CNV AUX-CNV AUX.IMP PTCL ♪
 «Мама [эту] мангу очень хвалила. Интересное произведение!»
 Обязательно почитайте!» (BCCWJ)

Уточним также, что в функции «знака смеха» используется именно строчный знак *w* (или *v*), тогда как заглавная буква *W* (*V*) не употребляется. Наблюдаемая фиксация показателя в строчном виде фактически исключает его из состава латинского алфавита, для элементов которого характерна принципиальная возможность парадигматического выбора между строчными и заглавными вариантами.

Таким образом, на статус новых знаков препинания в большей степени должны претендовать показатели *w* и *v*, но и другие варианты уже вполне заслуживают места на периферии японской пунктуации. Случай «знака смеха» отчетливо демонстрирует отсутствие жесткой границы между пунктуационными и непунктуационными единицами – как с точки зрения синхронной классификации, так и в диахроническом плане.

6. Заключение

Образование новых модально-экспрессивных частиц – достаточно интенсивный процесс современного японского языка. В числе прочих случаев, в частности, неоднократно отмечалось развитие таких частиц из союзов – *から kara*, *けど kedo*, *が ga* и др. (ср. [Iguchi 1998; Suzuki 1998]). Аналогичные процессы грамматикализации на основе союзов, наречий и других лексических источников исследуются и на материале других языков [Hansil et al. 2015].

В рассмотренном нами случае категорию модально-экспрессивных частиц пополняет единица, появившаяся на базе свободной дискурсивной ремарки – заключенного в скобки существительного.

Изменение условий употребления с развитием новой отвлеченной семантики, переход от относительной дискурсивной самостоятельности к синтаксической интеграции в состав предложения, утрата прежней морфосинтаксической структуры и вариативности, наконец, поверхностное упрощение означающего – все эти описанные нами явления составляют обычное содержание процессов грамматикализации. Не является исключительным и одновременное существование целого ряда переходных единиц, которые отражают разные стадии процесса (степени грамматикализации) и при этом не без труда поддаются разграничению и категоризации.

Сказанное, разумеется, не означает, что случай «знака смеха» во всех отношениях воспроизводит черты «канонических» примеров грамматикализации или хотя бы повторяет пути возникновения заключительных частиц, предложенные в упомянутой монографии [Hansil et al. 2015]. Его специфика во многом определяется протеканием всех процессов в письменном языке, главным образом в стремительно развивающемся электронном субмодусе. Устный канал коммуникации, который

традиционно привлекает внимание исследователей, остается в стороне от этих изменений.

Творческое переосмысление последовательностей вида *www*, *vvv* как изображения растущей травы привело к тому, что для передачи эмоции смеха стали использоваться единицы типа 草, 芝 (в основном употреблении эти иероглифы служат для записи существительных, соответственно, ‘трава’ и ‘газон’), а также целые описательные выражения типа 草を禁じ得ない букв. «не могу сдерживать траву». Очевидно, такое развитие уже выходит за рамки обычной для процессов грамматикализации картины однонаправленного движения от знаменательного слова к служебной единице (ср. [Lehmann 2015, p. 18-21; Heine, Kuteva 2007, p. 47-53]).

Стоит подчеркнуть, что утрата устного коррелята и в целом приобретение пунктуационных свойств не вступает в противоречие с той стороной изменений, в которой заключается суть явления грамматикализации. Скорее наоборот, сопряженность этих процессов выглядит вполне естественной, коль скоро пунктуационные единицы по своей грамматической природе являются служебными показателями письменного языка. «Знак смеха» одновременно встраивается и в систему модально-экспрессивных частиц, и в систему знаков препинания конца предложения.

В области пунктуации, по-видимому, ближайшей аналогией истории «знака смеха» может служить популярная версия происхождения вопросительного знака ? из латинского *quaestio* ‘вопрос’ – путем сокращения этой пометы до двух букв *q* и *o*, поставленных одна над другой (ср. [Partridge 2005, p. 82]). Впрочем, приводимые в пособии [Убушаева 2008, с. 23-25] ранние формы этого знака ставят эту гипотезу под сомнение, поскольку напоминают сочетание *q* и *o* еще менее, чем современная; в качестве компромиссной версии остается предполагать, что современный знак возник в результате контаминации разных форм. Во всяком случае, тот процесс, который разворачивается на наших глазах в современном японском языке, подтверждает саму возможность такого пути для возникновения новых знаков препинания, при котором метатекстовый комментарий с модально-экспрессивной характеристикой высказывания превращается в пунктуационную модально-экспрессивную частицу.

Грамматические сокращения

ACC – аккузатив	GEN – генитив
ADR – адрессив	NOM – номинатив
AUX – вспомогательный глагол	PRS – настоящее-будущее время
COP – связка	PST – прошедшее время
CNV – деепричастие	PTCL – частица
DAT – датив	TOP – топик
EVD – эвиденциальность	VRB – вербализатор

Литература

1. Биянова М.В. Скобочное построение в английском и русском языках: прагматика, структура, пунктуационное оформление // *Научное обозрение*. М.: Наука, 2007
2. Зверев А.С. Графическая связность: линейно-синтагматический статус японских пунктуационных показателей // *Вестник Томского гос. ун-та*. Томск, 2018. №426. С. 27-38
3. Зверев А.С. Знаки препинания конца предложения как заключительные частицы письменного японского языка // *Вопросы языкознания*. М., 2014. №6. С. 92-110.
4. Зверев А.С. Классификация типов скобочных групп в японском языке // *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы X международной конференции (Москва, 21-22 ноября 2012 года)*: [посвящается 90-летию М.К. Румянцева и 50-летию Лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова]. М.: Ключ-С, 2012. С. 59-70.
5. Зверев А.С. Пунктуационные заключительные частицы в японском языке // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2014. № 5. С.170-182.
6. Зверев А.С. Системоцентризм и антропоцентризм в изучении пунктуации: в поисках объективных критериев выделения знаков препинания // *Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Алтатова. Труды научной конференции. Институт востоковедения РАН 22-23 апреля 2015 г.* Том 2. М.: ИВ РАН, 2016. С.136-144.
7. Зверев А.С. Скобки и кавычки в японском языке // *Вопросы филологии*. М., 2015. №1(49). С.113-121.
8. Плунон В.А. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: УРСС, 2000.
9. Убушаева В.В. *Формирование пунктуационной системы в английском языке*. Элиста: Изд-во КГУ, 2008.
10. Givón, T. *On understanding grammar*. N.Y.: Academic Press, 1979.
11. Hancil, S., Haselow, A., Post, M. (eds.) *Final particles*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
12. Heine, B., Kaltentböck, G., Kuteva, T. Some observations on the evolution of final particles // Hancil, S., Haselow, A., Post, M. (eds.) *Final particles*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. P. 111-140.

13. Heine, B., Kuteva, T. *The genesis of grammar*. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
14. Iguchi, Y. Functional variety in the Japanese conjunctive particle KARA 'because' // Ohori, T. (ed.) *Studies in Japanese grammaticalization. Cognitive and discourse perspectives*. Tokyo: Kuroshio Publishers, 1998. P. 99-128.
15. Lehmann, C. *Thoughts on grammaticalization*. Berlin: Language Science Press, 2015.
16. Partridge, E. *You have a point there: a guide to punctuation and its allies*. London, N.Y.: Taylor & Francis e-Library, 2005.
17. Suzuki, R. Grammaticization of clause-final elements: a commentary on Iguchi's paper // Ohori, T. (ed.) *Studies in Japanese grammaticalization. Cognitive and discourse perspectives*. Tokyo: Kuroshio Publishers, 1998. P. 129-134.
18. 秋月高太郎 [Akizuki Kootaroo]. 日本語ヴィジュアル系—あたらしいにほんごのかきかた. [*Nihongo vijuaru kei – atarashii nihongo no kakikata* (Визуальный стиль в японском языке – новое японское письмо)]. Токио: Кадокава, 2009.
19. 句読点、記号・符号活用辞典 [*Kutooten, kigoo fugoo katsuyoo jiten* (Словарь практического употребления пунктуации, специальных знаков и символов)]. Токио: Сёгаккан, 2007.
20. 三省堂国語辞典 [*Sanseidoo kokugo jiten* (Словарь родного языка Сансэйдо)]. Токио: Сансэйдо:, 2013.

Источники

BCCWJ - 現代日本語書き言葉均衡コーパス (中納言) (Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (Chunagon)).
[сайт] URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp>.

Иновационное и архаичное в диалектах тибетского языка

В настоящее время тибетский язык (ТЯ) представлен рядом территориальных диалектов, инновационные черты которых проявляются почти на всех уровнях языковой структуры. Однако комплексное исследование показывает, что грамматические и лексические расхождения вовсе не столь значительны, так как основные инновации касаются фонологического строя, в частности, состава гласных и согласных, а также тонемной системы.

Выдающийся русский тибетолог Ю.Н. Рерих посвятил описанию диалектов ряд своих известных работ [Рерих 1961; Roerich 1931, 1952, 1958]. Как Ю.Н. Рерих, так и большинство зарубежных тибетологов разделяют все диалекты на две большие группы – современные диалекты Центрального Тибета Вэй (Лхаса), Кам и «архаичные» диалекты Северо-востока Тибета (Амдо и др.) [А. Рона-Таш, 1966, 1984, 1989]. При этом имелось в виду, что архаичные диалекты почти сохраняют древнее состояние тибетского языка VII-IX вв. и имеют незначительное расхождение между письменной и устно-разговорной формами языка.

Однако исследование амдоского фонологического строя опровергает это заключение. Действительно «современные» диалекты обладают значительными фонетическими инновациями, а диалект Лхасы, в процессе эволюционного развития фонетической и грамматической систем значительно утратив начальные и конечные элементы слов, приобрел статус самого вокального диалекта с противопоставлением долгих и кратких гласных, образованием умлаутных гласных и системы тонов.

Позиционные закономерности модели силлабической единицы древнетибетского языка описываются семью элементами – CCCCVC^T, а модель силлабической единицы диалекта Лхасы – тремя сегментными и одним тоновым элементом – CVC^T: CCCCVC^T → CVC^T, например *glu* > *lu*¹ ‘горная песня’; *brlags* > *la*⁴ ‘разрушил’ (пр. вр.)¹. Таким образом, лхасский диалект – ведущий диалект ТЯ – является основным источником фонетических инноваций. Имея преимущественное распространение в различных сферах общественной жизни, он составляет базу для формирования современного литературного тибетского языка.

¹ Цифровые обозначения тона: 1 – высокий ровный тон, 2 – низкий восходящий тон, 3 – низкий восходяще-нисходящий тон, 4 – нисходящий тон.

Фонологический строй диалектов ТЯ типологически подобен другим языкам изолирующего типа и характеризуется фиксированным количеством синлабических единиц, жесткой дистрибуцией фонем в составе синлабемы и их строго определенной функцией (инициальные и финальные группы), а также наличием/отсутствием системы тонов.

Синлабо-тонические единицы Лхасского диалекта образуют следующие пять моделей, сопровождающиеся четырьмя тонами: V^T , CV^T , CVC^T , $CV:T$, VC^T . В анлауте и аулауте слогов допускается только один согласный.

Фонологическая система такого диалекта, как Амдо, Ганьсу, Цинхай и Сычуань, существенно отличается от Лхасского диалекта. Диалект Амдо незначителен по своему ареалу, но весьма важен в плане типологической классификации.

Наблюдаем соотношенность инноваций в системах двух диалектов ТЯ – Лхасы и Амдо, представленных в следующих примерах:

Древнетибетский язык		Лхасский диалект	
CCV	<i>dbu</i>	<i>u¹</i>	‘голова (вежл.)’
CV	<i>kha</i>	<i>kha¹</i>	‘рот, отверстие’
CVC	<i>gur</i>	<i>khu:²</i>	‘палатка, навес’
CVC	<i>bod</i>	<i>phø²³</i>	‘Тибет’
CCVC	<i>dgur</i>	<i>ur¹</i>	‘изучать; растирать (тушь)’

Системы синлабических единиц диалекта Амдо включают не многим большее разнообразие моделей, так как только в анлауте, но не в аулауте сохранились консонантные стечения (что важно), состоящие только из двух сегментных элементов, долгие и умлаутные гласные, а также тоны отсутствуют.

Древнетибетский язык		Диалект Амдо	
CVC	<i>bal</i>	<i>wa</i>	‘шерсть барана’
CVC	<i>bod</i>	<i>wot</i>	‘Тибет’
CCV	<i>mgo</i>	<i>ngo</i>	‘голова’
CCVC	<i>bdun</i>	<i>wdən</i>	‘семь’

Таким образом, фонетический строй диалекта Амдо тоже не отстает от инноваций. Ср.: древнетибетский язык CCCCVC – диалект Амдо CCVC.

Можно с уверенностью констатировать, что «архаичные» диалекты Тибета тоже претерпели существенные инновации, однако по соот-

ношению вокализма и консонантизма диалект Амдо можно назвать языком консонантного типа с ярко выраженной консонантной доминацией.

Таблица 1. Сопоставление фонетической структуры слов диалектов Лхасы и Амдо

Древнетибетский язык	Лхасский диалект	Диалект Амдо	Значение
<i>ktub</i>	<i>tup</i> ⁴	<i>təp</i>	‘резать’
<i>'agrog-pa</i>	<i>zhok</i> ² <i>pa</i> ²¹	<i>nzhokpa</i>	‘скотовод’, ‘пастух’
<i>bsdad</i>	<i>tε</i> ²³	<i>tal</i>	‘сидеть’
<i>brjed</i>	<i>je</i> ²³	<i>yjet</i>	‘уважать; забывать’
<i>rgas</i>	<i>ke</i> ²³	<i>gi</i> (<i>a>i</i>)	‘старый’
<i>dgos</i>	<i>kø</i> ²³	<i>rgu</i>	‘необходимо’
<i>snum</i>	<i>num</i> ²	<i>ynəm</i>	‘жир’
<i>ljang-khu</i>	<i>jəng</i> ² <i>khu</i> ¹	<i>xhang</i>	‘зеленый’
<i>sdon-ka</i>	<i>tən</i> ¹ <i>ka</i> ¹	<i>ytonka</i>	‘осень’
<i>mar</i>	<i>ma</i> : ²	<i>mar</i>	‘масло’
<i>skol</i>	<i>kø</i> : ¹	<i>γku</i> (<i>rku</i>)	‘сварить’
<i>mjal</i>	<i>je</i> : ²	<i>nja</i> <i>njel</i>	‘понимать’, почт. ‘встречать’

С изолирующими языками Лхасский диалект типологически сближают следующие исключительные черты: а) закрытая система слога – слогабем, строго фиксированная структура слога с иерархическим делением на инициаль и финаль, представленных парадигмами с различным набором согласных и гласных фонем в слогах моделей CVC, VC, CV, CV:, V:. Инициаль представляют двадцать девять согласных фонем: [*ph, p, th, t, kh, k, kyh, ky, zh, ch, z, c, j, q, m, n, n, ng, ny, l, r, y, x, h, s, sh, hy, lh, f*].

Несходство современного Лхасского диалекта с древнетибетским языком наглядно отражается в тибетской письменности. Многочисленные диакритические буквы в составе слогабем в настоящее время не имеют фонетического значения и являются «реликтами», хотя в раннем периоде древнетибетского языка, как утверждает известный венгерский ученый А. Рона-Таш [Róna-Tash 1989, с. 143], они произносились. Это подтверждается данными памятников письменности, тибетскими заимствованиями в других языках и фактами диалектологии.

В Лхасском диалекте в результате инновационных процессов произошло падение начальнослоговых и конечнослоговых элементов

слова, а также сложный переход оппозиции звонкость/глухость согласных в оппозицию придыхательность/непридыхательность.

Нейтрализация звонких и глухих согласных, а также стяжение согласных в аффрикаты (*zh*, *ch*) и появление палатальных (*ky*, *kyh*, *hy*) значительно снизили возможность конструирования разных по фонемному составу слов и слогов, что привело к появлению большого числа омофонов и тоновой системы.

Сравните:

древнетиб. *lkukpa* – лхас. *kuk¹pa¹* ‘глупый’

древнетиб. *bsdad* – лхас. *te²³* ‘сидеть’

древнетиб. *skol* – лхас. *kø.¹* ‘варил’

древнетиб. *'abum* – лхас. *pum²* ‘сто тысяч’.

В Лхасском и Амдоском диалектах тибетского языка наблюдается различное функционирование дифференциальных признаков как вокалических, так и консонантных составляющих слога.

В диалекте Амдо много инициальных консонантных групп (80-90), но в древнем тибетском языке их было значительно больше. В настоящее время четырехэлементные кластеры исчезли, в основном получили распространение (к большому удивлению) лишь двухэлементные кластеры.

Сравните:

древнетиб. *sko* – Амдо *yqu* ‘выбирать’

древнетиб. *dril* – Амдо *zhəvə* ‘колокол’

древнетиб. *mjal* – Амдо *nja* ‘понимать’

древнетиб. *ngul* – Амдо *rugel* ‘серебро, деньги’.

В данном исследовании конечнослоговые элементы (терминали) консонантных комплексов слов и слогов диалектов были удостоены большего внимания в связи с их значительной ролью в гласной сфере рифмы и просодического устройства.

Таблица 1 наглядно представляет фонетические изменения терминальных элементов консонантных комплексов диалектов Лхасы и Амдо.

Чередования терминалей древнетибетского языка и диалекта Лхасы выглядят следующим образом: $g > ʔ (-k)$, $d > ʔ$, $s > ʔ$.

Терминали *-l* и *-r* исчезли, хотя в некоторых говорах диалекта Вэй *-l* и *-r* все же неоднократно появлялись. Гортанная смычка *-ʔ*, судя по ее распространенности, одержала верх над конечными согласными древнетибетского языка *-t*, *-k*, *-s*. Только семь согласных фонем выступают в качестве терминали [*m*, *n*, *ng*, *k*, *ʔ*, *r*, *p*], так как в тибетском языке имеется тенденция к открытости слога.

Что касается диалекта Амдо, то самыми распространенными терминалями являются следующие восемь фонем: [-p, -t, -k, -l, -m, -n, -ng, -r]. Если речь идет о чередованиях с древнетибетским языком, то в отдельных случаях (как ни странно) -t чередуется с -l.

Обратимся к составу вокализма в Лхасском диалекте.

Таблица демонстрирует любопытные изменения, которые претерпели вокальные единицы финалей, чередуясь с древнетибетским языком.

Лхасский диалект: $a > a:$, $a > \varepsilon$, $a > \varepsilon:$, $o > \emptyset$, $o > \emptyset:$, $bdun > tyn^2$ ‘семь’, $bod > ph\emptyset^{23}$ ‘Тибет’, $bal > ph\varepsilon:$ ‘шерсть овцы’, $'abydr > ja:$ ‘приходил’.

В Лхасском вокализме 17 монофтонгов [i, i:, y, y:, u, u:, e, e:, \varepsilon, \varepsilon:, o, o:, \emptyset, \emptyset:, a, a:, \varepsilon]. Анализ свидетельствует о том, что его вокализм характеризуется лабиализацией передних гласных и двумя модальными признаками – долготы и назализации. Дифтонги крайне редко встречаются: -iu, -eu, \varepsilon i: $sbreu > piu^1$ ‘обезьяна’, $brawa > zh\emptyset u^2$ ‘гречиха’.

Явления инновационных черт сближают Лхасский диалект тибетского языка с флективными языками; их объединяют такие явления, как: а) «внутренняя флексия» при синтетическом типе именного и глагольного формообразования; б) размытость границ соприкасающихся слогов и в) чередование гласных фонем при выражении эргатива, атрибутивных, адресивных, посессивных, пространственных и прочих отношений:

1) при выражении эргатива чередование: [o – \emptyset] $kh\emptyset^{24}$ ‘он’ эргатив $> khos$ (на письме обозначается знаками $kho^1 + sa$).

2) при выражении атрибутива чередование: [o – \emptyset] $kh\emptyset^1$ ‘он’ номинатив $> kh\emptyset:$ ‘его’ атрибутив $kho^1 i$ (на письме обозначается знаками $kho^1 + i^2$).

В диалекте Амдо перечисленные выше долгие согласные, а также дифтонги отсутствуют. Если конечными согласными выступают -b, -d, -g, -m, -n, -r гласная -\varepsilon- незамедлительно появляется. (В диалекте Лхасы место редуцированной гласной -\varepsilon- зафиксировано только перед -p).

В современном Амдо часто появляется не столь понятное чередование гласных финалей -i > \varepsilon, u > \varepsilon: $nyima > ny\varepsilon ma$ ‘солнце’, $a'di > nd\varepsilon$ ‘это’, $su > sh\varepsilon$ (s – придыхательный) ‘кто’, $nub > n\varepsilon p$ ‘запад’. В амдоском вокализме функционирует только шесть монофтонгов: [i, u, e, o, a, \varepsilon].

Поскольку нас интересуют инновационные процессы в диалектах Тибета, сингармонизм гласных демонстрирует это явление на суперсегментном уровне. Сингармонические модели реализуют тесную взаимосвязь между морфемами различного типа – между знаменательными морфемами, а также между знаменательными и незнаменательными морфемами.

Гармония гласных Лхасского диалекта относится к типологически значимым чертам агглютинативных языков, заключааясь в артикуля-

ционном сближении гласных звуков обоих слогов сложного или производного слова по признаку подъема гласных.

В следующих примерах производных слов наблюдается оформленные вокалической структуры слов с помощью сингармонизма гласных: $[a - ə] chu^2 + pa^1 > chu^2 + pə^1$ ‘лодочник’, $paŋ^2 + ku^2 > pəŋ^2 ku^1$ ‘муха’.

В структурах сложных слов также наблюдается гармония гласных: $[a - ə] hla^1$ ‘бог, дух’ + $y:2$ ‘страна, район’ > $hla^1 y:1$ ‘рай, земля обетованная’; $[o - u] thong^1$ ‘смотреть’ + $qung^1$ ‘мало’ > $thung^1 qung^1$ ‘презирать, пренебрегать’.

Тоновая система Лхасского диалекта возникла в результате компенсации падения инициальных и консонантных элементов и преодоления возникающих омофонов.

Тонемы, принадлежащие суперсегментному уровню слов и слогов, соотносятся с сегментными единицами и соответственно с их семантическими и грамматическими чертами. Тем самым выявляется взаимодействие лексических, грамматических и просодических средств в словообразовании и в словоизменении тибетского языка:

диалект Лхаса: $khang^1$ ‘дом’ – $khang^3$ ‘снег’
 $sung^1$ ‘защищаю’ (н. в.) – ‘защищал’ (пр. в.).
древнетиб. $rdo >$ Лхаса to^2 – Амдо rdo ‘камень’
древнетиб. $bdun >$ Лхаса tyn^2 – Амдо $wdən$ ‘семь’
древнетиб. $sgo >$ Лхаса ko^2 – Амдо rdo ‘дверь’

Анализ многочисленных инновационных явлений фонологической системы тибетского языка во всей полноте обнаруживает особую ситуацию, при которой формы устно-разговорной речи представителей различных диалектов Тибета явно не достигают должного понимания. Это неудивительно, так как в Китае наблюдается та же ситуация: северяне не понимают южан, а контакты все же достигаются благодаря общераспространенному национальному языку путунхуа (с диалектом Пекина в своей основе) [Завьялова 1996].

В Тибете общение различных диалектных групп осуществляется благодаря региональным социально-историческим условиям распространения Лхасского диалекта средствами массовой информации: радио, телевидение, кинофильмы, а также образование, национальная культура и религиозные буддийские общества.

Относительно «архаичного» диалекта Амдо тибетологи неоднократно писали, что его фонетической основе слов соответствует письменная графическая форма, которая, однако, начиная с VII-IX вв. остается без изменений, а диалект Амдо неоднократно претерпевал инновационные процессы. Поэтому деление диалектов тибетского языка на

«архаичные» и «современные» является неправомерным, а диалект Амдо является столь же современным, как Лхасский.

Уникальные условия тибетского географического ареала (скалистые горы, непроходимые леса, быстрые реки) затрудняют контакты между носителями диалектов. Инновационные лингвистические процессы приводят к тому, что в современных диалектах тибетского языка мы можем наблюдать различные результаты перестройки фонетической структуры слова.

Литература

1. Завьялова О. И. *Диалекты китайского языка*. М. ИДВ РАН, 1996, 207 с.
2. Комарова И. Н. *Тибетское письмо*. М., 1995.
3. Парфионович Ю. М. *Тибетский письменный язык*. М., 1970.
4. Рерих Ю. Н. *Тибетский язык*. М.: ИВЛ, 1961, 152 с.
5. *Amdo:¹ kha¹ ke⁴ lop¹ dep⁴*. (Учебник разговорного диалекта Амдо). Xinyin. Qinhai minzu chubanshe. 1989 (на тиб., кит. яз.).
6. Goldstein M.C. *Modern Literary Tibetan*. Berkeley. Los Angeles. Oxford. 1991.
7. Hu Tan. You shendiao Zang yu he wushendiao Zang yu zhi bijiao (Сопоставление тональных и атональных диалектов тибетского языка) // *Languages and History in East Asia. Festschrift for Tatsuo Nisida on the Occasion of his 60th Birthday*. Kyoto, 1988. P.75-92
8. Qu Aitang. *Han-Zang yuyan yanjiude lilun he fangfa* (Теория и методы исследования китайского и тибетского языков). Beijing: Zhongguo zangxue chubanshe, 2000.
9. Roerich G. de. Modern Tibetan phonetics with Special reference to the dialect of Central Tibet // *JASB*, 1931, n.s. v. 27. no. 2, pp. 285-312.
10. Roerich G. de. *Le Parler de l'Amdo: Étude d'un Dialecte Archaïque du Tibet*. Roma, 1958, 159 p.
11. Róna-Taš A. Reconstructing of Old Tibetan. // *Proceedings of the V International Seminar of Tibetan Studies*. Narita, 1989, p. 143
12. Róna-Taš A. Some Remarks on Vowel sistem of the Tibetan and Buddhist Studies // *Commermorating the 200th Annversary of the Birth of Alexandr Csoma de Kőrös*. Budapest, 1984.
13. Róna-Taš A. *Tibeto-Mongolica*. Budapest, 1966.

Изменения в системе личных местоимений японского языка в XX в.

1. Введение

Лексическое значение местоимений абстрактно-формальное, у них нет номинативной функции и собственного денотата. Их функция дейктическо-референциальная. [Майтинская 1968, с.262] Тем не менее, в некоторых языках местоимения помимо исключительно указательной/замещающей функции выражают и субъективное отношение говорящего к собеседнику или 3-му лицу. В японском языке это особо выражено, так как используемые в беседе местоимения не только выражают уважение или пренебрежение к собеседнику, но и указывают на пол и приблизительный возраст автора речи и собеседника. Использование несоответствующего ситуации личного местоимения может привести к коммуникативной неудаче [Мива 2005, с. 173]. Если юноша в беседе с друзьями для обозначения себя будет использовать нейтрально-вежливое местоимение первого лица *ватаси*, преимущественно используемое женщинами *атаси* или нейтрально-разговорное, используемое преимущественно мужчинами *боку*, а не грубовато-фамильярное, используемое исключительно мужчинами *орэ*, его собеседники решат, что с ним что-то не то (Кими но на ва 2016).

Как видно из вышеприведенного примера, система личных местоимений в японском языке отличается большой сложностью. На каждом этапе его истории сосуществуют несколько (иногда более десяти) местоимений для обозначения первого и второго лица соответственно¹. Эти местоимения группируются в подсистемы в зависимости от пола и возраста лица, которое их использует и которое они обозначают, от личных отношений участников коммуникативного акта и обстоятельств беседы, а также в зависимости от уровня вежливости самих местоимений и стиля, в котором они используются.

Помимо многочисленности личных местоимений, учёные отмечают, что местоимения являются одной из наиболее быстро развивающихся и изменяющихся групп слов в японском языке (В. М. Алпатов, Т. Судзуки, С. Мартин, Н. А. Сыромятников). На протяжении веков постоянно возникали новые личные местоимения, приходящие на смену старым,

---

¹ Здесь и далее по тексту термины «местоимение» и «личное местоимение» взаимозаменяемые.

которые исчезали либо меняли свое место в системе. Подобная сложность и изменяемость обусловлены общей логикой развития японского языка и экстралингвистическими факторами.

«Для японского языка очень важным моментом в изменении значения слова является изменение его места в системе вежливых отношений» [Корчагина 1990, с. 55]. Многие местоимения, изначально выражавшие почтительность по отношению к собеседнику или скромность, если речь идет об авторе речи, со временем начинают использоваться все более широким кругом людей по отношению ко все более широкому кругу собеседников. По мере развития этого процесса изначальная высокая степень вежливости этих местоимений уменьшается. Например, изначально высоко вежливое местоимение второго лица *кими*, произошедшее от существительного со значением «князь», в наше время используется для обращения к равному или нижестоящему в фамильно-разговорной речи. В мультфильме *Кими но на ва* «Как тебя зовут?» так обращается юноша-студент к девочке-старшекласснице (Кими но на ва 2016). В японском языке обнаруживается тенденция понижения степени вежливости местоимений, с их последующим превращением в вульгаризмы или диалектизмы и исчезновением. Местоимение первого лица *васи* становится грубым и, следовательно, малоупотребляемым; исчезает не выражающее вежливость *варэ*; малоупотребительными становятся пренебрежительные *койцу*, *сойцу*, *айцу* (местоимения 3-го лица) и грубое местоимение второго лица *тэмаэ*; употребительность пренебрежительного *кисама* уменьшается; бывшее самое употребительное местоимение 3-го лица *арэ*, не выражающее вежливость, становится грубым и используется значительно реже, чем *карэ* и *анохито*.

Еще одним важным фактором являются фонетические изменения. Можно предположить, что изменения в фонетическом составе местоимений обусловлены их структурой. Местоимения в японском языке в основном двухсложные, но нередко появляются сложные слова, состоящие из трёх – четырёх слогов: *ватакуси*, *аната*, *тэмаэ* и т.д. В таких рядах многосложных местоимений согласно закону экономии языковых средств обнаруживается тенденция к сокращению звукового состава. Подобный процесс сопровождается и изменением положения местоимения в системе вежливости, т.е. понижением степени его почтительности. Например, в ряду личных местоимений первого лица *ватакуси* – *ватаси* – *атакуси* – *атаси* – *ватаи* – *васи* – *вати* последовательно снижается и уровень их вежливости. Чем дальше местоимение от первоначальной формы и чем оно короче, тем менее вежливым оно считается. *Ватакуси* самое вежливое местоимение 1-го лица, оно используется в формальных и торжественных ситуациях. Женщины его иногда используют и в повседневной речи, но это обусловлено особенностями женской речи японского языка. *Ватаи* и *вати* были вульгаризмами, исчезнувшими уже

в XIX в. *Васи* мало употребительно в современную эпоху и встречается преимущественно в старшей мужской подсистеме. Согласно исследованию, проведенному Государственным институтом исследования родного языка (*Кокурушу кокуго кэнкю:дзё*), такая связь между фонетическим составом слова и степенью его вежливости объясняется тем, что японцы воспринимают более длинные формы слов и конструкции (в том числе и местоименные) как более вежливые. Если говорить об основных экстралингвистических факторах, влияющих на изменения в системе личных местоимений, то это перемены в структуре общества, знакомство с другими языковыми системами, языковая политика государства, развитие новых технологий.

В данной статье мы рассмотрим изменения системы личных местоимений в японском языке как части постоянного процесса изменения языка и с точки зрения факторов, действующих во второй половине XX в.

Изменения в системе личных местоимений японского языка выражаются в возникновении новых слов с местоименным значением, исчезновении старых, изменении числа широко используемых местоимений, изменении частотности их использования, изменении значений отдельных местоимений, переходе местоимения из одного стиля и/или подсистемы местоимений в другую. Все эти явления наблюдаются на протяжении всей истории японского языка, но некоторые из них ускорились или получили особое развитие за последних 100 с лишним лет, в связи с бурными и быстрыми изменениями в обществе.

Личные местоимения выражают не только наш «личный» взгляд на мир, не только наше собственное отношение к другим участникам беседы; личные местоимения являются ещё как бы крохотным зеркалом, в котором отражается система общественных отношений [Леонтьев 1963, с. 107]. С развитием феодальных отношений в Японии сложившиеся иерархические отношения в обществе повлияли и на язык, отразившись в том числе и в сложной системе вежливой речи и супплетивных местоимениях. Внутри системы местоимений существуют развитые микросистемы синонимичных местоимений, обозначающих одно и то же лицо, но различающихся по степени вежливости. Система вежливости местоимений представляет собой часть более обширной лексико-грамматической категории вежливости японского языка. Категория вежливости возникла из потребности отражения в языке социальных отношений в феодальный период. В XVIII в. система вежливой речи, а вместе с ней и система личных местоимений, достигают своей высшей точки развития. Богатство и разнообразие форм местоимений, соответствующие почти каждому возможному типу отношения в обществе – это отличительные черты системы местоимений эпохи Эдо (1600-1868). С последующими изменениями в социальной структуре в эпоху Мэйдзи (1868-1912) исчезла и потребность в сложной системе, поскольку деление на

классы было официально отменено, а тем самым общественные отношения стали проще. Количество наиболее широко используемых личных местоимений стало уменьшаться. Эта тенденция еще более усилилась после поражения Японии во Второй мировой войны и последующей демилитаризации и демократизации страны. Общий уровень вежливости речи снижается, что накладывается на общую языковую тенденцию постепенного снижения вежливости в системе личных местоимений. Например, стало возможным обозначение 3-го лица не фамилией или званием, а местоимениями, что вызвало резкое увеличение частоты их использования.

Еще одним фактором сокращения вариативности форм языка в начале XX в. становится складывание стандартного национального языка. Можно считать, что каждое местоимение представляет вариант общей формы с определённым семантическим значением. При вышеупомянутом процессе стандартизации сократилось и число местоимений. Количество местоимений 1-го и 2-го лица употребляемых сегодня, включая и редкие, по приблизительным подсчётам их около 20, хотя еще в начале XX в. их было около 50 [Алпатов 1980]. С одной стороны, происходит сокращение числа используемых личных местоимений, а с другой возрастает частотность их использования. Резко возросла частота и расширилась сфера использования личных местоимений второго и третьего лица. Например, некоторые ученые говорят о «небывалой популярности скрытого *аната* (личное местоимение 2-го лица)» [Тада 1996, с. 157]. Это обусловлено большим объемом переводной литературы, начавшей появляться со второй половины XIX в. В западных языках местоимения используются чаще, чем в японском языке. При переводе для передачи духа и смысла западного текста приходится чаще употреблять местоимения. Поэтому по сравнению с исконно японским текстом, переводной текст на японском языке содержит больше местоимений. Большое количество переводной литературы и ее популярность влияют на структуру японского языка. Количество местоимений в японских текстах начинает увеличиваться. Конечно, предполагаемый процесс длится долго, но после Второй мировой войны он ускоряется вместе с расширением средств массовой коммуникации, культурных и экономических связей с Западом и Америкой, ростом числа людей, владеющих иностранными языками. После войны иностранец в Японии больше не представлял экзотичное или непривычное зрелище. При общении с иностранцами японцы стараются использовать местоимения как можно чаще. Они осознают разницу в структуре между языками и стремятся адаптировать собственный язык в целях облегчения взаимопонимания.

В противовес к сокращению вариативности форм личных местоимений с 80-х гг. XX в. наблюдается и противоположная тенденция рас-

ширения состава класса широко используемых личных местоимений. Личные местоимения, которые считались устаревшими или которые использовались только в рамках определенных слоев общества, становятся модными среди молодежи, получают «вторую жизнь» и широкое распространение. Это произошло, например, с личным местоимением 1-го лица *дзибун*, которое традиционно использовалось исключительно военными и представителями силовых структур, а сейчас встречается в речи молодого поколения [Крнета 2003].

Еще одним способом пополнения лексического состава языка является заимствование из других языков. Тем не менее в отличие от имён существительных местоимения оказались частью речи, наименее проницаемой для заимствований из китайского, не говоря уже о других языках. Даже в эпоху Хэйан, когда китайская культура считалась образцовой, каждый образованный человек сочинял стихи на китайском и китайский был языком официальных документов, местоимения, заимствованные из китайского, были строго литературными и не получили широкого распространения в устной речи.

Местоимения, в состав которых входят китайские корни (местоимения-канго), принадлежат письменному языку или торжественному стилю, а после Второй мировой войны они начали исчезать из употребления и в наше время сохраняются только в эпистолярном стиле. Это такие местоимения как *кидэн*, *сэся*, *сокка*, *кисё*. Дальнейшему ограничению сферы их использования и уменьшению частотности способствовало и развитие электронных средств связи, таких как мессенджеры и электронная почта. Поскольку особенностями общения в подобной среде являются лаконичность, наглядность, повышенная эмоциональность, высоко вежливые и выглядевшие «чопорно» и «архаично» в глазах современной молодежи личные местоимения-канго вытесняются и из письменного языка. [Огино 2007]. В частности подобный процесс происходит с вежливыми местоимениями 2-го лица, такими как *кикун* и *кикэй*, которые сохраняются в эпистолярном стиле, но крайне редко встречаются в интернет переписке и телефонных письменных сообщениях.

В современном японском языке встречаются личные местоимения, заимствованные из английского. Их сфера использования ограничена рекламой, журналами (преимущественно молодежными), фильмами, комиксами, анимэ. Например, реклама оператора мобильной связи в женском журнале: *I ва мусубарэта*, *We ни наримасита!* «Я на связи, стала **Мы**». Иногда герои фильмов используют местоимения, заимствованные из английского, чтобы подчеркнуть свою «модность», «прогрессивность», образованность (мать главного героя в фильме «Орэ орэ» 2013).

Языковая политика государства также оказала влияние на изменения в языке. Становление стандартного японского языка, начатое еще во второй половине XIX в., продолжалось и в XX в. В рамках этого процесса система личных местоимений приобрела все признаки, которые ее характеризуют на сегодняшний день – в их числе категорию числа, которая до этого времени была факультативной. Во второй половине XIX в. было создано местоимение третьего лица женского рода *канодзё*. До этого времени не было специального местоимения для обозначения женщин, в силу их низкого социального положения. Изначально использовались указательные местоимения *анохито* и *карэ* для обозначения третьего лица без указания на пол. Тем не менее местоимение *канодзё* долгое время не получало широкого распространения. В перечне личных местоимений третьего лица А. А. Пашковский его даже не приводит [Пашковский 1941]. С середины XX в. по мере постепенного повышения социальной роли женщин местоимение *канодзё* начинает широко использоваться, а у *карэ* происходит семантический сдвиг, и это местоимение начинает обозначать исключительно представителей мужского пола. Попытка влиять на процесс развития языка и направить его в соответствии с требованиями актуальной политики отражены в инструкции Общества по обсуждению родного языка Министерства образования Японии, опубликованной в 1952 г. под названием *Корэ кара но кэйго* («Вежливая речь в будущем»). Данная инструкция является рекомендацией, тем самым она не обязательна к исполнению. Поэтому часть рекомендаций была воплощена в жизнь, но большая часть осталась на бумаге, так как не соответствовала общей логике развития языка. Первый пункт документа посвящен проблеме личных местоимений, что еще раз указывает на их важность. Например, к широкому использованию рекомендовались местоимения 1-го лица *ватаси* и 2-го лица *аната*. Сегодня они являются немаркированными, во всех стилях общеупотребительными местоимениями. Не рекомендуемые местоимения 2-го лица, используемые в эпистолярном стиле, *кидэн* и *кика*, как уже было сказано выше, постепенно выходят из употребления. Тем не менее, провозглашенные нежелательными к употреблению местоимения 1-го лица *атаси*, *боку*, *орэ*, 2-го лица *кими*, *омаэ* продолжают широко использоваться, так как они несут в себе дополнительные оттенки выражения отношения высший-низший, фамильярности, близости, которые отсутствуют у нейтральных *ватаси* и *аната*. (Корэ кара но кэйго 1952, с. 64). Министерство образования, следуя наметившимся тенденциям в обществе и языке, поставило себе цель: постепенно свести на нет разницу между мужской и женской речью, а также свести до минимума употребление самых вежливых и грубых форм, т.е. сделать местоимения полностью нейтральными и абстрактными, такими как в западных языках. Полностью эта цель пока не достигнута, поскольку в самом духе японского общества закреплено понятие «роли» как концепта, подразумевающего особый способ поведения личности в данном общественном кон-

тексте в зависимости от её квалификаций и качеств [Судзуки 1973, с. 130]. В результате таких вмешательств государства исчезли только формы, уже в то время считавшиеся устаревшими или ставшие ненужными из-за изменений структуры общества.

Еще одним интересным феноменом в процессе изменения системы личных местоимений является переход того или иного местоимения из одного стиля в другой и расширение/сужение группы, которая использует данное местоимение.

Часть личных местоимений, которые в силу понижения степени выражаемой вежливости находятся на грани исчезновения, переходят в так называемый «ролевой язык» *якувариго*. «Стереотипная речь» или «ролевой язык» – это определенный набор языковых элементов (интонация, слова, обороты, конструкции), использование которых призвано вызвать у слушающего образ определенного типажа (по полу, возрасту, профессии, социальному классу, эпохе и т.д.) [Кинсуй, 2014, с.205]. Японцы не используют «ролевой язык» в реальном общении, но все его знают и понимают. Это стиль речи, который используется в фильмах, книгах, комиксах, мультфильмах для создания определенного образа персонажа. Поскольку личные местоимения несут информацию о возрасте, поле, иногда социальной принадлежности человека, который их использует, то они широко представлены в данном стиле. Например, если персонаж говорит *Сэсся-га дзондзитэору* «Я знаю» используя устаревшее местоимение *сэсся*, читатель понимает, что этот персонаж – самурай, так как данное личное местоимение до середины XIX в. использовали самураи в качестве местоимения первого лица. С упразднением сословия местоимение вышло из употребления, но осталось в «ролевом языке». В реальной жизни использовать его можно исключительно иронично или юмористично. Сумасшедший ученый – антагонист главного героя, а также мудрый старец-помощник будут себя обозначать местоимением *васи*, которое встречается только в старшей мужской подсистеме и используется уже редко. Персонаж из района Кансай обязательно будет использовать диалектное местоимение *ватэ*, а девушка из хорошей семьи – высоковежливое местоимение *ватакуси*, которое используется преимущественно в формально-официальных ситуациях, или его фонетически сокращенную форму *атакуси*, которую в реальной жизни можно встретить исключительно у пожилых женщин. Подобная тенденция позволяет сохраниться местоимениям, которые находятся на грани исчезновения и которые в будущем могут снова стать модными и возродиться, перейдя из «ролевого» в реальный язык.

Важным явлением, повлиявшим и на язык, является повышение статуса женщин в японском обществе. Увеличение числа работающих женщин и девушек, получающих высшее образование, принятие закона о равных правах при приеме на работу и усиление феминистского движения привело к пересмотру в обществе многих стереотипов о женщинах, в том числе и женской подсистемы японского языка. С середины

XIX в. данная подсистема активно развивалась и насаждалась среди японок системой образования, государственными органами, СМИ. В итоге сформировался образ женственной, идеальной, красивой речи, которая должна была быть украшением каждой японки. Эта речь обладала рядом особенностей на всех уровнях языка, в том числе и в лексическом составе. Существовали личные местоимения 1-го лица, которые считались «женскими», такие как *атаси*, *атакуси*, и «мужскими», такие как *орэ* и *боку*. В качестве местоимения 2-го лица женщинам рекомендовалось во всех ситуациях использовать нейтральное местоимение *аната*. Более грубые *омаэ*, *кими*, *тэмаэ* считались подходящими для мужчин. По мере повышения статуса женщин в обществе стала набирать силу *тю:сэйка* «усреднение», «стандартизация», а именно постепенное исчезновение различий между мужской и женской подсистемами речи. Переход местоимений, которые считались «мужскими», в «женскую» подсистему речи, т.е. превращение их в общеупотребительные, особенно заметен начиная с 90-х гг. XX в. Если в первой половине 90-х гг. примерно 20% учениц старшей школы токийского района Сибуя использовали местоимение 1-го лица *боку*, то уже в 2010-х их число возросло в два раза, а также отмечалось и активное использование среди девушек грубо-фамильярного местоимения *орэ*, которое традиционно воспринималось как подчеркнуто «мужественное» [Миядзаки 2016]. Подобные случаи использования отмечаются и в интернет-блогах. При этом традиционно считающееся женским местоимение *атаси* в блогах встречается гораздо реже, чем *орэ* и *боку*, независимо от пола автора речи, и даже были зафиксированы случаи использования *атаси* мужчинами [Огино 2007, с.60].

Исследованием японских местоимений в диахроническом плане выявляется быстрая изменчивость их системы. Обнаруживается тенденция понижения степени вежливости местоимений, их последующее превращение в вульгаризмы или диалектизмы и исчезновение. Это влечёт за собой потребность в новых местоимениях, которые бы заняли место исчезнувших. Таким образом количество местоимений, употребляемых в течение истории, становится очень большим. Экстралингвистические факторы тоже влияют на изменения в системе местоимений. Параллельно с усложнением и упрощением социальной структуры происходит и увеличение / уменьшение количества местоимений и частотности их использования. В то же время со второй половины XX в. начинают действовать и новые факторы, такие как активное распространение СМИ, приводящее к широкому тиражированию «ролевого языка», который становится сферой сохранения исчезающих местоимений и потенциальным источником новых. «Усреднение» языка приводит к изменению сферы и частотности использования местоимений, которые раньше считались преимущественно «женскими» и «мужскими». Развитие молодежного языка, отличающегося новаторством, повышенной эмо-

циональностью, склонностью к игре и эксперименту, приводит к заимствованиям в данную подсистему языка местоимений из других стилей. Эти тенденции еще больше усиливаются в области интернета.

Литература

1. Алпатов В. М. Система личных местоимений первого и второго лица в современном японском языке // *Теория и типология местоимений*. М.: Наука, 1980. С. 3-27
2. Корчагина Т. И. О принципах этимологического анализа японских слов // *Слово и образ – новое в японской филологии*. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 54-63
3. Крнета Н. Разделение молодежной речи в японском языке по признаку пола // *Седьмая международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки*. М.: Гуманитарий, 2003. С. 175-184.
4. Леонтьев А. А. *Возникновение и первоначальное развитие языка*. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 139 с.
5. Майтинская К. Е. К вопросу о роли словообразования в развитии частей речи // *Вопросы теории частей речи на материале языков разных типов*. Ленинград: Наука, 1968. С. 259-268.
6. Пашковский А. А. *Грамматика японского литературного языка. Морфология*. М.: Высшая школа Красной армии, 1941. 218 с.
7. Кинсуй С. *Ва:тяру нихонго. Якувариго-но надзо*. Токио: Иванами сётэн, 2014. 225 с.
8. Мива М. *Итининсё: нининсё: то тайва*. Токио: Дзимбунсёин. 2005. 192 с.
9. Миядзаки А. Нихон-но тю:гакусэй-нодзэнда: Итининсё:-о мэгуру мэта гоё:тэки кайсяку // *Сякай гэнгокагаку* 19 (1). 2016. С. 135-150
10. Огино Ц. Бурогу-ни миру нихонго-но дандзёса // *Бурогу-но котоба. Нихонгогаку* 26 (4). Токио: Мэйдзисёин, 2007. С. 58-64.
11. Тада М. *Нихонго-но сакухо:*. Токио: Асахибунко, 1996. 231 с.
12. Судзуки Т. *Котоба то бунка*. Токио: Иванами сётэн. 1973. 209 с.
13. Nobuyuki H. A Note on Social Structure and Linguistic Behavior: A Case Study of a Japanese Community. // *Language in Japanese Society, current issues in sociolinguistics*. Tokyo: University of Tokyo Press, 1975. С. 193-215.
14. Martin S.E. *A Reference Grammar of Japanese*. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1988. 1181 с.

©
ORCID 0000-0002-2286-3304

А. С. Крылова
ИБ РАН (Москва)

ORCID 0000-0003-1944-0746

Е. А. Ренковская
ИЯз РАН, ИБ РАН (Москва)

DOI 10.31696/2587-9502-2020-29-90-102

Контактные явления в языке куллуи

1. Введение

Статья посвящена языковым контактам куллуи, получившим отражение в ряде лексических и грамматических заимствований. Куллуи – индоарийский язык группы химачали, распространенный в горной долине Куллу в штате Химачал-Прадеш (Индия)¹. В основу доклада легли данные четырех экспедиций в округ Куллу в 2014-2018 гг. К настоящему моменту объем собранного словаря составляет более 2,5 тысяч словарных статей, из которых протимологизировано около 850, что позволяет получить представление об основных источниках лексических заимствований в языке куллуи.

2. Контакты куллуи с другими языками в прошлом и настоящем

Территориально куллуи граничит с другими идиомами химачали-пахари: с языком мандеали на западе (дорога, связывающая горную долину Куллу с равниной, пролегла и до сих пор пролегает через ареал распространения мандеали – округ Манди), с сейнджи и внутренним сираджи (идиомы, близкие к куллуи) на юге, а также с тибето-бирманскими идиомами на востоке и северо-востоке (лахули, спити, ньямкат, бхоти-киннаури, тукпа). На севере долины Куллу в деревне Малана проживают носители тибето-бирманского изолята канаши. Исторически на куллуи в разное время оказывали влияние языки более высокого статуса. В могольской империи роль официального языка выполнял персидский, а в британской Индии – урду. До 1966 г. территория современного штата Химачал-Прадеш входила в состав штата Панджаб с территориально распределёнными официальными языками хинди и панджаби (на территории распространения куллуи официальным языком был и остаётся хинди). В настоящее время официальным языком штата Химачал-Прадеш является хинди, он наряду с английским используется в образовании. Хинди и английский становятся все более популярными в регионе

---

¹ Исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 19-012-00355 (2019-2021) «Исследование языка куллуи на основе корпуса устных текстов», рук. Ю. В. Мазурова.

в результате общих процессов глобализации. Санскрит сохраняет свою актуальность как язык индуистской традиции. Рассмотрим, какие следы контактов с этими языками можно обнаружить в лексике и грамматике куллуи.

Около половины исследованных нами в этимологическом отношении лексем были отнесены к заимствованиям. В случае неиндоарийских языков-источников заимствования выявлялись по лексическому принципу, тогда как заимствования исконной для индоарийских языков лексики из других индоарийских языков определялись на основании историко-фонетических данных.

3. Лексика, пришедшая в куллуи из неиндоарийских языков

Прежде всего речь о лексике арабского (40 ед.) и персидского (97 ед.) происхождения. Как правило, эта лексика хорошо представлена и в хиндустани, и мы можем предположить, что именно хиндустани (в большинстве случаев сложно разграничить хинди и урду в качестве источников влияния) является языком-посредником, через который арабо-персидская лексика приходит в куллуи. Этимологии этих слов указаны по словарям [Turner 1931, Бархударов и др. 1972, Platts 1884]. Сюда относятся слова:

а) арабского языка: *adət* [хин. ādat < араб. 'ādat] 'привычка', *admi* [хин. ādmī < араб. ādmī] 'мужчина', *am* [хин. ām < араб. 'ām] 'обычный', *bad* [хин. bād < араб. bā'd] 'после', *bəgere* [хин. vagairah < араб. va-gairu-hu] 'и тому подобное', *bətək* [хин. batak < араб. baṭṭa] 'утка', *dunija* [хин. duniyā < араб. dunya] 'мир, вселенная' и др.

б) персидского языка: *agər* [хин. agar < перс. agar] 'если', *ara* [хин. āgā < перс. arge] 'пила', *bag* [хин. bāg < перс. bāq] 'сад', *baṗəs* [хин. vāpas < перс. vāpas] 'обратно', *bətfa* [хин. baccā < перс. bačče] 'ребенок', *bədzar* [хин. bāzār < перс. bāzār] рынок, *bəgitfa* [хин. bagicā < перс. bāqče] 'сад' и др.

Однако имеет место и случай, когда заимствованная из арабского и персидского лексема в хиндустани не зафиксирована, и следует предположить, что она была заимствованна в куллуи непосредственно из языка-источника либо через неизвестный язык-посредник: *kardar* [< перс. kār-dār] 'управляющий' (в данном случае интересно ещё и то, что слово сохранило нехарактерный для куллуи облик, включающий два ударных гласных, передающих персидские долгие).

Ещё одним источником массовых заимствований является английский язык, один из двух официальных языков Индии, преимущественный язык общения с многочисленными иностранными туристами в регионе и язык школьного образования для части населения. В ходе этимологического анализа лексики куллуи были выявлены следующие английские заимствования:

в) *glas* [*< англ. glass*] ‘стакан’, *plastu* [*< англ. plus two*] ‘старшая школа’, *tajp* [*< англ. type*] ‘тип’, *taim* [*< англ. time*] ‘время’, *sut* [*< англ. suit*] ‘костюм’, *stail* [*< англ. style*] ‘стиль’, *stendard* [*< англ. standard*] ‘стандарт’, *skul* [*< англ. school*] ‘школа’, *pinsəl* [*< англ. pencil*] ‘карандаш’, *p^hiləm* [*< англ. film*] ‘фильм’ и др.

В обширном пласте английских заимствований можно особо выделить группу слов, связанных с образовательными институтами. Другой значительной частью англицизмов являются слова, не связанные с какими-либо новыми понятиями, зачастую имеющие исконные или заимствованные из других источников синонимы. В этом случае использование английских слов, по-видимому, объясняется более престижным статусом языка по сравнению с куллуи или даже хинди.

Особый интерес представляют лексические единицы, фонетический облик или семантика которых позволяет предположить менее обычный путь заимствования. Так, куллуи *sengətra* ‘вид сладкого цитрусового’, соответствует в современном хинди *santra*, вариант *sangtara* зафиксирован лишь в словаре хиндустани [Platts 1884, с. 686] со ссылкой на персидский язык. По-видимому, первое упоминание этого названия встречается в «Бабур-наме» в транскрипции *sangtara* (Бабур-наме, г. 1519-1520). Также *sangtara* имеется в персидском словаре [Steingass 1892, с. 703], однако в современном персидском это слово уже не употребляется. Из современных крупных индоарийских языков вариант *sangtara* присутствует только в урду и панджаби, параллельно с *santara*. Можно предположить, что, попав в индийский региональный вариант персидского языка во времена Бабур-наме или ранее, слово подверглось переработке на составные части *sang* ‘камень, шарообразный предмет’ и *tara* ‘зелень, растение’, в таком виде закрепилось в урду и панджаби, но не в персидском языке Ирана. Также в крупных индоарийских языках можно встретить следующие формы: хинди, урду и панджаби *santarā*, непальский *suntalā* / *santolā*, ассамский *xontarā*, *xumthirā*, бенгальский *sāntārā*, ория *sāntarā*, маратхи *santrē*, гуджарати *santrū* (формы даны по [Turner 1931, Schmidt 1993, Candrakanta 1962, Biswas 2000, Praharaj 1931, Singh 1895, Berntsen 1982, Мамаева 1990]). Таким образом, фонетический облик лексемы куллуи явно указывает на её заимствование из урду или из панджаби.

Традиционная этимология [Platts 1884, Бархударов и др. 1972 и пр.] связывает название фрукта с названием португальского города Синтра, известного в Европе своими апельсинами. Однако, как справедливо замечает [Bonavia 1888, с. 224], португальский апельсин и индийская сантра – это очень разные фрукты (последняя больше напоминает мандарин), при этом апельсин был завезён в Португалию из Китая, по самым ранним оценкам, около 1480 года, а сантра, по историческим данным, распространялась на запад Индии с северо-востока, где, по-ви-

димому, произрастала значительно раньше в полудиком виде. Бонавия связывает первоначальную культивацию сантры с австроазиатским народом кхаси в Ассаме. Основываясь на этом исследовании, мы предлагаем иную этимологическую гипотезу: данное слово – результат заимствования в индоарийские языки слова кхаси *sohñiamtra* [Singh 2008 (1904), с. 209], обозначающего тот же фрукт. В слове кхаси вычленяются три элемента: *soh* ‘фрукт’, являющееся регулярным первым членом характерных для австроазиатских языков лексических комплексов (например, *sohpieng* ‘манго’, *sohmyndong* ‘лимон’), *ñiam*, вероятно, связанное с индоарийским *nimbu* ‘лайм’, к которому восходит ассамское *netu* ‘лайм’, и *tra*, которое, как и *ñiam*, не представлено в кхаси как самостоятельная единица, но имеет мон-кхмерскую параллель **[t]rrah* ‘вид цитрусового’ [Shorto 2006, с. 524].

Лексему *dzanana* ‘женщина’ также, по-видимому, следует возвести к урду. Однако в таком значении это слово в урду не зафиксировано. Основное его значение в качестве существительного – ‘женская половина дома’, а в качестве прилагательного – ‘женский’, и в разговорном хиндустани слово неупотребительно. В куллуи слово характерно для представителей старшего поколения, носители среднего и младшего возраста употребляют исконное *betri*. Можно предположить, что заимствование с изменением семантики имеет своим источником урду как официальный язык британской Индии, подобно тому как англицизм *lejdis* (< англ. *ladies*) используется в современном разговорном хинди в значении ‘женщина; самка животного’.

Куллуи *ser* ‘г. Кулу’, несомненно, связано с перс. *šaxr* ‘город’, однако как в хинди, так и в урду в этом слове сохраняется фонема *ʃ*. Обычно она сохраняется и в персизмах куллуи, но в данном случае перешла в *s*. По-видимому, заимствование пришло через мандеали, где есть существительное *sehr* ‘город’ [Ranganatha 1980, с. 137].

Несмотря на то, что куллуи имеет контакты с тибето-бирманскими идомами, большого количества тибето-бирманской лексики в куллуи обнаружить не удалось. Отчасти это связано с недостатком словарей по малым тибето-бирманским языкам Индии и исследований по тибето-бирманской исторической фонетике. Однако мы приведём несколько возможных заимствований, которые нам удалось обнаружить:

- *bəŋsoka* ‘дикая кошка’ – согласно личному свидетельству профессора Анджу Саксены, в языке киннаури *bansak* имеет значение ‘дикое живое существо (животное или растение)’, а *sak* – ‘дышащее существо’. *bəŋ* может быть как заимствованным элементом, так и безударной первой частью композита, в независимой форме представляющей собой существительное *bəŋ* ‘лес’.

- *tsəŋag^h* ‘тигр’. Возможно, связано с **^htsjan* ‘тигр/леопард’ [Matisoff 531], имеющим параллель и в тибето-бирманском языке Химачала буна *tean* ‘снежный барс’ [Widmer: 842].

- *keɽi* ‘самка фазана-мунала’. Возможно, связано с бунан *k^hwarek* ‘фазан’ [Widmer, p. 839]. Можно отметить, что все три предположительных заимствования из соседних тибето-бирманских языков обозначают представителей местной фауны.

4. Заимствования слов индоарийского происхождения

Если заимствования из других языковых семей выявляются при помощи лексического анализа, то заимствования внутри индоарийской языковой семьи требуют привлечения данных по индоарийской исторической фонетике. К сожалению, историческая фонетика малых языков западных Гималаев не всегда даёт достаточно информации для выявления междиалектных заимствований. В работе Хендриксена [Hendriksen 1986, с. 192] перечислены изоглоссы, разграничивающие такие языки химачали, как котгархи, кочи, киунтхали, багхати, джаунсары, сирмаури, куллуи и мандеали. Из этих изоглосс лишь небольшая часть позволяет отчасти выявить источник заимствованной лексики в куллуи, отделив мандеали и другие языки химачали друг от друга. В случае крупных индоарийских языков, таких как панджаби и хиндустани, мы использовали изоглоссы, приведённые в [Masica 1991, с. 459]. Таким образом, мы выявляли заимствования в куллуи, исходя из следующих данных:

Фонетические переходы от др.-инд. к новоиндийским языкам	куллуи	другие химачали (из списка Хендриксена)	ман-деали	хинди	панджаби	санскрит
*VCC > VC	-	+	+	+	-	-
*a>ɔ в ударной позиции	+	+	-	-	-	-
*ś > ʃ *s > s	+	+	-	-	-	+
*l > ɭ // V V	+	+	+	-	+	-
*n > ŋ // V V	+	+	+	-	+	-
*k _s > tʃ ^h	+	-	-	-	-	-
*tr > tʃ *dr > dʒ	+	-	-	-	-	-
*tr, *dr сохраняются	-	-	+	-	-	+
*kr, *gr, *pr, *br сохраняются	+	+	+	-	-	+
*NT > ND	+	+	+	-	+	-
*c > ts *ch > ts ^h	+	+	+	-	-	-

*j > dz, *jh > dz ^h						
*gh- > k-, *jh- > tʃ- *dh- > t- *dh- > t- *bh- > p- // _ V	-	-	-	-	+	-
*š > h // V V	-	-	-	-	+	-

Помимо мандеали ареально близкими к куллуи языками являются сейнджи и внутренний сираджи, однако данные по фонетике этих языков крайне отрывочны. Основываясь на наших полевых данных, мы можем утверждать, что оба этих языка разделяют с куллуи большое количество изоглоссы, и, в частности, изоглоссы, которые отличают куллуи от других химачали, а именно переходы *kʃ > tʃ^h, а также *tr > tʃ и *dr > dʒ. Эти факторы крайне осложняют выделение возможных лексических заимствований из этих языков.

Наиболее многочисленными (более 60) ожидаемо оказались заимствования из хиндустани: *age* [хин. āge < др.-инд. ágra] ‘вперед’, *balu* [хин. bālū < др.-инд. vāluka] ‘песок’, *bās* [хин. bās < др.-инд. varṁśá] ‘бамбук’, *bəq^hija* [хин. baṛ^hija < др.-инд. vardhita] ‘прекрасный’, *b^hala* [хин. bhālā < др.-инд. bhalla ‘копье’, *b^halu* [хин. bhālū < др.-инд. bhallū] ‘медведь’ и др.

Имеется также ряд случаев, когда источником слова, по данным исторической фонетики, мог быть как хинди, так и панджаби. Учитывая, что в целом заимствований из хинди в несколько раз больше, чем из панджаби, в случае этих слов хинди также более вероятен, однако мы выделим их в особую группу (12 слов): *badʒa* [хин. пандж. bājā < др.-инд. vā^hdyā] ‘музыкальный инструмент’, *dak^h* [хин. пандж. dāk^h < др.-инд. drākṣā] ‘виноград’, и др.

Ряд заимствованных в куллуи лексем имеются и в хиндустани, и в панджаби, однако в хиндустани, судя по их фонетическому облику, являются панджабизмами: *et^ha* [пандж. acchā < др.-инд. accha] ‘хорошо’, *khetsər* [пандж. khaccar < др.-инд. *khaccara] ‘мул’, *ressi* [пандж. rassī < др.-инд. raśmī] ‘веревка’, *tsepu* [пандж. carpu < др.-инд. *carpa] ‘весло’.

И, наконец, в куллуи имеются также лексемы панджабского происхождения, не представленные в хиндустани: *desṇa* [dassṇa < darśáyati] ‘рассказывать’ (имеется также в мандеали [Ranganatha 1981: 125], но не может быть признано исконным и для него по историко-фонологическим соображениям), *ikətāli* [iktāli < ěkacatvāriṁśat] ‘41’, *uṇati* [uṇattī < ūnatriṁśat] ‘29’ и др.

Существенная часть лексики куллуи – заимствования из санскрита (вероятно, также через хиндустани): *amarat* [< санскр. amṛta] ‘бессмертный’, *atma* [< санскр. ātmá] ‘душа’, *basmati* [< санскр. bāsmati] ‘рис басмати’, *b^hag* [< санскр. bhāg < bhāgá] ‘доля’, *b^harət* [< санскр. bhārata] ‘Индия’, *b^həgwan* [< санскр. bhagavat] ‘бог’, *b^hut* [< санскр. bhūtá] ‘призрак’ и др.

Из прочих перечисленных у Хендриксена диалектов химачали наибольшее влияние на лексический состав куллуи оказал мандеали. Поскольку достаточно полного и точного словаря мандеали не существует, в большинстве случаев при выделении мандеализмов мы полагались лишь на данные исторической фонетики. Следующие слова соответствуют исторической фонетике мандеали (некоторые из них также присутствуют в описании мандеали [Ranganatha 1980, p. 119, 45, 126, 125, 128], в целях унификации транскрипции фонема мандеали а: в описании Ранганатхи передана нами как ā): *airna* [< др.-инд. adhikarōti] ‘приводить в порядок основу, чтобы ткать материю’, *angəŋ* [манд. āngəŋ < др.-инд. aṅgana] ‘двор’, *ark^həŋ* [< др.-инд. aratni] ‘локоть’, *basi* [манд. bāsi < др.-инд. dvyaśīti] ‘82’, *batər* [< др.-инд. *vaptra] ‘влажность’, *b^haŋ-b^haŋi* [< др.-инд. *bhan bhānati] ‘тоска’, *džendra* [< др.-инд. yantrá] ‘замок’, *džengra* [манд. đangra < др.-инд. *đaŋgara] ‘животное’, *tramba* [манд. tramba < др.-инд. tāmra + метатеза, возможно, в результате контаминации с trápuṅ ‘олово’] ‘медь’, *ts^hapər* [манд. chappər < др.-инд. chattvará] ‘крыша’.

О следующей группе слов нельзя сказать, является ли их источником мандеали или другие диалекты химачали: *agəl* [< др.-инд. *argada, argala] ‘засов’, *bak^hi* [< др.-инд. vākṣas] ‘сторона’, *bakŋa* [< др.-инд. *bakk] ‘открывать рот’, *b^hadzi* [< др.-инд. bharjita] ‘жареные овощи’, *ʃaŋg* [< др.-инд. ṭaŋka, ṭaŋga] ‘нога’, *ʃapri* [< др.-инд. *taṅpa] ‘хижина для работы в поле’, *uk^hərna* [< др.-инд. *avakṣala] ‘быть чистым (об одежде)’.

Следующие слова соответствуют по своему фонетическому облику исторической фонетике иных перечисленных у Хендриксена диалектов, отличных от куллуи и мандеали: *aŋi* [< др.-инд. *aśśīti] ‘80’, *k^hə/na* [< др.-инд. kṣálati] ‘промыть шерсть’, *əŋək^h* [< др.-инд. anakṣá] ‘усталость, лень’, *ʃeta* [< др.-инд. śvaitra] ‘белый’.

5. Контактные явления в грамматике куллуи

Контактные явления наблюдаются и в грамматике куллуи. На данный момент мы можем с уверенностью говорить о наличии грамматических заимствований из ареально близких языков химачали.

К несомненным контактными явлениям относится появление в куллуи разряда новых неодушевленных указательных местоимений взамен ранее утраченных указательных местоимений среднего рода.

Указательные местоимения в современном куллуи, также как и имена, бывают мужского и женского рода: формальные различия проявляются в единственном числе в падежах, отличных от прямого. Эти местоимения совмещают атрибутивную и субстантивную функции, а также выступают в роли личных местоимений 3 лица. При этом отдельно выделяются неодушевленные местоимения. Они выступают только в субстантивной функции, не имеют плюральных форм и формы прямого падежа, при этом различают ближний и дальний дейксис. Это местоимение *ïi* (с более редкой диалектной разновидностью *ði*) ближнего дейксиса и *tïi* дальнего дейксиса. Система указательных местоимений в куллуи представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Система указательных местоимений в языке куллуи

Указат. местоимения		Ближний дейксис			Дальний дейксис		
Число	Падеж/Род	M	F	INAN	M	F	INAN
SG	DIR	<i>e</i>		-	<i>sɔ</i>		-
	OBL	<i>ei</i>	<i>esa</i>	<i>ïi</i>	<i>tei</i>	<i>tesa</i>	<i>tïi</i>
	ERG/INSTR	<i>eie</i>	<i>ese</i>	<i>ïie</i>	<i>teie</i>	<i>tese</i>	<i>tïie</i>
PL	DIR	<i>e</i>		-	<i>te</i>		-
	OBL	<i>inha</i>			<i>tinha</i>		
	ERG/INSTR	<i>inhe</i>			<i>tinhe</i>		

Противопоставление местоимений мужского и женского рода неодушевленным местоимениям типологически предполагает, что категория рода в таком случае характерна только для местоимений, обозначающих одушевленные объекты, однако в куллуи это не так: местоимения обоих родов могут обозначать как одушевленные, так и неодушевленные объекты. При этом неодушевленные местоимения в куллуи имеют устойчивый набор особых функций, а именно, они обозначают неодушевленные объекты в сочетании со всеми послелогоми, кроме аккумулятивно-дательного, а также замещают глагольные группы и сентенциальные актанты и др.

Несмотря на большую частотность неодушевленных указательных местоимений в куллуи, в существующих описаниях языка они либо вовсе не упоминаются (как, например, в [Diack 1896, Bailey 1908, Sharma 2014]), либо сведения о них крайне отрывочны ([Grierson 1916, Thakur 1975, Ranganatha 1981]). Так, в подробном грамматическом очерке куллуи [Thakur 1975, p. 258] приводится неодушевленное указательное местоимение *ïi*, которое, по словам автора, встречается только в некоторых районах округа Куллу. Больше про него ничего не сказано, примеры отсутствуют, местоимение дальнего дейксиса *tïi* в работе не упоминается. В описании куллуи [Grierson 1916, p. 670-687] указываются только местоимения мужского и женского рода, однако в текстовом

примере встречаются местоимения *uī* и *oī*, соотносящиеся с сентенциальными актантами. В [Ranganatha 1981, p. 90] упоминается наличие в куллуи местоимений среднего рода, однако далее в работе они нигде, в частности в сводных таблицах склонения местоимений, не приводятся.

Неодушевленные указательные местоимения, сопоставимые по своим функциям с аналогичными местоимениями в куллуи, встречаются и в других химачали, ср. кочи, котгархи, киунтхали, шимлский сираджи, мандеали и др. [Grierson 1916, p. 566, 594, 723; Ranganatha 1981: 38; Hendriksen 1986, p. 115-116]. При этом во всех этих языках они этимологически являются сохранившимися рефлексам древнеиндийских местоимений среднего рода, что позволяет авторам описаний классифицировать их как местоимения среднего рода в современных химачали (см. Таблицу 2). Однако в куллуи, как мы можем заметить, эти местоимения образованы от другой основы. Если указательные местоимения в куллуи и перечисленных здесь химачали восходят к древнеиндийским местоимениям *eṣa* (ближний дейксис) и *sa* (дальний дейксис) и их формам, то неодушевленное местоимение ближнего дейксиса *īi* с большой вероятностью восходит к древнеиндийскому местоимению дальнего дейксиса *asau*, тогда как *tīi*, не упоминаемое ни в одном из существующих описаний, скорее всего образовалось уже непосредственно от *īi* по формальной аналогии, а именно с учетом того, что формально местоимения дальнего дейксиса по всей парадигме отличаются от местоимений ближнего дейксиса только начальным *t-*.

Таблица 2. Система указательных местоимений в языке мандеали [Ranganatha 1981, p.38]

Указательные местоимения		Ближний дейксис			Дальний дейксис		
Число	Падеж/Род	M	F	N	M	F	N
SG	DIR	<i>je</i>			<i>se</i>		
	OBL	<i>jes</i>	<i>jessa</i>	<i>jetta</i>	<i>tes</i>	<i>tessa</i>	<i>tetta</i>
	ERG	<i>inne</i>	<i>jesse</i>	<i>jette</i>	<i>tinne</i>	<i>tesse</i>	<i>tette</i>
PL	DIR	<i>jō</i>			<i>siō</i>		
	OBL	<i>innha</i>			<i>tinnha</i>		
	ERG	<i>innhe</i>			<i>tinnhe</i>		

Учитывая все вышеперечисленное, можно предположить, что в куллуи ранее, также как и в других химачали, существовали указательные местоимения среднего рода. В дальнейшем с утратой среднего рода у существительных бывшие местоимения среднего рода сохранились в ряде химачали с набором определенных функций, тогда как в куллуи были утрачены. При этом под контактным влиянием соседних химачали в куллуи образовался новый разряд неодушевленных местоимений, которые имеют те же функции, что и рефлекс местоимений среднего рода в других химачали.

Остается понять, какой именно из языков химачали мог послужить источником подобного грамматического калькирования. Из всех языков химачали куллуи ареально граничит с мандеали на западе и с сейнджи и внутренним сираджи на юге. В мандеали зафиксировано местоимение, бывшее ранее местоимением среднего рода. Сейнджи и внутренний сираджи остаются практически не описанными и представлены в [Grierson 1916, p. 691, 702] как языки, в которых указательное местоимение среднего рода не сохранилось. При этом в текстовом примере на внутреннем сираджи в работе Грисона встречается форма указательного местоимения *teta*, служащая для обозначения сентенциального актанга, и эта форма как раз этимологически является местоимением среднего рода (ср. мандеали *tetta*). Таким образом, куллуи оказывается в окружении родственных языков химачали, в которых бывшее местоимение среднего рода сохраняется с другими функциями, и языком – источником контактного влияния мог быть как внутренний сираджи, так и мандеали.

Грамматическое сходство, которое может быть объяснено контактным влиянием, наблюдается также в случае превентивов в куллуи и мандеали. Под превентивами понимаются формы отрицательного императива будущего времени. В обоих языках они представляют собой сочетания особой превентивной частицы и имперфектного причастия, согласующегося с субъектом по роду и числу (подробнее см. [Ренковская 2018]), ср.:

Куллуи

- (1) *ker-i*
 делать-IMP.FUT
 «Делай (в будущем)».
- (2) *heri ker-d-a*
 PRV   делать-PTCP-M.SG
 «Не делай (в будущем)».

Мандеали

- (3) *dek^{he} kar-d-a*
 PRV   делать-PTCP-M.SG
 «Не делай (в будущем)».

Как наличие отдельной превентивной частицы, так и в целом несимметричность образования положительных и отрицательных форм императива мало характерны для современных индоарийских языков: как правило, даже если в языке есть отдельные императивные формы будущего времени, для их отрицания служит та же прохибитивная частица, что и для отрицания обычных императивных форм. По-видимому,

в куллуи и мандеали формы превентива сравнительно новые с диахронической точки зрения: они не упоминаются в существующих описаниях, кроме того, в этих языках сохранились более архаичные и типологически более ожидаемые отрицательные формы императива, образуемые прибавлением к форме императива прохибитивной частицы. Превентивные частицы как в куллуи, так и в мандеали грамматикализовались из форм императива будущего времени глагола 'видеть', однако от разных основ: в куллуи это *her-*, тогда как в мандеали – *dek^h-*. Все это говорит о том, что в одном из этих языков превентивные формы с большой вероятностью образовались как грамматическая калька форм другого языка, однако точно определить направление развития на имеющемся материале невозможно. При этом можно говорить о наличии контактных грамматических явлений в языках куллуи и мандеали с учетом того, что в сейнджи и внутреннем сираджи аналогичные превентивные формы не засвидетельствованы.

6. Заключение

Рассмотренный в статье лексический материал позволяет сделать вывод о том, что из крупных индоарийских языков наибольшее влияние на куллуи оказал хиндустани. При этом количество заимствованной в куллуи исконной лексики хиндустани сравнительно невелико, большая часть заимствований – это пришедшие через хиндустани санскритские, арабские и персидские слова. При этом имеют место и случаи, когда заимствованная из арабского и персидского лексика в хиндустани не зафиксирована: возможно, она была заимствованна в куллуи непосредственно из этих языков либо через неизвестный язык-посредник.

Среди диалектов химачали заметно лексическое влияние мандеали, заимствования из других граничащих с куллуи языков химачали (сейнджи, внутренний сираджи) трудно установимы как по причине историко-фонетического сходства между куллуи и этими языками, так и ввиду скудных данных по их фонетике. Имеется небольшое количество заимствований из ареально более удалённых языков химачали. Панджаби, несмотря на свою географическую близость и бытность одним из официальных языков штата Панджаб, включавшего территории современного штата Химачал-Прадеш до 1966 г., значительного влияния на куллуи не оказал.

В куллуи встречаются также слова, имеющие предположительно тибето-бирманское происхождение, и все найденные на данный момент возможные тибето-бирманские заимствования обозначают представителей местной фауны.

Отмеченные грамматические заимствования указывают на контактное влияние ареально близких к куллуи языков химачали.

Грамматические сокращения

FUT – будущее время, IMP – императив, M – мужской род, PRV – превентивная частица, PTCP – причастие, SG – единственное число

Литература

1. Бархударов А. С., В. М. Бескровный, Г. А. Зограф, В. П. Липеровский (под редакцией В. М. Бескровного). *Хинди-русский словарь в двух томах*. М.: Советская энциклопедия, 1972.
2. Захир Ад-дин Мухаммед Бабур. *Бабур-наме*: // [сайт] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Babur/frametext9.htm> (дата обращения 20 августа 2020).
3. Мамаева В. В. *Гуджарати-русский словарь*. М. Русский язык, 1990.
4. Ренковская Е. А. Неодушевленные указательные местоимения в языке куллуи // *Шестнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.)*. / Ред. Е. А. Забелина. СПб.: ИЛИ РАН, 2019.
5. Ренковская Е. А. Императив в языке куллуи // *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и Юго-Восточной Азии (Материалы научной конференции, ИВ РАН, 26 октября 2016 г.)* / Отв. ред. З.М. Шаляпина сост., ред. А.С. Панина, А.И. Коган. М.: ИВ РАН, 2018. С. 168-173.
6. Bailey T. G. *The Languages of the northern Himalayas, being studies in the grammar of twenty-six Himalayan dialects*. London: The Royal Asiatic Society, 1908.
7. Berntsen, M. *Marathi Teaching Materials*. New Delhi: American Institute of Indian Studies, 1982-1983.
8. Biswas, S. *Samsad Bengali-English dictionary*. Calcutta, Sahitya Samsad, 2000.
9. Bonavia, E. *The Cultivated Oranges and Lemons, etc. of India and Ceylon: with Researches into their Origin and the Derivation of their Names, and Other Useful Information, with an Atlas of Illustrations*. Bedford, Massachusetts, 1888.
10. *Candrakānta abhidhāna: Asamiyi sabdara butpatti aru udaharanere Asamiya-Ingriji dui bhashara artha thaka abhidhana*. Guwahati: Guwahati Bisbabidyalaya, 1962.
11. Diack A.H. *The Kulu Dialect of Hindi: Some notes of its Grammatical Structure, with Specimens of the Songs current amongst People, and Glossary*. Lahore, 1896.

12. Singh Nissor U. (ed. by Gurdon P.R.T.) *Khasi-English dictionary*. New Delhi: Mittal Publications, 2008 (1904).
13. Grierson G.A. *Linguistic Survey of India*. Vol.IX. Part IV. Delhi-Varanasi-Patna, 1916.
14. Hendriksen, H. *Himachali studies. III. Grammar*. København: Munksgaard, 1986.
15. Masica, C. P. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991
16. Matisoff, J. A. *The Sino-Tibetan Etymological Dictionary and Thesaurus*. Berkeley, 2015.
17. Praharaj, G. C. *Purnnacandra Odia Bhashakosha*. Cuttack: Utkal Sahitya Press, 1931-1940.
18. Platts, J. T. *A dictionary of Urdu, classical Hindi, and English*. London: W. H. Allen & Co., 1884.
19. Ranganatha, M. R. *Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Census of India. 1971*. Language monograph No. 7. New Delhi: Office of the Registrar General, India, Language Division. 1980.
20. Singh, M. *The Panjabi dictionary*. Lahore: Munshi Gulab Singh & Sons, 1895.
21. Sharma D. (Saraswat). *Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan* (Грамматика кулуту и хинди: сопоставительный анализ). New Delhi: Lekhni, 2014.
22. Shorto, H. *A Mon-Khmer comparative dictionary*. Canberra, 2006
23. Schmidt, R. L. *A Practical dictionary of modern Nepali*. Ratna Sagar, 1993-1994.
24. Steingass, F. J. *A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature*. London: Routledge & K. Paul, 1892.
25. Thakur M.R. *Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men* (Язык пахари с приложением описания кулуту). Delhi: Sanmarg Prakashan, 1975.
26. Turner, R. L. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. London: Oxford University Press, 1962-1966.
27. Turner, R. L. *A comparative and etymological dictionary of the Nepali language*. London: K. Paul, Trench, Trubner, 1931.
28. Widmer, M. *A descriptive grammar of Bunan* (PhD diss.) 2014.

**Частичная лексикализация синтаксической модели
«прямой объект + отглагольное имя» (лексическая номинализация)
в эвенкийском языке как не имеющем словосложения¹**

**1. Употребление конструкции «прямой объект + отглагольное имя»
в эвенкийском языке**

В синтаксисе эвенкийского языка XX века (записи Г.М. Василевич, Е.П. Лебедевой) есть довольно много конструкций «оформленный показателем аккумулятива прямой объект + отглагольное имя», ср. примеры (1)-(3).

- (1) *bu upkat ičə-rə-w*
1PL(EXCL) весь видеть-NFUT-1PL(EXCL)
- [_{NP} [_{VP} *səktə-kə-r-wə* *koŋi*]-*mnə-wə-tin*]
ветка-INTS-PL-ACC отгрызть-NMLZ.RES-ACC-PS.3PL
- i* [[_{NP} [_{VP} *t² səktə-lə-d'ək*]-*wə-tin*]
и ветка-VBLZ.OBJ-NMLZ.LOC-ACC-PS.3PL
- lalbuka-l-wa*
мох-PL-ACC

«Мы все увидели, что ельник обгрызен [результат того, что кто-то обгрыз ельник] и [увидели] место, где она [медведица] собирала для подстилки мох» [Лебедева 1952, архив].

В примере (1) речь идет о молодой медведице: это ее логово, которое нашли охотники, а она оттуда недавно сбежала. То есть точно неизвестно, что это она собирала мох, но высоко вероятно. Буквально эта часть предложения переводится как «место, где мхи для подстилки собраны». *Labulka-l-wa* «мхи» стоит во множественном числе. В номинализации залог не маркируется (в отличие от причастия, ср. [Nedjalkov

---

¹ Автор благодарит Е. Л. Клячко за предоставление примеров из корпуса и отдельные советы по глоссированию. Особая благодарность Е. А. Лютиковой и А. Ю. Урманчиевой за дискуссию и важные комментарии.

² *t* – это «след», исходная позиция аккумулятивного объекта (который в «глубинной» структуре стоит перед глаголом) перед перемещением. Из позиции *t* он передвинулся в позицию на поверхностном (воспринимаемом визуально или акустически) уровне – там, где это слово стоит в предложении.

uji-t-čän-ma-n

привязать-DISTR-CVB.LIM-ACC-3SG *paka*]

«Я вышла из своих санок, пока отец привязывал передового оленя» [Корпус рассказов]

(6) а. [*Terilte-ni salaj-aaccy*] *kel-le*
[company-ACC manage-AG.NOM] come-PST.3SS
«The **manager of the company** came» [Baker, Vinokurova 2009]

б. [*Ynax/ ynaq-y kör-öössü*] *kel-le*
[cow/ cow-ACC watch-AG.NOM] come-PST.3SS
«The **watcher of (a) cow(s)/of the cow** came» [Baker, Vinokurova 2009]

Якутские аффиксы лексической номинализации, такие, как *-aaccy/ -öössü* 'AG.NOM' в (6), допускающие аккузативный объект, родственны аффиксам номинализации киргизского языка (тюркские языки). Эти аффиксы в киргизском допускают сохранение оформления аргумента отглагольного имени, идентичного оформлению глагольных актантов. Данные аффиксы не являются причастными – в якутском причастия образуются по-другому.

Источники наших примеров – это сайты «Малые языки Сибири: наше культурное наследие» (Корпус рассказов, устные рассказы (на бытовые темы) 1998-2019 гг.), <http://gisly.net/corpus/> и «Корпусы Института этнографии и антропологии РАН» (КИЭА РАН, тексты газет, переводные тексты 2000-х гг. и устные рассказы), <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php>. В тексте также используются примеры из [Лебедева 1952] – Е. П. Лебедевой из архива ИЛИ РАН и примеры из архива Г. М. Василевич, а также из работ Г. М. Василевич (1920-1950е гг.) В примерах из корпуса рассказов (а также из архива Е. П. Лебедевой – (1)) используется фонетическая транскрипция, принятая в корпусе рассказов (все эти примеры записаны в транскрипции и отгlossированы Е. Л. Клячко), а в примерах из письменных текстов – кириллическое написание, принятое в источнике. Используются глоссы, созданные для корпуса рассказов (О. А. Казакевич, Н. К. Митрофанова и др.)

В эвенкийском языке XXI в. данная конструкция в первую очередь употребляется со следующими аффиксами: а. *-mūt* (*-mūi/-mūi*) NMLZ.AG: *ulī-mūt* 'кормить NMLZ.AG' «повар»; б. *-kūt, -d'ak* (*-kūm/-kūm, -djak*) NMLZ.LOC/ NMLZ: *bulta-kūt* 'охотиться-NMLZ.LOC' «место охоты»; *in-kūt* 'жить-NMLZ' «жизнь»; *bi-d'ak* 'быть-NMLZ.LOC' «место пребывания»; [полисемия 'место действия' – 'действие' и нек. др.]; в. *-wun* (*-wun/-wūn*) NMLZ.RES/ NMLZ.INSTR/ NMLZ: *ini-wun* 'грузить-NMLZ.RES' «выюк»; *pakirā-wun* 'стрелять-NMLZ.INSTR' «ружье»; *hawali-wun* 'работать-NMLZ' «(олени для) работы».

В современном языке конструкция с аккузативным дополнением употребляется ограниченно. Во-первых, для употребления подобной конструкции благоприятна предикативная позиция: при этом конструкция обозначает постоянное свойство или занятие. Большинство таких примеров в Корпусе рассказов (7а-г)³:

(7) а. [oror[n]-wo tahi-*кта-**мни-тин***]
 [олень-PL-ACC гнать-DSPRS-NMLZ.AG-PS.3PL]

əɾə jəkəŋdə-won
 этот Эконда-RESID

«**Лучший пастух** оленей в Эконде этот экондинец» [Корпус рассказов]

б. [*s'ūkə-l-ba olgī-**мһи***]
 [травы-PL-ACC сушить-NMLZ.AG]

bi-sō-n tar ahi
 быть-PST-3SG тот женщина

«**Травы сушила** эта женщина» [Корпус рассказов]

в. [*təti-γə-l-wə bū-**мһи***]
 одевать-NMLZ-PL-ACC давать-NMLZ.AG

«(В Туре) я **раздавала одежду**» [была кастеляншей]» [Корпус рассказов]

г. [*doɣinŋəkta-l-wə həlgī-wun*]
 гриб-PL-ACC сушить-NMLZ.RES

«**Грибосушилка**» (инструмент для сушки) [Корпус рассказов]

Кроме того, в основном в письменных текстах ((8а-б) и под.) отглагольное имя с аккузативным дополнением найдено только с дополнением *орон-мо / оро[n]-р-во* ‘олень(-PL)-ACC’ «оленя/оленей» (ср. (7а) vs. (7б-в) из устного рассказа). Сочетание отглагольного имени с аккузативным дополнением встречается в позициях аргументов: косвенный объект в (8а), объект в (8б). Как видно из (7а) в сравнении с (8а-б), ‘оленя/оленей’ в форме аккузатива в устных рассказах и письменных текстах сочетаются с разными глаголами (*tahi-* ‘гнать’ vs. *irgi-* ‘воспитывать’). С аффиксом номинализации *-kīt* (*-kūm, -hīt, NMLZ.LOC/NMLZ*)

³ Тестирования информантов почти не проводилось, только в некоторых восточных говорах (в то время как все наши примеры – из северных и южных говоров), и протестированные информанты с трудом понимают и не употребляют рассматриваемую модель. Заметим, что в восточных говорах нет некоторых важных морфосинтаксических черт северных и южных говоров, таких как факультативное согласование прилагательного с определяемым существительным в числе/падеже.

в (8б-в) все сочетание интерпретируется как деятельность (NMLZ): в (8б) читата из газеты, а в (8в) из устного рассказа. В отличие от (7г) (-*mit*, инструмент) и (8б-в) (деятельность), в (8а) с -*мни* 'NMLZ.AG' допускается только агентивная интерпретация.

(8) а. ...эр гиркилэ-вун [оро-р[н]-во
этот дружить-NMLZ.RES олень-PL-ACC

ирги-чи-мни-л-ду] аят
воспитывать-DUR-NMLZ.AG-PL-DAT хорошо

эбэлэ-дэ-рэ-н

помочь-IPFV-NFUT-3SG

«Эта дружба сильно помогает **оленеводам**» [газета]

б. «Север-га-р оро[н]-р-во ирги-де-кйт»
север-RESID-PL олень-PL-ACC воспитывать-IPFV-NMLZ(.LOC)
«**Оленеводство** для оленей Севера» (заповедник) [газета]

в. olániwodi-l huŋtu ism'ini= ism'ini-rə-Ø
оленеводы-PL другой изменить.SLIP изменить-NFUT-3PL

[oron-Ø-mi irgi-hīt-pə]

олень-ACC-RFL воспитывать-NMLZ(.LOC)-ACC

«Другие оленеводы изменили **воспитание оленей**» [Корпус рассказов]

Как кажется, приведенные факты, по крайней мере в письменном языке (8а-б), говорят о калькировании сложного слова⁴ *оленево́д* (и заодно *оленево́дство*) и, как результат, о частичной лексикализации модели «аккузативный объект + лексическая номинализация» со значением 'оленево́д, оленеводство' в зависимости от аффикса номинализации -*мнй*/-*мни* или -*кйт*/-*кит*.

Дополнительным аргументом в пользу такой точки зрения является следующий факт: в русско-эвенкийских словарях (в частности, [Болдырев 1994, с. 247]) русское слово *оленево́д* переводится как *орочй* (оро[н]-чй 'олень-COM.ATR'). В устных рассказах слово *орочй* не встречается, а встречается только в сказках, рассказывая которые, носитель эвенкийского старается использовать архаичные слова и выражения – ср. *оро[н]-си-кан* 'олень-PL-COM.ATR-DIM' «оленево́ды», букв. «оленево́дики» [КИАЭ РАН, сказка «Лис-обманщик»].

Интересно, что *оленево́дство* переводится в словаре Б.В. Болдырева 1994 г. с помощью аналитической конструкции с номинали-

⁴ В эвенкийском языке нет основосложения как способа словообразования [Nedjalkov 1997, p. 308].

зацией на *-н* ‘NMLZ’: *оро[n]-р-во ирги-чй-н* ‘олень-PL-ACC воспитывать-DUR-NMLZ’, при том, что имя с показателем номинализации *-н* не может управлять аккузативным дополнением (см. *ирги-де-кйт* с *-кйт* NMLZ(.LOC) в (8б), а также *ирги-хйт-рэ* в (8в)).

В устных же рассказах (7а-г) лексического ограничения на аккузативный объект нет, но, кроме сочетания с *орон-мо*, *оро[n]-р-во* ‘олень(-PL)-ACC’ «олень/оленьей» в (7а), данная модель найдена только в предикативной позиции (кроме (7г), где представлено изолированное употребление). Во всех примерах сочетания с аккузативным объектом обозначают постоянную деятельность/функцию или профессию. Тут нельзя говорить о калькировании, а скорее о появлении новой, еще не устоявшейся словообразовательной модели (начальная стадия лексикализации).

2. Морфосинтаксический анализ лексической номинализации с аккузативным дополнением

Мы будем отталкиваться от анализа якутских сочетаний с аккузативным объектом [Baker, Vinokurova 2009] (примеры (6а-б)). Согласно данным [Baker, Vinokurova 2009], рассматриваемая конструкция в якутском регулярна и образуется на синтаксическом уровне как фразовая номинализация:

(9) [[VP NP_{ACC} + V] + NMLZ] (тут ACC – лексический аккузатив⁵).

Подходит ли схема (9) для рассмотренных эвенкийских примеров (7)-(8)? Если относить образование конструкции с аккузативом к словообразовательному, а не синтаксическому процессу, и учитывать отсутствие групповой флексии в эвенкийском, больше подходит альтернативный анализ, предлагаемый сторонниками целостности слова (lexical integrity) и специалистами по словообразованию, например, [Booij 2019]:

(10) [NP_{ACC} + [NP [V V_{BASE}] + NMLZ]]

В (10) N_{ACC} – неспецифицированный модификатор, а не прямое дополнение. Схема (10) похожа на словообразовательную модель татпу-

---

⁵ Лексический падеж, в отличие от структурного – это такой падеж, который не является регулярным, а присваивается имени конкретным глаголом, а не, например, всем именам по формальному (падежному, позиционному) признаку. Так, творительный в *наслаждаться музыкой* – лексический падеж, а аккузатив в *есть пять часов* – структурный падеж. В эвенкийском языке аккузатив в данной конструкции считается лексическим из-за нестандартности данной конструкции, а также в связи с особыми структурными факторами, о которых здесь не упоминается.

руша («определятельное сложное слово», *determinative compound* [Rainer 2015, p. 1312]), ср. *coffee grinder* «деятель или инструмент по размалыванию кофе». При подобном анализе эвенкийского аккумулятивного объекта нужно будет считать, что аккумулятивный объект – это модификатор отглагольного имени, а аккумулятив – это застывшая форма модификатора в сложном слове. Разберем в скобочной записи, следуя схемам (9) и (10), пример (36): (i) по схеме (9) [*иктэ-л-ва* + *тэси-* + *вун*] (анализ на уровне синтаксиса) и (ii) по схеме (10) [*иктэ-л-ва* + [*тэси-* + *вун*]] (словообразовательный анализ с сохранением целостности слова).

В работе [Mugdan 2015, p. 282-284] приводятся примеры, в которых основа при словообразовании – это маркированная грамматическая форма слова, такая как *mēgināj* ‘пытаться.PST’ в латвийском отглагольном имени *mēgināj-ums* ‘пытаться.PST-NMLZ’ «попытка» (ср. *mēgināj-u* ‘пытаться.PST-1.SG’ и *mēgin-u* ‘пытаться.PRS-1.SG’). Однако грамматическое значение PST в *mēgināj* не сохраняется в деривате: *mēgināj-ums* не маркировано по времени.

В случае же эвенкийских конструкций значение прямого объекта во всех случаях сохраняется (см. примеры выше). Показательно также, что не встречается слитного написания конструкции с аккумулятивным объектом. Это значит, что словообразовательная модель «аккумулятивный объект + отглагольное имя» не образовалась, и тут можно говорить только о начальной стадии лексикализации. Раз значение аккумулятива сохраняется, схема (10), в которой аккумулятивный объект рассматривается как застывшая форма – модификатор имени, менее объяснительна, чем схема (9). В схеме (9) аккумулятив присваивается именной группе NP_{ACC} глагольной вершиной [Baker, Vinokurova 2009], см. сноску 5.

Если сравнить эвенкийский язык с якутским, в последнем конструкция с аккумулятивным объектом встречается и в предикативной, и в аргументной позициях (примеры (6а-б)). Кроме того, в якутском есть аналогичные конструкции с дативным, а не аккумулятивным объектом. В эвенкийском в устных рассказах на бытовые темы встречаются только конструкции с аккумулятивным объектом, однако в сказках (рассказанных В. Елдогир, поселок Чиринда, северный говор) есть единичные примеры не только на дативный, но и на аблативный объект (см. выше, тоже в сказке, пример более архаичного названия для рус. *оленевод* – *орочй*).

- (11) а. *gogo-mō-d'aŋā-s*   *ēkun=məl*   *эмә-гәки-n*
 лаять-INTS-FUT-2SG   что=INDEF   прийти-CVB.COND-3SG

[*bəjə-dū*   *hilba-mñi*]
 [человек-DAT   сообщать-NMLZ.AG]
 «Будешь лаять, когда кто-нибудь придет, сообщать человеку»
 [Корпус рассказов, сказка «Как собака лишилась речи»]

- б. [*bəjə*   *amar-duki-n*   *girku-mñi*]
 [человек   зад-ABL-PS.3SG   ходить-NMLZ.AG]

«Будешь **ходить за человеком**» [Корпус рассказов, сказка «Как собака лишилась речи»]

Таким образом, в устных рассказах есть следы более архаического состояния эвенкийского языка, когда отглагольное имя могло управлять дативной, аблативной (и другими) именными группами, в зависимости от модели управления глагола. Это также аргумент за то, что аккузативное дополнение на современном этапе нельзя назвать застывшей формой, а следует считать «пережитком» (лексического) аккузатива, как предлагают М. Бейкер и Н. Винокурова в (9) для якутского.

Принимая структуру (9), нужно иметь в виду следующую сложность. Конструкция с аккузативным дополнением при таком анализе попадает в число так называемых «скобочных парадоксов» (*bracketing paradoxes*): это такие устойчивые сочетания (фразеологические единицы, *phraseological unit*⁶), которые на синтаксическом уровне анализируются с одной расстановкой скобок (9), а на словообразовательном – с другой (10). Уже отмечалось, что при анализе (9) нарушается требование целостности слова в синтаксисе (*lexical integrity*).

Пример «скобочного парадокса» уже приводился выше: *coffee grinder* «кофемолка». Как отмечает F. Rainer [Rainer 2015, p. 1312], независимо от того, является ли *grinder* деятелем или инструментом, глагольный корень этого имени присваивает семантическую роль (пациенс) имени *coffee*. Присваивание семантической роли происходит внутри VP, поэтому, независимо от присваивания падежа, до номинализации в подобной конструкции нужна составляющая VP, как в (9), хотя расстановка скобок в (9) противоречит требованиям словообразования и целостности слова. Похожий пример приводит А. Спенсер [Spencer 2005, p. 89-90]: [_{NP} [_{VP} *lawn mow*] -er] vs. [_{NP} *lawn* [_{NP} [_V *mow*-] [_N -er]]] «газонокосилка». Вопрос о присваивании падежа упомянутыми авторами не затрагивается: у английских лексических основ нет падежных показателей.

В генеративной грамматике для словоизменительных процессов целостность слова нерелевантна. Словоизменительные морфемы трактуются как функциональные вершины или реализации признаков этих вершин. Стандартный генеративный подход [Chomsky 1981] предполагает, что синтаксические правила и механизмы не могут использоваться для словообразования: это бы нарушало то правило, что лексические единицы и их субкатегориальные и другие свойства берутся из лексикона только в самом начале синтаксической деривации (порождения предложения). Они «вставляются» в («глубинно-»)синтаксическую структу-

---

⁶ В работах [Jackendoff 1997; Mugdan 2015 p. 282-283] такие сочетания считаются фразеологическими единицами, а в работе [Booij 2019] – квазинкорпорацией.

ру» (Deep Structure), которая является начальной в синтаксической деривации: только к ней могут применяться синтаксические правила.

Р. Джекендофф [Jackendoff 1997, p. 87] и вслед за ним минималистские подходы [Chomsky 1995] предполагают, что лексические единицы могут быть вставлены в синтаксическую структуру не только в начале, но и в процессе и самом конце деривации, после применения всех правил и трансформаций (и перед переходом к новым уровням генеративной модели: логической форме LF (Logical form) и фонологической форме PF (Phonological Form)).

Можно огуленно сказать, что большая часть лексического материала вставляется в начале синтаксической деривации, а та часть лексики, которую нельзя построить с помощью стандартных синтаксических схем и преобразований, вставляется, в соответствии с идеей Р. Джекендоффа, в конце синтаксической деривации, когда основная часть структур уже построена. [Jackendoff 1997, p. 168] приводит такие примеры: вершине V в синтаксической структуре соответствует синтаксически членимая составляющая из лексикона, ср. идиомы типа [_{VP} *kick the bucket*], содержащиеся в лексиконе, соответствующие абстрактной вершине V «умереть»; VP '*kick the bucket*' «вставляется» в узел V. При таком подходе допускается существование синтаксической структуры внутри лексических единиц уже в лексиконе. Аналогично неправильные глаголы типа *went*, будучи вершинами, замещают целый фрагмент синтаксической структуры⁷.

Данный подход незаменим при анализе «скобочных парадоксов», в том числе конструкции с аккузативным объектом. В соответствии с изложенной концепцией, подобные сочетания содержатся в лексиконе до вставки в синтаксическую структуру, которая происходит в конечный момент синтаксической деривации (в минимализме – «вставка лексических единиц на последнем этапе» (late insertion), см. [Spencer 2005, p. 89-91; Ackema, Neelman 2007, p. 341-343]).

Анализ рассматриваемой конструкции с аккузативным объектом должен быть синтаксическим – то есть эта конструкция не представляет собой неделимую лексическую единицу, а, как и идиомы, обладает внутренней синтаксической структурой (9). Если сравнивать рассматриваемую конструкцию с причастными и деепричастными конструкциями типа (4)-(5), в конструкцию с аккузативным дополнением входит наименьшая глагольная составляющая (VP), в то время как более крупные гла-

---

⁷ Соотнесение элементов лексикона и синтаксических структур регулируется «правилами соответствия» (correspondence rules) – см. (Jackendoff 1997, p. 111). «Правила соответствия» Р. Джекендоффа получили дальнейшее развитие в минимализме. В LFG и HPSG эта проблема решается через введение отдельного морфологического уровня, на котором допустимы определенные фрагменты синтаксического представления.

гольные составляющие, доминирующие над VP (vP, TP и т.д.) присутствуют только в (дее)причастной конструкции (4)-(5)⁸.

Мы видим, что, как и идиома, конструкция с аккумулятивным дополнением относится к разряду фразеологических сочетаний. Эти сочетания обладают внутренней синтаксической структурой, хотя и хранятся в лексиконе, то есть они являются исключительными, маркированными единицами лексикона. Такие единицы вводятся в синтаксическую деривацию не обязательно на начальном этапе, а чаще всего на более поздних этапах, когда базовые синтаксические деревья уже выстроены. Их введение в синтаксическую структуру должно сопровождаться специальными правилами перехода от синтаксически сложных единиц лексикона к соответствующим им отрезкам и единицам синтаксической структуры.

3. Степень лексикализации конструкции с аккумулятивным дополнением в современном эвенкийском

Есть ли в рассматриваемой конструкции лексикализация сочетания отглагольного имени с аккумулятивным дополнением? [Brinton, Traugott 2005, p. 96-98] предлагают девять признаков лексикализации. Представим их в Таблице 1, в которой сравниваются аккумулятивная конструкция с дополнением 'олень' (*орон-мо*, *оро[н]-р-во*) (в письменном языке), аккумулятивная конструкция, обозначающая профессию или постоянное занятие (в устном языке) и идиома (абстрактно, как эталон для сравнения).

Таблица 1

	Конструкция с дополнением <i>орон-мо</i> , <i>оро[н]-р-во</i>	Конструкция, обозначающая профессию или постоянное занятие	Идиома
(1) В результате исторического изменения появляется новая форма с новым значением	+ (в результате калькирования слов <i>оленовод</i> , <i>оленоводство</i> создается новая фразеологическая единица с фиксированными компонентами)	-	+

⁸ К сожалению, не удалось доказать это утверждение путем тестирования информантов (такое тестирование проделано для якутского языка в работе [Baker, Vinokurova 2009]).

(2) Исходный материал может быть одним словом, синтаксической конструкцией и т.д.	+	+	+
(3) В процессе лексикализации происходит фонологическое, морфологическое или семантическое изменение	+/-	+/-	+
(4) Результат лексикализации хранится в лексиконе как лексическая единица	+	+	+
(5) Результат может быть одним словом, синтаксической конструкцией и т.д.	+	+	+
(6) Постепенное изменение	?	?	+
(7) Фузия в процессе изменения	-	-	- (+ для словообразования)
(8) Идиоматизация	-	-	+
(9) Ограничения на продуктивность	+	+	+

Таблица 1 показывает, что конструкция с аккумулятивным объектом обладает некоторыми признаками лексикализации. В ней наблюдаются как минимум пять (конструкция с *орон-мо*, *оро[н]-р-во* в письменном языке) или как минимум четыре (профессия или постоянное занятие в устном языке) признака лексикализации. В письменном языке лексикализация более сильная: она привязана к объекту с определенным значением ('олень'), и корень глагола, управляющего объектом, практически всегда *ирги-* 'воспитывать' – тут мы имеем дело с (неполной) фиксацией слов как составных частей фразеологической единицы, вызванной аналогией со словом *оленевод*.

«Разводить (животных)» переводится на эвенкийский язык глаголом *этэ-*, имя на *-кйт*, образованное от данного глагола, употребляется

в письменных текстах не в конструкции с аккумулятивным дополнением, а с атрибутивной формой *оро[н]-ды* ‘олень-ATR’ «олений»: *оро-ды этэе-кйт* ‘олень-ATR разводить-NMLZ’ «оленоводство», ср. (86) с *ирги* и с аккумулятивным дополнением).

В отношении устного языка можно говорить о появлении модели для образования фразеологических единиц с общим значением «постоянное занятие, профессия», но компоненты сочетания с аккумулятивным объектом не фиксированы. Тут трудно говорить о лексикализации, только в очень небольшой степени (постольку, поскольку словообразование, до некоторой степени аналогичным которому является образование фразеологических единиц, однозначно считается в работе [Brinton, Traugott 2005] лексикализацией). К сожалению, не было возможности проверить, насколько прижилась данная модель, обозначающая профессию, в эвенкийском языке и стала ли она продуктивной.

Необходимо заметить, что важный признак лексикализации – идиоматизация у рассматриваемого сочетания отглагольного имени с аккумулятивным объектом совершенно отсутствует (по сравнению с идиомами, которые в работе [Brinton, Traugott 2005] считаются результатом лексикализации, а в Таблице 1 – эталоном для сравнения. С другой стороны, нужно отметить еще одну характеристику аккумулятивного объекта в рассматриваемой нами конструкции – аккумулятивный объект во всех употреблениях (и в устном, и в письменном языке) употребляется нереферентно. Признак «нереферентное употребление» мы включаем в признак 3 по [Brinton, Traugott 2005] (это своего рода семантическое изменение) как +/- . Этот признак в нашем случае можно сформулировать как фиксация денотативного статуса аккумулятивного объекта как нереферентного. В связи с характером употребления конструкции (см. выше), аккумулятивный объект не может обозначать какого-то конкретного оленя/олений, а только оленей как класс, вид. Денотативный статус относится к области семантики не всеми исследователи – часть исследователей считает денотативный статус скорее относящимся к области прагматики (см. обсуждение этой проблемы в работе [Падучева 1985, с. 79-82]). Признак нереферентности аккумулятивного объекта (хотя лексические характеристики дополнения не меняются) можно с оговорками отнести к процессу семантического выветривания⁹. Так, часть сложного слова, исход-

⁹ Прототипический случай семантического выветривания происходит в случае грамматикализации. Однако в процессе идиоматизации, например, когда проверб и глагол (или глагол и частица) образуют единицу с новым значением, не сводящемся к композиционному объединению значений проверба (частицы) и глагола, также можно говорить о семантическом выветривании. Наречие *up* (ср. *up in the mountains*) при создании новой лексической единицы (фразового глагола) *wake up* теряет свое пространственное значение, то есть происходит семантическое выветривание.

но являющаяся объектом, не может соотноситься с референтом, так же, как первые компоненты слов *оленовод*, *стихосложение*, а также атрибутивы типа *оро[н]-ды этэ-кйт* ‘олень-ATR разводить-NMLZ’ «оленоводство» в экскурсе выше.

В заключение рассмотрим факты, которые можно извлечь из словарей, указывающие на калькирование конструкций с аккузативным объектом.

Имеются примеры использования сочетания отглагольного имени с объектом или с субъектом для калькирования русских сложных слов при переводе. Так, в русско-эвенкийском словаре [Болдырев 1994, с. 47] найдены следующие модели с аккузативным объектом (и не только):

- (12) а. *водохранилище – мӯ-вэ одё-кйт*
‘вода-ACC беречь-NMLZ.LOC’ (мӯ-вэ ‘вода’ – объект);
б. *водопровод – мӯ-вэ нэнэ-вун-кй*
‘вода-ACC идти/везти-NMLZ.REZ-DIR’ (мӯ-вэ ‘вода’ – объект);
в. *водопад – мӯ буру-де-рй-н*
‘вода падать-IPFV-PTCP.SIM-NMLZ’ (мӯ ‘вода’ – субъект);
г. *водолечебница – мӯ-т айт-кйт*
‘вода-INST лечить-NMLZ.LOC’ (мӯ-т ‘вода’ – инструмент)

Однако такие сочетания есть только в русско-эвенкийском словаре Б.В. Болдырева, их нет в эвенкийско-русских словарях [Болдырев 2000; Мыреева 2004]. В нашем материале сочетания не встречаются, хотя встречается их второе слово. Вероятно, сочетания из (12) попали в русско-эвенкийский словарь, поскольку использовались как кальки в переводных текстах.

Грамматические сокращения

1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, ABL – аблатив, ACC – аккузатив, ALL – аллатив, ATR – атрибутив, COND – условный (конверб), CVB – конверб (деепричастие), DAT – датив, DISTR – дистрибутив, DSPRS – дисперсив, DUR – дуратив, EXCL – эксклюзивное (множественное число), FOC – энклитика (частица), маркирующая фокус или коммуникативное выделение, INCEP – инцептив (смысл начала действия), INCL – инклюзивное (множественное число), INST – инструменталис, INTS – интенсификатор, IPFV – имперфектив, LIM – причастие предела (лими-

---

А в случае *jog through (the forest)* степень идиоматизация гораздо меньше – *through* сохраняет свое исходное значение.

тативное) NFUT – небудущее (время), NMLZ – номинализатор, NMLZ.AG (AG.NOM) – номинализатор, образующий имя деятеля, NMLZ.INSTR – номинализатор, образующий имя со значением инструмента, NMLZ.LOC – номинализатор, образующий имя со значением места действия, NMLZ.QUAL – номинализатор, образующий лицо, которое характеризуется действием, обозначенным глагольной основой, NMLZ.RES – номинализатор, образующий имя со значением результата действия, PART – партитив, PF – перфектное (причастие), PL – множественное число, POSTPOS – послелог, PROL – пролатив, PRGRN – перегринатив, PRS – настоящее (время), PS – посессивный (аффикс), PST – прошедшее (время), PTCP – причастие, RESID – уроженец, RFL – рефлексив, SIM – (причастие) одновременности, SG (sS) – единственное число, SLIP – оговорка, VBLZ.OBJ – показатель вербализации при образовании глагола от имени, обозначающего предмет, который является объектом действия.

Литература

1. Болдырев Б. В. *Русско-эвенкийский словарь*. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 499 с.
2. Болдырев Б. В. *Эвенкийско-русский словарь*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 1. 503 с.; Ч. 2. 484 с.
3. Василевич Г. М. *Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Госучпедгиз, 1940. 195 с.
4. Василевич Г. М. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Госучпедгиз, 1948. 356 с.
5. Лебедева Е. П. Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г. // *Архив ИЛИ РАН*. С. 1010707–1010716; С. 1010206–1010562.
6. Мыреева А. Н. *Эвенкийско-русский словарь*. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
7. Падучева Е. В. *Высказывание и его соотношенность с действительностью* / Отв. Ред. В.А. Успенский Изд. 6, испр. М.: ЛКИ, 2010. 296 с.
8. Ackema P., Neeleman A. Morphology ≠ Syntax // G. Ramchand, Ch. Reiss (eds.), *The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces*. Oxford: OUP, 2007. P. 325-352.
9. Baker M., Vinokurova N. On agent nominalizations and why they are not like event nominalizations // *Language*. 2009. V. 85, No. 3. P. 517-556.

10. Booij G. Compounds and multi-words expressions in Dutch // B. Schlücker (ed.). *Complex lexical units: compounds and multi-word expressions*. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 5-126.
11. Brinton L., Traugott E. *Lexicalization and language change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 219 p.
12. Chomsky, N. *Lectures on government and binding*. Dordrecht: Foris, 1981. 371 p.
13. Chomsky, N. *The Minimalist Program*. Cambridge (Mass): MIT Press, 1995. 420 p.
14. Jackendoff R. *The Architecture of the Language Faculty*. Cambridge (Mass.): The MIT Press. 1997. 278 p.
15. Lefebvre C., Muysken P. *Mixed Categories. Nominalization in Quechua*. Dordrecht–Boston: Kluwer. 1988. 321 p.
16. Mugdan J. Units and patterns of word-formation // P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer (eds.). *Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe*. Vol. 1. Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2015. P. 235-301.
17. Nedjalkov I. *Evenki*. London–New York: Routledge, 1997. 366 p.
18. Rainer F. Agent and instrument nouns // P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer (eds.). *Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe*. Vol. 2. Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2015. P. 1304-1316.
19. Spencer A. Word formation and syntax // *Handbook of word-formation*. Ed. by Pavol Štekauer, Rochelle Lieber. Springer, Dordrecht, 2005. Pp. 73-97.

Sound Variation /f/÷/tʃ/ in Kuria Varieties Rinchari and Simbiti

1. Introduction

The Kuria (also spelt 'Kurya') language is one of the North-East Bantu languages spoken by Kuria people who live in North-West Tanzania and South-West Kenya. According to *Ethnologue*, the number of L1 speakers is 690 000. In his updated Guthrie list, Maho labels Kuria language with the code JE43, thus shifting it from the Guthrie E zone to the new J zone and does not indicate any dialects for it. However, he indicates four closely related languages, namely Simbiti (JE431), Hacha (JE432), Surwa (JE433), and Sweta (JE434). Chacha argues that Simbiti and Rinchari constitute dialects of Kuria [Chacha 2014, p. 15]. For the sake of our study and based on the linguistic proximity among these languages as well as the shared sociocultural identity of their speakers, we consider them as a continuum of Kuria varieties. Figure 1 provides an overview of the location of Kuria varieties within Tanzania. The two neighbouring varieties – Simbiti and Rinchari – will be hence the core of our interest because they exhibit a remarkable sound variation.

Figure 1: Location of Kuria varieties in Tanzania
No. 1 – Kuria, No. 2 – Simbiti (Ethnologue.com)

2. Statement of the Research Problem

Simbiti and Rinchari are spoken in Rorya and Tarime districts of Mara region and are mutually intelligible since their difference from each other is minimal. The most significant distinction in phonetics is the contrastive use of palatal affricate /tʃ/ by Rinchari speakers and alveo-palatal sibilant /ʃ/ by Simbiti speakers in the same phonological contexts. In other words, the varieties share a stock of lexical items differing from each other by /ʃ/ ÷ /tʃ/ variation (accompanied sometimes by other minor differences). These lexical items are shown in Table 1.

<i>No</i>	<i>Rinchari</i>	<i>Simbiti</i>	<i>Part of speech</i>	<i>Gloss</i>
1	amanche	amanshe	noun	water
2	chimande	shemande	noun	groundnuts
3	chinguru	shinguru	noun	power
4	chinthukya	shinthukya	noun	hair
5	chinyenyi	shinyenyi	noun	vegetable
6	chora	shora	verb	collect
7	enyacha	enyasha	noun	lake
8	ghecha	ghesha	verb	cut
9	ghethocho	kethosho	noun	hare
10	haghacha	haghasha	verb	build
11	honchora	honshora	verb	exchange
12	ichahe	ishahe	noun	tea
13	icharu	isharu	adverb	much
14	icho	isho	adverb	yesterday
15	incho	insho	verb	come
16	kogocha	ghosha	verb	pound
17	machomu	mashomu	adverb	fine
18	mchere	moshere	noun	rice
19	mosacha	mushasha	noun	man
20	sumacha	shumasha	verb	speak

Table 1: *Common lexical items of Rinchari and Simbiti with /ʃ/÷/tʃ/ variation*

The data presented in Table 1 were collected from three sources:

1) word list of 300 items in Swahili that was used for translational elicitation;

2) short text in Swahili that was translated into Rinchari and Simbiti by native speakers;

3) interviews conducted with native speakers of Rinchari and Simbiti aiming to clarify the meaning of the obtained lexical items.

The interviews made it clear that Rinchari speakers use sound /tʃ/ successively and never use sound /ʃ/, while Simbiti speakers demonstrate the opposite tendency.

This fact determines the research question: what is the nature and cause of the /ʃ/≠/tʃ/ variation in Rinchari and Simbiti? We suggest two possible explanations that shed light on its nature and cause: articulatory drift and sound change.

3. Theoretical framework

The theoretical framework includes two different approaches to explaining sound change – articulatory drift and historical sound change. While articulatory drift is a more hypothetical approach and cannot be proved directly, historical sound change can be traced through the comparative method. The comparative method implies an analysis of cognates and / or proto-forms (if they are available) to shed light on the processes of language change in time. Yohana [2009, pp. 150-157] and Paul [1886/1970] in Kataoka [2011, pp. 14-15] provide theory and evidence of articulatory drift. The study of historical sound change is based on [Meeussen 1967], [Nurse/Philippson 2003], [Bostoen 2009], [Dimmendaal 2011], [Mwita 2012], [Bostoen/Bastin 2016].

3.1. Articulatory drift

Articulatory drift is a concept based on the physiological and cognitive aspects of language acquisition, which points out the learning mechanisms as the driving forces for sound change. Paul assumes that the cause of sound change is the articulatory representation in one's memory which keeps on changing by favouring the current sensation over earlier ones [Kataoka 2011, pp. 14-15]. If for some reason a new articulation is introduced and favoured, the drift starts. The drift occurs with certain directionality rather than randomly because certain sound sequences are easier to articulate than the others. For example, the Italian word *otto* 'eight' is easier to pronounce than its Latin ancestor *octo*. The introduction of a new sound may be triggered by repetitive mispronunciation or language contact.

Sound borrowings through language contact are well attested in African languages. In Southern Chasu dialects, sounds /s/ and /z/ shift to /θ/ and /ð/ respectively in informal speech as the result of language contact with Ngweno language [Yohana 2009, pp. 150-157]. Simbiti is the only Kuria variety that demonstrates the /ʃ/ sound in its consonant inventory. So we can assume that /ʃ/ sound was introduced to Simbiti by one of the neighbouring languages: Luo, Kabwa, Swahili, or Jita, and Simbiti speakers opted for the ease of articulation of the affricate /tʃ/ reducing it to only one component /ʃ/. Once simplified pronunciation arose, it kept on being repeated and spread across

the Simbiti community. It is quite possible that the new sound /ʃ/ was favoured due to psychological and cognitive reasons. As the auditory representation is based on the sound inventory of the speakers which comprises all that they have been exposed to, we may assume that the new generation grew in the use of /ʃ/ sound in the whole Simbiti community. After having been transmitted from one generation to another, /ʃ/ sound has become one of the identity markers for Simbiti speakers.

This explanation is rather sophisticated as we cannot attest it synchronically with current data, unlike [Yohana 2009], because the assumed process had been completed far in the past. That is why we develop another explanation based on the evidence of the historical development of Bantu languages.

3.2. Historical sound change in Bantu languages

Historical sound change is reconstructed for many Bantu languages through the application of the comparative method. The comparative method implies the analysis of similar lexical items in related modern languages with the aim of reconstruction of the proto-language. Several Proto-Bantu language systems have been proposed since the late 19th century. In our study, we use the reconstruction proposed by Nurse and Philippson [2003, p. 146]:

Consonants:	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>c</i>	<i>k</i>		
	<i>b</i>	<i>l/d</i>	<i>y/j</i>	<i>g</i>		
	<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ny</i>			
	<i>mp</i>	<i>nt</i>	<i>nc</i>	<i>nk</i>		
	<i>mb</i>	<i>nd</i>	<i>nj</i>	<i>ng</i>		
Vowels	<i>i</i>	<i>ɪ</i>	<i>e</i>	<i>a</i>	<i>ɔ</i>	<i>u</i>
Tones:		<i>High</i>		<i>Low</i>		

Figure 2: *Proto-Bantu sound system*

The Proto-Bantu sound system experienced many changes across living Bantu languages, although some languages retain many elements of the initial system. The main phonological processes observed across Bantu languages are:

- 1) vowel harmony;
- 2) vowel gliding;
- 3) vowel deletion (with compensatory lengthening);
- 4) fricativisation *c > s, *j > z;
- 5) spirantisation after high close vowels *ɪ and *ɔ;
- 6) Dahl's law;
- 7) lenition (consonant weakening);
- 8) (de)voicing of consonants.

4. Results

Sound change analysis implies diachronic rather than synchronic approach to language variation. Hence, we treat the sound variation shown in Table 1 as the evidence of divergence in the consonant system of Kuria during its historical development. To trace this development, we should come back to the common stage of Kuria varieties, that is Proto-Bantu (as to the best of our knowledge there is no separate reconstruction of Proto-Kuria) and try to identify which sounds gave rise to the sounds /ɟ/ and /ʃ/ in modern Simbiti and Rinchari. To do so we expand Table 1 with Proto-Bantu roots retrieved from the online database *Bantu Lexical Reconstructions 3*.

<i>Nº</i>	<i>Rinchari</i>	<i>Simbiti</i>	<i>Proto-Bantu</i>	<i>Zones</i>	<i>Gloss</i>
1	amanche	amanshe	*jji ‘river; waterhole’ / *jinji ‘water’	C D E F G H J K L M P R S / F G K M N S	water
2	chimande	shemande	*jido ‘groundnut’	J	groundnuts
3	chinguru	shinguru	*dibù ‘strong, hard, difficult’	J	power
4	chinthukya	shinthukya	*cìngà ‘string; hair (on body)’ / *cènjí ‘hair tuft on tail’	A B C F G H K L R S / J	hair
5	chinyenyi	shinyenyi	?	?	vegetable
6	chora	shora	*còd ‘pay tax’ / ‘choose’	C, J / C F J M	collect
7	enyacha	enyasha	*jànjà ‘lake’		lake
8	ghecha	ghesha	*kànt ‘cut’	E, G	cut
9	ghethocho	kethosho	?	?	hare
10	haghacha	haghasa	*bák ‘build’	A E G N S	build
11	honchora	honshora	*còd ‘pay tax’ / ‘choose’	C, J / C F J M	exchange
12	ichahe	ishahe	?	?	tea
13	icharu	isharu	?	?	much
14	icho	Isho	*jó ‘yesterday’	D F J M N P	yesterday
15	incho	Insho	*ji / *jinj ‘come’	A B C E F G H J K L M N P R S / K L M P	come
16	kogocha	Ghosha	*pond ‘pound, stamp, beat; forge’	E G J L M N P S	pound

17	machomu	mashomu	*jùam 'be beautiful, be good'	G K L M	fine
18	mchere	Moshere	?	?	rice
19	mosacha	Mushasha	*cájjà 'old man; man'	J	man
20	sumacha	Shumasha	*jamb 'speak; answer'	B C E H	speak

Table 2: *Common lexical items of Rinchari and Simbiti with /ʃ/~/tʃ/ variation and their Proto-Bantu roots*

The Proto-Bantu forms were chosen with regard to sound similarity between them and their modern cognates in Simbiti and Rinchari based on assumed reflexes and their spread through the E, J and the neighbouring zones. Forms given after slash (/) are supportive although located not in the E or J zones. Question mark (?) stands for the absence of the appropriate form.

4.1. Fricativisation *c > ʃ

Table 2 suggests that both /tʃ/ and /ʃ/ sounds originate from two Proto-Bantu sounds, namely *c and *j. Many Bantu languages realise *c and *j as /s/ and /z/ respectively and this process is often called fricativisation. However, the sound change *c > ʃ is attested for two languages, Shanjo and Fwe, spoken in Zambia (K-zone) in [Boeston 2009]. The author assumes that “The regular <...> reflex of *c is /s/, but this could well be the outcome of the process *c > ʃ > s, whose first step is attested in Shanjo and Fwe” [Boeston 2009, p. 125]. So Simbiti demonstrates the first step of *c > s fricativisation, and its /ʃ/ phoneme should be considered as retention rather than innovation. We can assume that *j > z fricativisation happened according to this model as *j > ʒ > z, but /ʒ/ underwent devoicing and merged with /ʃ/, because there is no evidence of voiced sibilants in modern-day Simbiti and Rinchari.

4.2. Post-nasal Affrication

The process that might have happened next or at the same time with fricativisation is affrication of /ʃ/ before nasal consonants. Nurse and Philippson indicate the post-nasal affrication for Kongo H10, Yaka H31 and Venda S21, giving examples from Kongo H10 [Nurse/Philippson 2003, p. 51]:

- ku-N=fil-a → kú-m=pfil-a ‘to lead me’
- ku-N=sib-a → kú-n=tsib-a ‘to curse me’

Similarly /ʃ/ could have given rise to the affricate /tʃ/ after a nasal, and we can see it in our data¹:

¹ sb – Simbiti; rch – Rinchari.

- *rch.* amanche ‘water’ > *sb.* amanshe ‘water’ > *jínjì ‘water’;
- *rch.* incho ‘come’ > *sb.* insho ‘come’ > *jínj ‘come’;
- *rch.* honchora ‘exchange’ > *sb.* honshora ‘exchange’ > *còd ‘pay tax; choose’.

The proto-forms *jínjì and *jínj possessed nasals before the consonants which triggered affrication in Rinchari but did not influence Simbiti as it seems to be immune to innovations after *c > ʃ fricativisation.

4.3. Spirantisation

Affrication could also have been triggered by ɪ-spirantisation. The nature of ɪ-Spirantisation consists of the influence that the high close aspirated *ɪ vowel, found in prefixes, causative extensions and agentive suffix, exerted on preceding consonants. Nurse and Philippson give a summary of these changes as follows [Nurse/Philippson 2003, p. 53]:

(a)	*pɪ	> p ^H ɪ	> pfɪ	> fɪ	> fɪ
	*bɪ	> b ^H ɪ	> bvɪ	> vɪ	> vi
(b)			> psɪ	> (tsɪ)	> sɪ
			> bzɪ	> (dzɪ)	> zɪ
(c)	*tɪ	> t ^H ɪ	> tsɪ	> sɪ	> si
	*dɪ	> d ^H ɪ	> dzɪ	> zɪ	> zi
(d)	*cɪ	> c ^H ɪ	> dzɪ	> sɪ	> si
	*jɪ	> j ^H ɪ	> dzɪ	> zɪ	> zi
	*kɪ	> k ^H ɪ	> ksɪ	> (tsɪ)	> sɪ
	*gɪ	> g ^H ɪ	> gzɪ	> (dzɪ)	> zɪ

Figure 3: Bantu spirantisation

Figure 3 shows that *C^H is modified to a fricative or an affricate but it lacks the description of sound shift for /ʃ/. In our view, it could have resulted in /ʃ/. We can prove it with our data:

- *rch.* chimande < *sb.* shemande ‘groundnuts’;
- *rch.* chinguru < *sb.* shinguru ‘power’;
- *rch.* chinthukya < *sb.* shinthukya ‘hair’;
- *rch.* chinyenyi < *sb.* shinyenyi ‘vegetable’.

These nouns exhibit the shift of the prefix *kɪ to shi and not to the regular si, because Simbiti stopped the fricativisation process halfway confining itself with /ʃ/ instead of regular /s/. The language system could not substitute *kɪ with si because it was lacking /s/ at that time.

Another process triggered by high aspirated *ɪ is causative derivation with the suffix *ɪ that can lead to the emergence of /ʃ/ as shown by Nurse and Philippson for Bemba M42 [Nurse/Philippson 2003, p. 54]:

- -fiit- ‘be dark’ → fiis-s ‘darken’ [fiiš-a];

- -cind- ‘dance’ → cins-i ‘make dance’ [ciŋš-a];
- -lil- ‘cry’ → lis-s ‘make cry’ [liš-a].

The authors note that Bemba M42 shifts every lingual consonant to /s/ before the causative suffix *₁ and palatalizes to /ʃ/. We can assume that similar process took place on the earlier stage of development in Kuria when lingual consonants were changed to /ʃ/ because of the absence of /s/, and the subsequent palatalisation gave rise to /tʃ/ forms in Rinchari, but did not affect Simbiti because of its conservative nature. We prove this assumption with the verbs ending in cha/sha found in our data:

- *rch.* ghecha < *sb.* ghesha ‘cut’;
- *rch.* haghacha < *sb.* haghasha ‘build’;
- *rch.* koghochacha < *sb.* ghosha ‘pound, stamp, beat; forge’;
- *rch.* sumacha < *sb.* shumasha ‘speak; answer’.

It should be noted that semantics of these verbs allows them to take causative extensions, and the presence of /tʃ/ or /ʃ/ in the final position cannot be attributed to their proto-forms (*kànt, *bák, *pond, *jamb).

4.4. Sibilant Harmony

In contrast to *sumacha* ‘speak’, the word *shumasha* ‘speak’ seems to have undergone the process of sibilant harmony “which disallows or limits the co-occurrence of alveolar and alveo-palatal sibilants <...> In Rwanda DJ61 and Rundi DJ62, /s/ becomes alveo-palatal across a vowel, when the following consonant becomes (alveo-)palatal as the result of y-initial suffix, e.g. *soonz-* ‘be hungry’ vs. *a-ra=shoonj-e* ‘he was hungry’ (<soonz-ye)” [Nurse, Philippon 2003, p. 57]. The sibilant harmony can be attested in Simbiti with the words *shumasha* ‘speak; answer’ and *mushasha* ‘man’. It does not occur in Rinchari where the corresponding words have /s/ instead of the first /ʃ/: *sumacha* ‘speak’ and *musacha* ‘man’.

4.5 Fricativisation *c > ʃ > s

The words *sumacha* ‘speak; answer’ and *musacha* ‘man’ provide evidence of the presence of sound /s/ in Rinchari in those positions where it was allowed to develop from *c and *j: *rch.* *musacha* < *cáijà ‘old man; man’, *sumacha* < *jamb ‘speak; answer’. In other words, due to the lack of sibilant harmony in Rinchari, the process *c > ʃ > s was completed in positions that were not affected by any other phonetic processes involving /ʃ/. Moreover, the sound /s/ is also present in Simbiti. Here are some of the numerous examples:

- *risaka* ‘bushland’ < *càkà ‘thicket; bush-country’ (E F G H J L M N);
- *sarya* ‘destroy’ < *céini ‘destroy; pull down’ (J K);
- *magheso* ‘harvest’ < *kèc ‘cut; harvest’ (E F J H L N R S).

These examples show that in Simbiti and Rinchari fricativisation $*c / *j > s$ was completed in those positions that were not blocked by other processes that retained the first stage fricative /ʃ/ and turned it into /tʃ/ in what later became Simbiti: post-nasal affrication, spirantisation in prefixes and causative extensions, and sibilant harmony.

5. Conclusion

In the previous sections we tried to address the problem of /ʃ/ ÷ /tʃ/ sound variation in Simbiti and Rinchari varieties of the Kuria language based on the 20 lexical duplets exhibiting this variation.

The more plausible explanation of this phenomena is that on the earlier stage of its development the Kuria language underwent incomplete fricativisation $*c / *j > ʃ$. The /ʃ/ sound was fossilized in what later became Simbiti and gave rise to /tʃ/ sound in what nowadays is Rinchari variety. Fossilisation and affrication are triggered by the same phonological processes: post-nasal affrication and spirantisation in prefixes and causative extensions, while sibilant harmony serves only for fossilisation. In segments that were free of the mentioned processes, full fricativisation took place. That is why now both Simbiti and Rinchari exhibit the sound /s/.

This framework helped us to explain the shape of the following lexical items listed in Table 2: 1, 11, 15 – post-nasal affrication; 2-5 – spirantisation and affrication in the prefix; 8, 10, 16, 20 – spirantisation and palatalisation in causative extension; 19-20 – sibilant harmony. However, there are some lexical items for which we have not found a reliable explanation. We can assume that the items 13, 14 may be influenced by the initial i, items 9, 14, 17 may be influenced by the following o, items 12, 18 are obviously borrowed words and were assimilated by Rinchari and Simbiti according to their phonological rules (Rinchari substituted /tʃ/ with the closest sound /ʃ/), items 6, 7, 19 show strong ties with their proto-forms, but the nature of /ʃ/ ÷ /tʃ/ correspondence is not clear. These question require further research and discussion.

References

1. *Bantu Lexical Reconstructions 3* // Africa Museum // [сайт] URL: <http://www.africamuseum.be/collections/browsecollections/humansciences/blr> (retrieved on 22.06.2020).
2. Bostoën, Koen. Shanjo and Fwe as Part of Bantu Botatwe: A Diachronic Phonological Approach // *Cascadilla Proceedings Project*, Somerville, MA, 2009 / Edited by A. Ojo and L. Moshi. Pp. 110-130.

3. Bostoen, Koen; Bastin, Yvonne. *Bantu Lexical Reconstruction*. Oxford Handbooks Online, 2016 // URL: https://www.academia.edu/26247374/2016_-_Bantu_Lexical_Reconstruction (retrieved on 22.06.2020).
4. Chacha, Kichere. *Historia ya Kabila la Wakurya: Fahamu Chimbuko, Tamaduni, Manabii na Mashujaa wa Kikurya*. Dar es Salaam; Mdeve Stationary, 2014.
5. Dimmendaal, Gerrit. J. *Historical Linguistics and the Comparative Study of African Languages*. John Benjamins B.V., 2011
6. Ethnologue – Languages of the World URL: <https://www.ethnologue.com/country/TZ/maps> (retrieved on 22.06.2020).
7. Kataoka, Reiko. *Phonetic and Cognitive Bases of Sound Change*. University of California, 2011.
8. Maho Jouni Filip. *The online version of the New Updated Guthrie List, a referential classification of the Bantu languages* // URL: goto.glocalnet.net/mahopapers/nuglonline.pdf (retrieved on 22.06.2020)
9. Meeussen A.E. 1967. Bantu Grammatical Reconstructions // *Africana Linguistica* Vol. 3. Pp. 79-121.
10. Mwita, Leonard. Noun Tonology in Kuria // *International Journal of Humanities and Social Science* No. 2 (8), 2012. Pp. 159-168.
11. Nurse, Derek; Philippson, Gerard. *The Bantu languages*. Routledge, 2003.
12. Yohana, Rafiki. *A Sociolinguistic Analysis of Variation of a Rural African Community; Chasu in Same District, Tanzania* // PhD diss., University of Cape Town, 2009.

Turkic Serialization as Functional Head Spell-Out

1. Introduction

First, a terminological note is in order. I will use the term “grammaticalization” without any ideological background, it will mean just the process of emergence of new grammatical elements. In this paper grammaticalization is treated as a syntactic process, but only because I will be discussing syntactic phenomena, examining the evolution of a particular construction. I will not touch upon the problem of whether grammaticalization is a complex phenomenon including phonological, morphological, syntactic and semantic changes or whether there are different types of changes and each of them can be called “grammaticalization”, see Newmeyer (2001) for the discussion.

There are two main trends in historical syntactic research, the functional and the formal one. According to the functional paradigm, see Heine et al. (1991), Hopper & Traugott (1993), Haspelmath (1998), Traugott (2003), Bybee (2003) a.o., grammaticalization is driven mostly by semantic bleaching that is the reason for its vague, gradual nature. As stated in Haspelmath (1999):1062 “Thus, in my model it is not so much that semantic bleaching and phonological reduction go hand in hand, but semantic generalization is in a sense the cause of the other processes of grammaticalization.”

Under the formal treatment of grammaticalization, started in Lightfoot (1979), the driving force of grammatical change is restructuring of syntactically ambiguous constructions that leads to changes in the grammatical system, see Harris & Campbell (1995), Roberts & Roussou (2003) a.o. This perspective presupposes that changes are discrete since they are dependent on concrete syntactic constructions and vocabulary items on the one hand and give rise to the pre-defined grammatical elements on the other (i.e. grammar is finite and restricted).

Modern Turkic languages possess about one or two dozens of verbs that demonstrate crucial differences in semantics and functions when used as an independent verb vs. as a part of the so-called Serial Verb Construction or SVC see Lord (1993), Johanson (1995) a.o. Serial Verbs (SVs) have the same paradigm as their regular counterparts but the meaning is much more simple and there are also some syntactic restrictions on them. Sometimes such SV gave rise to verbal morphemes with TAM functions.

Thus, the emergence of new TAM categories in Turkic is a process that has clear-cut start and end-points. The goal of this paper is to consider the conditions under which the grammaticalization happens in Turkic and to decide which particular scenario, functional or formal one is more suitable for it. In what follows I will not touch upon the mechanisms of grammatical changes in Turkic SVCs, but mostly concentrate on the initial and final states of the grammatical system. Considering only the results of grammaticalization should allow us to skip additional presuppositions about how the grammar changes and to analyze only the final state of these changes.

In the section 2 I describe how converbs feed SV (and further – TAM markers) in Turkic. The 3rd section construes functional and formal scenarios of SV development. The sections 3-9 deal with semantic aspects of grammaticalization. The sections 10-13 consider what role does frequency play in SV grammaticalization. The last section concludes.

2. Serial Verb Construction in Turkic

2.1 Function of converbs

The combination of a converb and a finite form in modern Turkic is regularly used to introduce coordinated or multiple events. All Turkic verbs freely participate in such constructions. In the examples below we see the two events ('sleep', 'stay') that can be either simultaneous or follow one after another:

(1) Tubalar

Shluinskij (2006.b)

- a. Was'a uxta-p tur-dy
 Vas'a sleep-CONV stay-PST
 i. 'Vas'a stood when sleeping.'
 ii. 'Vas'a slept and (then) stood.'
- b. Was'a uxta-p kajla-dy
 Vas'a sleep-CONV sing-PST
 i. 'Vas'a sang when sleeping.'
 ii. 'Vas'a slept and (then) sang.'

2.2 Serial Verb Constructions

Converbs are a source for SVC constructions, see Johanson (1995) a.o. Turkic SVCs have the following properties: (i) they are created as a sequence of two or more verbs, the lexical verb coming first and the SV follows it; (ii) such a verb chain cannot be split; (iii) it has the common phrasal stress; (iv) the meaning of such construction is defined by the first, lexical item; (vi) only verbs from a very limited group can serve as a SV.

In the example below verbs 'stay' and 'see' create SVCs that introduce the duration and possibility of actions (correspondingly):

(2) Tubalar

Shluinskij (2006.b)

- a. Was^ʃa uxta-p tur-dy
 Vas^ʃa sleep-CONV stay-PST
 ‘Vas^ʃa was sleeping.’
- b. ^ʔçaška tül-üp kör-di
 cup fall-CONV see-PST
 ‘The cup could fall.’

Note that the example (2.a) is the same as (1.a), but in (2.a) the verb *tur-dy*, ‘stood’, loses its lexical meaning and has a function of tense / aspect marking. In (2.b) the verb *kör-di*, ‘saw’, denotes some inner ability of the object.

(2.b) has an inanimate subject used with the verb ‘saw’ that also supports the idea of loss of initial lexical meaning. Another evidence for the fact that SVs lose their meanings and serve just as TAM markers can be seen in the example below where the SV expresses negation for the event introduced by the lexical verb (*olu-p*, ‘die’):

(3) Azerbaijani

Azerbaijani (1971)

šairin	əşərləri	məhv	olu-p	ket-mi-r
poet.GEN	works	death	die-CONV	go-NEG-3
...the poet's work doesn't die				

3. Interactions of lexical and grammatical semantics in SVs under the functional and formal scenarios

Below I try to formulate the predictions that arise if we adopt the logic of functional and formal approach to grammaticalization. What we observe is: (i) the array of lexical meanings participating in SVC development; (ii) the array of grammatical functions served by SVs in Modern Turkic. In this section I am going to implement a kind of set theoretic analysis of the (elements of the) two arrays.

Each of the scenarios should propose some expectations concerning the volume of the arrays and the relations between elements in the arrays. With respect to volume, an array can represent an open or closed set of elements. As for relations among elements, every element from the first array can correspond to a single or multiple elements in the second array. This is exemplified in the Table 1.

In our case the Array 1 will be represented by the set of lexical meanings and the Array 2 – by the set of grammatical functions. As for volume, both grammatical and lexical arrays can potentially constitute either open or closed sets of meanings. Then, many-to-one relations between the two arrays will create synonymous or homonymous SVs, one-to-one relations will create non-synonymous, non-homonymous SVs.

In the sections 4-7 I will discuss what shapes the interplay between the lexical and the grammatical arrays should take if we apply functional scenario (FunS) or formal scenario (ForS) and test such expectations on Turkic data.

Table 1

Array 1	Array 2
A, B →	← A'
C →	← C'
D →	← D', E'
...	...
K	...
	...

4. (Un)restricted meaning and functions

There is a general agreement on the fact that the major lexical classes constitute open-type sets of meanings. If so, we would expect from purely semantic point of view declared by FunS that no semantic restrictions are imposed on grammaticalization. On the contrary, ForS prescribes a limited list of meanings in accordance to the fact that the amount of (grammatical features of) functional heads is restricted.

Thus, if we address the list of meanings described by the SV from the point of view of the set theory, it would create an open set from FunS's perspective and a closed set according to ForS.

So, FunS seems to predict that verbs like 'stay', 'come', 'see' would be grammaticalized having meaning 'to do something staying / coming somewhere / seeing something' or other abstract but semantically unrestricted meaning.

However, meanings like 'to do something staying / coming somewhere / seeing something' are not attested. In spite of the fact that the verbs 'stay', 'come', 'see' are SVs, their meanings changed into those similar to English progressive ('stay'), perfective ('come') and the expression of attempts ('see').

But what kind of semantics do we found in the SV domain? We can detect the following most regular semantics among Turkic SVs: duration and perfectivity (aspectual), attemptive and possibility (modal) meanings, and applicativity. Let me briefly exemplify them all.

One type of aspectual meaning regularly expressed by SVs deals with action duration. Lexemes used in this function are: position verbs 'stay', 'lie', 'sit' and the verb *bar* 'move':

(6) Kazakh

Medvedev	qazaqša	söyle-p	otyr
Medvedev	in.Kazakh	speak-CONV	SV.3.SG

‘Medvedev is speaking Kazakh.’

(7) Chuvash

xer	ača-n	piče	šyš'-sa	tă-č-ě
girl	child-GEN	face	swell-CONV	stay-PFV-3

‘The girl’s face was swelling.’

Different instances of perfective meaning are provided by verbs of arrival / departure like ‘go’, ‘leave’, ‘come’, ‘remain’ and others or verbs of change of possession / location like ‘put’, ‘send’, etc:

(8) Kyrgyz

Žer	basyp	al-uu	...	keli-p	čyk-ty.
soil	push	take-NMN	...	come-CONV	go-PAST

‘The seizure of lands ... happened (~arrived).’

(9) Kazakh

...	bastyyy	...	audan-dar-yna	keli-p	ket-ti.
...	head	...	region-PL-DAT	come-CONV	leave-PAST

‘The head of ... has visited ... regions.’

(10) Tyva

Ačam	zavod-ka	ürgülčü	ažylda-p	Tyva (1961)	kel-gen
Father	factory-DAT	all.time	work-CONV	come-PFCT	

‘My father has always been working at the factory.’

Verbs ‘take’ and ‘give’ are used across Turkic languages in the applicative function. ‘Take’ introduces an action benefactive for the subject and ‘give’ denotes benefactivity for somebody else’s sake:

(11) Kyrgyz

Ežem	žigit-ke	bijle-p	ber-di
sister	guy-DAT	dance-CONV	gave-PST

‘The sister danced for (some) guy.’

(12) Kyrgyz

Kurmanbek	koj	soju-p	al-dy
Kurmanbek	ram	cut-CONV	take-PST

‘Kurmanbek cut a ram for himself.’

Two more cases are modal meanings of possibility and attempt. Possibility is expressed by the verb ‘know’:

Again, ForS corresponds to a closed set of grammatical meaning available for a language through some diachronical interval, while FunS corresponds to a potentially open set of items.

As mentioned in Marcel Erdal's description of Old Turkic, see Erdal (2004, p. 245): "When converbs are used as first elements in analytical constructions, the products always express actionality, intention, ability or version." All these functions are just those we observed in the previous section for the SVs semantics in Modern Turkic. Moreover, the list of serializers remains the same during the last thousand of years¹ and we find the same very set of serialized lexical verbs (with slight deviations) in different Modern Turkic languages, cf. (15) for Tyva and (16) for Kyrgyz below:

(15) Tyva (1961)
al-, bar-, ber-, düš-, kal-, kag-, kör-, kel-, olur-, tur-, čit-, ...

(16) Kyrgyz (1985)
al-, bar-, ber-, tuš-, kal-, koj-, kör-, kel-, oltur-, sal-, tur-, ...

What we see thus is that neither new grammatical meanings arose during the last thousand years, nor new lexical items developed grammatical function. It is a bit strange taking into account that the source construction for the SVC did not become less productive – the use of converbs is still the main tool to express event coordination in Turkic.

If grammaticalization is driven mostly by semantics, as it seems to be under the FunS approach, it is strange that no new SV arise when the source construction itself did not lose productivity. Neither new grammatical meanings seem to appear during the last thousand of years, nor new lexical items developed grammatical functions that already existed in the domain of Turkic grammar.

This situation can be better described under the ForS approach. We can suppose that some grammatical "lacunas", i.e. the absence of a grammatical element for some feature support the changes. So, one can argue that grammaticalization should stop when the features matrix is "satisfied" to some extent².

To summarize: no new items or grammatical meanings arose in Turkic SV, which is more consistent with ForS and is hard to explain in terms of FunS.

---

¹ Old Turkic Documents can be attributed to the period of VII – XIII cc., see Erdal (2004).

² I am not aware of any research on how many grammatical categories a language can possess. However there is a kind of upper limit on the number of categories / functional heads we observe typologically.

6. Synonymous SV

In terms of set theory, synonymy is a situation when more than one element from one set (lexicon in our case) corresponds to a single element in another set (the domain of grammatical meaning). Indeed, as we saw in section 5, many lexical items seem to provide the same grammatical meaning. Perfective and durative aspectual domains are the best examples here.

But how can we make sure that the SV with these items are synonymous? Grammatical descriptions are usually quite vague and address such SV meanings as “long lasting actions”, “actions in progress” etc. To show that we really observe synonymy in SVC, let me consider verbs with the durative functions in Kyrgyz and Kazakh.

In both languages (as in most other Turkic) the durative meaning is provided by verbs ‘sit’, ‘stay’, ‘lie’ and ‘move’. Below I present results of a quick corpus study of such verb in the text arrays of 700 thousand words for Kyrgyz and 1.700 thousand words for Kazakh. After creating these text collections I made a search of the sequences of two adjacent converbs followed by a serial verb. The question was whether we observe sequences of two verbs from the durative domain (for instance, ‘sit’ and ‘stay’, ‘sit’ and ‘lie’, ‘sit’ and ‘move’ etc.) If we do, this would question the synonymy of these items in SV function.

The results are present in the Table 2. As we can see, co-occurrence of different durative SVs is extremely rare, which can argue in favor of identity of their grammatical meaning and function. Thus, the grammatical synonymy is what we really find among Turkic SVs.

Then if semantic change is a driving force for grammaticalization, it is not quite clear, why semantic simplification of verbs ‘sit’, ‘stay’, ‘lie’ and ‘move’ results in one and the same grammatical meaning. It would be much more likely from the *functional* view that each verb produces a grammatical item with specific semantics, no matter how “abstract” or “concrete” this semantics is.

From the ForS point of view we can quite easily explain the fact that different lexical items have turned into the same grammatical element: the real driving force for all these verbs is a gap in feature matrix. The feature {durative} of the aspectual functional head “attracts” verbs like ‘sit’, etc. to be an overt marker of it.

If we look again at the table above, it is also hard to explain from FunS perspectives, why the two verbs (even with the same grammatical function) cannot co-occur in spite of their relative frequency in SVC.

At the same time, non-cooccurrence of the items with the same grammatical functions follows straightforwardly from ForS: all the verbs ‘sit’, ‘stay’, ‘lie’ and ‘move’ occupy the same structural position and thus are mutually excluded.

To summarize: SV synonymy is a problem for FunS, since it is not quite clear how and why the semantic drift moves different verbs in the same direction. Moreover, synonymous SVs are in complementary distribution that can be interpreted as a result of competing for the same position in the structure. Again ForS seems to provide more adequate analysis here.

Table 2

	Durative SVs	first SV	second SV	total	co-occur
Kyrgyz	<i>žat</i> ‘lie’, <i>žür</i> ‘move’, <i>tur</i> ‘stay’, <i>oltyryp</i> ‘sit’	183	148	331	1
Kazakh	<i>otyr</i> ‘sit’, <i>žür</i> ‘move’, <i>tur</i> ‘stay’	167	189	356	6

7. Homonymous SV

Homonymy as it reflects the relations between the lexical and grammatical sets is opposite to synonymy: the same lexical item can correspond to more than one grammatical function. Applicative verbs exhibit the most evident case of homonymy. It is generally holds in most Turkic languages that the verbs ‘take’ and ‘give’ have two main functions. First, they introduce the beneficiary of an action, in case of ‘take’ it is a participant coreferent to the subject, in case of ‘give’ – the participant that has an antecedent beyond this clause. Moreover, ‘give’ has a secondary durative meaning, while ‘take’ also functions as a perfective marker.

In particular, this situation was reported in Shluinskij (2006.b) for Tubalar, see the examples below:

(17) Tubalar Shluinskij (2006.b)

- Was’a ežik ač-yp ber-di.
 Vas’a door open-CONV give-PST
 a. ‘Vas’a started opening the door.’
 b. ‘Vas’a opened the door for somebody.’

(18) Tubalar Shluinskij (2006.b)

- a. Was’a Maša-ny ker-üp al-dy.
 Vas’a Masha-ACC see-CONV take-PST
 ‘Vas’a saw Masha (for his sake).’
 b. čaj qajna-p al-dy.
 tea boil-CONV take-PST
 ‘The tea has boiled.’

There are also some other instances of homonymy, but the ones I present above are the most evident.

According to FunS, lexical items undergo semantic bleaching that defines the so-called “unidirectionality” of grammatical changes, Givón (1975), Lehmann (1995), Hopper and Traugott (1993) a.o. But the “bleaching” that follows two different directions seems very problematic.

On the other hand, if we follow ForS and treat SV as functional head realizations, we can claim that homonymous SVs just occupy different functional head positions. There is no reason why the same lexical item cannot occupy two different positions with different grammatical features.

To summarize, some SVs exhibit ambiguity that receives clear explanation under ForS and seems unrealistic under FunS.

8. Results for the semantic aspect of changes

In the Table 3 I briefly formulate semantic expectations of FunS and ForS paradigms and compare them with the grammatical facts attested in Turkic. What we really observed in Turkic was:

(i) as the result of grammaticalization SVs developed the closed set of grammatical meanings that corresponds to the grammemes attested in other languages of the world;

(ii) grammaticalization stopped at some moment in spite of the productivity of the converb plus finite verb construction;

(iii) synonymy is widespread among SVs;

(iv) some SVs are clearly homonymous.

So, as we see ForS is more consistent with the data provided by Turkic SV than FunS.

Table 3

	Functional Scenario (FunS)	Formal Scenario (ForS)
(i) Volume of meaning set (observed in Modern Turkic)	Open set → No restrictions on types of meanings	Closed set → Only meanings that correspond to existing grammatical categories
(ii) Volume of meaning set (diachronic productivity)	Open set → Permanent grammaticalization: new SVs should arise constantly	Closed set → Grammaticalization stops when a threshold for a number of functional heads / features is reached

(iii) Relations between lexical and grammatical sets (synonymy)	Semantic bleaching of different source meanings → no meaning coincidence (=synonymy) expected	Different lexical items may target the same functional head / feature → synonymy allowed
(iv) Relations between lexical and grammatical sets (homonymy)	Semantic bleaching of one source meaning → No meaning divergence (=homonymy) expected	Different meanings may correspond to distinct functional heads / features → homonymy allowed

9. Serial verbs: a frequency study

It is a common point that high frequency of some lexical item increases its ability to be grammaticalized. But is it a sufficient condition?

Unfortunately, we do not have any text from the period of SV development. So, to answer the question above I provided a study of contemporary Kazakh texts that contain in total more than 1,7 millions of words. I created and analyzed a collection of collocations “converb + verb”. The total number of such pairs is 7798. Both serial and regular verbs are found in the collection either as converbs or as finite verbs. 25 serial verbs in this pair sample have been tagged specifically that allow us to compare them with regular verbs.

The stipulation, I make for the frequency analysis is that on the vast dataset relative amount of the most frequent verbs did not change significantly from the period when SV underwent grammaticalization (people need to eat, sleep, speak etc as well as report this actions as often as they did previously).

One problem we are faced with trying to simulate the grammaticalization process on the current data is that part of the verbal collocations that we have selected contains the verbs that have already become serials, whereas we are trying to imagine the stage where they were not yet grammaticalized. So the items that correspond to contemporary SVs are much more frequent, since they are highly frequent both as lexical and grammatical items.

However we will see that despite the real high position of SVs on the frequency list, some of them lose the frequency competition to regular verbs in spite of the fact that such SVs include also grammaticalized items.

One functional idea that belongs to Martin Haspelmath can be neglected at the very beginning of the study. It was claimed in Haspelmath 1999 that “semantic change is a prerequisite to drastical frequency increase”. According to Haspelmath a lexical item first loses its regular meaning, which

immediately results in the radical increasing of its frequency. This does not seem correct in our case: all the SVs have perfectly kept their lexical meaning and regularly function as lexical items in modern Turkic.

10. How much does lexemes' frequency matter?

It seems in general true that frequency is a well stimulating condition for grammaticalization, as it was correctly claimed in Bybee (2003) a.o.

As for the formal approach, it should be more sensitive to the grammatical features that have to be expressed in a particular grammar system due to its needs.

Here is what we found in the verbal pairs extracted from Kazakh texts. The first (converbial) elements are much less expected to be a SV than second elements due to their initial position (but it is not excluded from this option since more than one SV can be used in a clause). So, with respect to frequency we have a much more clear situation: the first items in pairs should better reflect the relevant frequencies of lexical verbs overall.

The results for the first, converbial form are the following: among the 24 most frequent items we observe 16 that have SV counterparts; if we extend the sample to 34 most frequent converbs we will find 17 serials. However, the least frequently used converb from a SV has the 1160th position on the frequency list. As we can see, the tendency works well but the average frequency of a lexical item does not strictly reflect its ability to undergo grammaticalization.

Thus, the highest frequency of an item that targets some grammatical domain is not a sufficient condition. This can be shown on another example: not all SVs are more frequent than other verbs in the second position in pairs. Second (=V2) positions of verbs give the following picture: out of 26 most frequent second verbal items, only 18 items exhibit a SV use. The less frequent serials occupy the 56th and 76th positions on the frequency list. So, even the "support" from the grammaticalized items does not help such SVs to surpass some regular verbs in frequency.

Finally, the frequency picture for both first and second item looks like follows: the 21 most frequent items contain 2 non-serials; the two least frequent SVs occupy the 31st and 79th positions.

Let us take a closer look at some particular verbs. Two SVs (but not only them), 'see' and 'know' seem to be very low on the frequency scale under any of the three metrics proposed above and there is a non-serial verb 'tell' that is used more often than them. 'See' and 'know' have developed modal meanings as SVs and there is no evident reasons why 'tell' that also serves as a matrix verb did not manage to do it (as it happened for instance in Russian where verbs *molviti* 'say' and *dejati + skazati* 'tell + say' gave rise to evidential particles 'mol' and 'de(skat)').

Verbs ‘push’/ ‘go’ (*bas*) and ‘go’ (*kajt*) provide another example of serial vs. non-serial opposition. In its grammatical use, *bas* has the aspectual meaning whereas *kajt* has not been grammaticalized in spite of the fact that many other movement verbs turned into aspectual serials, see (8-10) above. And this choice of SV by Kazakh seems strange from the frequency perspective – *bas* is used after the converb twice less frequently than *kajt*.

To sum up, the first lesson we learn from the frequency study is that higher frequency does not play a decisive role in deciding which of two similar lexical items is grammaticalized.

11. Item frequency vs. branching directionality

Under the constructional approach to grammaticalization it is claimed that a specific form of a lexeme regularly participating in some constructions should be frozen as a grammatical element, see, for instance, Rostila (2006).

Generative perspective presupposes that the parameter set of a language defines functions and positions of novel grammatical elements. In particular, one of the most clearly defined parameters of Turkic languages is their leftward branching directionality.

If we consider serials at the first and second position, we will find out that some SVs in such pairs are more frequent as converbs than V2s, see the Table 4.

The immediate question then is: why *qara*, *šyγ*, *tart*, *bas* and *bil* were not grammaticalized in their converbial forms? According to functional-constructional views, in these examples construction ‘V1-p + V2’ exhibits a high “type frequency” for a group of verbs. For all verbs in (12), the frequency of just one p-converbial form followed by some other verbs (significantly) surpasses the frequency of all other word forms as V2. Why do not we observe grammaticalization of a “p-converb + V2” for these verbs?

The answer from a formal generative perspective for this is quite simple: head parameter defines where the novel grammatical element should be in the structure. It can never be on the left in the left-branching Turkic languages.

To summarize this: the relevant factor for grammaticalization is the head parameter, rather than frequent co-occurrence of forms in a construction.

Table 4

Verb	qara	šyγ	tart	bas	bil
V1 p-converb	366	309	222	221	118
V2	106	266	30	70	23

12. Results for the frequency aspect of changes

Table 5 summarizes the predictions concerning frequency from both linguistic paradigms.

As we saw:

- (i) both FunS and ForS predictions hold;
- (ii) the ForS approach is more appropriate for SVs.

Table 5

	Functional Scenario (FunS)	Formal Scenario (ForS)
(i) Relevant frequency of lexical items	More frequent lexemes grammaticalized	The set of features in a language defines what novel items are needed
(ii) Regularly used constructions	Wordforms regularly frozen inside a construction turn into grammatical elements	Novel grammatical items should respect the head parameter

13. Conclusion

Let me draw a full picture of expectations from each of the two paradigms. In FunS we would observe the constant process of creation of a vast variety of novel grammatical meanings, each having only one source lexical verb and no verb would develop more than one meaning. The most frequent lexical and morphological items would result in grammatical elements.

According to ForS we would expect a fixed set of specific novel meanings, each lexical item may target more than one goal and some verbs may target the same goal; the overall process would be finished when the system becomes “satisfied”, such properties of the current system as the grammatical features already present in a language or its branching directionality would restrict grammaticalization.

What we observe in Turkic SVs is more likely to prove formal, not functional scenario. It seems that when we consider not an individual item but the full domain of grammatical meanings, as I did here for TAM, ForS makes more precise predictions.

I deliberately did not discuss the question of how technically the grammaticalization happened. But it seems very likely that the semantic changes from lexical to grammatical meaning happened with the Turkic serial verbs after they underwent syntactic reanalysis, see Lightfoot (2006), Roberts & Roussou (2003). It is much less probable that the semantic changes were prerequisite to reanalysis of lexical verbs into serial ones.

I was not arguing against the vague nature of semantic mechanisms like metonymy that certainly play a role in grammaticalization. I also did not dispute the gradual appearance (through the time) of innovative structures

and gradual disappearance of the older ones. I just claimed that when something (reanalysis in case of SV) “spoils the program” of normal functioning of lexical items they have little free choice and their future is determined by the current grammar and the UG.

References

1. Aikhenvald, A.Y. Serial verb constructions in typological perspective. // *Serial Verb Constructions: A Cross-Linguistic Typology*, 2006, CUP, ch. 1. P. 1–68.
2. Anderson, G. *Auxiliary Verb Constructions*. Oxford: Oxford University Press. 2005.
3. Azərbaycani 1971 – *Grammatika azərbayca dilində (fonetika, morfolojiya və sintaksis)*. Bakı. 1971.
4. Baker, M. The Mirror Principle and morphosyntactic explanation. // *Linguistic Inquiry* 16, 1985. P. 373–415.
5. Bybee Joan. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency. // Joseph, Brian & Richard D. Janda (eds.) *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford, 2003. P. 602–623.
6. Cinque, G & Rizzi, L. The Cartography of Syntactic Structures. // *Studies in Linguistics* Vol. 2, 2008; CISCL Working Papers. 2009.
7. Cinque, G. *Adverbs and Functional Heads. A cross-linguistic perspective*. New York, OUP. 1999.
8. Cinque, G. Again on Tense, Aspect, Mood morpheme order and the “Mirror Principle”. // *Un. of Venice Working Papers in Linguistics*. Vol.17. 2007. P. 232–265
9. Cinque, G. The fundamental left-right asymmetry of natural languages. // *Studies in Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 76, 2009. P.165–184.
10. Durie, M. Grammatical structures in verb serialization. // Alsina et al. *Complex predicates*. 1997. P. 289–354.
11. Givón, T. *The Evolution of Dependent Clause Morpho-syntax in Biblical Hebrew*, vol. 2. 1991.
12. Givón, T. Serial verbs and syntactic change: Niger-Congo. Li (ed.) *Word order and word order change*. Austin & London: University of Texas Press., 1975. P. 47–112.
13. Haspelmath, M. Why is grammaticalization irreversible? // *Linguistics*. Nov. 1999, Vol. 37. №6, P. 1043–1068

14. Haspelmath, M. Does grammaticalization need reanalysis? // *Studies in Language* 22, 1998.315-351.
15. Heine, Bernd; Ulrike Claudi and Friederike Hünemeyer. *Grammaticalization: A conceptual framework*. Chicago: University of Chicago Press. 1991.
16. Hopper, Paul and Elizabeth C. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003.
17. Johanson, L. On Turkic converb classes. // M. Haspelmath and E. Kaunig (eds.), *Converbs in cross-linguistic perspective*, Berlin and New York: Mouton. 1995. P. 313–347.
18. Khakas 1953 – *Khakassko-russkij slovar' s grammaticheskim ocherkom* N. A. Baskakova. Moscow.
19. Kyrgyz 1985 – Judakhin, K.K. 1985. *Kirgizsko-russkij slovar*. Frunze.
20. Laenzlinger, C. More on Adverb Syntax. // Alexiadou, A. & P. Svenonius (eds.) *Linguistics in Potsdam*. Vol 6. P. 103-32, University of Potsdam, Potsdam. 2000.
21. Lehmann, Christian *Thoughts on Grammaticalization*. Munich: Lincom Europa. 1995.
22. Lightfoot, D.W. *Principles of Diachronic Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press. 1979.
23. Lightfoot, D.W. *How New Languages Emerge*. Cambridge: Cambridge University Press. 2006.
24. Lord, C. *Historical Change in Serial Verb Constructions*. Amsterdam/Philadelphia, Benjamins. 1993.
25. Marcel, E. *A Grammar of the Old Turkic*, Leiden: Brill Academic Publishers. 2004.
26. McDonough, Q. Head parameterization at the multiclausal level: clause-chaining as episodic macroevents in Altaic-area languages. Talk at WAFL-2, Oct. Istanbul. 2004.
27. McGinnis, M. *Phases and the syntax of applicatives*. NELS 31. 2001.
28. McGinnis, M. UTAH at Merge: Evidence from multiple applicatives. // *MITWPL 49: Perspectives on Phases*, ed. by Martha McGinnis and Norvin Richards. 2005. P. 183-200.
29. Newmeyer, F.J. Deconstructing grammaticalization. *Language Sciences*, 23 (2001) P. 187-229 (www.elsevier.com/locate/langsci).
30. Pylkkänen, L. *Introducing arguments*. Doctoral dissertation, MIT, MITWPL. 2002.

31. Roberts, Ian & Anna Roussou. *Syntactic Change. A minimalist Approach to Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003.
32. Shluinskij, A.B. 2006.a. – Aktsional'nost' i aspektual'nyj pokazatel': konstruktivnaja so vspomogatel'nym glagolom il- v chuvashskom yazyke. // *Vestnik MGU*. Ser. 9, Filol., № 1.
33. Shluinskij, A.B. 2006.b. – Biverbal'nye konstruktivnaja v tubalarskom dialekte i ih leksicheskie ogranicheniya. // Tatevosov S.G. (ed.). *Tubalarskie etyudy*. M.: IMLI RAN, 2009. S. 6-53
34. Shluinskij, A.B. 2000.c. – *The report of a field-reaserch trip to the Mishar Dialect of Tatar*. (Ms) Moscow, MSU.
35. Traugott, E.C. Constructions in Grammaticalization. // Joseph, Brian & Richard D. Janda (eds.) *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford: Blackwell. 2003. P. 624-647.
36. Tyva 1961– Isxakov, I.B., Palmbax, A.A. 1961. *Grammatika tuvinskogo yazyka*. Moskva. 1961.

ЛЕКСИКА

©
ORCID 0000-0002-4170-1845
DOI 10.31696/2587-9502-2020-29-145-150

В. А. Андреева
ИЯз РАН (Москва)

Лексические изменения в современном вьетнамском языке

На рубеже тысячелетий в лексическом составе вьетнамского языка произошли и продолжают происходить значительные изменения, как и во многих других языках. Это связано как с экстралингвистическими факторами – процессами глобализации, научно-технического прогресса, возникновением единого мирового информационного пространства, развитием новых технологий, соответственно, появлением большого числа новых понятий и явлений, нуждающихся в номинации, так и с внутриязыковыми факторами – постоянным стремлением языка к семантической и стилистической дифференциации слов и их значений, тенденцией к экономии языковых средств, достижению экспрессивной выразительности. Активные динамические процессы в развитии лексической системы вьетнамского языка проявляются в появлении новых лексических и фразеологических единиц, уходе из употребления устаревших и устареваяющих слов, возвращении к жизни неактивных прежде лексем, расширении или сужении семантики актуальной лексики. Существует несколько источников появления новых лексических единиц во вьетнамском языке.

Одним из основных средств пополнения словарного состава вьетнамского языка является словообразование. Словообразование во вьетнамском языке как языке изолирующего типа осуществляется путем словосложения, редупликации, аффиксации, конверсии, лексического сокращения, инверсии составляющих морфем. Доминирует способ словосложения, обладающий исключительной продуктивностью. По подсчетам вьетнамских ученых, лексика, созданная с помощью этого способа, составляет 62% новых лексических единиц вьетнамского языка [Nguyễn Ngọc Trâm 2002, с. 9]. Слова, создаваемые способом словосложения, делятся на две большие группы: сочинительные и подчинительные сложные слова. В соответствии с типом подчинительной связи выделяют атрибутивную, комплеитивную, предикативную и результативную модели. В словообразовании участвуют как исконно вьетнамские, так и ханвьетские морфемы. Ханвьетские морфемы принимают самое активное участие в образовании политической, экономической, научной терминологии: *đồng tác* «партнер», *hội nhập* «интеграция», *kiểm toán* «аудит», *khởi nghiệp* «стартап», *nội nhu* «внутренний спрос», *thanh khoản* «ликвид-

ность», *đồng thuận* «согласие, консенсус», *điểm ảnh* «пиксель», *giả lập* «эмулятор», *tác vụ* «задача (в информатике)» и т.п. Новые слова часто создаются по уже известным словообразовательным моделям, так, например, с участием ханвьетской связанной морфемы *tặc* «вор, грабитель, разбойник» по образцу *hải tặc* «пират» («море» + *tặc*) в последнее время создано много новых лексических единиц: *tin tặc* («информация» + *tặc*) «хакер»; *lâm tặc* («лес» + *tặc*) «нелегальная вырубка леса»; *không tặc* («воздушное пространство» + *tặc*) «угон самолетов, воздушный терроризм»; *ngư tặc* («рыба» + *tặc*) «незаконный рыбный промысел»; *vàng tặc* («золото» + *tặc*) «нелегальная золотодобыча»; *cát tặc* («песок» + *tặc*) «нелегальная добыча песка»; *cẩu tặc* («собака» + *tặc*) «похищение собак» и т.п. Активно осуществляется словообразование с помощью служебных словообразовательных морфем: *-hóa* (*toàn cầu hóa* «глобализация», *số hóa* «цифровизация», *vốn hóa* «капитализация»), *-viên* (*tiền nguyện viên* «волонтер», *lập trình viên* «программист»), *siêu-* (*siêu mỏng* «ультратонкий, сверхтонкий», *siêu dẫn* «сверхпроводимость», *siêu người mẫu* «супермодель»), *đa-* (*đa phương* «многосторонний», *đa văn hóa* «мультикультурный», *đa hệ* «мультисистемный»), *tái-* (*tái cơ cấu* «реструктуризация», *tái định cư* «переселение») и т.д.

Расширению и обогащению словарного состава языка способствуют семантические преобразования в лексике, образование новых значений либо сужение значений у употребительных слов, возникновение многозначности, переосмысление. Так, например, слово *truy vấn* «допрашивать» получило значение «делать запрос» (в информатике) (*ngôn ngữ truy vấn* – «язык запросов»), слово *biến thái* «метаморфоз» приобрело значение «извращение» (половое) (*kẻ biến thái* – извращенец), слово *lại quả* «возвращать назад семье жениха часть подарков, полученных при сватовстве» приобрело значение «откат» (*nhận tiền lại quả* – «получить откат»).

Важнейшим источником пополнения лексического состава вьетнамского языка в последнее время являются иноязычные заимствования, прежде всего из английского языка. Причинами этого явления являются глобализация, модернизация, необходимость номинации новых понятий и явлений, ведущая роль английского языка в мировом коммуникационном пространстве, быстрый темп развития информационных технологий, а также определенная вестернизация общества, психологическая ориентация на престижность западного образа жизни, соответственно восприятие иноязычных слов как более престижных. Мощная волна заимствований из английского языка наблюдается в таких сферах словоупотребления, как компьютерные и информационные технологии, спорт, массовая культура, наука и техника, бизнес, молодёжная культура, популярная музыка, мода, досуг и т.д.: *online, blog, chat, copy, hack, game, shop, sale, top, link, share, web, server, hot, show, idol, scandal, slogan, ma-*

nager, marketing, training, freelancer, resort, make up, tomboy, menu, buffet, teen, fan и т.п. Передки случаи, когда английские слова заимствуются, даже если во вьетнамском языке уже имеются не менее точные вьетнамские эквиваленты: *menu* (*thức đơn* – «меню»), *online* (*trực tuyến* – «в сети, онлайн»), *handmade* (*thủ công* – «ручной работы»), *shop* (*cửa hàng* – «магазин»), *hot* (*nóng* – «горячий»), *tin nóng/hot* – «горячая новость»), *book* (*đặt* – «заказать (билет, номер в отеле)») и т.п.

Часть заимствований подвергается фонетической адаптации, приспособляясь к произносительным нормам вьетнамского языка: *euro* – *ơ-rô*, *selfie* – *seo phi*, *nick* – *ních*, *showbiz* – *sâu bit*, *style* – *xì tin/xì tai*, *@gmail.com* – *a công gờ meo chám côm*, и т.п. В последнее время наблюдается устойчивая тенденция заимствования английских слов в оригинальном слитном написании английского языка. В любом вьетнамском средстве массовой информации, особенно обращенном к молодежной аудитории, можно встретить многочисленные вкрапления английских слов в оригинальном написании, например: *tháng 7 nay sẽ có một fashion show* («в июле состоится модное шоу») – газета *Lao động*; *một nữ ca sĩ bị hack dữ liệu camera* («у одной певицы взломали камеру») – газета *Dân trí*; *các shop bán hàng online* («магазины онлайн-торговли») – газета *Lao động*; *bánh kẹo handmade nửa triệu đồng một kg* («кондитерские изделия ручной работы – полмиллиона донгов за килограмм») – газета *Người lao động*; *thị trường căn hộ condotel đang phát triển mạnh mẽ* («рынок кондотелей бурно развивается») – газета *Nhân dân*; *tạm dừng tất cả các hoạt động karaoke, quán bar, massage* («временно приостанавливается деятельность караоке, баров, массажных салонов») – газета *Tuổi trẻ*. Иногда даже в случаях, когда слово было заимствовано некоторое время назад и уже приспособилось к фонетическим и орфографическим нормам вьетнамского языка, происходит возвращение к исходному написанию заимствованной единицы: *mát-xa* – *massage* («массаж»), *sô* – *show* («шоу»), *pích ních, pic níc* – *picnic* («пикник»), *mô đun* – *module* («модуль»), *vi-đê-ô* – *video* («видео»), *vi-rút* – *virus* («вирус»), *đô-pinh* – *doping* («допинг»), *tuốc-bin, tua-bin* – *turbine* («турбина»), *ten-nít* – *tennis* («теннис»), *dích dắc* – *zigzag* («зигзаг»), *lô-gích* – *logic* («логика»), *rô-bốt* – *robot* («робот»), *sốc* – *shock* («шок»), *hoóc-môn* – *hormone* («гормон»), *tua* – *tour* («тур»), *sâm panh, sâm banh* – *champagne* («шампанское») и т.п. Употребление оригинальной и вьетнамизированной форм английских заимствований и вьетнамской лексики часто отличается непоследовательностью. Так, например, в одной и той же статье электронной газеты *Nhân dân* встречается вьетнамизированное написание *ơ-rô* вместо широко употребляемого *euro* (175 *ơ-rô/tấn* với gạo xay xát «175 евро за тонну шлифованного риса»), в то же время употреблено английское заимствование *logistics* (vấn đề *logistics* «вопросы логистики») вместо широко употребительного вьетнамского термина *hậu cần*.

Массово заимствуются различного рода аббревиатуры. Подавляющее большинство аббревиатур заимствуется из английского языка. Это аббревиатуры, функционирующие в различных типах дискурса – информационно-политическом, публицистическом, деловом, научном, бытовом: CD, DVD, ATM, WTO, WHO, GDP, SARS, ADN и т.п. Заимствованные инициальные аббревиатуры во вьетнамском языке в зависимости от типа произношения делятся на буквенные и звуковые. Буквенные аббревиатуры могут произноситься как по названиям букв языка-источника, то есть английского языка, так и по названиям букв вьетнамского языка. Примеры произношения первого типа: MC [“*em-xi*”] «ведущий программ» (англ. Master of Ceremonies), CD [“*xi-di*”] «компакт-диск» (англ. Compact Disk), VOA [“*vi-âu-ây*”] «Голос Америки» (англ. Voice of America), IPO [“*ai-pi-âu*”] «первичное публичное предложение» (англ. Initial Public Offering). Довольно распространено такое явление, как произношение заимствованных английских аббревиатур по названиям букв вьетнамского алфавита, например: WTO [“*vê-kép-tê-ô, vê-đúp-tê-ô*”] «ВТО, Всемирная торговая организация» (англ. World Trade Organisation), WHO [“*vê-kép-hát-ô*”] «ВОЗ, Всемирная организация здоровья» (англ. World Health Organisation), GDP [“*giê-đê-pê*”] «ВВП» (англ. Gross Domestic Product), UNDP [“*u-en-đê-pê*”] «Программа развития ООН» (англ. United Nations Development Programme), VTV [“*vê-tê-vê*”] «Вьетнамское телевидение» (англ. Vietnam Television), HIV [“*hát-i-vê*”] «ВИЧ» (англ. Human Immunodeficiency Virus), EU [“*ê-u*”] «Евросоюз», с/о [“*xê-o*”] «сертификат соответствия» (англ. Certificate of Original). Звуковые аббревиатуры (акронимы) образуются начальными звуками слов и читаются как обычные слова: NATO [“*na-tô*”] «НАТО», ASEAN [“*a-sê-an*”] «АСЕАН», UNESCO [“*u-nét-cô*”] «ЮНЕСКО», FAO [“*phao*”] «ФАО, Продовольственная и Сельскохозяйственная Организация ООН» (англ. Food and Agriculture Organisation), CEO [“*xео*”] «генеральный директор» (англ. Chief Executive Officer).

Изменения в лексическом составе вьетнамского языка происходят также за счет перераспределения активного и пассивного языкового фонда, устаревания и выхода из употребления лексических единиц, расширения пласта общеупотребительной лексики за счет лексики ограниченного употребления, то есть перемещения лексики с периферии в ядро лексической системы. Для вьетнамского языка особенно характерно явление актуализации устаревшей либо малоупотребительной лексики. Дело в том, что на лексической периферии вьетнамского языка существует весьма значительное количество ханвьетских лексических единиц, оказавшихся там в силу ряда причин. Многие из них зафиксированы в старых толковых словарях вьетнамского языка, а в современных словарях либо отсутствуют, либо снабжены пометами о принадлежности к устаревшей, малоупотребительной лексике. В последние годы многие

из этих единиц входят в активное употребление, применяются к новым реалиям как их обозначение, приобретают новые значения или стилистические оттенки, создают более короткие по сравнению с существующими структурами номинации [Андреева 2002, с. 8-10]. Например: *du học* «учиться за границей» (вместо *học ở nước ngoài*), *du khách* «иностранный турист» (вместо *khách du lịch*), *chiến đấu cơ* «истребитель» (вместо *máy bay chiến đấu*); *thủy phi cơ* «гидросамолет», *đại gia* «олигарх, богач», *thuộc cấp* «подчинённый», *kiều nữ* «красавица», *hi hữu* «редкий, редкостный», *trân quý* «ценить, дорожить» и т.п. Ханвьетские слова широко употребляются в переводах популярных китайских исторических сериалов: *huynh* «старший брат», *đệ* «младший брат», *tỉ* «старшая сестра», *miệ* «младшая сестра», *thảo dân* «простолюдин», *sur phụ* «учитель», *đăng cơ* «взойти на престол», и т.д.

Происходит переход в общеупотребительный лексический фонд некоторого количества разговорной и жаргонной лексики, например: *xe dù* «нелегальная маршрутка», *bến cóc* «нелегальная остановка», *xỉn* «пьяный», *Tây ba lô* «экономный западный турист, бэкпекер».

В эпоху бурного экономического роста, стремительного развития средств массовой коммуникации и возросшей миграционной активности населения все более стираются различия между различными территориальными и социальными диалектами вьетнамского языка. При все еще сохраняющихся значительных различиях в звуковом строе, происходит взаимовлияние и сближение лексических систем трех основных диалектов (вариантов) вьетнамского языка – северного, центрального и южного. Так, например, лексический фонд общелитературного вьетнамского языка обогатился лексическими единицами южного диалекта: *két xe* «дорожная пробка», *váy bầu* «платье для беременных», *bắp rang bơ* «попкорн», *thú cưng* «домашнее животное, домашний питомец», *nhậu* «выпивать и закусывать» и др. [Nguyễn Văn Khang 2015, с. 5]. Значительно расширилась в последнее время сфера функционирования молодежного сленга, который все более широко используется в средствах массовой информации. Для вьетнамского молодежного сленга характерно использование существующих лексических единиц литературного языка с обновленной семантикой, изменение фонетического облика традиционных лексических единиц, широкое использование в письменной речи сокращений и аббревиации, а также увлечение англицизмами, обычно используемыми в оригинальной фонетической и графической форме.

Изменение лексического состава вьетнамского языка, активно происходящее в настоящее время, – это объективный процесс, вызванный как внешними, так и внутренними причинами. Тем не менее многие представители общественности и лингвистического сообщества Вьетнама выражают беспокойство в связи с излишней демократизацией и англизацией вьетнамского языка и выступают за необходимость нормализации вьетнамского языка и скорейшее принятие закона о языке.

Литература

1. Андреева В. А. К вопросу о неологизмах вьетнамского языка // *Китайское языкознание. Изолирующие языки. XI Международная конференция. Материалы*. М., 2002, с. 3-13.
2. Nguyễn Ngọc Trâm. Về hai xu hướng trong phát triển từ vựng tiếng Việt // *Ngôn ngữ*, 2000, N 6, tr. 1-10.
3. Nguyễn Thuý Nga. Các yếu tố tác động đến xu hướng sử dụng nguyên dạng từ gốc Anh trong báo tiếng Việt // *Ngôn ngữ và đời sống*, 2014, N 12, tr. 27-30.
4. Nguyễn Văn Khang. Tiếng Việt trong bối cảnh thống nhất đất nước, hội nhập và phát triển // *Ngôn ngữ và đời sống*, 2015, N 8, tr. 1-7.

Лексическая и грамматическая спецификация в древнеарабском

1. Введение

В процессе подготовки материалов к истории арабского языка нам уже не раз приходилось обращать внимание на особенности архаичной лексики ранних памятников арабской словесности, зафиксированной также и в национальной арабской лексикографии [Белова 2016, с. 68–76; Belova 2010, p. 275–281; Belova 2017, p. 53–62].

К одной из таких особенностей можно отнести явление **спецификации** глагольной лексики. Под спецификацией мы имеем в виду изначальное узкое значение знаменательной лексической единицы. В отечественном языкознании обычно рассматривается явление **специализации** значения слова как результат утраты более общего значения, замены его более узким значением [Ахманова 1966, с. 448; ЛЭС, с. 262]. В нашем материале мы наблюдаем обратный исторический процесс – от узкого, конкретного значения – к более широкому, абстрактному.

Анализ языкового материала памятников доисламского периода свидетельствует о том, что явление спецификации глагольных значений неоднородно как по происхождению, так и по своей функции в контексте.

В статье рассматриваются: (а) группы глаголов, имеющих спецификацию по времени суток или по времени сезонов года, в которое происходит данное событие или действие; (б) группы глаголов, специфицированных в силу своего деноминативного происхождения.

Первая группа глагольной лексики связана с характером образа жизни носителей арабского языка, отражает реалии быта и хозяйства, которые сложились у этого народа в определенных природных условиях.

1-а. Лексика из сферы скотоводческого хозяйства

Спецификация значения, как глагольного, так и именного, по времени суток и по назначению действия представлена в корневом гнезде *nʃs : nafašat (v. perf. 3, pl. f.) *al-'ibilu wa l-ġanamu* (Bustānī: 2212) «верблюды и овцы паслись ночью без пастуха»; корневое гнездо включает также именную основу *nafaš-* «скот, пасущийся ночью без пастуха» (ibid.). Арабская лексикография противопоставляет корневой основе *nafaš-* противоположную по значению глагольно-корневую основу *hml : tahmilu (v. imperf. 3, pl. f.) *al-'ibilu hamlan* (отглагольное имя действия) (Bustānī: 2312) «верблюды пасутся без присмотра и днем, и ночью»;

в гнездо входят и производные формы: ...*qanbalīyūn muḥammal* (part. pass. II-stem) (ал-Хутай'а)¹ [Полосин 1995, с. 499] «...огромный баран, пасущийся свободно днем и ночью».

Судьба архаичной лексики специфицированного значения различна. Лексическая основа **nafaṣ* выходит из употребления и в лексикографии современного литературного языка не отмечается [Баранов 1976; Wehr 1952]. Лексическая основа **ḥamal* продолжает функционировать как в глагольных, так и в именных формах, но ее значение расширяется до обобщенного значения «относиться к чему-л. небрежно, невнимательно; пренебрегать чем-л.». Производная глагольная основа (IV-stem) приобретает значение лингвистического термина «не отмечать соответствующие арабские буквы диакритическими точками» [Баранов 1976, с. 860; Wehr 1952, p. 919].

2-а. Лексика из сферы кочевого образа жизни

Спецификация значения лексемы (как глагольной, так и именной) по времени суток:

(1) Корневая основа **trq*, глагольная форма – «делать что-либо ночью: приходиться ночью, нападать ночью». Из доисламской поэзии: *tarāqtu* (v. perf. 1 sg.) *diyara Kindata* (Антара, 62–7)² [Полосин 1995, с.294–295] «ночью я напал на становища киндитов...»³; или: *wad-dī 'bu yatruqu-nā fī kullī manzilatīn* (ал-Хутай'а, 19) [Полосин 1995, с.294–295] «на каждой стоянке к нам по ночам приходит волк».

В современном АЛЯ спецификация глагольного значения передвигается на периферию значений корневого гнезда, остается значение «путь, дорога > прокладывать путь» широкого круга функционирования [Баранов 1976, с.473; Wehr 1952, p.506].

(2) Корневые основы *rwh* «уходить, возвращаться вечером» и *bkr* (I-stem, III-stem, VIII-stem) «находиться, делать что-либо, приходиться рано утром» [ВКІ: 153] в доисламской поэзии: *'inna r-rikāba bi-'ahli-hā 'idā sā'a-hā l-mawlā tarūhū wa tabtakīru* (ал-Хутай'а, 19–7) [Полосин 1995, с.57] «ведь верблюды и их владельцы, если плох их господин, уходят вечером, уходят утром». Именные формы соответствующего значения: *rawḥ*- «отдых» (вечерний отдых после трудового дня?)», «вечер (после захода солнца)»; *bukr-at*- «раннее утро, рассвет» > «завтрашний день».

Свободное словообразование, как отглагольное, так и отыменное, в таких корневых гнездах затрудняет установление первичной исходной основы.

¹ Доисламский поэт ал-Хутай'а, VI-VII вв.

² *'Antaratu b. Šaddād* – доисламский поэт VI в.

³ Кинда (*Kindatu*), киндиты – южноарабский племенной союз, известный с IV–V вв. н.э.

(3) Корневая основа *gdw* «быть, что-либо делать, отправляться в утреннее время в период «от предзвездных сумерек до восхода солнца» [ВК II, р. 441–442], также *gad-* «утро; завтра», *gadāt-* «утро между зарей и восходом солнца». Так, в доисламской поэзии: *...la-qad ḡadawtu 'ala l-qanīši bi-ṣayzamin...* (Al-Gāmidī: 19–5)⁴ [Mufaḍḍaliyāt, р. 105] «[Я] отправился ранним утром на охоту на рослом коне».

В современном АЛЯ судьба рассмотренных глагольных основ складывается по-разному. Большое корневое гнездо **bkr* во всех первичных и производных формах сохраняет основное исходное значение «первенство по времени» («первенец», «первый плод»; «раннее утро»); в глагольных основах это значение сохраняется, но дает неологизм семантического расширения: (VIII-stem) «выдумывать; изобретать; проявлять инициативу» [Баранов 1976, с. 81; Wehr 1952, р. 61].

Глагольная основа **rwh* расширяет исходное значение: от значения общего «уходить, отправляться» до значения инхотатива в конструкции типа *rāh yaṣṭaḡil* (новоараб.) «он начал работать».

Вместе с тем, исходное значение корневого гнезда **rwh* «вечернее возвращение» > «возвращение к вечернему/ночному отдыху» (после трудового дня) сохраняется в первичных и производных именах этого гнезда: *rāh-at-* (п.) «покой, отдых», *rawāḥ-* (id.) [Баранов 1976, с.318–319; Wehr 1952, р.330–331].

Глагольная основа **gdw* «отправляться; что-либо делать утром», сохраняя исходное значение в первичной основе, в производных основах «передвигает» значение «утреннего времени» на обозначение действия, обычного для этой части суток: (I-stem, II-stem, V-stem) «завтракать, обедать; давать, устраивать завтрак, обед» [Баранов 1976, с.557–558; Wehr 1952, р.597].

(4) Спецификация глагольного значения по времени суток придает личной глагольной форме «самодостаточность» в соответствующем контексте. Ср. поэтическую строку, в которой поэт, сокрушаясь о внезапном отъезде любимой, восклицает: *bi-'aynaḡyā mā 'amsat fa bātāt fa 'asbaḡat // fa qaḍḍat 'umūran fa-ṣtaqallat fa wallat* (Шанфара: 20–3)⁵ [Mufaḍḍaliyāt: 108] «Клянусь своими глазами, [она] была вечером, [она] была ночью, [она] была утром, и [вдруг] покончив с делами, взяла и уехала!»

Значения основ **msu* и **sbh* традиционная арабская лексикография определяет путем простого противопоставления: *masā'*- «вечер» – противоположно *sabāḥ-* «утро» [Bustānī, р. 2050] и наоборот [Bustānī, р. 1105]. Глагольные основы имеют общую характеристику «приходить,

⁴ 'Abdallah b. Salimata l-Gāmidī – доисламский поэт южноарабского происхождения.

⁵ aš-Šanfāra – Ṭābit b. 'Aws al-'Azdī, доисламский поэт V–VI вв. йеменского происхождения.

делать, быть где-либо вечером/утром» (I-stem и IV-stem). Однако основа *šbh* имеет еще дополнительное специальное значение – «нападать утром». Это значение закреплено и в древнем выражении *yā šabāḥan!* (крик предостережения) «Нападение!» [Гиргас, с. 429] (наподобие «Тревога! Враги!»). Наряду со спецификацией этих глаголов отмечается и их возможное более широкое значение «стать кем-либо»: *'amsā faqīran* (IV-stem) «[он] стал бедным» [Гиргас, с. 758]; *'asbaḥa fulānun 'āliman* «стал [IV-stem] такой-то ученым» – *'ayu sāra* «т.е. стал таким» [Bustānī, p. 1105], где в объяснении глагол *šur* (I-stem) исходно имеет значение «стать, сделаться» [Гиргас, с. 456].

(5) Корневая основа *sry* «идти, путешествовать ночью», *suraⁿ* (n.) «ночное путешествие» [Bustānī, p. 933–934] – у доисламских поэтов: ...*sarā rāgiban 'aw rā'iban*... [Шанфара, с. 4] [о человеке, который] ...«отправился в путь ночью по желанию или из-за страха...»; так же: *saraytu ma'a t-turayyā mufradan* (Антара: 117–3) [Полосин 1995, с.224] «[я] отправился в ночной путь, когда взошли Плеяды, в одиночку».

В тексте Корана: *wa la-qad awhaynā ilā Mūsā an: asrī bi-'ibād-ī*... [Q: 20–77] «[Мы] внушили Мусе (Моисею): выйди ночью с Моими рабами...» [Крачковский 1963, с.249].

В современном АЛЯ глагольная основа и отглагольные производные формы сохраняют спецификацию значения в силу культурно-исторической традиции [Баранов 1976, с.356–357; Wehr 1952, p.372].

(6) Глагольная основа **byt* «быть, что-то делать ночью; ночевать где-либо» (также II-stem) связана с субстантивом *bayt-* (m. sg.) самого широкого значения «дом». Корневая основа восходит к общесемитскому фонду как в субстантивном, так и в глагольном значениях [SD: 34; Leslau 1987, p.116; KB: 122–123; Johnstone 1987, p.61; DRS, I: 63]. Как **biyt* «дом; ночевать» реконструируется на афразийском уровне [HCVA, 1994; № 139, p.23].

В древнем обществе место ночевки и устройство ночлега – одна из самых значимых составляющих кочевого образа жизни. В арабской лексической системе раннего периода трудно установить первичность корневой основы **byt*: как глагольной отыменной или же как именной отглагольной, т. е.: «ночевать < ночлег» или «ночевка < ночевать».

(7) Узкая спецификация глагольного значения использовалась в древней поэзии и как поэтическая метафора. Ср. в лирической части стихотворного повествования: *ta'awwaba-hu ḥayālun min Sulaymā kamā ya 'tādu dā-d-dayni l-garīmu* (Salamatu b. al-Ḥuršubi al-'Anmārī⁶: Mufaḍḍa-līyāt: 39, № 6) «снова и снова являлся ему по ночам образ Сулаймы подобно тому, как настойчиво является должнику займодавцу».

⁶ Доисламский поэт VI–VII вв. из племени *gataḥfān*.

В национальной лексикографии глагольная основа 'wb (I-stem, V-stem, VIII-stem) «приходить ночью к воде и возвращаться» [Bustāni: 58; ВКІ: 67]. В современном АЛЯ значение основной глагольной формы (I-stem) расширяется до общего значения «возвращаться»; наиболее употребительной осталась производная отглагольная форма в выражении *dihāban wa' iyyāban* «туда и обратно» [Баранов 1976, с.49; Wehr 1952, p.29].

В религиозном контексте значение основы 'wb получает новое направление: «снова возвращаться» > «возвращаться к Богу, обращаться к Богу, раскаиваться». Ср. в тексте Корана: *hādā mā tū'adūna li-kulli 'awwābin* (n., sg. gen.) *ḥafīzin* (Q: 50–32) «Вот что обещано вам для всякого кающегося, соблюдающего...» [Крачковский 1963, с.413], где 'awwāb- (<'wb) отглагольное имя деятеля с дополнительным значением усиления или постоянства действия. Также: *fa-inna-hu kāna li-l-awwābīna* (pl.) *ḡafūran* (Q: 17–25) «И поистине, он к обращающимся прощающ!» [Крачковский 1963, с.222].

Сравнительный материал семитских языков позволяет проследить эволюцию семантических составляющих узкого специализированного значения Arab 'wb : Safaitic 'b «возвращаться»; Ug 'ub (?) «снова, заново»; Hbr 'ōb «бурдюк (для вина)» MSA Soq 'yb «медлить, запаздывать» [DRS: 11]; также в позднесабейском *'wb «возвращаться» [Stein 2010, p.719].

3-а. «Сезонная» спецификация

Спецификация глагольного значения по сезону года частично соответствует спецификации глаголов русского языка:

(1) «*rabiḡin yadā-hu bi-l-qidāḡi 'idā šatā* N...» (Антара: 1–52) [Полосин 1995, с.245] «...ловкий на руку в игре майсир, когда [он] зимует в N...», где корневое гнездо *štw включает как глагол, так и именную основу *šitā'* - «зима»;

(2) *sāfa l-qawmu bi-l-baladi-* «летовало племя в этих местах»: *šāfa* (perf. act. 3, sg. m.); событие может быть выражено в пассиве: *sīfa l-qawmu* «застигнуто летом это племя» (Bustāni: 1175) < корневой основы *syf;

(3) погодные особенности сезона также могут быть выражены специфицированным глаголом: ...*wa qīlnā* (perf. act. 1 pl.) *wasṡa bayti l-Muḡabbali* (имя соб.) (ал-Хутай'а: 117–1) [Полосин 1995, с.410] «...[мы] провели знойный полдень (знойное время) в палатке ал-Муухаббала», где корневая основа *qyl «отдыхать, спать в полдень, в самое жаркое время дня»;

(4) глагольная основа *qyṡ* «провести (где-либо) самую знойную часть лета», именная основа *qayṡ-* «зной, жаркое время лета»: *qīznā* (perf.,

act., 1. pl.) *'alā Laṣāfi* (Антар: 11–10) [Полосин 1995, с.410] «[мы] провели знойное время в Ласафе (назв. местности)».

Глагольно-именное гнездо *qyʒ «разгар летней жары» в современном АЛЯ утрачивает глагольную форму [Баранов 1976, с.671; Wehr 1952, p.718]. Глагольно-именное гнездо *qyl, сохраняя значение «полуденный отдых», расширяет его до общего значения «отдыхать» и далее – (IV-stem, X-stem) «увольнять(-ся), уходить в отставку» [Баранов 1976, с.671; Wehr 1952, p.718].

П р и м е ч а н и е . Такие специализированные глаголы можно отметить и в более древних текстах наскальных надписей, оставленных сафскими пастушескими племенами, кочевавшими на северо-западе Аравийского полуострова: *w dt' wqy w šty h-bt 'wd* «и [он] провел весну [в] WQY, и [он] зимовал [на] стоянке» 'Авада» [Белова 1994, с.114].

«Сезонные» глагольно-именные лексемы сохраняются и функционируют в современном АЛЯ в полном объеме своих значений и грамматических форм.

Как видно из приведенных примеров, каждое корневое гнездо имеет свой общий семантический элемент, связующий именные и глагольные формы. Этот связующий элемент – определенный отрезок времени. Каждая часть суток наступает и проходит; каждый сезон годового цикла наступает и проходит. В таких лексических однокорневых формах трудно установить, какая из основ, глагольная или именная, является первичной.

Общее историческое направление семантического развития, а именно – расширение глагольного значения, приводит к расхождению семантики глагольных и именных форм и разделяет лексические единицы. Наиболее типичным примером в истории АЛЯ может послужить расширение значения глагольной основы *šbh* (IV-stem) «делать что-либо утром, быть где-либо утром». В современном АЛЯ – *šbh* (IV-stem) «стать кем-либо, чем-либо», например: *'asbaḥa muhandisan* «[он] стал инженером». При этом именные формы корневого гнезда *šbh* сохраняют первичное значение: *šubḥ-* (н.) *sabāḥ-* (н.) «рассвет, утро». Подобное семантическое расширение характерно и для глагольной основы *gdw* (I-stem) «быть утром, делать что-либо утром». В современном АЛЯ – *gdw* (IV-stem) «стать, сделаться кем-либо», тогда как именная основа сохраняет первичное значение *ḡad-* (н.) «утро; завтрашний день»; завтра».

Спецификация глагола, объединяющая событие/действие и время его протекания, по-видимому, восходит к древнейшему периоду формирования лексической системы арабского языка и отражает своеобразную картину мира, сложившуюся у народа, который определял свой образ жизни в соответствии с циклическими явлениями природы.

Этот вид спецификации глагольного значения можно было бы охарактеризовать как «естественная спецификация», которая обусловле-

на специфическим восприятием внешних природных условий и их изменений во времени.

4-а Спецификация по признаку

Расширяя понятие спецификации глагольного значения, мы выделяем в лексико-грамматической системе арабского языка особую лексико-грамматическую категорию прилагательного⁷ и глагола «внешнего признака». В отличие от рассмотренных выше лексических видов спецификации категория «внешнего признака» имеет свою парадигму грамматических способов выражения. Поэтому эту категорию можно рассматривать не только как лексическую, но и как лексико-грамматическую.

В категориальное понятие «внешнего признака» мы включаем обозначения цвета и обозначения отличительного внешнего признака (главным образом – человека и животного). Именная лексика этой категории по семантике полностью соответствует лексико-грамматическому определению «прилагательное», однако, в отличие от других именных частей речи, имеет свою парадигму словоизменительных форм (по роду, числу и падежу). Однокорневые глагольные формы, обозначающие признак, также характеризуются особой глагольной основой (IX-stem).

П р и м е ч а н и е . В арабистике XIX–XX вв. прилагательные внешнего признака принято называть прилагательными «цвета и телесного недостатка» [Brockelmann 1966, I, p.372, 517; Юшманов 1928, с. 80; Гранде 1963, с.264; EALL, IV: 341]; или: «прилагательными качества или свойства человека» [Теоретический курс 2005, с.337].

Мы предлагаем более широкое и более нейтральное название «отличительный (или заметный) признак». Лексический материал свидетельствует о том, что в эту категорию включаются и такие признаки, как *'amrad-* «безбородый», *'a 'yan-* «с большими черными зрачками», ср. например: *...yanālu lazā-hā kulla šayhin wa 'amrada* (Muhallhil, 'auyām: 150)⁸ «...достанется пыл ее [битвы] каждому, [как] старцу, [так] и безбородому».

Кроме того, прилагательные этой категории могут описывать не только признаки и свойства человека, но и внешние приметы, например: *'azlam-* «с обрезанными кончиками ушей» (о домашнем скоте: верблюдах, овцах, как их пометка) [Bustānī: 857–858]; или, например: *'adfā* (m.

⁷ Прилагательному «внешнего признака» как лексико-грамматической категории в грамматической системе арабского языка посвящено специальное диссертационное исследование [Дурново 2002].

⁸ Muhallhil – один из самых ранних поэтов доисламского периода (конец V – нач. VI в.), участник межплеменных сражений со стороны племени таглиб [Мундж: 518; 'auyām: 155].

sg.) «длиннорогий» [Гиргас: 254], «с загнутыми назад рогами» [Шанфара: 68] (о горном козле). Такие признаки едва ли можно отнести к «телесным недостаткам».

(1) Прилагательное признака имеет свою словообразовательную и словоизменительную парадигму: двухпадежные формы неопределенного состояния: *'ašfar-u* / *'ašfar-a* (m. sg. Nom/Gen./Acc.); *šafrā'-u* / *šafrā'-a* (f. sg. Nom/Gen./Acc.) и трехпадежную форму общего множ. числа *šufr-un* / *šufr-in* / *šufra-n* «желтый». Глагольное выражение признака имеет специальную производную глагольную основу – (IX-stem) *'i-sfarr-a* «пожелтел», *ya-sfarr-u* «желтеет» (m. sg.). Ср. в тексте Корана пример с обозначением цвета **byd* «белый» и **swd* «черный»: *yawma tabyaddat* (f. sg.) *wuḡūhun wa taswaddat* (f. sg.) *wuḡūhun fa ammā llaḏīna swaddat* (perf. f. sg.) *wuḡūhu-hum...* (Q: 3–106) «в тот день, [когда] побелеют лица и почернеют лица! А те, у кого лица почернели...» [Крачковский 1963, с.59].

(2) Рассматривая морфологический аспект категории «внешнего признака», следует отметить, что практически все корневые основы данной семантики могут иметь глагольное выражение и в других глагольных основах помимо IX-ой, специализированной. Ср., например: *'ahḏar-* «зеленый» (adj. m. sg.): I-stem – «быть зеленым»; II-stem – «сделать зеленым»; III-stem – «торговать зелеными (неспелыми) плодами»; VIII-stem – «срывать неспелые плоды» [ВКІ: 585–586]. Такие «избыточные» способы и формы обозначения признака можно объяснить давлением грамматической системы древнеарабского языка, которая, как было показано выше, позволяла окказиональное и свободное образование глагольных деноминативов.

Ср., например, в тексте Корана: *wa lā tuṣa'ir ḥadda-ka li n-nāsi...* (Q: 31–18) «Не криви свою щеку пред людьми...» [Крачковский 1963, с.327], т. е. «не гордись, не отворачивайся от людей». Глагольная основа (II-stem, imper., sg. m.) связана с основой прилагательного *'aš'ar-* «искривленный лицом, шеей; с лицом, отвернутым в сторону» [Bustānī: 1131].

П р и м е ч а н и е . Следует отметить, что глагольные формы со значениями физического признака входили в охранительные (оберегательные) формулы сафских наскальных надписей. Ср. одну из наиболее типичных: *...fh-lt w d-šr slm w-'wr w-'rg d y'wr h-ḥtt* [Белова 1994, с.61]. «...О Лат, и, о Ду Шара, [даруйте] безопасность! И сделайте кривым (одноглазым), и сделайте хромым того, кто испортит эти строки». Глагольная форма *'wr* (II-stem, imper. 2 m. sg.) связана с основой прилагательного **'a'war-* «кривой, одноглазый»; глагольная форма *'rg* (II-stem, imper. 2 m. sg.) связана с основой прилагательного **'a'rag* (Arab *'rġ*, где *ġ* < *g) «хромой». Третья глагольная форма *y'wr* (II-stem, imperf., III m. sg.), также связанная с основой **'wr* «быть одноглазым, кривым», используется в переносном значении «искривить > испортить».

Свободное выражение признака глагольным способом можно сопоставить со свободным выражением времени суток/сезонов в соответствующих глагольных формах, рассмотренных выше.

Признак таким же образом, как и отрезок времени, является переходящим, переменным, может иметь начало и окончание. Однако, в отличие от времени, признак – видимое явление, т. е. более осязаемое, более «вещественное» проявление. Так лексико-грамматическая категория формируется именными и глагольными способами в равной степени.

5-6. Спецификация глагольного значения как результат отыменного образования

Лексический фонд древнеарабского словесного творчества характеризовался не только устойчивым пластом специализированной глагольной лексики приведенного выше типа. Спецификация глагольного значения была следствием свободного, окказионального, образования деноминативных глаголов.

(1) Спецификация значения глагольной лексемы по месту или цели действия: именная основа *ġimd-* «ножны» служит исходной для глагольных и отглагольных производных имен (I-stem, IV-stem) «вложить меч в ножны» (II-stem, V-stem) «спрятать, завернуть»; «скрыть» [Bus-tānī: 1530; ВКП: 501]. В доисламской поэзии: *wa hwa muġmadun wa min 'aġabin 'an yaqta'a s-sayfu fi-l-ġimdi* (Антара: 72–9) [Полосин 1995, с.359] «он [меч] вложен в ножны (part. pass. IV-stem), удивительно бы было, чтобы меч рубил [находясь] в ножнах!» В современном АЛЯ, сохраняя исходные значения, глагольная основа расширяет семантику до общего значения «скрывать»; и до вторичного сужения значения (II-stem) «скрывать ошибки» [Баранов 1976, с.571; Wehr 1952, p.611–612].

(2) Спецификация глагольного значения частично совпадает с русским деноминативом «стрелять» < «стрела». Однако, если в современном АЛЯ отмечается только одно направление спецификации: *nabl-* «стрела/соб. «стрелы» (Sub.) и *nbl(a)* (v.) «метать стрелы» [Баранов 1976, с.781–782; Wehr 1952, p.836–837], то доисламский поэт предлагает другое направление спецификации: ... *yaṣṭālī* ... *'aqtu'a-hu llātī bī-hā yatanabbalu* (Шанфара: 54) ...«[он] сжигает ... свои стрелы (зд. – *'aqtu'a*), которыми [он] запасся ...». В отрывке наряду с названием *'aqtu-* (pl. буквально «древки, обломки [стрел]») используется производная глагольная основа (V-stem) (< *nabl-*) «запаситься стрелами; вооружиться стрелами» [ВК П: 1187–1188].

(3) Спецификация деноминативного характера по месту направления действия на базе глагольной основы II-stem, которая помимо интенсификации действия служит также и для образования деноминативов: доисламский поэт описывает разлуку с любимой: ... *fa farra'nā wa*

māla bi-hā qaḏību (Al-Ġāmidī: 18–1) [Mufaḏḏaliyāt: 100] «...[мы] отправились в горы, а ее привлек к себе Кадиб» (долина в Неджде, центральной части Аравийского п-ова).

Глагольная форма *fr'* (II-stem) связана с именем субстантивного значения *far'*- (g. m. sg.) «верх, вершина» или с именем субстантивного значения *far'at-* (g. f. sg.) «вершина, верхушка горы».

Примечание. Спецификацию глагольного значения по направлению можно отметить также в текстах сафских надписей, оставленных представителями кочевых (или полукочевых) пастушеских племен: ... *mḥwr* ... *d'ld'wd w-h-šrq l -w'l* [Белова 1994, с.85] «... Мухаввар ... из племени 'авиз отправился на восток к Ва'илу». В надписи глагольная форма **ha-šraqa* (> *Arab 'a-šraqa*), IV-stem. связана с именем *šarq*- «восток, место восхода солнца». Двойное значение именной основы может придавать производной глагольной форме также значение времени суток – «время восхода», так об утренних светилах – *šāriq-* (part. I-stem, act. m. sg.) «восходящий» [Bustānī: 1032–1033].

(4) Глагольная деноминация включает в свой оборот субстантивные именные основы самой разной семантики и отмечается в текстах всех периодов АЛЯ. Ср. в традиционной и современной арабской лексикографии: *ṭauyana s-saḥa* [Bustānī: 1271] «[он] покрыл/обмазал кровлю глиной». Глагольная основа *ṭyn* (II-stem) образована от именной основы *ṭīn-* «глина, вязкая земля; грязь»⁹. То же словообразовательное гнездо отмечено и в лексическом фонде современного АЛЯ [Баранов 1976, с.489]. Или: *farraḥat at-tā'iratu* [Bustānī: 1575] «вывела птица (наседка) птенца». Глагольная основа *frḥ* (II-stem) образована от именной основы *farḥ-* «птенец, детеныш, отпрыск». То же словообразовательное гнездо отмечено в современном АЛЯ: *frḥ* (II-stem, IV-stem) «сидеть на яйцах; выводить птенцов»; (X-stem) – «разводить птиц» [Баранов 1976, с.587]¹⁰.

(5) В современных арабских диалектах также отмечается глагольная деноминация, главным образом на базе II-stem (так как IV-stem в современных диалектах редуцируется, уступая место II-stem). Так, в иракском диалекте: *u šafaw f ārd hirne tehattib ḥatab waḥād-ha* [M/G: 12] «и они увидели какую-то женщину, [которая] собирала хворост в одиночку». Глагольная основа *ḥtb* (II-stem, imperf., III f.sg.) образована от именной основы *ḥatab-* «хворост, дрова; топливо». То же словообразовательное гнездо отмечено в АЛЯ (I-stem и II-stem) [Баранов 1976, с.181] «собирать, рубить дрова».

⁹ *Arab ṭīn-* (sub. m. sg.) восходит к общесемитскому фонду как субстантив в значении «clay, mud/Lehm/argilla» [Белова 2008, с.68–69].

¹⁰ *Arab farḥ-* (n. sub. m.sg.) восходит к общесемитскому фонду как субстантив **parḥ-* «offspring» [SED, II, 2005, № 179, с.237–238], так же, как **pār-ḥ* [НСВА, № 2, 1994, с.17–18 (№ 35)] «offspring/отпрыск; плод; потомок».

В одном из диалектов Южной Аравии (Хадрамаут) в рассказе о постройке дома: *u yiwaddar l-ahrāg w al-fukūk bi-l-wadar* [Landberg: 395–396] (строительный мастер укладывает кирпич) «и закладывает щებнем щели и места стыков». Глагольная основа *yiwaddar* (II-stem, imperf., III m.sg.) образована от именной основы *wadar-* «щებень, мелкий камень для забутовки».

Следует подчеркнуть, что в отличие от материалов АЛЯ, в приведенных диалектных примерах наряду с «самодостаточным» глаголом используется и первичная именная основа (как прямое дополнение и объект действия). Поскольку примеры взяты из диалектов разных районов арабоязычного мира, можно предположить общую тенденцию для новоарабских диалектов, а именно – ослабление спецификации глагольного значения. В свою очередь, более абстрактное значение требует уже дополнительного вербального пояснения цели действия.

(6) Образование деноминативных глаголов в современном АЛЯ на базе новых понятий и терминов, адаптация заимствований в области научной и промышленной терминологии пополняет лексический фонд АЛЯ новыми глаголами со спецификацией значения, доходящей до предельно узкого – терминологического, значения. Ср., например: *mu-bannak-* (part. II-stem, pass. m.sg.) «обанкротившийся» < *bnk* (v. II-stem) «банкротить» < *bank-* (n. m.sg.) «банк» [Баранов 1986, с.87; Wehr 1952, p.68]. Многосложные заимствования, не «укладывающиеся» в трехсогласный глагольный корень образуют деноминативы на базе четырехсогласной основы: *talfan-a* (v. m.sg. perf.) «телефонировать» < *tilifūn-* (n. m.sg.) «телефон»; *talġaf-a* (v.3, m.sg. perf.) «телеграфировать» < *tiliġrāf-* «телеграф» [Баранов 1976, с.103, 104; Wehr 1952, p.85]¹¹.

Образование деноминативных глагольных основ, как первичной, так и производных, остается активным способом словообразования на протяжении всей известной нам истории литературного языка. Активная деноминация представляет собой одну из характерных особенностей как грамматического строя АЛЯ, так и его лексической системы. Сравнительный материал новоарабских диалектов свидетельствует о том, что образование деноминативных глаголов также свойственно лексико-грамматической системе известных нам идиомов.

6. Грамматическая спецификация

Другим путем осуществляется информация о характере или качестве самого действия/состояния, передаваемого глагольной формой. Этот вид спецификации глагольного значения как такового реализуется

---

¹¹ О словообразовательных процессах в компьютерной терминологии арабского языка XXI в. см. в диссертационном исследовании [Синькова 2007].

грамматическими средствами. Функцию спецификации глагола выполняют производные глагольные основы.

Корневая основа *qtl* «убить, убивать»:

(1) *qataltu* (I-stem, perf. 1 sg.) *sarāta-kum wa ḥasaltu min-kum ḥasīlan* (Антар: 12–5) [Полосин 1995, с.142, 224] «самых достойных из вас [я] поубивал, а недостойных изгнал с презрением»;

(2) *fa qātālā* (III-stem, perf. 3 du. m.) *ḥatta qutīlā* (I-stem, pass. perf. 3 du. m.) (ʿАууām: 77) [о двух юношах] «и [они оба] бились [один с другим], пока [оба] не были убиты»;

(3) основа *qtl* и основа *dbt* (I-stem) – «крепко схватывать рукой что-либо» [Bustānī: 1181]: *mararnā ʿalā šayḥayni yaqtatilāni* (VIII-stem, imperf. 3 du. m) *waqad tadābatā* (VI-stem, perf. 3 du. m.) *bi-l-liḥā* (tīḡān: 228) «[мы] проходили мимо [двух] старцев, [которые] дрались, ухватив друг друга за бороды». Соответствующие формы глагола детализируют описание происходящих действий и субъектов действий.

* * *

Спецификация глагольного значения включает рассмотренные примеры (1-а; 2-а; 3-а) в семантическое поле «внешнего» времени. Это циклически сменяющиеся отрезки объективного времени, независимые от человека (как субъекта или объекта) действия/состояния¹². Эти виды спецификации не требуют специальных грамматических форм глагола для их выражения (в наших примерах отмечены как первичная основа: I-stem, так и производные: IV-stem, V-stem). Спецификация глагольного значения, рассмотренная в 4-а, включает эти глагольные значения в семантическое поле «внешнего» признака. Признак также воспринимается во времени: он может быть устойчивым, но может быть и преходящим, появляться и исчезать. Несмотря на то, что спецификация глагола по признаку имеет «свою» маркированную грамматическую форму – IX-stem, которая употребляется однозначно – для выражения только признака, – спецификация по признаку может быть выражена и другими глагольными основами, как первичной I-stem, так и производными (4-а (1) –V-stem; (2): I-stem, II-stem, III-stem, II-stem).

Дополнительная характеристика глагольного значения не требует специализированной грамматической формы.

Эти виды спецификации глагольного значения можно охарактеризовать как лексические, которые формировались в самые ранние периоды развития словарного фонда арабского языка.

¹² Аналогично выделяется семантическое поле «направления/цели» действия [2-а (8)], также [Белова 2016, с.70–74].

Лексическая спецификация информирует о внешних обстоятельствах совершения действия или состояния. Эти обстоятельства не затрагивают качество или количество самого действия.

Грамматический способ представлен известной системой регулярных производных основ (stem), или «пород», глагола. Значение непроизводной глагольной основы модифицируется по степени интенсивности или повторяемости, по направленности к субъекту и/или объекту действия. Модифицирующие категории производных глагольных основ также можно рассматривать как особого рода спецификацию глагольного значения, выражаемую флективным способом словообразования/словоизменения¹³.

Все рассмотренные выше способы характеристики действия/состояния, выраженной глаголом или отглагольной формой, представляют предельно синтетический тип морфологии, сложившейся в древне-арабском.

Грамматические сокращения

* – знак реконструкции или выделения консонантного корня	дефис – отделяет суффикс, окончание
1, 2, 3 – лицо	Nom – номинатив
Acc – аккузатив	part. – причастие
act. – активный залог	pass. – пассивный залог
adj. – прилагательное	perf. – перфект
du. – двойств. число	pl. – множ. число
f. – жен. род	sg. – единств. число
Gen – генитив	stem – глагольная основа (порода):
imper. – императив	I – непроизводная,
imperf. – имперфект	II–X – производные
m. – муж. род	v. – глагол
n. – имя	

Сокращенные названия языков

АЛЯ – арабский литературный язык; Arab – арабский; Hbr – древне-еврейский; MSA – современные южноаравийские; safaītic – сафский; sem – семитские языки, прасемитский; soq – сокотри; ug – угаритский.

---

¹³ Система глагольных пород в АЛЯ в диахронии сдвигается от словоизменительной к словообразовательной. Многие формы трактуются в зависимости от контекста.

Источники

1. 'Ayyām – 'ayyāmu l-'arab fi l-ġāhiliyya. Ta 'līf Muḥammad 'Aḥmad Ġād al-mauwla-bak, 'Alī-Muḥammad al-Bataġāwī, Muḥammad Abu l-Faḍl Ibrahim. Al-maktabatu l-'islāmiyya. Al-ḥāġ Riyād aš-šayḥ. Beyrut, 1961.
2. Bustānī – Butros al-Bustānī. *Quṭru l-Muḥīṭ (A Concise Arabic Dictionary)*. Librairie du Liban. Beirut, 1969 (ed. reprint).
3. Мундж. – *Al-Munġidu fī l-luġati wa l-'adab wa l-'ulūm* (Энциклопедический словарь по языку и литературе). Bayrūt, al-maṭba-'atu l-kātūlīkiyya, 1965, изд. 18-е.
4. Mufaḍḍaliyāt – *Al-Mufaḍḍal b. Muḥammad b. Ba'lā ḍ-dabbī. Šarḥ wa taḥqīq – 'Aḥmad Muḥammad Šākīr; 'Abd as-Salām Muḥammad Hārūn*. Al-Qāhira, Dār al-Ma'ārif. 2016.
5. Q – *Al-Qur 'ānu l-karīmu* (Коран). Dimašqu, 1963.
6. S/Z – A. Socin. Der arabische Dialekt von Mosul und Mardin // *ZDMG*, 36–7. 1882–1883.
7. Шанфара – Georg Jacob. *Schnfara-Studien*. Т. I, 2.. München, 1914–1915.
8. tīġān – *Kitābu t-tīġān fī mulūk ḥimyar* («Книга венцов химйаритских царей»). Изд. 2-ое. Wahb b. Munabbih & Ibn Hišām. Ed. 'Abd al-'Azīz al-Maḳālīḥ. San'ā, 1979
9. W – F.H. Weissbach. Beiträge zur Kunde des Iraq-Arabischen. I. (*Leipziger semit. Studien* vol. IV, I, 2). Leipzig, 1908.

Литература

1. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия, 1966.
2. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. Изд. 5-ое. М., 1976.
3. Белова А. Г. Корневой фонд древнеарабской лексики в современном арабском словаре (морфологическая и семантическая деривация) // «Проблемы общей и востоковедной лингвистики – 2014. В мире арабского языка. К 90-летию со дня рожд. Г.Ш. Шарбатова. Труды ИВ РАН. М., 2016. С. 68–76; с. 178.
4. Белова А. Г. Диатеза в раннеарабском тексте (VI–VII вв.) // «*Acta Linguistica Petropolitana*». Труды ИПИ РАН, т. X, ч. 3. СПб., Наука, 2014. С. 59–73.
5. Белова А. Г. *Химйаритский язык. Ареальные исследования к истории арабского языка*. М., Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996.

6. Белова А. Г. *Историческая морфология арабского языка*. М., Изд. «Восточная литература» РАН, 1994.
7. Гиргас В. Ф. *Арабско-русский словарь к Корану и хадисам*. М.–СПб., изд. «Диля», 2006 (переизд. Казань, 1881).
8. Гранде Б. М. *Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении*. М., Изд. Восточной лит., 1963.
9. Дурново Г. А. *Прилагательные цвета и физического признака в классическом арабском языке*. А/р. канд. дисс. М., ИВ РАН, 2002.
10. Коган Л. Е. Семитские языки // *Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки*. М., ИЯ РАН, Academia, 2009. С. 15–112.
11. Крачковский – *Коран*. Перевод и комментарий И.Ю. Крачковского. М.: изд. Вост. литература, 1963.
12. Полосин Вл. В. *Словарь поэтов племени 'абс (VI–VIII вв.)*. М., Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
13. *Теоретический курс арабского языка*. М., МО РФ, Военный ун-т, 2005.
14. Синькова О. М. *Способы словообразования компьютерной терминологии в арабском литературном языке*. А/р канд. дисс. М., ИВ РАН, 2007.
15. Юшманов Н. В. *Грамматика литературного арабского языка*. Изд. 3-е. М., Изд. «Наука», Гл. ред. вост. лит., 1985 (1928).
16. Belova A. Études étymologiques du lexique arabe préislamique: correspondances sémitiques et le cas de la spécification // «CAMSEMUD-2007. Proceedings of the 13-th Italian Meeting of Afro-Asiatic Linguistics (Udine-2007, 21–24 May)». Padova, 2010. Pp. 275–281.
17. Belova A. Quelques observations sur la typologie du «Néo-arabe»: système des catégories grammaticales // *Folia Orientalia*. Vol. LIV. Krakow, Polsk. Akadem. Nauk, 2017. P. 53–62.
18. ВК I, II – Kazimirski A. de Biberstein. *Dictionnaire Arabe-français*. T. I–II. Paris, 1860.
19. Brockelmann 1966 – Carl Brockelmann. *Grundriss der vergleichender Grammatik der semitischen Sprachen*. Bd. I–II. Repr. Nachdruck (1908). Hildesheim, Georg Olms Verl., 1966.
20. CDA – *A concise Dictionary of Akkadian*. Ed. by Jeremy Black, Andrew George, Nicolas Postgate. 2-ed (corrected), print. 2000. Harrassovitz verlag. Wiesbaden, 2000.

21. DRS – David Cohen. Dictionnaire des raciness sémitiques (ou attestées dans les langues sémitiques). Paris, Mouton – La Haye, 1976. Vol. I
22. EALL – Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. Vv. I–IV. 2006–2009, Leiden – Boston: Brill.
23. HCVA – *Historical comparative Vocabulary of Afrasian*. J.M. Diakonoff & Co. // St. Petersburg Journal of African Studies. № 3. St. Petersburg, «Изд. Европейского Дома» Publishers, 1994. P. 5–26.
24. Landberg – C. Landberg. *Études sur les dialects de l'Arabie Méridionale*, Vol. I. Ḥaḍramoūt. Leide, 1901.
25. Lane – Y.W. Lane. *Maddu-l-kamoos. An Arabic-English Lexicon*. V. I–VIII. London – Edinburgh, 1863–1893.
26. Leslau, 1987 – W. Leslau. *Comparative Dictionary of Ge'ez*. Wiesbaden, 1987.
27. M/G – Bruno Meissner. Neuarabische Geschichten aus dem Iraq. *BASS*, LXII. Leipzig, 1903.
28. SD – Beeston A.F.L., M.A. Ghul, W.W. Müller, J. Ryckmans. *Sabaic Dictionary* (English-French-Arabic). Louvaine-la-Neuve. Ed. Peeters, 1982.
29. SED (I, II) – Alexander Militarev, Leonid Kogan & Co. *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. I. 2000; Vol. II. Münster, Ugarit-Verlag, 2005.
30. Stein 2010 – Peter Stein. Die altsüdarabischen Minuskelinschriften auf Holzstäbchen aus der Bayerischen Staatsbibliothek in München. Bd. I. Tübingen – Berlin: Ernst Wasmuth Verlag, 2010.
31. Wehr – Hans Wehr. Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart. T. I–II. Leipzig, Otto Harrassowitz, 1952.
32. Zammit 2002 – M. Zammit. *A Comparative lexical Study of Qur'ānic Arabic*. Brill, Leiden – Boston – Köln, 2002.

Особенности становления современной японской философской терминологии в эпоху Мэйдзи по лексикографическим данным

В ходе модернизации Японии по европейскому образцу в эпоху Мэйдзи активно происходила рецепция европейской философской мысли. Ключевой вехой на этом пути стал англо-японский философский словарь «Тэцугаку дзии» (哲学字彙), изданный в 1881 г. под редакцией Иноуэ Тэцудзиро (井上哲次郎, 1856–1944), тогда еще молодого выпускника Токийского университета, а в впоследствии первого японского преподавателя философии в Императорском университете. В работе над словарем также приняли участие недавние выпускники и студенты токийских университетов Вадагаки Кэндзо (和田垣 謙三, 1860–1919), Арига Нагао (有賀 長雄, 1860–1921), Кодэра Синсаку (国府寺 新作, 1855–1929). Этот первый в Японии философский словарь впоследствии неоднократно переиздавался и на долгие годы стал практическим руководством для исследователей и переводчиков на японский западной философской литературы. В основу его словника лег хорошо известный в англоязычной философской и лексикографической среде того времени учебный философский словарь Вильяма Флеминга (1791–1866) «The vocabulary of philosophy, mental, moral and metaphysical; with quotations and references; for the use of students» (1-е изд. 1856 г.). Словарь Флеминга послужил одним из основных источников философских разделов таких известных американских энциклопедических словарей как «Century Dictionary» (1889–91) под редакцией У. Д. Уитни и «Chambers's Twentieth Century Dictionary» (1901). Набор философских понятий в словаре Флеминга включал в себя 721 заглавие во 2-м издании и 755 в 3-м издании, вышедшем под редакцией Генри Кальдервуда (Henry Calderwood). При подготовке словаря Иноуэ этот список был расширен до 1951 заглавия [Хида 1979, с. 236].

Словарь «Тэцугаку дзии» хорошо отражает специфику рецепции европейской философской терминологии. Условно этот процесс может быть разделен на два этапа. На первом преобладало использование в качестве переводных эквивалентов уже устоявшейся в японском языке ранее заимствованной китайской лексики и ее семантическая адаптация. Хорошо известен пример использования для перевода «metaphysics»

в словаре Иноуэ слова *кэйдзидзё-гаку* (形而上學), основа которого заимствована из древнекитайского комментария «Си цы чжуань» к «Книге перемен» [Иноуэ 1881, с. 54], буквально «учение о том, что выше форм; о надформенном». См. [Ажимов, Конончук 2019]. Когда после поражения Китая в Японо-китайской войне стало расти число китайских студентов, обучавшихся в Японии, этот термин стал известен и в Китае, где некоторое время в значении «метафизика» конкурировал с китайским переводным эквивалентом *сюаньсюэ* (玄学). Термин *сюаньсюэ* был первоначально предложен для обозначения абстрактных наук китайским теоретиком перевода Янь Фу в 1896 г. в работе «О пользе и значении западных наук» (西學門徑功用), вслед за «The Classification of the Sciences» (1864) Г. Спенсера [Сино 2014, с. 96]. К концу 1930-х гг. в китайском философском лексиконе термин Янь Фу отодвигается на второй план как устаревший. Как видно из работы Мао Цзэдуна «Относительно противоречия» (矛盾論), написанной в 1937 г., в китайском для понятия «метафизика» уже надежно закрепляется термин, заимствованный из словаря Иноуэ (形而上學) [Макига 1971, с. 163, 165].

Калькирование европейской терминологии в переводах на японский язык с использованием ранее заимствованной и устоявшейся китайской лексики, связанной с «интеграцией китайского иероглифического языкового сознания в структуру японского языка» [Жанцанова 2019], представляет собой особый тип терминологического заимствования. Для такого типа заимствований японский специалист по истории японского языка Мориока Кэндзи ввел термин «замещение» (*окикаэ* 置き換え). Его работа стала развитием пионерского исследования Курисимы Норико 1966 г., которая провела сплошное обследование лексикона одного из идеологов модернизации Японии по европейскому образцу и переводчика Ниси Аманэ. Исследование лексикона Ниси Аманэ, проведенное Курисимой Норико, позволило отделить слова, изобретенные, предположительно, самим Ниси, от слов уже существовавших в японском языке в период Эдо или заимствованных им при переводе из источников на китайском языке. Сопоставив лексикон Ниси со словником «Тэцугаку дзи», Курисима нашла пересечение в 194 общих слова (с.79). В отличие от Курисимы, Мориока обратился к проблематике, которая осталась на периферии ее внимания. Согласно Мориоке, «на первом этапе большая часть переводных слов зависела от китаизмов канго периода Эдо. Затем постепенно увеличивалось число новых канго, и появилась тенденция к избеганию “замещения”» [Мориока 1991 (1969), с. 249], функции которого на себя берет традиционное и осложненное словообразовательное калькирование. Например, уже в ранних работах начала 1870-х гг. для обозначения европейской философии у Ниси Аманэ наряду с транскрипцией *хиросохи* ヒロソヒ можно встретить четыре эквивален-

та *ригаку* 理学, *рирон* 理論, *китэцугаку* 希哲学 и *тэцугаку* 哲学. В первых двух случаях мы имеем дело с замещением, когда словам с первоначальным значением «наука о принципах» (как название неоконфуцианской традиции) и «спор, дискуссия», соответственно, присваивается новое значение «европейская философия». Наряду с этим встречается и традиционное словообразовательное калькирование *ки-тэцу-гаку* (希哲学), что является поморфемным переводом греческого слова «философия» на основе обращения к так называемым «свободным значениям» иероглифов «желание–мудрость–наука». Впоследствии Аманэ отказывается от первых двух эквивалентов в пользу третьего *китэцугаку* (希哲学). Однако каноническим вариантом становится его производная форма *тэцугаку* (哲学), в которой исключена первая морфема «желание», что, по мнению некоторых исследователей, стало следствием знакомства Аманэ с «Феноменологией духа» Гегеля, где тот в Предисловии настаивает, что по мере приближения философии к форме науки, философия должна, отказавшись от своего имени «любви к знанию», стать «действительным знанием» [Исии 2018, с. 177–179; Гегель 2000, с. 19].

В той степени, в какой словари играют институционализирующую роль по отношению к выбору переводных эквивалентов, закреплению этого выбора в практике перевода и дальнейшему усвоению языком соответствующих понятий, важно рассмотреть представление ключевых терминов в ранних японских философских словарях, и прежде всего, обратившись за примером к понятийному аппарату немецкой идеалистической философии, оказавшей трудно переоценимое влияние на процесс усвоения японцами европейской философской мысли, рассмотреть историю и особенности рецепции одного из центральных для терминологии И. Канта понятия «трансцендентальной апперцепции».

В первом словаре 1881 г. «Тэцугаку дзии» такой неразложимый термин-словосочетание [Лотте 1968, с. 47] как «трансцендентальная апперцепция» был представлен поэлементно своими терминологическими элементами «трансцендентальный» и «апперцепция». Во втором издании словаря «Тэцугаку дзии» 1884 г. [Иноуэ, Арига 1884] эти статьи даны без изменений (с. 9 и 129 соответственно). Словарь не обращается прямо к оригинальной немецкой терминологии, а, следуя за ее английской подачей в словаре Флеминга, дает терминам Apperception и Transcendental японские эквиваленты *дзикаку* 自覺 (с. 6) и *тё:дзэцу-тэки* 超絶的 (с. 94) соответственно. Словарь Флеминга также не содержит самостоятельной статьи, посвященной кантовскому понятию «трансцендентальная апперцепция». В нем есть статьи «APPERCEPTION» (с. 38) и «TRANSCENDENT, TRANSCENDENTAL» (с. 530). К этому времени заимствованный из немецкого термин apperception, видимо, еще не совсем устоялся в английском, поскольку Флеминг сопровождает его поясняющим подзаголовком

«Self-consciousness». В статье «TRANSCENDENT, TRANSCENDENTAL» рассматривается различие этих понятий, в том числе и у Канта.

Для передачи понятия «апперцепции» слово *дзикаку* 自覺 (трад. 自覺) было использовано на основе принципа замещения первоначальных смыслов, входящих в комплекс буддийских представлений о *свасамведане* (санскр. *svasamvedana*) [Buswell, Lopez 2014: 882; Hirakawa 1997, с. 992–93]. Понятие свасамведаны, «самопостижения», «интуитивного самопознания» или «самоосознавания» было введено на рубеже V–VI вв. основоположником буддийской и средневековой индийской логики Дигнагой (ок. 450–520) [Лысенко 2011, с. 287, 628; Андросов 2011, с. 214; Канаева 2011, с. 291; 214], тексты которого большей частью дошли в китайских и тибетских переводах [Hayes 1982, с. ix]. Ф. И. Щербатской считал свасамведану в Дигнаги разновидностью интроспекции, иллюстрируя свою мысль картезианской максимой *cogito ergo sum* [Щербатской 1988, с. 65, 102].

Употребление *дзикаку* 自覺 в круге такого рода буддийских понятий надежно фиксируется в японской классике в начале периода Хэйан (IX в.), например, у Кукая в «Трактате о двух учениях: открытом и сокровенном» (*Бэн кэнмицу никё: рон* 弁顯密二教論, 814 г.). Кукай толкует *дзикаку* как «полное избавление от бесцельных споров вследствие недопонимания и косных взглядов, когда [достигают] всеобщего умиротворения» (所謂息一切戲論及一異等種種見悉皆寂滅是自覺法) [Кобо Дайси 1900, с. 483]. Помещая таким образом свое толкование в контекст доктринальных споров, Кукай тривиализирует и размывает особые терминологические буддийские смыслы.

В качестве более раннего примера совместного употребления знаков «сам» 自 и «пробуждаться; осознавать» 覺 в буддийских текстах, имевшие хождение в Японии уже в период Нара, нужно назвать китайские переводы Аватамсака-сутры, «Сутры цветочного убранства» (華嚴經 яп. Кэгон-кё). Наиболее известны два перевода: «старый» из 60 свитков и «новый» из 80 свитков, выполненный Шикшанандой (實叉難陀) [Игнатович 1987, с. 138–39, 182; Лепехова 2017, с. 44]. В Японии сутра легла в основу доктрины одноименной школы Кэгон. Известно, что как сама «Сутра цветочного убранства», так и учение школы Кэгон, ее понятийный аппарат и приемы рассуждения имеют большое значение для понимания мысли Кукая как наставника «тайного учения» [Трубникова, Бабкова 2014, с. 69, 81]. Наиболее показательным вхождением, имеющее доктринальный смысл: [大導師]自覺能覺他 «[великий наставник] пробудился сам и смог пробудить других» [Кэгон-кё 1925, с. 82; пер. Cleary 1993, с. 376]. В связи с отсутствием санскритского оригинала трудно сказать, насколько здесь сочетание местоимения «сам» 自 и глагола «пробуждаться» 覺 лексикализовано в качестве самостоятельного бинорма и

отсылает ли непосредственно к соответствующему понятию Дигнаги, или же является регулярным словосочетанием с поэтизированным тривиальным смыслом. По крайней мере мы имеем текст «Словаря санскритских имен, переведенных на китайский» (翻譯名義集, кит. Фаньи миньи цзи, яп. Хоньяку мё:ги сю:), 1143 г., в японском издании которого, судя по разметке «кунтэн» и глоссам, в той же формуле (自^{メクス}-覺^ヲ能^レ覺^ヲ他), знаки «сам» 自 и «пробудиться» 覺 интерпретировалось как регулярное словосочетание ^{みずかさ}自ら覚め «пробудиться самому» [Фаньи: гл. 十種通號第一, раздел 佛陀 Будда]. Также из небуддийских текстов в Японии с периода Хэйан известен конфуцианский апокриф «Школьные высказывания Конфуция» или «Домашние беседы» (孔子家語, кит. Кун-цзы цзя юй), где во фрагменте 吾有三失晚而自覺 «состарившись, я осознал, что у меня есть три безвозвратных потери» (разд. 致思) знаки «я осознал» 自覺 – главные члены предложения и очевидно не имеют совместного терминологического значения.

Уже в следующем после «Гэцугаку дзии» 1881-го и 1884-го гг., впервые опубликованном в 1904 г. японском «Философском словаре» Томонаги Сандзюро (朝永 三十郎, 1871–1951) появляется самостоятельная статья, посвященная кантовскому понятию «трансцендентальной апперцепции». Она загнездована в родительской статье с двойным заголовком *то:каку* 統覺 или *дзикаку* 自覺 Apperception, Apperzeption (с. 275) и имеет два варианта перевода собственного заголовка на японский: *сэнтэн-тэки то:каку* 先天の統覺 и *тё:дзэцу-тэки то:каку* 超絶の統覺, при заголовке даются немецкий, англо-французский варианты *transscendentale Apperzeption*, *transcendental apperception*. По-видимому, в немецкой орфографии терминов *transscendent* и *transscendental* Томонага из двух используемых им немецких словарей ориентируется на словарь Ф. Кирхнера [Kirchner 1886, 1903, с. 646], поскольку в другом словаре Р. Айслера заголовки даются в новой орфографии с одним *s*: *Transzendentale* [Eisler 1899, с. 779].

Также в словаре Томонаги имеется статья *тё:дзэцу-какё*: 超絶—過境 *нем.* *Transscendental–Transscendent* (с. 247), построение которой следует за европейской традицией толковать понятия «трансцендентальное» и «трансцендентное» на их сравнении и противопоставлении. Однако в этом же словаре в статье *тё:дзэцу-найдай* 超絶—内在 *нем.* *Transscendenz–Immanenz* «трансцендентности» противопоставляется «имманентность», где с помощью *тё:дзэцу* 超絶 передается понятие «трансцендентность», которое отсылает скорее к представлениям о «трансцендентном», чем «трансцендентальном», тогда как в других статьях слова-

ря с помощью этого японского слова передается именно идея «трансцендентального». И лишь в конце статьи сделана оговорка, что применительно к терминологии Канта, который строго различал два этих понятия, при помощи *mē:dzū* 超絶 следует переводить преимущественно понятие «трансцендентального». Также указывается, что в теологических контекстах часто эти понятия не различаются, и словарь предлагает передавать оба тем же словом *mē:dzū* 超絶.

В третьем издании словаря «Гэцугаку дзии» [Иноуэ и др. 1912] в статье *Apperception* загнездовано понятие *Transscendentale Einheit der Apperception* с переводом *сэндзай-тэки го:каку го:ицу* 先在的統覺合一 (с. 12), где прилагательному *transscendentale* (нем. трансцендентальный) поставлено в соответствие *сэндзай-тэки* 先在的. Здесь Иноуэ отказывается от своего предыдущего унаследованного Томонагой перевода *mē:dzū* 超絶 на основе подбора эквивалента в соответствии с внутренней формой оригинального термина и конструирует новый эквивалент. В этом случае он также отказывается от передачи внутренней формы кантовского понятия «трансцендентальное», а вместо этого обращается к более усложненной интерпретации кантовской мысли, возможно, через интерпретацию Томонаги, который, толкуя кантовское понятие трансцендентальности через *a priori* [Томонага 1905, с. 275], сближает их слишком сильно, иногда до полного неразличения, поскольку использует в качестве одного из переводов для «трансцендентального» то же слово, что и для *a priori* – *сэнтэн-тэки* 先天的. Это гипертрофированное сближение подчеркивается также и одним из переводов понятия апперцепции *то:каку* 統覺 (букв. объединяющее восприятие), где оно посредством внутренней формы эквивалента также смешивается с кантовским пониманием синтеза. Иноуэ несколько отходит от этого, хотя в бинеме *сэндзай* 先在 (букв. «существовавший прежде») использует тот же корень *сэн*, что и в *сэнтэн* 先天. Кроме того, у Иноуэ есть статьи «*Anterior*. 先在» (с. 11) и «*Priority* (Ger. *Priorität*, Fr. *priorité*.) 先在、卓越» (с. 121). Возможно, это еще одно указание на косвенное влияние Томонаги и дальнейшее развитие его подхода, поскольку в использованном Томонагой «Словаре философских понятий и выражений» Айслера [Eisler 1899] *Priorität* (*prioritas*) толкуется как *Zuerst-sein* (с. 592), тогда как слово *сэндзай* 先在 слишком очевидная калька с немецкого *Zuerst-sein*. В самостоятельной статье *transcendental* Иноуэ отказывается от собственного перевода из первого издания своего словаря *мёдзэцу-тэки* 超絶的, к которому он впоследствии вернется, и приводит на первом месте *сэнкэн-тэки* 先験的 (допытный), а *сэндзай-тэки* 先在的 дает только на втором.

В этом же третьем издании «Гэцугаку дзии» (с. 160) в статье *Transcendence* Иноуэ дает единственный японский перевод *mē:zyū* 超越, а

в статье Transcendent на первом месте однокоренной перевод *mě:эцу-тэки* 超越的. В этом несомненно можно заметить влияние одного из популярных общелексических англо-китайских словарей второй половины XIX в. В. Лобшайда (Wilhelm Lobscheid, 1822–1893), особенно если учесть, что в Японии словарь Лобшайда был переиздан самим Иноуэ с некоторыми собственными изменениями и дополнениями [Лобшайд, Иноуэ 1883]. В настоящий момент непростая история создания словаря Лобшайда является предметом усиленного научного поиска и дискуссий [Шэнь 2014; Wong 2017; Amelung 2004; Мориока 1965]. Впрочем, Иноуэ заимствует лишь отдельные эквиваленты и не воспроизводит у себя полностью систему переводов Лобшайда для лексического гнезда, тогда как Лобшайд дает *chāoyuè* (в авт. транскр. Ch'oh yueh) 超越 как единый базовый эквивалент в статьях всего гнезда: Transcend, Transcended, Transcendence, Transcendency, Transcendent, Transcendental (ч. IV, с. 1814). Сам бином *mě:эцу* 超越 в японском не был неологизмом, а наряду с терминологическим переводом Иноуэ употреблялся также нетерминологически, например, тот же Ниси Аманэ использует его в своей публицистике в тривиальном значении «превосходить» [Ниси 1874, с. 8-у].

В заключение попробуем проверить языковое усвоение этих понятий, обратившись к переводным и толковым словарям. Можно заметить, что к концу периода Мэйдзи за термином «апперцепция» надежно закрепляется эквивалент *то:каку* 統覚. Его дают репрезентативные для этого времени японско-английские словари Ямагути – Ириэ 1907 г., Иноуэ Дзюити 1909 г., а также последующие: толковый словарь самого Иноуэ Тэцудзиро 1917 г. и первое издание в серии японско-английских словарей издательства Кэнкюся 1918 г. Тогда как *дзикаку* 自覚 в тех же словарях утверждается как перевод для self-consciousness и прочно связывается с понятием самосознания. Такое употребление сохранилось и в современном языке [Дайдзириин 2006]. Судя по всему, бином *то:каку* 統覚 был сконструирован по аналогии с *дзикаку* 自覚, использованным на основе замещения имевшихся буддийских смыслов, от которого он наследует второй компонент, и, видимо, был заимствован Томоной для своего словаря 1904 г. у известного неокантианца Куваки Гэньёку (桑木 巖翼, 1874–1946) [1900, с. 221]. Это тем более вероятно, что здесь может сказываться также влияние аналогичного биннома *мэйкаку* 明覚, использовавшегося за несколько лет до этого при переводах понятия «апперцепция» у В. Вундта [Судзуки 2017, с. 37]. Преимущественное употребление *токаку* перед *дзикаку* предписывается уже «Словарем общих терминов» [Токутани, Мацуо 1905, с. 72, 429], вышедшим вслед за словарем Томоноги.

Толковый словарь общей лексики 1917 г. под редакцией Иноуэ при выборе эквивалента для понятия «трансцендентального» возвра-

шается к раннему варианту из самого первого философского словаря 1881 г. того же Иноуэ *тё:дзэцу-тэки* 超絶的 (с. 324), этот же перевод дают словари Иноуэ Дзюити 1909 г. и Кэнкюся 1918 г. В современном языке этот вариант имеет преимущественно тривиальное употребление «превосходящий», а терминологический приоритет получил термин *тё:эцу-тэки* 超越的, восходящий к Лобшайду, у которого он встроен в систему переводов всего лексического гнезда. Вариант Иноуэ *сэнкэн-тэки* 先験的, бывший какое-то время в ходу, имеет сейчас сопоставимое с этим употребление в художественной литературе для создания стилистического эффекта и в таких устоявшихся историко-философских терминах как «трансцендентальный идеализм» (*сэнкэн-тэки каннэн-рон* 先験的觀念論).

Литература

1. Ажимов Ф. Е., Конончук Д. В. О началах китайской метафизики: терминологические уточнения. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2019. Т. 35. Вып. 4. С. 544–550.
2. Андросов В. П. *Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь*. М.: Ориенталия. 2011.
3. Гегель Г. В. Ф. *Феноменология духа*. Пер. Г. Г. Шпета. М.: Наука. 2000.
4. Дайдзирин 2006 – *Толковый словарь японского языка «Дайдзирин»* (大辞林). 3-е изд. Ред. Мацумура Акира (松村 明). Токио: Сансэйдо (三省堂). 2006.
5. Жанцанова М. Г. «Васэй-канго» – особый слой лексики японского языка. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 99–102.
6. Игнатович, А. Н. *Буддизм в Японии: очерк ранней истории*. М.: Наука. 1987.
7. Иноуэ Тэцудзиро, Вадагаки Кэндзо, Арига Нагао, Кодэра Синсаку (井上哲次郎, 和田垣 謙三, 有賀 長雄, 国府寺 新作) и др. *Словарь философских терминов «Тэцугаку Дзии»* (哲学字彙). Токио. 1881.
8. Иноуэ Тэцудзиро, Арига Нагао (井上 哲次郎, 有賀 長雄). *«Тэцугаку Дзии» – словарь философских терминов* (哲学字彙). 2-е изд. Токио: То:ё:кан сётэн (東洋館書店). 1884.
9. Иноуэ Тэцудзиро, Могора Юдзиро, Накасима Рикидзо (井上 哲次郎, 元良 勇次郎, 中島 力造). *Англо-немецко-французско-японский словарь философских терминов «Тэцугаку Дзии»* (英独仏和哲学字彙 = Эй-доку-фу-ва тэцугаку дзии), 3-е изд. Токио. 1912.

10. Иноуэ Дзюкити (井上 十吉). *Новый японско-английский словарь* (新訳和英辞典 = Синъяку ваэй дзитэн). Токио: Сансэйдо (三省堂). 1909.
11. Иноуэ Тэцудзиро (井上 哲次郎) и др. *Словарь японского языка, упорядоченный по алфавиту*. (ABC びき日本辞典 = ABC бики Нихон дзитэн). Токио: Сансэйдо (三省堂). 1917.
12. Исии Масами (石井 雅巳). *Перевод и японский язык: философия языка у Ниси Аманэ* (翻訳と日本語—西周の言語哲学— = Хонъяку то нихонго: Ниси Аманэ но гэнго тэцугаку). Хокуто Адзиа кэнкю (北東アジア研究). №. 29. 2018. С. 169–181.
13. Канаева Н. А. Дигнага // *Философия буддизма: энциклопедия*. Отв. ред. М. Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Вост. лит., 2011. С. 287–293.
14. Карелова Л. Б. Японская философия: подходы к пониманию. // *Философские науки*. 2018. № 8. С. 7–22.
15. Кобо Дайси 1900 – *Полное собрание сочинений Кобо Дайси* (弘法大師全集 = Ко:бо: Дайси дзэнсю:), ред. Цубои Кунидзо (壺井 国三). Осака, 1900. С. 483.
16. Куваки Гэньёку (桑木 巖翼). *Философские очерки* (哲学概論 = Тэцугаку гайрон). Токио: Токио сэнмон гакко сьюппан бу (東京専門学校出版部). 1900.
17. Кульнева П. В. Экономическая терминология в японском и китайском языках: сходство и различия. // *Японские исследования*. 2018. № 4. С. 24–43.
18. Курисима Норико (栗島 紀子). Исследование переводных эквивалентов в работах Ниси Аманэ (訳語の研究—西周を中心に— = Якуго но кэнкю: Ниси Аманэ о тю:син ни). Токио: Нихон бунгаку (日本文学). Вып. 27. 1966. С. 69–87.
19. Кэгон-кё 1925 – Сутра цветочной гирлянды Кэгон кё (大方廣佛華嚴經 = Дайхо:ко: Буцу кэгон кё:). Пер. Шикшананда. В кн.: *Заново составленная в годы Тайсё Трипитака* (大正新脩大蔵経 = Тайсё: синсю: дайдо:-кё:). Ред. Такакусу Дзюндзиро (高楠順次郎). Т. 10 (278–309). Токио: Дайдзо: сьюппан (大蔵出版). 1925.
20. Кэнкюся 1918 – *Большой японско-английский словарь Такэнобу* (武信和英大辞典 = Такэнобу ваэй дай дзитэн). Сост. Такэнобу Ёситаро (武信由太郎). Токио: Кэнкюся. 1918.
21. Лепехова Е. С. Космология «Аватамсака-сутры» и Будда Вайрочана из храма Тодайдзи. // *Религиоведение*. 2017. № 4. С. 42–48.

22. Лобшайд, Иноуэ 1883 – Wilhelm Lobscheid, Иноуэ Тэцудзиро (井上 哲次郎). *Англо-китайский словарь, издание дополненное и исправленное* (増訂英華字典 = Дзо:тэй эйка дзитэн). Токио: Изд. Фудзимото. 1883.
23. Лотте Д. С. *Как работать над терминологией. Основы и методы*. М.: Наука. 1968.
24. Лысенко В. Г. Свасамведана // *Философия буддизма: энциклопедия*. Отв. ред. М. Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Вост. лит., 2011. С. 628.
25. Макита Эйдзи (牧田 英二). *Иероглифика в китайском и японском языке. Заимствования из японского в китайском* (中国語・日本語の漢字をめぐる—中国語のなかに移入された外来語としての日本語— = Тю:гокуго, нихонго но кандзи о мэгуттэ. Тю:гокуго но нака ни иню: сарэта гайрай-го то ситэ но нихонго). Серия «Ко:дза нихонго кё:ику» (講座日本語教育). Т. 10. Токио: Васэда дайгаку гогаку кё:ику кэнкю:дзё (早稲田大学語学教育研究所). 1971. С. 162–169.
26. Мориока Кэндзи (森岡 健二). Влияние, оказанное Англо-китайским словарем Лобшайда в период формирования переводного лексикона (訳語形成期におけるロブシャイド英華字典の影響 = Якуго кэйсэйки ни окэру Робусяидо Эйка дзитэн но эйкё:). // *То:кё: дзёси дайгаку фудзоку хикаку бунка кэн* (東京女子大学附属比較文化研). Т. 19. 1965. С. 61–102.
27. Мориока Кэндзи (森岡 健二). *Становление японского языка Нового времени. Лексика периода Мэйдзи* (近代語の成立. 明治期語彙編 = Киндайго но сэйрицу. Мэйдзи ки гои хэн). Токио: Мэйдзи сёин (明治書院), 1-е изд. 1969, 2-е изд. 1991.
28. Ниси Аманэ (西 周). О знании (知説 = Тисэцу) // *Мэйроку дзасси* (明六雑誌). № 17. Токио. 1874.
29. Сино Ёсинобу (志野 好伸). *Янь Фу и Ниси Аманэ. О заимствовании западной терминологической системы* (嚴復と西周. —西洋学術体系の移植をめぐる = Гэн Фуку то Ниси Аманэ – Сэйё: гакудзюцу тайкэй но исёку о мэгуттэ). Мэйдзи дайгаку кю:ё: ронсю: цу:кан (明治大学教養論集通巻). № 502. 2014. С. 95–115.
30. Судзуки Хиромицу (鈴木 広光). Рец. на: Кугинуки Тору (釘貫 亨). *Формирование науки о национальном языке «Кокугогаку» и скрытые течения («国語学」の形成と水脈 = «Кокугогаку» но кэйсэй то суймяку)*. // *Нихонго но кэнкю* (日本語の研究). Том 13. №2. 2017. С. 35–42.
31. Токутани Тоёноскэ, Мацуо Юсиро (徳谷 豊之助, 松尾 勇四郎). *Словарь общих терминов* (普通術語辞彙 = Фуцу: дзюцуго дзии). Токио: Кэйбун-ся (敬文社). 1905.

32. Томонага Сандзюро (朝永 三十郎). *Философский словарь* (哲学辞典 = Тэцугаку дзитэн). 2-е изд., 1905 (1-е изд. 1904).
33. Трубникова Н. Н., Бабкова М. В. *Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XIII–XIV вв.* М.: РОССПЭН. 2014.
34. Фаньи – *Словарь санскритских имен, переведенных на китайский* (翻譯名義集 = Фаньи миньи цзи, яп. Хоньяку мё:ги-сю:). Эл. адрес в библиотеке Ун-та Васэда: http://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/ha04/ha04_05095/index.html. Год яп. публ. неизв.
35. Хида Ёсифуми (飛田 良文). О словаре «Тэукгаку Дзии» (「哲學字彙」について = «Тэукгаку Дзии» ни цуйтэ). В кн.: *Сводный указатель к словарю «Тэукгаку Дзии»* (哲學字彙訳語総索引 = «Тэукгаку Дзии» якуго со:сакуин). Серия «Касама сакуин со:кан» (笠間索引叢刊). Вып. 72. Сост. Хида Ё. Токио. 1979. С. 223–238.
36. Шэнь Говэй (沈国威, Shen Guowei). *A Cycle of Modern English-Chinese Dictionaries. From Lobscheid through Inoue Tetsujiro to the Commercial Press* (近代英华辞典环流: 从罗存德、井上哲次郎到商务印书馆). 関西大学東西学術研究所紀要. №. 47. С. 19–37.
37. Щербатской Ф. И. *Избранные труды по буддизму.* М.: Наука. 1988.
38. Ямагути Мики, Ириэ Сукуэ (山口造酒, 入江祝衛). *Новый японско-английский словарь с пояснениями* (註解 和英新辞典 = Тю:кай ваэй син дзитэн). Токио: Сё:бункан (賞文館). 1907.
39. Amelung, Iwo. Naming Physics: the Strife to Delineate a Field of Modern Science in Late Imperial China. // Michael Lackner and Natascha Vittinghoff, eds., *Mapping Meanings: The Field of Learning in Late Qing China.* Leiden: Koninklijke Brill NV. 2004. P. 381–422.
40. Buswell R. E., Lopez D. S. *The Princeton dictionary of Buddhism.* Princeton University Press, 2014.
41. Cleary, Thomas. *The Flower Ornament Scripture. A Translation of the Avatamsaka Sutra.* Shambhala Publications. 1993.
42. Eisler, Rudolf. *Wörterbuch der Philosophischen Begriffe und Ausdrücke.* Berlin. 1899.
43. Fleming, William. *The vocabulary of philosophy, mental, moral and meta-physical; with quotations and references; for the use of students.* Philadelphia. 1st ed. 1856, 2nd ed. 1860.
44. Hayes, Richard. *Dignāga on the Interpretation of Signs.* Dordrecht: Reidel Publishing Company, 1982.

45. Hirakawa Akira. *A Buddhist Chinese-Sanskrit Dictionary* (佛教漢梵大辭典 = Буккё: канбон дай-дзитэн). Токуо: Reiyukai. 1997.
46. Kirchner, Friedrich. *Wörterbuch der philosophischen Grundbegriffe*. Leipzig. Verlag der Dürr'scheii Buchhandluug. 1. Ausg.: 1886; 4. Ausg.: 1903.
47. Wong Tsz. Decoding the Translations of Political Terms in the Nineteenth-Century Chinese–English Dictionaries – Lobscheid and his Chinese–English Dictionary // *Comparative Literature: East & West*, 1:2, 2017. P. 204–215.

**К составу и семантике фразеологии, обозначающей страх,
со стержневым компонентом *глаза*
(на материале памирских и таджикского языков)**

1. Введение

В статье рассматриваются *фразеологизмы* (идиомы, устойчивые выражения) и механизмы колексификации, связанные с обозначением симптомов страха. Мы подвергаем анализу фразеологические единицы (ФЕ) нескольких иранских языков Таджикистана и сопредельных территорий, принадлежащих к западноиранской и восточноиранской группам и представляющих, с одной стороны, литературный таджикский язык с солидной письменной традицией (включая и его южные диалекты), с другой, группу бесписьменных памирских языков (шугнанский, ваханский, а также ишкашимский, сангличский, мунджанский и язгулямский). На примере ФЕ данных языков мы рассматриваем способы отражения в картине мира носителей этих языков таких эмоциональных состояний, как страх, испуг, ужас и смятение.

Как отмечает Анна А. Зализняк, «обозначения внутренних состояний человека (в том числе страха) в значительной степени основаны на телесной метафоре, которая отражается во фразеологии, во внутренней форме и полисемии языковых единиц» [Зализняк 2006, с. 64].

В силу этого мы выявляем органы тела человека, активно действованные при активации эмоции страха, на основе чего инвентаризуем ФЕ, связанные с неконтролируемыми физиологическими реакциями на страх, анализируем основные языковые приемы выработки таких ФЕ и семантические особенности, лежащие в их основе. Как известно, страх – основополагающая эмоция, присущая людям во всех культурах. Он относится к «фундаментальным эмоциям», при которых у человека проявляются универсальные реакции: изменение активности мышц тела, лица, мозга, кровеносной и дыхательной систем. Определяющими при моделировании таких эмоциональных состояний в языках являются экстралингвистические факторы – психофизиологические состояния, мотивированные на рефлекторном уровне, что может проявляться в том, что отдельные части тела непроизвольно двигаются, человек теряет контроль над собой, дрожит, краснеет или бледнеет; при этом реакция на страх может быть как пассивной, так и активной, в виде оцепенения или возбуждения.

В различных культурных традициях страх связывается с различными локусами в теле человека, что приводит к разным способам отра-

жения таких эмоциональных состояний в различных языках и впоследствии к формированию специфических устойчивых сочетаний. Внешние проявления внутренних эмоциональных состояний человека имеют определенные признаки, в силу этого в основе их языкового выражения нередко лежит соматическая лексика и/или фразеологические единицы, стержневым компонентом которых является существительное-соматизм.

При универсальном наборе ключевых соматизмов – частей и органов тела, посредством которых передается ощущение страха (см. Таблицу 1), в разных культурах тем не менее имеются особенности в функциях органов или локализации эмоций и причинно-следственной связи между ними.

Таблица 1.

Части и органы тела, задействованные в передаче эмоции страха

Шугнанский	Ваханский	Таджикский	Русский перевод
cem, čaxm, dīda	čəžm, čəm, dida, kak	чашм, дида, назар	глаз(а)
(cem-)yācak	pərčodək, aynək(ək), čəžm-šywiŷ	гавҳараки / мардумак чашм, кок	зрачок; вах. глаз
pilk	čəžmkut	пилк	веко
pūθč	patk, tapk, məža	мижа	ресница
pic	ruy	рӯй	лицо
ziv	zik	забон	язык
δindūn	дындык	дандон	зуб
δust	δ/dast	даст	руки/а
kāl	sar	сар	голова
pod	pyd	по	ноги/а
dam	dam	дам	спина
muyi (tanā)	muyi (bədan)	мӯ	волосы (на теле)
araq	araq	арақ	пот
xūn	wəxən	хун	кровь
yūšk	yašk	ашк	слезы
jigar	j(ə)gar	чигар	печень
se/éc, шхд. xīnc, cap. xenz	sik	си/упурз	селезенка
təlxā	təlxā	талха	желчь
zorδ, dil	pəzyw	дил	сердце
jūn	jon	чон	душа

Эмоции, связанные со страхом, передаются через внешние симптомы внутренних состояний человека. Все это отражается и в картине мира человека и в его языке. Так, при передаче состояний страха могут описываться следующие реакции: глаза закрываются, расширяются (лезут на лоб, вытаращиваются), взгляд становится неподвижным, пристальным, зубы стучат (зуб на зуб не попадает), волосы встают дыбом, седеют, лицо бледнеет, язык, руки, ноги отнимаются, дрожат, покрываются мурашками (гусиная кожа, мороз по коже), тело цепенеет, дыхание затрудняется (ком в горле), наступает удушье, ощущение нехватки воздуха (рыба на воздухе), человек заикается, теряется, теряет голову, его голова кружится, душа замирает, уходит в пятки, леденеет, сердце падает, кровь стынет и т.п. Наряду с этим при передаче эмоций, связанных со страхом, встречаются и обороты, где в качестве ядерного компонента используется название части тела животного (рассматриваемого как существа, имеющего душу – *jondor*), например, хвост, что в очередной раз свидетельствует об отражении в иранской картине мира рефлексов и ряда базовых эмоций у животных: ш. *xi dum žaqtow* ‘поджечь хвост (о человеке)’, перен. ‘испугаться, пойти на попятный’¹, или человек уподоблен животному путем сравнения с частью тела или качеством последнего: т. (*тарсу*) *буздил будан* ‘быть трусливым, малодушным; робким; бояться, пугаться’, где *буздил* ‘боязливый’, букв. ‘(с) сердцем козы’. В иных случаях ФЕ строится на уподоблении человека его тени: т. *соя тунук будан* ‘быть трусливым, малодушным; робким’, *соятунук* букв. ‘тонкая тень’ (ФИХ).

В данной статье мы рассматриваем субстантивные ФЕ, стержневым компонентом которых является существительное-соматизм *глаз(а)*, обладающее высокой активностью в сфере образования фразеологии.

2. ФЕ, обозначающие страх, со стержневым компонентом *глаза*

Мы остановимся на одном из главных мест локализации эмоционального состояния в картине мира памирских народов – глазах, поскольку при посредстве этого органа особенно ярко выражаются эмоции. В силу этого в памирских и таджикском языках этот ядерный компонент входит в значительное число устойчивых выражений данного семантического круга, отражающих изменение эмоционального состояния человека. Это фразеологизмы, фиксирующие параметры, размер глаз, их расширение или сужение, изменение их положения, а также выражение глаз (степень возбуждения, напряжения) при определенных эмоциях самого человека, таких как страх, удивление или гнев (см. Таб. 3 «ФЕ,

---

¹ Ср. прямое употребление: вах. *xur ẋy dym(b) qərqəra kərt* ‘осел задрал хвост’.

обозначающие страх, со стержневым компонентом *глаза*» в Приложении).

Как отмечает Анна А. Зализняк, «само понятие “телесной метафоры души” представляется необычайно плодотворным... Имеется по крайней мере три сферы, где оно себя обнаруживает (которые в конечном счете сходятся): это внутренняя форма обозначений эмоций (которая часто оказывается основана именно на такой метафоре), фразеология и синхронная полисемия “физическое действие / состояние – душевное состояние”» [Зализняк 2013б, с. 57–58].

Во всех языках региона данный соматизм входит в состав фразеологических единиц, обозначающих «закрывать глаза». Так, шугнанский сложноименной глагол *čust čīdow* ‘закрывать’ используется в составе ФЕ *cem(en) čust čīdow* ‘закрывать, зажмурить глаза (от страха); перен. умирать’: *yā as xoj īt-at tor sat-at xu cem čust* ‘она от страха растерялась и зажмурила глаза’; то же для глагола (*cemen*) *čust sittow* ‘закрывается (о глазах), зажмуриться’², а также т. *чаим пӯшидан, (дар)бастан, бардӯхтан* ‘закрывать глаза, зажмурить(ся); перен. умирать’³.

Еще один шугнанский простой глагол *bidafc-* ‘закрывается (о глазах, рте); слипаться’ и его понудительная форма *bidemb-* ‘закрывать (глаза, рот); перен. засыпать’, могут применяться по отношению к глазам и в случае, если человек испытывает страх, могут обозначать *bidafc-* ‘зажмуриваться, закрываться (о глазах)’, а второй – ‘зажмурить, закрыть глаза (от страха); заснуть’: *xu cem(en) as xoj bidem(bt)* ‘(он) зажмурил свои глаза от страха’, ср. также близкий по семантике мундж. *пәтәг- : пәтәšk-* ‘зажмуривать, закрывать (глаза)’ (произвольно и рефлекторно (непроизвольно) в том числе и от страха): *yā-n (čom-āf) пәтәšk* ‘он зажмурил (глаза)’ (Грюнберг 1972, с. 334). Примерно тот же круг употреблений имеют ваханские *xy čəžm bars-* : *xy čəžm-i bars-* ‘зажмурь глаза!’ (*bars-* : *barst* ‘зажмуривать(ся), закрывать’) или *čəžm(əy) wyd(ы)r-* ‘зажмуриваться, зажмуривать, закрывать глаза’ (вспомогательный глагол: *wyd(ы)r-* : *wyd(o)rt* ‘держат, брать’), в том числе и от страха.

ФЕ *cem torik sittow* ‘темнеть в глазах’, представленная в шугнанском языке, увязывается с целым рядом эмоциональных состояний: ‘в глазах темнеет; становится дурно, плохо, обычно, от усталости, слабости’ (Мирзоев, Карамова 2014, № 97), сходное выражение встречается и в таджикском языке *пеши чаимро сиёҳи нахи кард, пеши чаими ӯ сиёҳи зад* ‘(у него) в глазах потемнело’. Те же проявления могут наблю-

² Ср. также *vīnd-* : *vūst*, вах. *vand-* : *vast*, ягн. *vant-* : *vasta* ‘завязывать; закрывать (глаза, рот)’. Здесь и далее по устоявшейся в иранистике традиции для простых глаголов бесписьменных иранских языков приводятся две основы: *осн. наст. вр.* : *осн. прош. вр.*

³ Ср. также т. *чаими ёрӣ бастан* ‘прекратить дружить (букв. завязать глаза дружбы); перен. разлюбить’.

даться и в случае неожиданного сильного испуга: ш. *wuz xoj dêrum-at mu cem torik sut-at arāq mu-rd tūyd* ‘я испугался, и у меня в глазах потемнело и меня бросило в пот’.

Во многих случаях фразеологические сочетания на основе соматизмов в сопоставляемых языках могут употребляться метафорически. При переживании сильного чувства (страха, гнева, удивления, боли и т.п.) глаза человека меняют размер или выражение, в данном случае широко раскрываются, выпучиваются. В памирских и таджикском языках обнаруживается группа ФЕ, где признак величины или выпуклости глаз может быть постоянным или временным и связан с проявлением аффектированных состояний и их признаков, в частности страхом или гневом, что выражается ФЕ «выпученный (о глазах); пучеглазый (о человеке)».

Так, в памирских языках имеются устойчивые сочетания – определения крупных, выпуклых, навывкате, глаз, которые в момент опасности, испуга, ярости широко раскрываются, выступая из глазниц, то есть вытарашенных, выпученных глаз. В шугнанском языке это *židêq, židāq* ‘навывкате, выпуклые, выпученные, широко раскрытые, выступающие из глазниц, вытарашенные (глаза); пучеглазый; дерзкий’.

Здесь же находим устойчивые выражения *židêq-zem* ‘навывкате, выпуклые, выпученные, широко раскрытые, выступающие из глазниц, вытарашенные глаза; пучеглазый (человек)’⁴, а также *židêq(-židêq), židāq(-židāq) cem(en)* ‘навывкате, выпуклые, выпученные, широко раскрытые, выступающие из глазниц, вытарашенные глаза’. На их основе образуется сложнойменной глагол *židêq-židêq čixtow* ‘выпучить глаза, бесцеремонно, пристально смотреть’. На основании последнего значения, иллюстрируемого примером *wi-nd-en wi cemen tar mu židêq-židêq ca čixt, wuz-um xoj dūyd* ‘он как выпучил на меня глаза, так я и испугался’ (ШРС 1991, с. 525) отмечается развитие дополнительного значения ‘смотреть грозно, пугать (взглядом), вызывать чувство страха’.

В шугнанском языке представлено еще несколько обозначений больших, крупных, выступающих из глазниц глаз – *kata-zem* ‘пучеглазый, с большими глазами’, *kaltanak cemen: wam cemen kaltanak* ‘у нее большие глаза’, *yu xu cemen kaltanak čūd* ‘(он) сделал большие глаза (от страха или удивления)’. Таким образом, ФЕ *xu cemen kaltanak čīdow* помимо прямых значений ‘выпучивать, тарашить (глаза) (от страха, гнева)’ получает переносное ‘испугаться, впасть в беспокойство; смотреть грозно, пугать’. В этой связи можно привлечь и т. разг. ФЕ *чаими калон-*

⁴ Ср. сходные образования ш. *čiqir-zem, kaŷ-zem* ‘косоглазый’, вах. *kərd(čəžm)* ‘косой, косоглазый, *kərd did(i)ŷ-* ‘сердито смотреть, хмуриться; сердиться’, букв. ‘криво, косо смотреть’ (при выражении гнева, недовольства).

калон ‘большие навькате глаза’, чаимро калон кушодан ‘выпучивать, тарашить глаза’). Широко распространены в таджикском языке близкие по значению пословицы *тарс чаими калон дорад* что практически соответствует русской ‘у страха глаза велики’ и *тарсончак чор чаим дорад* с тем же значением, букв. ‘у труса четыре глаза’⁵.

В язгулямском языке отмечены формы *bālūq*, и *jāleq*, *jiliq* ‘пучеглазый, с большими глазами’, последние можно соотносить с шугнанским *židēq*, а также т.-в. *jilu/əq* ‘выпученный (о глазах)· полный (воды)’⁶. В ваханском языке зафиксировано обозначение *b^oloq(čəžm)* ‘пучеглазый, с большими глазами’, то же ишк. *b^olūq(сom)*. В ряде южных таджикских диалектов встречается выражение *чаими бълъқ* в значении ‘большие навькате глаза’ (СЮГТЯ, 598)⁷: *чъимо бълъқ мекъна* ‘(его) глаза смотрят с вожделением’, букв. ‘пульсируют, кипят (желанием)’⁸.

Среди соматических ФЕ с компонентом *глаза* в исследуемых иранских языках наблюдается ряд аналогов, близких по образной направленности, что объясняется не только заимствованием или культурным влиянием, но и универсальностью физиологических реакций. В шугнанском представлено несколько фразеологических единиц со значением ‘большие, выпуклые, широко выступающие из глазниц глаза’, что описательно передается при помощи сравнения с миской (ср. в описании дьявола у П. Ершова в «Коньке-горбунке» *а глаза-то – что те плошки*). Так, выражение *сemen yidorā čīdow* ‘выпучивать, тарашить (глаза)’ связано с идеей уподобления глаз человека в состоянии испуга круглой большой чаше: *yidorā* ‘глиняная чашка, миска; выпуклый’ с развитием значения ‘выпученный; сильно открытый, вытарашенный (о глазах)’: *as xoj xu semen yidorā čūd* ‘(он) выпучил, вытарашил свои глаза от страха’, *wi semen yidorā-at yat* ‘он подошел с вытарашенными (от страха) глазами’ (ШРС 1991, 463), *wi semen ima tošč-and...* ‘его глаза вот так (вытарашены) – с миску’. Аналогичный фразеологизм, построенный на осно-

⁵ Ср. описание глазастого (в данном случае бдительного) человека в белуджской сказке «О четырехглазом брате и сестре ведьме», записанной И. И. Зарубиным: «У ... Лалу четырехглазого (*čār-čam*) было четыре глаза (*čār čam*)...» (Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным. Труды Института востоковедения Академии наук СССР. IV. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1932. С. 61).

⁶ Ср. т.-ю. *чилъқ* ‘кипеть, булькать (при кипении); струиться, булькать (о воде в источнике)’.

⁷ Ср. т.-ю. *бълъқ-бълъқ*, *булуқ-булуқ*, *билиқ-билиқ звукоподр.* ‘кипеть, булькать при кипении; струиться, булькать (о воде в источнике)’.

⁸ Ср. ш. *wat semen warven* ‘ее глаза смотрят с вожделением’, букв. ‘кипят (желанием)’.

ве того же сравнения, упомянут для ваханского языка в связи с состоянием гнева: *čəžm γədora woc*- ‘с вытаращенными глазами’ (Гульбекова 2013, с. 95), однако он может быть связан в зависимости от ситуации и с переживанием удивления и страха: *кы čəžmiš(t) γədora wost* ‘(он) свои глаза таращит, делает размером с глиняную миску’. Сходная ФЕ для обозначения расширяющихся от страха, удивления или гнева глаз имеется и в таджикском языке: *шоҳкосачаиш* ‘с глазами навывкате’, здесь также усматривается сравнение с миской – *шоҳкоса* ‘большая фарфоровая чашка или миска с крышкой и двумя ручками’ (ТРС): ... *ҳар ду чаишаи шоҳкоса барин* ‘оба его глаза с миску’ (ФИХ, с. 337), кроме того в таджикском языке имеется еще одна ФЕ, где глаза при чувстве страха сравниваются с горошинами: разг. *чаишон мош барин (калон) кушода мешаванд* ‘глаза вытаращены, будто крупный горох’. В таджикском языке имеются и другие выражения такого рода, например, *ғўза-чаиш* и *ғукчаиш* ‘с глазами навывкате’, где глаза уподобляются чему-то округлому по форме, клубку, коробочке, головке или шишке (*ғўза* ‘коробочка (хлопчатника); головка (опийного мака)’ или глазам лягушки (*ғук* ‘жаба; лягушка’), ср. сложившийся на этой основе впоследствии термин *ғўзаи чаиш* ‘глазное яблоко’. В южных таджикских диалектах, кроме того, засвидетельствованы фразеологизмы *чаиш чок шидан* в значении ‘широко раскрывать, таращить глаза (от страха, ярости и т.п.); смотреть яростно, устрашающе’ (*чок* ‘разрез, шов; рана; рубец, язва’), ср. также *чаиш андохтан* и *чаиш чор бьдан* в значении ‘широко раскрывать, таращить глаза (от удивления, в ожидании)’ (СЮГТЯ, 599, 601).

Другой шугнанский оборот *wiš set(en)* ‘выпученные глаза’ построен на основе образного слова имени существительного *wiš*, выступающего в ФЕ в атрибутивной функции, его первое значение ‘чучело из шкуры теленка, набитой соломой’ выходит из употребления и может быть отнесено к архаизмам; данная лексема имеет дополнительно два переносных значения: ‘лохматый, косматый’ и ‘выпученный (о глазах)’. На основе той же лексемы построен сложноименной глагол *wiš sittow* ‘крепнуть, наливать силой, полнеть, поправляться’ (ШРС 1988, с. 356–357).

Тот же признак выпуклости, округлости глаз передает ваханский фразеологизм *waras (čəžm)* ‘выпученные глаза’, *waras did(i)ŷ*- ‘выпучить глаза’ (*did(i)ŷ* : *did(i)ŷd* ‘смотреть’) (Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, с. 488), что также в некоторых случаях можно связать с реакцией страха или удивления. В ваханском языке зафиксирован еще и фразеологизм *wyram čəžm* ‘распухшие глаза (от слез, боли, страха)’, построенный на основе лексемы *wyram*: ...*yaw čəžmišt кы wyram kərk* ‘(эта девочка испугалась Зимака, и) у нее все глаза распухли’ (Пахалина 1975,

с. 288, 127), при *wəram* ‘опухоль’, *wəram car-* ‘вспухать, подниматься’ (Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, с. 492). В шугнанском (*di cem-rem-en waram čūj* ‘у него распухли глаза и под глазами’) и таджикском языках при наличии той же лексемы, которая, скорее всего, является в обоих памирских языках заимствованием из таджикского, связи с эмоцией страха не отмечается. Ср., например, т. *варам кардан* ‘распухать, отекает, воспаляться’: *сарам варам кард* перен. ‘голова моя распухла (от дум, забот и т.п.)’ (ГРС).

В таджикском языке для обозначения округляющихся от страха или гнева глаз имеются устойчивые выражения: *алочаим*, *чаимало* ‘пучеглазый, лупоглазый, с выпуклыми, выпученными, выступающими из глазниц глазами навывкате’ и *чаими ало* ‘перен. груб. прост. шары (о глазах)’ (ГТС); *чаимро ало кардан* или *ало-ало нигоҳ кардан* ‘тарашить глаза; смотреть сердито, грозно, недовольно’⁹, где *ало* ‘сердитый, тяжёлый, грозный (о взгляде); пестрый; пегий’, в переносном значении ФЕ *чаим ало кардан ба чизе*, *касе* означает также ‘зариться на что-л.’ или ‘сердиться на кого-л.’ (ГРС).

Примерно та же логика развития наблюдается и в двух сходных по смыслу шугнанской, ваханской и таджикской ФЕ, передающих понятие «вытаращить глаза» как произвольное движение глаз за пределы глазницы вследствие страха, удивления, гнева и т.п.: ш. (*cem*) *as kala-xūnak sittow* ‘выскакивать из орбит (о глазах)’: *wam aʔdal cem as kala-xūnak sudj* ‘глаза дракона высочили из орбит’ при *kala-xūnak* ‘череп; глазница, глазная впадина’ (ШРС 1991, с. 75)¹⁰, ср. бдж. *nāla palāng jiq xi ca kiʔt*, *wim cemen wim kapol-ind sāwen* ‘говорят, что если барс хмурится, то его глаза вылезают на лоб’ (*kapol* ‘голова, череп’)¹¹.

При описании близкой ваханской ФЕ *čəžmiš sə ɣuloʔən nyw^hz-* ‘глаза выскакивают из орбит’ уже было обращено внимание на состояние гнева, ярости (Гульбекова 2013, с. 95). Однако в ваханском языке, где образ, как и в шугнанском языке, сфокусирован на движении глаза наружу из своего вместилища – глазной полости, глазницы, ФЕ может быть связана и с более широкой гаммой чувств. Здесь также переносное значение ‘вытаращить глаза’ основано на буквальном ‘глаза выходят из футляра-глазницы’ (*ɣuloʔ* ‘ножны’, т. *гилоф* ‘ножны, кобура, футляр’). Та же идея заложена и в сложении таджикских ФЕ: *чаимро аз косахона баровардан*, *чаимхоро аз чойгоҳаш баромадан* ‘глаза выскакивают из орбит (глазниц)’ (где *коса(хона)и чаим* ‘глазная орбита, впадина, полость, глазница’, *чойгоҳи чаим* ‘вместилище глаза, глазница’).

⁹ Ср. также т. *чаимоната песондан* ‘тарашить свои глаза’.

¹⁰ Ср. ш. *cem-wīs* ‘глаз, глазное яблоко; оболочка глаза’.

¹¹ Ср. т. *коса(хона)и сар* ‘голова, череп’.

Вышедший из широкого употребления ваханский фразеологизм *çəžmiš(t) liw-liw woc-* ‘смотреть резко, гневно; перен. выходить из себя, терять контроль’ упоминается при рассмотрении в ваханском языке ФЕ, связанных с состоянием ярости, гнева (Гульбекова 2013, с. 95). При этом данная ФЕ передает значение потери человеком контроля над собой в целом, что проявляется в выражении глаз, становящихся безумными, бешеными, как у дива (*liw-liw*), и может быть связано с неожиданным испугом, беспричинным страхом, панической атакой, приступом раздражения, гнева, ярости или безумия. И.М. Стеблин-Каменский относит развитие в ваханском и других памирских языках значения от *liv/w* ‘див, людоед-великан’ к ‘сумасшедший, безумный, полоумный’ и *diw* ‘див, людоед-великан’ к последствиям заимствования «из восточно-иранского диалекта типа пашто или мунджанского» или контаминации со старыми персидско-таджикскими заимствованиями [ЭСВЯ, с. 82, 225–226]. В качестве параллели в структурном плане можно привести ваханские глаголы *šak-šak did(i)ŷ-* (*šak* ‘плохо(й)’, *bad-bad didiŷ-* (*bad* ‘плохо(й), злой’) ‘гневно смотреть’ (Гульбекова 2013, с. 95), ш. *bad-bad čixtow* и т. *бад-бад нигоҳ кардан* ‘злобно, недобро смотреть’, т. *бад дидан* ‘не любить, ненавидеть’, т.-бад. *бад-бад дидан* ‘недобро, злобно смотреть; перен. ненавидеть, не любить’ (ср. *чашми бад* ‘дурной глаз’), при этом в памирских языках в качестве вспомогательного глагола регулярно употребляются собственные простые глаголы зрительной деятельности: вах. *did(i)ŷ-* : *did(i)ŷd*, ш. *čixtow* ‘смотреть’.

В дополнение к этому в шугнанском языке находим *dew* ‘див, демон, злой дух; (перен.) беспокойный, безумный, помешанный, сумасшедший, одержимый (прям. и перен.)’, например, *yu nist dewin* ‘он не сумасшедший’ (ШРС 1988, с. 499), *dewin sittow* ‘сходить с ума’, а также *dewin cemen* ‘безумные глаза’, также связанные с проявлением таких эмоций, как состояние одержимости страхом, беспокойством или яростью, бешенством. Близкие значения наблюдаются в шугнанском заимствовании (из т.) *dewinā* ‘обезумевший, одержимый’: *dewinā cemen* ‘безумные, обезумевшие глаза’, и в таджикском *девона* ‘обезумевший’: *чаши(он)и девона* ‘безумные, обезумевшие глаза’¹², т.-ю. *девна(чаши)* ‘безумный; с безумными глазами, безумец’, *девна(ранг)* ‘безумный;

¹² При этом в персидско-таджикской литературе данное сочетание встречается довольно редко (в отличие, скажем, от *дили девона* ‘безумное сердце’). Один из примеров такого употребления приведен у Джалаладдина Руми в «Маснави-йе ма’нави» («Поэма о скрытом смысле») (3 2010, с. 171) при описании глаз Иблиса: *Чаши девона баҳораи дай намуд, / З-он тараф чунбид, к-уро хона буд* ‘Глаза безумные, весна им показалась зимой, / в ту сторону они двинулись, которая была им домом’.

юродивый, безумец'. Та же логика развития значения с расширением исходного значения за счет перенесения качеств самого сверхъестественного существа на явления природы или людей прослеживается и в других памирских языках: рош. *dew* 'див; юродивый', сар. *дауу* 'сумасшедший, сумасбродный', сангл. *lew* 'див; сумасшедший' (а также позднее заимствование в основном в фольклоре *dew*), йидга *liu*, мундж. *liw* 'дурной, плохой; редко фольк. див', *liw-yərv* 'вид рыбы, маринка' (букв. плохой рот), ср. *yaš-yərv* 'вид рыбы, форель' (букв. хороший рот) (Грюнберг 1972, с. 319, 302). Знаменательно, что в современном мунджанском словаре для исконной лексемы *liw* отмечены только значения определения 'дурной, плохой; разбитый (*хароб*), безобразный, зловредный (*зишт*)', а в значении 'сверхъестественное существо, чудовище, див' выступает персидское заимствование *diw* (Williamson, Munjani 2016, с. 189, 103).

Наряду с этим во многих языках региона лексема *див* помимо обозначения дива как существа потустороннего мира, вызывающего страх своим пугающим видом и действиями, включается еще в состав выражений, обозначающих страшные, пугающие явления: т. *девахтар* 'страшный, внушающий страх своей внешностью; перен. несчастливый; невезучий' (букв. (родившийся под) звездой дива), *девбанд* 'мифол. заклинатель дивов, покоритель дивов; колдун; перен. могучий, сильный человек' (букв. связывающий дива), *девбод* 'смерч' (букв. ветер дива) и т.п. (ТРС), т.-ю. *девсират* 'страшный; подобный диву', с другой стороны, та же лексема включена и в композиты, не несущие непосредственной негативной оценки: т.-ю. *девдор* 'пирамидальный тополь' (букв. дерево дива), т.-бад. *девчу(б)* 'факел в виде свечи, светильник' (букв. палка дива), *девлах* 'летнее пастбище' (букв. место, изобилующее дивами), *девкор* 'споро работающий (человек), перен. ловкий работник' (букв. работающий (будто) див) (Розенфельд 1982) и т. *дев доштан* 'быть энергичным, ловким в работе (человеком)' (ФИХ), букв. 'иметь дива (в помощниках)'¹³.

3. Семантическое развитие ФЕ, обозначающих страх, со стержневым компонентом *глаза* и лексем, входящих в их состав

Рассмотрим несколько ФЕ исследуемой категории, обозначающих реакцию глаз на страх (гнев, удивление, боль и т.п.). В приведенных примерах отражены изменения размера и выражения глаз или проявляется признак физиологического возбуждения (увеличения, выпучивания глаз) или передается внутреннее состояние и особенности взгляда. Эти изменения зафиксированы в сознании языкового коллектива в стан-

¹³ Ср. также ФЕ т. *дев кия занад – гариба* 'кого див бьет? – несчастного скитальца' (ФИХ, с. 125).

дартно закрепленных ассоциациях, сформулированных в устойчивых сочетаниях: «выпученные глаза», «пучеглазый человек», «безумный человек» или «безумные глаза».

Мы предприняли попытку выделить в рассмотренной нами группе «семантические переходы», взяв за основу концептуальный аппарат, разработанный и описанный в [Зализняк 2001; 2006; 2013а; 2013б; 2018; Грунтов 2006], где «под семантическим переходом понимается наличие некой концептуальной смежности между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах одного слова в широком смысле» [Зализняк 2013а, с. 33]. «Семантический переход – это, по существу, расширение понятия полисемии – за счет расширения, «понятия “одного и того же слова”, а именно, включения сюда диахронической семантической эволюции, диалектного варьирования и морфологической деривации» [Зализняк 2013а, с. 35]. Исходя из выделяемых Анной А. Зализняк реализаций семантических переходов: 1) синхронная полисемия; 2) диахроническая семантическая эволюция некоторого слова от языка-предка к языку-потомку или в пределах одного языка; 3) морфологическая деривация: значение В представлено морфологическим дериватом слова, имеющего значение А, или наоборот; 4) когнаты: значения А и В принадлежат двум (близко)родственным языкам и восходят к одному слову их общего языка-предка; 5) заимствование: значение В принадлежит заимствованному слову, А является значением того же слова в языке-источнике [Зализняк 2013а, с. 33–34; 2013б, с. 18–23], мы на материале данных, приведенных в Таблице 2, получили следующие результаты: синхронная полисемия, диахроническая семантическая эволюция, морфологическая деривация.

Языковой материал анализируемых бесписьменных памирских языков, не имеющих традиции письменной фиксации, рассматривается в основном на синхронном уровне (см. Таб. 3 в Приложении), фразеологизмы, вошедшие в Таб. 2, представляют собой полнозначные лексические единицы, что расширяет возможности проведения диахронического анализа.

На уровне синхронной полисемии внутри каждого из языков, памирских (шугнанского, ваханского, язгулямского, ишканинского) и таджикского языков рассматриваются примеры 1, 2, 3, 4, 5, где семантический переход представлен метафорическим переносом значения «физическое проявление – душевное состояние», в нашем случае: физиологическая реакция на страх, выражение глаз от страха – «телесная метафора». В Таб. 2 представлено два типа перехода: 1) выпученные от страха глаза, человек с выпученными от страха глазами – страх, испуг (или угроза, гнев, удивление, дерзость); 2) безумный (о глазах, человеке) –

страх, испуг; одержимый безумием, безумец. См. также примеры, приведенные в Таблице 3.

Таблица 2. Семантический переход:
физическое проявление – душевное состояние

№	Основное значение ФЕ (о глазах, человеке)	Переносное значение, связанное с типом эмоции (страх, ужас, гнев, удивление, недоумение) (о глазах, человеке)
1	выпученный (о глазах); пучеглазый (о человеке)	испуганный; пугающий; гневный; удивленный; дерзкий
	ш. židêq(-židêq), židāq(-židāq) (sem)	
	язг. jəleq, jiliq(čām)	
	т.-ю. чилəк(чашм)	
2	выпученный (о глазах); пучеглазый (о человеке)	испуганный; пугающий; гневный; удивленный; дерзкий
	вах. b°loq(čəžm)	
	ишк. b°lūq(сom)	
	язг. bəlūq(čām)	
	т.-ю. (чашми) бълък	
3	пучеглазый; пучеглазый (о человеке)	испуганный; пугающий; гневный; удивленный; дерзкий (о человеке)
	ш. židêq-zem	
	т. алочашм, чашмало, шоҳкосачашм	
4	большеглазый; с большими глазами, пучеглазый (о человеке)	испуганный; пугающий; гневный; удивленный (о человеке)
	ш. kata-zem	
	т. калончашм, чашмкалон	
5	одержимый дивом; безумный, сумасшедший (о глазах, человеке)	испуганный; пугающий (о глазах, человеке); одержимый, юродивый; безрассудный
	ш. dewin, dewūnā (semen)	
	т. девона, т.-ю. девна(чашм)	

В примере 1 представлен ряд иранских языков Южного Таджикистана, в которых отмечен случай синхронной полисемии с серией семантических переходов:

1 ‘выпученный (о глазах)’ – ‘пучеглазый (о человеке)’ – ‘испуганный; пугающий’ – ‘удивленный’ – ‘дерзкий (о глазах, человеке)’

ш. *židêq (cem)* ‘навыкате, выпуклые, выпученные, вытарашенные (глаза); пучеглазый (человек); испуганный; пугающий; дерзкий’
язг. *jələq, jiliq(čām)* ‘выпученный (о глазах)’

т.-в. *jilu/əq* ‘выпученный (о глазах); полный (воды)’ [ЭСВЯ, с. 98, 200]

т.-ю. *чилəқ(чаши)* ‘выпученный (о глазах); пучеглазый (о человеке)’.

Пример полисемии на синхронном уровне отдельно для каждого языка приведен и в случае 3. Здесь и в шугнанском, и в таджикском языках представлены сложные по составу тождественные по значению примеры с аналогичным развитием переносного значения.

Вторичное позднее шугнанское сращение *židêq-zet*, образованное из словосочетания *židêq cem* ‘выпуклые глаза’ (*židêq* ‘выпуклый, пучеглазый’, *cem* ‘глаз’), создано при посредстве собственного языкового материала по аналогии с таджикским композитом *алочаши* ‘пучеглазый; испуганный (о человеке)’, который имеет те же компоненты (*чаши* ‘глаз’ и *ало* ‘сердитый, грозный (о взгляде); пестрый; пегий’, т. ‘пестрый’ из тюрк. [ЭСВЯ, с. 81], ср. т. *ало-було* ‘пестрый, рябой, пегий’; тюрк. *a:la, ala-bula* ‘разноцветный; пестрый; пегий; перен. лицемерный, коварный’, узб. *āla, āla-була* ‘разноцветный; пестрый; пегий’ [Clauson 1972, с. 126; ЭСТЯ, с. 129–130]). В основе однотипного таджикского композита *шоҳқосачаши* с тем же значением ‘пучеглазый; испуганный (о человеке)’ лежат сходные по значению компоненты (*шоҳқоса* ‘миска’ и *чаши* ‘глаз’). В таджикском языке имеется еще и сложное слово *чашиало* с тем же значением, образованное из словосочетания *чаши ало* ‘вытарашенные, навыкате глаза; пучеглазый’.

При типологическом анализе случая 3 в иранских (шугнанском и таджикском) языках могут быть выделены следующие семантические переходы:

3 ‘выпученный (о глазах)’ – ‘пучеглазый (о человеке)’ – ‘испуганный’ – ‘пугающий’ – ‘удивленный’ – ‘дерзкий (о человеке)’

ш. *židêq-zet* ‘пучеглазый; испуганный (о человеке)’

т. *алочаши* ‘пучеглазый; испуганный (о человеке)’

т. *шоҳқосачаши* ‘пучеглазый; испуганный (о человеке)’

Ср. также вах. *čəžtəki* ‘глазастый, с глазами навыкате’ (Пахалина 1975) от *čəžtək* ‘глаз(ок); лунка’, где семантический переход

отмечен лишь частично ('выпученный (о глазах)' – 'пучеглазый (о человеке)').

Как случай диахронической семантической эволюции слова от языка-предка к языку-потомку может быть рассмотрен случай 2. Данный семантический переход можно наблюдать в диахронии в некоторых языках Средней и Центральной Азии, где лексика заимствована из таджикского, дари (или тюркских) либо имеет собственное звуко-символическое происхождение [ЭСИЯ 2003, с. 147–149].

- 2 'выпученный (о глазах); пучеглазый (о человеке)' – 'испуганный; пугающий' – 'удивленный' – 'дерзкий'

др.-ир. *baug-² 'гнутьяся', **baug(a)*- 'изгиб; выпуклость'

вах. *bəloq* 'выпученный (о глазах); испуганный; пугающий; дерзкий', *bəloqčəžm* 'пучеглазый; испуганный; пугающий; дерзкий (о человеке)'

ишк. *bəliq* 'выпученный (о глазах); испуганный; пугающий; дерзкий', *bəliqcom* 'пучеглазый; испуганный; пугающий; дерзкий (о человеке)'

язг. *bəliq(čām)* 'выпученный (о глазах); пучеглазый (о человеке)'

т.-ю. *бьльк* 'выпученный (о глазах); пучеглазый (о человеке)'.

Другим примером диахронической семантической эволюции слова от языка-предка к языку-потомку может быть случай 6, представленный ваханским *liw* 'див', зафиксированным в составе ваханской ФЕ *čəžmiš(t) liw-liw (woc-)* '(делать) безумные глаза'. По мнению И. М. Стеблин-Каменского данная форма была либо заимствована «из восточно-иранского диалекта типа пашто или мунджанского», либо контаминирована со старыми персидско-таджикскими заимствованиями [ЭСВЯ, с. 82, 225]. В данном случае исторически семантический переход можно представить в виде нескольких рядов, где последние значения формировались лишь в отдельных западно- или восточноиранских языках [ЭСИЯ 2003, с. 306–309; Morgenstierne 2003]. Здесь существенно, что потеря человеком контроля над собой, его состояние безумия, в котором он уподобляется диву (*liw*), проявляется в выражении глаз, которые воспринимаются как глаза дива, то есть безумные (*liw-liw*), при этом данное состояние может быть следствием испуга, ярости, безрассудства и т.п.

- 6 'божество' – 'див' – 'великан, людоед' – 'безумный' (о человеке), 'испуганный' (о глазах, человеке); безумец' – 'злой, плохой' – 'дурной' – 'безрассудный'

др.-ир. *daiça- 'божество; злой дух, див' (др.-инд. *deva* 'Небесный, бог')

ав. *daēva* ‘божество; демон, злой дух, див’
 ср.-перс. *dēw* ‘демон, злой дух, див’
 парф. *dywg* ‘паразиты; хищники’
 кл.-перс. *dēv* ‘див, злой дух, великан’
 т. *dev* ‘див, демон’
 перс. *div* ‘див, демон’
 ш. *dew* ‘див, демон; одержимый, сумасшедший; юродивый; безрассудный’
 руш. *dīw* ‘див, демон; одержимый, сумасшедший; юродивый’
 рош. *dīw* ‘див; сумасшедший, юродивый’
 сар. *ḍaww* ‘сумасшедший, сумасбродный’
 язг. *ḍiw, diw* ‘див, демон’
 ишк. *lew* ‘див, демон’, фольк. *dew*
 сангл. *lew* ‘див, демон’; сумасшедший’, фольк. *dew*
 вах. *liw/v* ‘див, демон; сумасшедший, безумный, полоумный’, *liw-liw* ‘безумный’, фольк. *dew*
 йидга *liu* ‘дурной, плохой’
 мундж. *diw* (из перс.) ‘сверхъестественное существо, чудовище, див’,
liw ‘дурной, плохой; фольк. див’, *liw-yaṛv* ‘вид рыбы, маринка’
 (букв. плохой рот), ср. *yaṣ-yaṛv* ‘вид рыбы, форель’ (букв. хороший рот)
 бахт. *dēv* ‘сумасшедший’.

Примером полисемии на синхронном уровне для каждого языка является и случай 4. Здесь в шугнанском и таджикском языках представлены сложные по составу тождественные по семантике двучленные образования с развитием аналогичных переходов:

‘большеглазый; с большими глазами (о человеке)’ – ‘испуганный’ – ‘пугающий; гневный’ – ‘удивленный (о человеке)’

ш. *kata-zem, kaltanak cem(en)* ‘большие глаза, с большими глазами; испуганные, пугающие глаза’, *cemen kaltanak čīdow* ‘выкатывать, делать большие глаза; пугать(ся)’

т. *калончаим*, а также *чаимкалон* ‘большие глаза, с большими глазами; испуганные, пугающие глаза’

Наряду с этим как случай диахронического семантического развития можно рассматривать первую часть этих образований. Этот элемент восходит к древнеиранскому ареальному слову неясного происхождения – др.-ир. **kat(t)a/āna-* ‘большой; старший’ с переходом **-t-* в *-l-*, при этом и 1-я, и 2-я формы являются заимствованиями: таджикская лексема заимствована из восточноиранского языка, а шугнанская, позднее, из одного из таджикских диалектов [ЭСИЯ 2011, с. 348–350]). Для этих первых элементов в примере 4, в свою очередь, можно выделить следующий переход: значения А и В, принадлежащие двум (близ-

к) родственным языкам и восходящие к одному слову их общего языка-предка (когнаты) (или слово в (близко) родственных языках, являющееся заимствованием из одного более раннего источника)¹⁴:

- 4 ‘большой’ – ‘старший’ – ‘взрослый’ – ‘старший по чину, начальник’ – ‘много’

др.-ир. **kat(t)a/āna-* ‘большой; старший’ патроним на *-āna-*

кл.-перс. *kalon* ‘большой’ (Фирдоуси)

ш. *kata-* ‘большой; старший; взрослый; много’, *katā* ‘большой, крупный; старший (по возрасту, положению)’, *kaltanak, kaltā* ‘большой; старший’, (из т.) *kalūn* ‘главный, начальник’

т. *katma* ‘большой; старший; глава’, *kalon* ‘большой; старший; взрослый; важный, значительный; глава’, *калон-калон* ‘большой’, а также *калонгирӯ / катмагӣ кардан* ‘гордиться, задаваться’, *калон(/катма)хӯрӣ кардан* ‘жить на широкую ногу’

т.-дарв. *kata(na)* ‘большой’

ягн. *katta* ‘большой; старший; знатный, знаменитый’

язг. *katol* ‘большой, длинный; старший’, (из т.) *kalon* ‘главный, начальник’.

Случай 5 представляет морфологическую деривацию, где значение В представлено морфологическим дериватом слова, имеющего значение А. Шугнанские именные формы *dewin, dewīnā* и таджикская *дев(о)на* ‘безумный; обезумевший; юродивый’ являются семантической деривацией лексемы «див», развившейся уже на древнеиранском уровне [ЭСИЯ 2003, с. 309]. При этом более ранняя шугнанская форма не теряет своей актуальности и не вытесняется последующей – старым шугнанским заимствованием из таджикского языка, они находятся в отношениях взаимной дистрибуции, и их употребление зависит от стиля речи и контекста.

- 5 ‘див’ – ‘одержимый дивом’ – ‘безумный (о человеке); безумец; юродивый’ – ‘безрассудный’

др.-ир. **daiça-* ‘божество; злой дух, див’

др.-ир. **daiça-āna-ka-* ‘одержимый дивом; безумный, сумасшедший’

ср.-перс. *dēwānag* ‘демонический, сумасшедший, безумный’

кл.-перс. *dēwāna* ‘сумасшедший, безумный, сумасбродный’

т. *дево́на* ‘сумасшедший, обезумевший, безумный; юродивый; сумасбродный’, т. *дево́наги* ‘сумасшествие, безумие, сумасбродство’

¹⁴ Здесь и далее в образцы перехода включены материалы лишь отдельных западно- и восточноиранских языков, непосредственно связанных с регионом и наиболее наглядно отражающих семантический переход.

перс. *divāne* ‘сумасшедший, безумный, сумасбродный’, *divānegi* ‘сумасшествие, безумие, сумасбродство’
 ш. *dewīn*, (из т.) *dewīnā* ‘дивовский; безумный; обезумевший; юродивый, безрассудный’
 пашто *lewānau* ‘безумный, сумасшедший’

К той же категории морфологической деривации можно отнести и случаи 7 и 8 [ЭСИЯ 2003, с. 306–309].

7 ‘див’ – ‘дивовский’ – ‘безумный (о человеке); безумец’ – ‘глупый, дурной’ – ‘червь’

др.-ир. **daiça-* ‘божество; злой дух, див’
 др.-ир. **daiçaka-* ‘дивовский’
 кл.-перс. *lēva* ‘глупый, безумный; безумец; плут’
 перс. *live* ‘глупый, безумный; безумец’, а также *dive* ‘червь’
 т. *дева* ‘червь, шелкопряд’, *девак* ‘червь-древоточец’, *дегча* ‘моль, пиявка’

бахт. *lēva* ‘сумасшедший, безумный, полоумный’, ср. *dēv* ‘сумасшедший’

8 ‘див’ – ‘дивовский’ – ‘безумный (о человеке); безумец’ – ‘хищник’ – ‘волк’ – ‘легкомысленный’ – ‘червь’

др.-ир. **daiça-* ‘божество; злой дух, див’
 др.-ир. **daiç(i)ja-* ‘дивовский’
 ав. *daēvya* ‘дивовский’
 хор. *зуw* ‘сумасшедший’
 пашто *lewə* ‘дивовский; хищный зверь; волк’ (> пашаи *dēu* ‘волк’ [Morgenstierne 2003])
 согд. *δuw* ‘демонский; легкомысленный’
 язг. *diw* ‘род гусеницы, червя’
 т. *дева* ‘червь; шелковичный червь, шелкопряд’, *девак* ‘червь-древоточец’

Последние два примера не включают соматизма *глаза* или описания эмоционального состояния страха, однако именно представленные в № 7 и № 8 семантические переходы, позволяют лучше понять направление семантической эволюции №5 и № 6.

Выводы

Итак, нами рассмотрена группа фразеологических единиц, передающих эмоцию страха, на основе стержневого компонента *глаза*. Инвентаризован ее состав, выявлены значения и их коннотативные оттенки,

проведено сопоставление ФЕ, входящих в данную группу, для ряда языков региона. Анализ показал, что концептуализация изучаемого фрагмента мира «телесной метафоры» у носителей иранских, памирских и таджикского, языков Таджикистана и сопредельных стран передает в целом сходную картину с характерными унифицированными тенденциями развития при значительном влиянии на описание эмоций социокультурных ареальных факторов. Наряду с этим в ряде лексико-фразеологических оборотов, в основу которых положены самобытные локальные образы, сохраняется известное своеобразие. В большинстве случаев семантическое развитие и фразеологическое осмысление данного разряда ФЕ связано с метафорическим переносом значения и его (пере-)осмыслением.

В дополнение прослежен ряд семантических переходов, связанных с данной группой ФЕ в иранских языках региона, как на уровне синхронной полисемии, так и в ходе семантической эволюции в диахронии. Такой анализ дает возможность четче выделить ядерные и периферийные значения, проследить границы сем. Отмечаются также семантические переходы и в типологическом аспекте.

Сокращения

ав. – авестийский, бахт. – бахтиари, вах. – ваханский, др.-инд. – древнеиндийский, др.-ир. – древнеиранский, ишк. – ишкашимский, кл.-перс. – классический персидский, мундж. – мунджанский, перс. – персидский, парф. – парфянский, рош. – рошорвский, руш. – рушанский, сангл. – сангличский, сар. – сарыкольский, согд. – согдийский, ср.-перс. – среднеперсидский, т. – таджикский язык, т.-бад. – бадахшанский диалект таджикского языка, т.-в. – ванджский диалект таджикского языка, т.-вах. – таджикский говор Вахана, т.-дарв. – дарвазский диалект таджикского языка, т.-кул. – таджикские говоры Хатлона (Куляба), т.-ю. – южные диалекты таджикского языка, тюрк. – тюркские, узб. – узбекский, хор. – хорезмийский, ш. – шугнанский, шхд. – шахдаринский диалект шугнанского языка, ягн. – ягнобский, язг. – язгулямский

Литература

1. Грунтов И. А. «Каталог семантических переходов» – база данных по типологии семантических изменений // *Труды международной конференции «Диалог 2007»*. 2007. С. 157–161.
2. Грюнберг А. Л. *Языки Восточного Гиндукуша. язык: тексты, словарь, грамматический очерк*. М., 1972.
3. Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. *Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык: тексты, словарь, грамматический очерк*. М., 1976.

4. Гульбекова М. Дж. Соматические фразеологизмы семантических микрополей отрицательных эмоций гнева и страха в английском и ваханском языках // *Ученые записки Худжанского государственного университета им. академика Б. Гафурова*. Гуманитарные науки. 2013. Т. 1. №34. С. 92–99.
5. Джемшедов П. Д. Фразеология, передающая значения гнев, ярость, в сопоставительном аспекте // *Иранское языкознание 2020. Труды международной научной конференции «Чтения памяти Б.Б. Лаешкарбекова к 70-летию со дня рождения»*. Институт языкознания РАН. 18–20 октября 2018. М.: Языки Народов Мира, 2020. С. 13–25.
6. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // *Вопросы языкознания*. 2001. №2. С. 13–25.
7. Зализняк Анна А. *Многозначность в языке и способы ее представления*. М.: Языки славянских культур, 2006.
8. Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.)*. Вып. 8 (15). М., 2009. С. 107–111.
9. Зализняк 2013а – Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // *Вопросы языкознания*. 2013. №2. С. 32–51.
10. Зализняк 2013б – Зализняк Анна А. *Русская семантика в типологической перспективе*. М.: ЯСК, 2013.
11. Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. К вопросу о термине ‘языковая картина мира’ // *Russian Linguistics*. 37, 1. 2013. С. 5–20.
12. Зализняк Анна А. Каталог семантических переходов: 20 лет спустя // *Russian Journal of Linguistics*. 2018, 4. Р. 770–787.
13. Иоанесян Е. Р. Семантические переходы в лексическом поле страха // *Научный диалог*. 2015. № 12 (48). С. 81–92.
14. Мирзоев Ш., Карамова И. *Краткий словарь фразеологических единиц иугнанского языка и их эквиваленты в русском языке* / Под ред. Ш.П. Юсуфбекова. Хорог, 2014.
15. Пахалина Т. Н. *Ваханский язык*. М., 1975.
16. Розенфельд А. З. *Таджикско-русский диалектный словарь (Юго-восточный Таджикистан)*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
17. РТС – *Русско-таджикский словарь* / сост. С.Д. Арзуманов, Х.А. Ахрори, М. Бегбуди и др.; под ред. М. С. Асимова. М.: Рус язык, 1985

18. ТРС – *Таджикско-русский словарь* / Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. Под ред. Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова. Институт языка и литературы им. А. Рудаки. 2 изд. дополненное. Душанбе: Пажӯҳишгоҳи фарҳанги форсӣ-тоҷикӣ, 2006.
19. ШРС – Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь*. М.: Изд. Вост. лит-ра. Наука. Т. I (1988), II (1991), III (1999).
20. ЭСВЯ – Стеблин-Каменский И.М. *Этимологический словарь ваханского языка*. СПб., 1999.
21. ЭСИЯ – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. II (2003); Т. III (2007). М.: Вост. лит.
22. ЭСИЯ – Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. IV (2011). М.: Вост. лит.
23. ЭСТЯ – Севортян Э. В. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные*. АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1974.
24. Cheung J. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden; Boston: Brill, 2007.
25. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972.
26. Morgenstierne G. *A New Etymological Vocabulary of Pashto* (Beiträge Zur Iranistik) / J. Elfenbein, D.N. MacKenzie and N. Sims-Williams. Publisher: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2003. (Reprint).
27. Williamson P., Dust-Muhammad Munji. *Dictionary of the Munji Language*. Badakhshan: SIL, International, 2016. (На яз. дари).
28. СЮГТЯ – *Словарь южных говоров таджикского языка* (Фарҳанги ғӯишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ) / сост. М. Махмудов, Г. Джураев, Б. Бердиев; отв. ред. А. Мирбобоев. Душанбе: Пайванд, 2012. (на тадж. яз.)
29. ФИХ – *Фарҳанги ибораҳои халқӣ* (Словарь народных идиоматических выражений) / собр. и сост. Р. Абдуллозода; под ред. Г. Джураева. Душанбе: Адиб, 1988. (на тадж. яз.)

Приложение. Таблица 3. ФЕ, обозначающие страх, со стержневым компонентом *глаза*

Шугнанский	Ваханский	Таджикский	Русский перевод
cem(en) čust čīdow / sīttow	čəžm wyd(ы)r-	чашм пушидан, (дар)бастан, бардӯхтан	закрывать глаза, зажмурить(ся); перен. ш., т. умирать
(cem(en) biɖafctow, biɖembtow	čəžm bars-, čəžməki car-/di-, patk car-, pol-pol car	чашм бархам задан; чашми касеро хоб / ғафлат бурдан	закрывать(ся) (о глазах), зажмурить(ся); перен. ш., т. засыпать
židêq(-židêq), židāq(-židāq) (cem(en))	bloq (čəžm), ишк. blûq(сom), язг. bəlûq, jəleq, jiliq (čām)	т.-ю. чилəк(чашм), (чашми) бълък	большие навькате, выпученные глаза, выступающие из глазниц; пучеглазый; перен. ш. дерзкий
židêq-zem		чашмало, алочашм, шоҳқосачашм	пучеглазый, лупоглазый, с выпуклыми, выпученными, выступающими из глазниц глазами навькате
židêq-židêq čixtow		т. чашм ало(-було) кардан, т.-ю. н/милаала, чашм чок шидан	выпучивать, тарачить (глаза) (от страха, гнева); перен. пугать(ся); сердиться; пялить (глаза); завидовать, т. зариться
kata-zem, kaltanak semen		чашмони калон-(калон)	большие глаза, с большими глазами
semen kaltanak čīdow		чашмро калон кушодан	вытаращить глаза; перен. испугаться; пугать
wīs cem(en)	waras (čəžm)	ғукчашм, ғўзачашм	выпуклые, выпученные, выступающие из глазниц, широко раскрытые глаза; перен. впасть в беспокойство, панику
	wygam čəžm	чашми варамкарда	распухшие (от слез) глаза (вследствие испуга)

γidorā cemen			большие навывкате, выпученные глаза, выступающие из глазниц; пучеглазый
cemen γidorā sittow	čəžmiš γədora woc-	чашмон мош барин (калон) кушода шодан	выпучивать, таращить глаза; перен. впасть в беспокойство, панику (глаза размером с плоски)
cem as kala-xûnak sittow	čəžmiš cə γylofən нымыз-	чашмо аз косахона баровардан	таращить глаза, глаза выскакивают из орбит, глазниц; перен. впасть в беспокойство, панику, глаза лезут на лоб
cemen nišfidow, xu cemen nišfentow		т.ю. чашм чор кърдан, чашм андохтан	выскакивать из орбит, таращить глаза перен. растеряться
cemen fā/ur(r)ast nêždow	хы čəžm (fər)žiriv-		возбужденно вращать глазами перен. впасть в беспокойство, панику
xu cemen nêždow	хы čəžm rənd- / tov cər-	бо чашмон чарх задан	вращать глазами перен. впасть в беспокойство, панику
	čəžmiš(t) liw-liw woc-		делать безумные глаза (букв. подобные диву), сверкать (глазами), перен. выходить из себя, терять контроль над собой, впасть в беспокойство, одержимость, ярость

**Примеры семантических переходов в турецком языке:
семантический снежный ком
и история сужения «турецких штангов»**

1. Введение

Словарь современного турецкого литературного языка имеет значительные отличия от словаря османско-турецкого, на котором говорили и писали еще менее ста лет назад, и потому требует изучения научным сообществом [Кононов 1976, с.3, с.62]. В Османской империи сосуществовали четыре языка. Языком религии, науки и образования был арабский; так называемый «османский» язык, до половины словаря которого составляли арабизмы и иранизмы, был государственным и литературным языком; на персидском языке говорили и писали деятели культуры и искусства; турецкий («тюркче») был народным разговорным языком [Дятленко 2007, с. 56]. Начатая в молодой Республике Турция в 1928 г. реформа языка касается не только введения латиницы и формирования новой письменности, но и замены арабских и персидских по происхождению слов «исконно турецкими». Для достижения цели Турецкое лингвистическое общество, основанное в 1932 г., проводит специальную работу по поиску таких слов [Parlatir 1998]. Слова можно заимствовать из других тюркских языков (арабское *tauyare* ‘самолет’ было успешно заменено на гагаузское *uçak*) и диалектизмов, из средневековых памятников, создать морфологическим способом или способом фонетической трансформации иноязычных слов [Антелаева 1970, с.19; Володина 2007, с.19]. В этих условиях многие тюркские или давно заимствованные и освоенные лексемы не становятся архаизмами, а совершают семантические переходы, эволюционируя или расширяя список значений. О некоторых из них и пойдет речь в нашей статье.

2. Накопление значений как факт формирования полисемии

Анна А. Зализняк обращает наше внимание на то, что полисемия обозначает лексическую многозначность, т.е. существование у одного слова множества частных значений [Зализняк 2004, с.20]. Лексемы турецкого языка, которые мы рассматриваем ниже, накапливают частные значения во времени вместе с развитием хозяйства, культуры и быта людей подобно тому, как нарастает снежный ком.

Лексема *kalem* сохраняется в тюркских языках с XIII в. (согласно первым упоминаниям в письменных источниках) и до наших дней, обозначая любой пишущий инструмент: ‘тростниковый стержень’, ‘стило’, ‘резец для гравюры по камню, металлу или дереву’, ‘перо’, ‘тонкая кисть’, ‘наконечник перьевой ручки’, ‘карандаш’, ‘перьевая ручка’, ‘шариковая ручка’, ‘фломастер’. Это слово арабского происхождения, упоминается в Коране в значении ‘тростниковый стержень для письма’. В тюркском мире такие стержни пришли по вкусу переписчикам религиозной литературы. Особенно ценились *kalem* из яванского тростника, так как их заточенные кончики выдерживали до 10-15 джузов, то есть почти половину Корана. С XVI в. турки могли пользоваться для набросков графитовыми стержнями, принимаемыми до второй половины XVII в. за свинцовые. Это подтверждается существованием современного турецкого понятия *kurşun kalem*. Дословно это ‘свинцовый стержень’, но в данный момент слово означает ‘графитовый карандаш’, хотя свинца в современном графитовом карандаше нет. Когда в XVII в. появился первый в мире деревянный карандаш с графитовым стержнем, он тоже стал именоваться *kurşun kalem* или просто *kalem*. Далее *kalem* закрепилось за перьевыми ручками, появившимися в XIX в., шариковыми ручками, цветными карандашами и фломастерами.

Благодаря переходу семантики по признаку предназначения инструмента (‘инструмент для письма’) не устаревает крылатое выражение:

<i>Kalem</i>	<i>kılıç-tan</i>	<i>keskin-dir.</i>
Пишущий инструмент	меч-ABL	острый-3sg
‘Стило острее меча’.		

Похожая история происходила с лексемой *araba* – ‘телега’, ‘подвода’, ‘воз’, ‘тачанка’, ‘кибитка’, ‘вагон’, ‘автомобиль’, ‘детская коляска’. Этот корень пришел в тюркские языки ранее XIV в. из хотаносакского языка со словом *rraba* ‘повозка, влекомая лошадью’. Первое известное нам письменное упоминание *araba* есть в словаре куманского (половецкого) языка Codex Cumanicus 1303 г. [Etimoloji Türkçe]. Корень *araba* устойчиво сохраняется в османско-турецком и в современном турецком языке в значении колесного средства перевозки и передвижения. До появления первых автомобилей в XIX в. *araba* обозначало только немоторное средство передвижения и перевозки на колесах. В современном турецком языке это также ‘автомобиль’, причем любой его вид (легковой, грузовой), и ‘детская коляска’ (*bebek arabası*), пользоваться которой в Турции начали только во 2-й половине XX в.

Таким образом, лексемы *kalem* и *araba* содержат множество частных прямых значений, которые сохраняют актуальность от момента первого упоминания в текстах и до наших дней и которые связаны с исходным значением инструмента для определенных целей (‘письмо’, ‘рисо-

вание' и 'передвижение на колесах' соответственно). Помимо частных значений за лексемами закрепляются и переносные: *kalem* – 'канцелярия', 'секретарь', 'писатель', 'манера письма', 'сочинение', 'судьба'.

3. Семантические сдвиги в диахронии

В [Зализняк 2006, с. 407] говорится о таком семантическом переходе как *семантическая эволюция 2* – «диахроническое семантическое развитие одного слова от языка предка к языку потомку». Слова, о которых речь пойдет ниже, сохранились в современном турецком языке со времен орхоно-енисейских и уйгурских памятников, но поменяли значение.

В истории турецкого языка значение корня *don* эволюционировало от понятия 'наряда' и даже 'парада кораблей' до называния 'предмета нижнего белья'. Согласно этимологическим словарям, *don* или *ton* – слово тюркского происхождения [Наделяев, Clauson, EtimolojiTürkçe]. В орхоно-енисейских памятниках VIII в. оно употребляется в значении 'наряд'. В уйгурских памятниках *tonamak* означает 'одевать, наряжать', в словаре М. Кашгарского 1070 г. *tonatmak* в том же значении. В тюркско-латинском словаре Ф. Менински 1680 г. существительное *donanma* переводится как 'церемония', 'парад' и 'флот военных кораблей'. В османско-турецком словаре *Kamus-i Türki* 1900 г. *don* объясняется как синоним *şalvar* 'шаровары' и *pantolon* 'штаны'. В работах этнографов *don* упоминается как нарядные женские шаровары с вышивкой, которые могут быть и нижней, и верхней одеждой в зависимости от времени года [Erden 2015]. В словаре, изданном Турецким лингвистическим обществом в 1945 г., *don* объясняется как предметы нижнего белья: 'кальсоны', 'панталоны', 'трусы' [EtimolojiTürkçe]. Именно в эти времена совершался переход к ношению одежды европейского типа вместо национальной, широкие шаровары должны были выйти из употребления вместе с фесками и паранджой, а новую одежду, в том числе белье из Европы, надо было как-то назвать и, желательно, избегать заимствований. Поэтому широкие турецкие штаны-шаровары «превратились» в короткие панталоны, узкие кальсоны и боксеры.

Если лексема *don* совершила семантический переход от понятия о нарядном и торжественном к тому, что, наоборот, следует прятать от людских глаз, то корень *emek* перешел от негативного значения к нейтральному и в какой-то мере позитивному. Существительное *emek* встречается в орхоно-енисейских памятниках VIII в. в значении 'хлопоты, мучительный труд, боль'. В словаре Ф. Менински 1680 г. *emekli* переводится как 'хлопотный, сложный'. Однако в документах молодой Турецкой Республики 1935 г. *emekli* упоминается как 'пенсионер', а *emek* – 'пенсионное обеспечение' [Наделяев, Clauson, EtimolojiTürkçe].

Кроме того, в современном языке *emek* означает ‘труд’ без негативного подтекста.

Современное употребление лексем *don* и *emek* имеет связь с их историческими значениями, но эти значения утратили актуальность, поэтому речь идет об эволюции.

4. Модернизации языка как стимул к «выживанию» слов

Начиная с 1994 г., Турецкое лингвистическое общество регулярно публикует по 15-20 «тюркских» эквивалентов, рекомендованных для замены рабочих единиц словаря [Дятленко 2007, с.58]. Словарь современного турецкого языка представляет собой результат успешного реформирования, подобного возделыванию сада. Опыт Республики Турция в данный момент активно перенимают страны ближнего зарубежья, словари которых имеют большой процент русизмов и интернационализмов, заимствованных через русский язык. В частности, в казахском языке *арба* так и осталась ‘телегой’, а ‘автомобиль’ – это интернационализм *мәшине*, как в русском языке. В Казахстане языковая реформа началась с подготовки перехода письменности на латиницу и создания новых словарей. Например, одновременно с лексемой *самолет* употребляется *ұшақ* (гагаузский *ıçak*), синонимом *аэропорт* является *әуежай* букв. ‘аэроместо’ [Sozdikqor.kz; Sozdik.kz]. В период пандемии коронавируса в СМИ вместо привычного интернационализма *маска* время от времени звучало *бетперде* букв. ‘лицо-занавеска’. Это притом, что *перде* ‘занавеска’ – слово персидского происхождения, а слово *бет* для обозначения лица человека в современном языке не употребляется [Нуртазина 2020]. Таким образом возвращается в обиход устаревшее слово *бет*.

Мы, современники, присутствуем при историческом моменте модернизации тюркских языков на территории СНГ вслед за турецким и в ближайшей перспективе будем фиксировать ускоренные семантические переходы как в казахском, так и в других тюркских языках. Рассматриваемые в данной работе примеры наглядно демонстрируют то, что семантические переходы могут обеспечивать сохранения слов в языке достаточно длительный период, причем на сохранение того или иного слова в новой социолингвистической ситуации можно повлиять искусственно, если вводить новые значения в словарные статьи, рекомендовать к употреблению журналистам и писателям.

Литература

1. Антелаева Г. И. *Реформа современной турецкой лексики*: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1970. 22 с.

2. Володина Е. Г. *Лексические заимствования из английского языка в современном турецком языке (на материале периодики)*: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 28 с.
3. Дятленко С. И. Языковая политика и языковые реформы в государственном и национальном строительстве (аналитический обзор) // *Социологическое обозрение*. Т. 6, № 3. 2007. С. 49–59.
4. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // *Вопросы языкознания*, №2, 2004. С. 20–45
5. Зализняк Анна А. *Многозначность в языке и способы ее представления*. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
6. Кононов А. Н. *Очерк истории изучения турецкого языка*. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1976. 119 с.
7. Наделяев В. М. и др. *Древнетюркский словарь*. Л. 1969.
8. Нуртазина Н. *Реформа казахского языка. Какие принципы должны быть положены при оценке русизмов и интернационализмов? Февраль 2020* // [сайт] URL: <https://www.altyn-orda.kz/reforma-kazahskogo-yazyka-kakie-principy-dolzhny-byt-polozheny-pri-otsenke-rusizmov-i-internatsionalizmov/> (дата обращения 02.08.2020)
9. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, 1972.
10. EtimolojiTürkçe *Этимологический словарь турецкого языка* // [сайт] URL: <https://www.etimolojiturkce.com> (дата обращения 02.08.2020)
11. Erden F. Geleneksel Dokumadan Giysi Tasarımına / Filiz Erden, Melek Tufan, E.Elhan Özus. // *International Journal of Science Culture and Sport (IntJSCS)*, August 2015. S. 238
12. Parlatur İ. Türkiye Türkçesinin Tarihsel Sözlüğü Çalışmaları // *Türk Dili, Dil ve Edebiyat Dergisi*, sayı 557, Mayıs 1998: 387-399.
13. Sozdikor.kz *Толковый словарь казахского языка* // [сайт] URL: <https://sozdikqor.kz/> (дата обращения 02.08.2020)
14. Sozdik.kz *Казахско-русский словарь* // [сайт] URL: <https://sozdik.kz/> (дата обращения 02.08.2020).

Смешение кодов и заимствования в балийском языке

1. Социолингвистическая характеристика балийского языка

На балийском языке говорят на о. Бали, а также в западной части о. Ломбок и в областях миграции балийцев – на островах Ява, Суматра, Калимантан, Сулавеси, Сумбава и Ириан (Новая Гвинея). Большинство балийцев живут в провинции Бали (о. Бали и близлежащие маленькие острова – Нуса Пенида, Нуса Лембонган, Нуса Ченинган и Серанган, а также о. Ломбок).

Языковая ситуация в отношении балийского языка на разных островах различается. Наиболее однородная ситуация наблюдается на острове Бали, где большинство населения – балийцы. Остров Ломбок – второй по численности балийцев остров и этническая территория сасаков (около 90%), кроме них там проживают сумбаванцы.

На о. Бали и о. Ломбок большинство балийцев двуязычны – владеют балийским и индонезийским языками, а часть трехязычны – владеют также и английским (международным языком), что диктуется большим количеством туристов.

В других местах проживания балийцев ситуация более сложная. В одном из районов трансмиграции балийцев – на о. Суматра в провинции Лампунг – помимо лампунгцев проживают балийцы, яванцы, сунды и др. народности [Malini 2015, с.77]. Сейчас в провинции используются лампунгский, индонезийский, яванский, сундский, балийский, минангкабауский языки.

В целом можно выделить (с разной степенью важности) следующие сферы использования балийского языка: 1) язык повседневного общения между балийцами, 2) язык традиционных мероприятий – адатных и религиозных, 3) язык обучения в начальной школе (первые три года), 4) отдельный предмет в начальной и средней школе в качестве «местной нагрузки» [Sutama 2007, с.382]. Также можно указать на 5) функцию языка местного искусства и литературы и 6) языка средств массовой информации – печатных, электронных, радио и телевидения.

В настоящее время рамки использования балийского языка размыты, что приводит к смешению языков (индонезийского и балийского) либо вытеснению одним языком (индонезийским) другого (балийского). Для балийского языка характерны обе ситуации.

2. Интерференция балийского, индонезийского и английского языков

Можно выделить два варианта интерференции языков – заимствования и переключение и смешение кодов. В местах проживания балийцев, как и в большинстве других регионов Индонезии, переключение и смешение кодов – довольно частое явление. Связано это с наличием других местных языков, использованием индонезийского языка в качестве государственного и использованием английского как языка международного общения. Причем индонезийский и английский языки обладают более высоким, чем местные языки, в том числе балийский, статусом.

Переключение и смешение языковых кодов происходит в разных ситуациях – в госучреждениях, на работе, при общении с иноэтническими индонезийцами. Этому способствует также такое явление, как смешанные браки – между балийцами и иноэтническими индонезийцами или иностранцами. Число таких браков в последнее время возрастает, и в семьях происходит контакт языков – балийского, индонезийского и иностранных [Laksmi 2007, с. 274-287].

Балийский язык неоднороден и различается как в зависимости от места проживания балийцев, так и от выполняемой им функции. Только балийский язык, причем высокого регистра¹, используется (или до недавнего времени использовался) в двух сферах – религиозных и адатных мероприятиях. Индонезийские авторы отмечают, что в настоящее время и на традиционных мероприятиях, особенно в туристических местах, происходит смешение кодов, что обусловлено недостаточным знанием высокого регистра языка, а также процессом его модернизации. Так, на собрании в одной из балийских деревень глава деревни, который по обычаю должен использовать только высокий регистр языка, вставляет в балийскую речь (высокого регистра) индонезийские и английские слова:

- (1) Sedereng *meeting* puniki *di-mulai*, titiang *sorry*
До того как заседание этот начинать я извиняться
duaning malih tiang *terlambat*
так как больше я опаздывать
'Прежде чем начать заседание, я прошу прощения за опоздание'.
(2) Parum puniki *cancel* yening *setengah* krama
Заседание этот не состоится если половина член совета
sane tedun.
REL присутствовать

¹ В балийском языке выделяются три социально детерминированных регистра – высокий, средний и низкий.

‘Заседание не состоится, если присутствует [только] половина членов совета’.

В первом предложении использованы два английских слова (*meeting, sorry*) и два индонезийских (*dimulai, terlambat*), во втором предложении – по одному английскому (*cancel*) и индонезийскому (*setengah*) слову [Atmaja 2013, с.67-68]. На отсутствие необходимости употреблять небалийские слова указывает употребление во втором предложении балийского слова *parum*, имеющего в контексте то же значение, что и английское *meeting* в первом предложении. Даже на таких традиционных мероприятиях, как сватовство, может использоваться уже не балийский язык высокого регистра, а индонезийский, что «вызвано не только отсутствием знающих высокий регистр языка, но и нежеланием следовать традициям» [Atmaja 2013, с.68]. Также отмечается, что балийский язык стал более демократичным, что выражается в использовании обычного (простого – среднего и низкого) регистров языка, поскольку молодое поколение уже почти не знает слов высокого этикетного уровня [Suandi 2007, с.103].

В официальных ситуациях – в госучреждениях и в образовательных учреждениях – в основном используется индонезийский язык. В том случае, если используется балийский язык, он может чередоваться с индонезийским языком, а также с другими местными языками. Происходит либо переключение, либо смешение кодов – балийского, индонезийского, других местных языков, а также в некоторых случаях и английского языка. Влияние английского языка наблюдается в отношении всех местных языков Индонезии, в большей степени это касается больших городов и в меньшей степени или вообще не касается маленьких городов и сельской местности.

Во всех местах проживания балийцев балийский язык используется в неофициальном и бытовом общении. На балийский язык, как и на другие местные языки Индонезии, большое влияние оказывает индонезийский язык, смешиваясь с ним и постепенно вытесняя его из тех сфер, в которых он до сих пор использовался. Балийский язык повседневного общения характеризуется смешением кодов и наличием заимствований. Кроме индонезийского языка на балийский язык влияют другие местные языки: на о. Ломбок на балийский язык оказывает некоторое влияние близкородственный сасакский язык, на о. Суматра в провинции Лампунг балийский язык смешивается с другими языками, в частности, с яванским.

Балийский язык СМИ также характеризуется смешением кодов и наличием заимствований из индонезийского и английского языков. Заимствования, используемые в СМИ, более унифицированы, чем в языке повседневного общения. В то же время язык СМИ влияет на

язык повседневного общения и дает толчок к еще большему использованию в нем заимствований, в том числе в той форме, в которой это предлагается журналистами.

3. Заимствования в балийском языке

Следует отметить, что на балийский язык, в отличие от индонезийского, не распространяется программа по стандартизации (хотя и предпринимаются попытки использовать в качестве школьного предмета «правильный балийский язык», то есть выработать его норму). Поэтому, говоря о заимствованиях, можно учитывать в основном только заимствование лексики.

3.1. Балийский язык испытал несколько волн влияния со стороны других культур и языков. К наиболее старому из зафиксированных пластов заимствований в балийском языке относятся заимствования из санскрита и древнеяванского языка, что обусловлено влиянием культуры и религии Индии. Большинство слов из санскрита попали в балийский язык через древнеяванский. Заимствования из санскрита присутствуют в большей мере в высоком регистре балийского языка, что указывает на его высокий статус. Высокий регистр языка отличается от простого (среднего и низкого) в основном лексикой и некоторым количеством морфологических показателей. Высокий регистр балийского языка в настоящее время знает ограниченное количество людей. Он используется в религиозных и адатных мероприятиях, а также при обращении нижестоящего по происхождению или социальному положению к вышестоящему. Последнее соблюдается в современном, быстро модернизирующемся мире все реже, что также говорит о демократизации языка.

К заимствованиям из санскрита относятся индуистская терминология (*pura* ‘индуистский храм’), названия частей тела (*netra* ‘глаз’, *karna* ‘ухо’, *sirah* ‘голова’, *wadana* ‘лицо’, *bahu* ‘рука’, *danta* ‘зуб’, *pada* ‘нога’), термины родства (*warga* ‘член (семьи)’, *suami* ‘муж’, *istri* ‘жена’, *putra* ‘ребенок’), термины окружающей среды (*taru* ‘дерево’, *parwata* ‘гора’, *akasa* ‘небо’, *pertiwi* ‘земля’, *bumijagat* ‘мир’, *segara* ‘море’, *surya* ‘солнце’), термины культуры (*gita* ‘песня’, *suara* ‘голос’), названия сторон света (*purwa* ‘восток’, *daksina* ‘юг’, *pascima* ‘запад’, *utara* ‘север’, *isanya* ‘юго-восток’) и др.

В отличие от большей части языков Индонезии, на балийский язык не повлиял арабский язык, что обусловлено сохранением балийцами приверженности индуизму, в то время как многие народы Индонезии под влиянием арабской и других мусульманских культур становились мусульманами.

3.2. В настоящее время на балийский язык оказывает большое влияние индонезийский язык. Если заимствования из санскрита харак-

теризуют в большей степени высокий регистр балийского языка, то заимствования из индонезийского языка характерны в основном для официального языка и языка повседневного общения, то есть для простого языка (низкого и среднего регистров).

Двуязычность большинства балийцев (балийский и индонезийский языки), а также высокий статус индонезийского языка повлияли на появление заимствований разного уровня из индонезийского в балийский язык. В большей степени это касается лексических заимствований. Индонезийский язык близкородственен балийскому языку, и поэтому часть лексики в балийском и индонезийском языке различается не сильно или даже совпадает. Отмечено, что такой лексики больше в простом языке, но встречается она и в высоком регистре.

3.2.1. Как правило, из индонезийского языка (или через него) заимствуется наиболее употребительная лексика либо терминология. Причинами появления заимствованной из индонезийского языка лексики является либо отсутствие ее в балийском, например терминологии, либо стремление быть более «современными».

Среди заимствованной выделяется лексика исконно малайская и лексика, заимствованная из других языков, в том числе из европейских:

- из голландского: *AC* ‘кондиционер’, *amplop* ‘конверт’, *antropologi* ‘антропология’, *apartemen* ‘квартира’, *bangkrut* ‘банкрот’, *bank* ‘банк’, *dokter* ‘доктор’, *es* ‘лед’, *hotel* ‘отель’, *kulkas* ‘холодильник’, *mobil* ‘автомобиль’, *sertifikat* ‘сертификат’, *stetoskop* ‘стетоскоп’, *telpun* ‘телефон’;
- из английского: *polisi* ‘полиция’, *tipi* ‘телевизор’, *stres* ‘стресс’, *bos* ‘босс’;
- из португальского: *meja* ‘стол’ и др.

В результате проведенного индонезийскими лингвистами исследования лексики балийского языка СМИ было выделено 1772 заимствованные лексемы, в том числе из индонезийского языка или через него (1699 лексем), напрямую из английского языка (68 лексем) и из санскрита (5 лексем). Большая часть заимствованной лексики относится к существительным (1162 лексемы), меньше к прилагательным (396 лексем) и глаголам (214 лексемы) [Suandi 2015, с. 676].

Среди заимствованной лексики можно найти лексику разных словообразовательных моделей. В зависимости от морфологического статуса выделяются следующие виды лексических заимствований в балийском языке:

- корневые морфемы (*tanah* ‘земля’, *tembak* ‘стрелять’, *Bapak* ‘отец’, *ibu* ‘мать’, *jendela* ‘окно’, *gedung* ‘здание’);

- аффиксальные дериваты (*atas-an* ‘вышестоящий’, *pasuk-an* ‘войско’, *se-tuju* ‘соглашаться’, *pe-jabat* ‘чиновник’, *tahan-an* ‘подержанный’, *ke-budaya-an* ‘культура’, *ber-pikir* ‘думать’, *penyair* (peN-sayir) ‘поэт’, *bungkus-an* ‘сверток’);
- сложные слова (*baik hati* ‘добрый’, *surat kabar* ‘газета’, *buku panduan* ‘путеводитель’, *kantor pertanahan* ‘земельное управление’, *tukang pukul* ‘хвостун’, *musim semi* ‘осень’, *ilmu bumi* ‘география’, *pesawat jet* ‘истребитель’, *juru jaga lift* ‘лифтер’).

Заемствованные лексемы часто участвуют в балийских морфологических моделях. Проведенное индонезийскими лингвистами исследование [Suandi 2008] по выделению морфологических моделей балийского языка, в которых участвуют заимствованные из индонезийского языка основы (в том числе из английского через индонезийский язык), дает возможность сделать вывод о том, что с заимствованными основами сочетаются все наиболее продуктивные аффиксы балийского языка:

- *N- + 3O²* (*ngetik* (N+*ketik*) ‘печатать’);
- *ka- + 3O* (*ka-bina* ‘построен’);
- *ma- + 3O* (*ma-potensi* ‘иметь силу’);
- *pa- + 3O* (*pa-nyokong* ‘сторонник’);
- *a- + 3O* (*a-minggu* ‘одна неделя’);
- *3O + -ang* (*daftar-ang* ‘быть внесенным в список’);
- (*3O + -ang*)-*a* (*telpun-ang-a* ‘позвонить (пассив)’);
- *3O + -a* (*pugar-a* ‘быть огороженным’);
- *3O + -an* (*tertib-an* ‘более упорядоченный’);
- *3O + -(n)e* (*program-e* ‘эта программа’);
- *3O + -in* (*ketik-in* ‘быть напечатанным’);
- *N- + (3O + -ang)* (*nga-lesteri-ang* ‘сохранить’);
- *ka- + (3O + -ang)* (*ka-promosi-ang* ‘способствовать (пассив)’);
- *N- + (3O + -in)* (*nga-lengkap-in* ‘заполнять’);
- *ka- + (3O + -in)* (*ka-tanggap-in* ‘смотреть (пассив)’);
- *ka- + 3O + -an* (*ka-sukses-an* ‘удача’);
- (*ka- + 3O + -an*)-*ne* (*ka-lipat-an-e* ‘кратное’);
- *pa- + 3O + -an* (*pa-masuk-an* ‘доход’);
- *ma- + 3O + -an* (*ma-kapalterbang-an* ‘лететь на самолете’).

Таким образом, процесс адаптации заимствованной лексики распространен достаточно широко, и она используется в системе балийского языка уже в одном ряду с исконной.

3.2.2. Заимствования на морфологическом уровне пока немногочисленны. К ним относится использование некоторых индонезийских аффиксов с исконными балийскими основами. Достаточно часто исполь-

---

² 3O – заимствованная основа.

зается префикс активного залога *meN-*, причем присоединяться он может не только к балийской корневой морфеме (3), но и к балийскому деривату (4):

(3) *menabdab* ‘организовывать’ = инд. *meN-* + бал. *dabdab*

(4) *menyimbuhang* ‘обрызгивать’ = инд. *meN-* + бал. *simbuh-ang*

3.2.3. Синтаксический строй языка наиболее устойчив к проникновению заимствований. В то же время для построения предложений балийского языка не сформулирована официальная норма, поэтому синтаксис дает широкие возможности для вариативности. В следующем примере используется индонезийское словосочетание *suami yang baik hati* ‘хороший муж’, что относится уже не к заимствованию, а к факту смещения кодов:

- (5) Bli1   ene suami yang baik hati6.
 Старший брат этот муж REL добрый добрый
 ‘Ты хороший муж’.

3.3. В балийском языке в настоящее время используются также лексемы, заимствованные напрямую из английского языка. Таких заимствований немного, и представляют они вкрапления, которые не подвергаются адаптации (*boarding* в первом предложении и *check in* – во втором):

- (6) Galah jam sia mungguh ke pesawat utawi boarding.
 Время час девять ехать PREP самолет или посадка
 ‘В девять часов [нужно] садиться в самолет или «совершать посадку»’.
- (7) Sasampune check in lan barang-ne ngranjing samian
 После регистрация и вещи-3.POS помещать все
 raris masalam-salaman.
 потом прощаться
 ‘После регистрации и сдачи всех вещей [они] стали прощаться.’
 [Suandi 2015, с. 684]

4. Выводы

Несмотря на внешнюю консервативность балийского языка, в котором выделяются три социально детерминированных регистра, в нем происходит постепенный процесс демократизации, высокий регистр языка используется все в меньшей степени. Открытость внешнему миру и необходимость соответствовать современным требованиям приводит к тому, что в балийском языке появляются новые заимствования, в ос-

новном из индонезийского языка, а также напрямую из английского языка. Индонезийские заимствования относятся в основном к лексическому уровню языка. При этом заимствованная лексика адаптируется к правилам балийского языка – участвует в большинстве балийских морфологических моделей. Таким образом, балийский язык, с одной стороны, вытесняется индонезийским языком, а с другой стороны, изменяется и приспосабливается к меняющимся условиям функционирования, получая возможность расширять сферу своего использования.

Грамматические сокращения:

3.POS – клитика посессивного местоимения 3 лица, PAS – показатель пассива переходного глагола, PREP – предлог, REL – относительное служебное слово, ЗО – заимствованная основа, бал. – балийский язык, инд – индонезийский язык

Литература

1. Atmaja Nengah Bawa Ajeg Bali: Gerakan, Identitas kultural dan Modernisasi. Yogyakarta, 2013. – 550 p.
2. Laksmini Ni Luh Putu Eksistensi Bahasa Bali dalam keluarga campuran etnik Bali – orang asing di Bali // Mbetete A. M. et al. (eds). *Bahasa ibu: Fungsi, Kondisi, Revitalisasi. Seminar perdana bahasa ibu 20–21 Februari 2007*. [Denpasar]: Univ. Udayana, 2007. – pp. 274-292
3. Malini Ni Luh Nyoman S. and Dhanawaty Ni Made. Language contact: A case study of Balinese in the transmigration sites of Lampung // *Language Documentation and Cultural Practices in the Austronesian World: papers from 12-ICAL*, Vol.4. ANU 2015. – pp. 77-88
4. Suandi I Nengah Pembentukan kata-kata baru dalam bahasa Bali // *Jurnal Ilmiah Masyarakat Linguistik Indonesia*. № 2, 2008. – pp. 96-117
5. Suandi I Nengah Mementapkan keberadaan bahasa Bali sebagai bahasa ibu // Mbetete A. M. et al. (eds). *Bahasa ibu: Fungsi, Kondisi, Revitalisasi. Seminar perdana bahasa ibu 20–21 Februari 2007*. [Denpasar]: Univ. Udayana, 2007. – pp. 675-690
6. Suandi I Nengah, Putrayasa Ida Bagus, Wisnu I Wayan Penyusunan Kamus Serapan dalam Bahasa Bali // *Jurnal Ilmu Sosial dan Humaniora* 2015. Vol. 4. № 2. P. 675-690.
7. Utama Putu Profit sosiolinguistik Bahasa Bali.// Mbetete A. M. et al. (eds). *Bahasa ibu: Fungsi, Kondisi, Revitalisasi. Seminar perdana bahasa ibu 20–21 Februari 2007*. – pp. 374-385

Расширение и динамика профессиональной картины мира (по материалам польско-русского ежегодника *Opuscula Iaponica et Slavica*)

Научная картина профессии формируется у ученых веками, а у очередных поколений исследователей – десятилетиями. Благодаря взаимодействию двух разных школ японистики – российской и польской, и двух профессиональных картин мира, на страницах ежегодника *Iaponica et Slavica* сформировалась особая познавательная ситуация и научная среда. Ее особенность в том, что эти две научные школы наследуют несколько разную лингвокультурную и лингводидактическую традицию, логику подачи материала, определенные различия наблюдаются в теоретических установках – всё это в конечном счете обогащает методологию научного исследования, расширяет границы профессиональной картины мира и динамизирует ее развитие.

Различия в интерпретации языковых явлений и фактов могут способствовать конкуренции представлений о таковых и реинтерпретации явлений языковой действительности.

1. Представления о слове и частях речи в японском языкознании: эволюция воззрений

Развивается языковая субстанция, и в то же время постоянно углубляются и научно обрабатываются знания о языке. В. М. Алпатов в статье «Японская лингвистическая традиция и ее представления о слове» (в томе IV) развивает идею о том, что представления о слове в японистике представляют собой синтез разных традиций Востока и Запада. Слово рассматривается и как единица грамматики, и как единица лексики – и это характерно для подхода к слову в японской традиции. Показательными в этой плоскости В. М. Алпатов считает воззрения на слово Хасимото Синкити. Предложение, согласно им, первоначально делится на синтаксические единицы – *bunsetsu*. Затем выдвигается следующий срез – *bunsetsu*, делимые на знаменательные и служебные. Очередной срез экспонирует деление *bunsetsu* на *go*, способные образовывать *bunsetsu* (то есть знаменательные *go*), и служебные *go*, которые не могут формировать *bunsetsu*. И таким образом, *bunsetsu* рашепляются на *go*, а *go* в свою очередь – на самостоятельные и несамостоятельные единицы (можно сказать, знаменательные и служебные). Дальнейшее деление

охватывает несамостоятельные *go*. Одни из них регулярно употребляются с каким-то классом слов, а другие такой привязки не имеют. В. М. Алпатов представляет понятие *go* в приближенных нашему восприятию категориях, например, понятие самостоятельного *go* как близкого понятию основы слова. Таким образом, центральное место в системе японских частей речи занимают *go*, которые и есть японское представление о слове. Оно обосновано психолингвистически, поскольку является собой тот готовый комплекс, тот кирпичик, на котором строится японский язык.

Проблематике слова в японском языке, точнее, соотношению звука и слова, посвящена также (в томе I) статья В. М. Алпатова «The notion of sound and word in the European and Japanese linguistics» («Понятие звука и слова в европейской и японской лингвистике»). Установление основной языковой единицы осциллирует вокруг фонетико-фонологической слоговой единицы *on* и лингвоконструкта *go* (см. выше), состоящего из автономных и из несамостоятельных единиц (порождающих нестандартные с европейской точки зрения грамматические категории). Различия наблюдаются и в подходе к словоизменению и деривации, что связано с различиями самих языков. Обсуждаются проблемы эквивалентности между русским и японским словом, что чрезвычайно значимо с точки зрения перевода и переводных соответствий (см. о статье подробнее: [Кульпина, Татаринов 2015а, с.120-135]).

В статье В. М. Алпатова «Части речи в японской лингвистической традиции» (в томе III) рассказывается о развитии взглядов японских исследователей на части речи в японском языке вплоть до наших дней и о процессе выделения ими языковых единиц их родного языка по мере накопления и осознания эмпирического материала, изучения трудов зарубежных исследователей и осмысления результатов исследований. Высвечиваются критерии выделения частей речи японского языка на фоне критериев выделения таковых в других языках. Описываются особые языковые единицы японского языка, присущие только ему, и те, которые роднят японский язык с европейскими языками. В. М. Алпатов указывает, что хотя классификация по частям речи осуществляется естественным путем – в зависимости от того, какие языковые единицы имеются в данном языке, – тем не менее, над исследователями довлеет современная им традиция выделения частей речи. В качестве нижней границы периода формирования традиции выделения частей речи в японском языкознании указывается начало XVIII века, и верхней границы – первая половина XIX в. Первая полная классификация частей речи связывается с именем Фудзитани Нариакиры. Суть ее составляли имена действия и состояния, препозитивные и постпозитивные элементы. Были выделены наречия, ряд местоимений и словообразовательные элементы. Во второй половине XVIII в. Мотоори Норианага создал клас-

сификацию служебных элементов в зависимости от их согласования. Примечательно выделение им фактически нулевого показателя. Его особой заслугой В. М. Алпатов считает выделение *tenioha* – служебных слов (этот термин для их номинации используется по сей день). В классификации частей речи у Судзуки Акира (в начале XIX в.) главный акцент делается на изменяемость и неизменяемость частей речи. Оригинальный момент в классификацию по частям речи внес Тодзэ Гимон, выделивший в 1841 г. имена людей, названия конкретных предметов и абстракций, местоимения и неспрягаемые элементы, а также давший свою классификацию *tenioha*. Токаси Хирокагэ также представил свою классификацию *tenioha*, разделив их на изменяемые и неизменяемые (послелого и частицы), глагольные и адъективные аффиксы. Такое деление не имеет прямого соответствия в европейской традиции. В качестве даты появления первого описания японской грамматики в западной традиции В. М. Алпатов указывает 1833 г., когда Цурумунэ Сигэнобу при его создании взял за основу голландские образцы: исходя из западной традиции были выделены наречия, местоимения, междометия, числительные. В. М. Алпатов отмечает выделение в период европеизации приименной части речи *rentaishi* – неизменяемых слов, всегда используемых в атрибутивной функции (среди них, например, *aru* ‘некий’, *iwayuru* ‘так называемый’ и др.). Были обозначены специфические японские классы: *keiyodooshi* – непредикативные, или полупредикативные, прилагательные, коррелирующие с европейскими прилагательными, – и была выделена еще часть речи, состоящая из самостоятельно употребляющихся слов (таких, как *shikashi* ‘однако’, *mata* ‘опять’ и др.), вне японского ареала относящихся к наречиям). Система японских частей речи характеризуется В. М. Алпатовым как морфосинтаксическая: при выделении частей речи в японском языке применяются разные принципы – приоритетный морфологический и дополнительный – синтаксический.

Об имеющих хождение среди японцев лингвистических мифах, касающихся в том числе японской грамматики, см. (в томе II) статью В. М. Алпатова «On Japanese linguistic myths» («О японских лингвистических мифах»). Подробнее см. о статье [Кульпина, Татаринцов 2015б, с. 4-25].

Статья Шимона Гжеляка и Норизэ Моги «Japanese conversational injections, their functions and importance in 1.2 instruction» («Японские разговорные междометия и их функции и значимость для обучения на среднепродвинутом и продвинутом уровнях») (в III томе) посвящена одной части речи – междометиям, рассматриваемым с точки зрения их роли в разговорном дискурсе. Подчеркивается, что незнание междометий – *aizuchi* – сигналов слушания и внимания влечет за собой неадекватность общения. Ведь обычно устная беседа на японском языке сопро-

вождается употреблением междометий и выполняющих их функции других сигналов фатического общения, таких как *un, ee, hai, soudesuka* – наряду с такими постоянными невербальными сигналами коммуникации, как кивания головой, моргания и улыбка. Среди *aizuchi* по своей функции выделяются группы, служащие продолжению беседы, поддержке суждений собеседника, фиксирующие согласие, эмоциональный отклик, корректировку, запрос на информацию. Выделяются также междометия, связующие фразовые единства, завершающие предложения частицы как знаки доверия и любознательности, заполняющие паузы, чтобы дать собеседникам время для ответа. Эта часть речи играет большую роль в мониторинге коммуникации как таковой. Употребление междометий авторы связывают с вопросами коммуникативной компетенции, предполагающей знание не только языковой структуры, но и невербальных и поведенческих структур коммуникации. Подчеркивается, что языковое поведение предопределяется социальными и культурными процессами. С 1970-х гг., когда коммуникативный подход стал главенствующим направлением в методологии изучения иностранных языков, употребление междометий стало изучаться с точки зрения их частотности в дискурсе. Ш. Гжеляк и Н. Моги считают, что обучение междометиям необходимо вводить в учебный процесс на среднем и продвинутом уровнях как можно раньше. В то время как в письменной речи без междометий можно обойтись, в устной речи их присутствие обязательно. К *aizuchi* не следует относиться как к шумам, так как они являются реальной частью коммуникации и важнейшим средством формирования дискурса.

2. Грамматические категории японского языка в динамике и развитии

Статья А. С. Паниной «Столы, собаки и списки. О сочетаемости японских показателей множественности» (в IV томе) связана с динамикой развития категории числа. Речь идет о сочетаемости показателей множественности (*tachi, ra* и *domo*) с существительными. Анализ, принятый А. С. Паниной, ставит своей целью установить семантические различия между ними, в том числе в употреблениях, считающихся ошибкой. Обсуждаемые показатели *tachi, ra* и *domo* в случае их применения к неодушевленным предметам пребывают за пределами нормативного употребления, что зафиксировано лексикографически, например, как невозможность употребления со словом *tsukue* ‘стол’ (хотя примеры употребления указанных показателей с этой лексемой в собранном А. С. Паниной материале также имеются). Анализ нацелен в том числе на выявление лексем, являющихся полем для языковых экспериментов современных японцев; среди прочего, это *pasokon* ‘компьютер’: слово встретилось со всеми тремя показателями множественности. Показатель *domo* использован с шутливой семантикой ненависти к ком-

пьютеру в противоборстве с ним. Возможно, персонификация компьютера, наделяемого частью интеллектуальных способностей человека, является в современной цивилизации своего рода блуждающим сюжетом. Так, например, в польском языке компьютер также персонифицируется (путем получения в родит. падеже окончания *-a* (*komputera*), словно он одушевленное существо). А. С. Панина подчеркивает, что показатели *domo* и *tachi* при неодушевленных существительных служат именно персонификации. Показатель *domo* нередко сопровождает названия вредных животных, например, насекомых (клопов, тараканов) в условиях их антропоморфизации при эмоциональной ангажированности: в политическом дискурсе названия таких животных, как собаки и клопы частотны в переносных употреблениях как обозначения людей, в том числе в пародийных контекстах. Показатели множественности распределяются по контекстам и по стилистическим регистрам своеобразным образом согласно присущей им семантике: так, *tachi* содержит элемент эмпатии, личной ангажированности, и употребляется с личными именами, названиями животных и разного рода персонажами, реже в официальной речи. *Domo* с самоуничижительной семантикой проявляет тенденцию употребляться как этикетное средство при местоимениях 1-го лица и объектах из личной сферы говорящего, а применительно к третьим лицам указывает на эмоциональное употребление. В семантике показателя *ra* отсутствует эмоциональный компонент; он выражает ассоциативную множественность без эмоциональной оценки и характерен для канцелярского стиля. А. С. Панина путем подсчетов устанавливает процентные пропорции употребления показателей. Ею рассматриваются также случаи разительного нарушения нормы, когда к редуцированной лексеме *hitobito* 'люди' присоединяется показатель множественности *tachi*, хотя *hitobito* уже в силу своей структуры не может обозначать единичный объект, или когда одновременно употребляется несколько показателей (например, *baka-domo-ra* 'дураки, идиоты'). А. С. Паниной делается вывод, что показатели множественности не взаимозаменяемы; их дистрибуция осуществляется в соответствии с семантическим потенциалом и стилистическими свойствами каждого из них. Наличие в японском языке данной группы показателей множественности важно с точки зрения свободы выбора языковых средств и их варьирования в зависимости от целей коммуникации, так как помогает осуществлять тонкую балансировку словоупотребления.

Статья А. С. Паниной перекликается со статьей У. П. Стрижак своей обращенностью к поиску скрытых грамматических категорий. У А. С. Паниной изучается факультативная множественность существительных. У. П. Стрижак в статье «Одушевленность как грамматическая и понятийная категория языка: когнитивный подход к описанию» (в V томе) рассматривает косвенные способы выражения категории одушев-

ленности / неодушевленности в японском языке, анализируя переводные трансформации в переводах с русского языка на японский. Данную категорию японского языка У. П. Стрижак называет мерцающей категорией, не имеющей системных, грамматически выраженных средств. Среди ее проявлений – разделение бытийных глаголов на *ару* в отношении неодушевленных объектов и на *иру* – в отношении одушевленных. С категорией одушевленности связаны также особенности употребления возвратного местоимения *zibun* «я, сам» в ряде конструкций. У. П. Стрижак рассматривает синтаксические структуры и подчеркивает, что за ними вырисовывается когнитивный фон высказывания: в японском языке роль деятеля у неодушевленного субъекта обусловлена эмпатией, акцентированием агентивности или стативности высказывания, осознанностью или неосознанностью действия и другими прагматическими факторами. Интересен сам метод исследования. У. П. Стрижак проанализировала особенности перевода на японский язык одушевленных существительных русского языка, используя такой перевод в качестве метода обнаружения типичных для японского языка способов построения высказывания в привязке к грамматической категории одушевленности. С указанной точки зрения были проанализированы переводы «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова, выполненные Хоки Аяко, Наката Тада-си и Мидзуно Тадао. Проведенный многофакторный анализ наличия / отсутствия переводных трансформаций показал, что при акциональном предикате с семантикой воздействия на одушевленные субъекты в результате перевода акцент смещается с неодушевленных субъектов на одушевленные, которые и становятся синтаксически главным членом предложения. Такая трансформация связана с тем, что способностью воздействовать могут обладать исключительно одушевленные субъекты (по мнению ряда японских ученых), и прежде всего люди. У. П. Стрижак предпринимает многоэтапную верификацию этих и ряда других положений на основе анализа выбора вариантов перевода. Переводные трансформации не были предприняты переводчиками в отношении таких неодушевленных субъектов, как явления природы (солнце, молнии, ночь, ветер, а также озноб), что говорит о том, что этим сущностям в японском тексте позиция деятеля не противопоказана. Другие же русские предложения с неодушевленным агенсом, будучи грамматически правильными, ощущались носителями японского языка прагматически некорректными и были подвергнуты в процессе перевода соответствующим трансформациям.

Статья Н. А. Соломкиной и В. И. Подлесской «Бенефактивные конструкции в японском языке: особенности современного употребления» посвящена конструкциям, служащим «обозначению действий, совершенных в интересах некоторого лица» [Соломкина, Подлесская. S. 25] и представляющим собой сочетание смыслового глагола «в де-

причастной форме на *-te/-de* и вспомогательного глагола со значением «давать» или «получать» [там же], а также агенса (бенефактора), объекта (бенефицианта) или третьего лица. В конструкции задействованы глаголы *yaru, ageru, sashiageru, kureru, kudasaru* с семантикой «давать» и *morau, itadaku* с семантикой «получать, приобретать». Выбор одного из данных выше глаголов зависит от перспективы ситуации – релевантной с точки зрения дающего или получающего, через призму агенса, объекта или 3-го лица. Авторы уточняют критерии выбора глагола в конструкциях такого типа. В качестве иллюстративных примеров используются корпусные данные современного письменного японского языка. Употребление бенефактивных конструкций было сгруппировано следующим образом: (1) *группа собственно бенефактивных конструкций*, репрезентирующая действия, совершаемые в интересах некоторого лица; (2) *группа депрециативных конструкций*, определяемая авторами как «этикетная вежливость к лицу, не являющемуся подлежащим» (с. 27) – сочетание бенефактивных глаголов *morau* и *itadaku* с каузативной формой, например *sasete morau/itadaku* «сделаю с вашего позволения», и сочетание глагола *yaru* с императивом, например *mite yatte kudasai* «посмотрите (мои работы)». Глагол *yaru* обычно используется в отношении иерархически низшего; в данном случае действие говорящего как бы представлено с точки зрения иерархически высшего собеседника; (3) *группа конструкций с малефактивным значением*, связанным с описанием действия, «совершаемого во вред или вопреки интересам некоторого лица» (с. 29). Это значение может быть выражено конструкцией с глаголами *yaru, kureru, morau*. С помощью конструкций этой группы нередко выражается сарказм или вызов. Авторы указывают, что не все исследователи считают целесообразным выделение конструкций с малефактивным значением, поскольку «иногда сложно судить о том, соответствует ли описываемое действие интересам бенефицианта или противоречит им» (с. 29). Подчеркивается, что многие японские вежливые формы могут употребляться в японском языке в ироническом ракурсе; (4) *группа конструкций со значением позитивной эмотивности* – это такая группа бенефактивных конструкций, у которых «компонент позитивной эмотивности может выходить на первый план, если субъектом является неодушевленное имя или имя, обозначающее животное» (с. 30).

Отмечается тенденция к тому, что глаголы с семантикой невежливости (*morau, yaru*) все больше начинают употребляться в конструкциях, с помощью которых говорящий стремится повысить вежливость речи. Авторы усматривают в этом недостаточное владение японскими формами вежливости *kэйго*. Вместе с тем в таком употреблении обнаруживается и другой момент: интернет-жанры в целом осциллируют между устной и письменной речью, а употребление таких глаголов прибли-

жает речь к устной коммуникации, делая ее более дружеской. Отметим, что своего рода снижение стиля с целью выглядеть более свойским и близким согражданам наблюдается и в славянских языках (см. [Кульпина 2016, с.23–45]), например, в рекламе.

Результаты исследования сопоставляются с исследованием А. А. Холодовичем глаголов *yaru* и *ageru*. В. И. Подлесская и Н. А. Соломкина делают вывод об изменениях диапазона вежливости в японском языке в сегменте бенефактивных конструкций. Статья побуждает к рефлексии над грамматическими конструкциями японского языка с точки зрения выражения категории вежливости и в ее рамках категории *свой – чужой* в определенной системе понятийно-терминологических координат.

Далее обсуждаются статьи по проблемам широко понимаемой категории модальности в современной японистике в ее динамической взаимосвязи с категорией вежливости. Статья Бартоша Еремича «Условные формы в японском языке и различия между ними» (в томе V) посвящена формам условных предложений японского языка. В ее первой части приводятся базовые характеристики условных предложений и дается история вопроса их классификации. Выделяются характерные признаки каждой из форм, выступающих в таких предложениях. Так, предложения с формой *ba* демонстрируют общую и часто повторяющуюся причинно-следственную связь. В форме *tara* (в отличие от *ba*) упор делается на отдельные индивидуальные ситуации, на характер и зависимость между двумя отдельными индивидуальными событиями. Форма *to* выступает с показателями событийной модальности и с выражениями, содержащими приказ, просьбу, требование, потребность и др. под. Для формы *nara* характерно выражение суждений и знаний, презентация гипотетических или альтернативных ситуаций; она не употребляется для выражения оценки; из всех четырех условных форм она наименее частотна; может выступать вместе с формами *ru*, *ta*, *tara*.

Во второй части статьи освещаются внутриязыковые различия форм *ba*, *tara*, *to* и *nara* в условных предложениях. Так, различия между *tara* и *to* заключаются в способах передачи информации о событиях прошлого: форма *tara* ориентирована на разговорный язык и акцентирование неожиданных событий, в то время как форма *to* тяготеет к письменным жанрам. В условных предложениях, описывающих общие истины или обычаи, употребляются формы *ba* и *to*. Относительно формы *ba* отмечается, что она выражает ожидания или представления. Употребление формы *to* связано с информированием о произошедших событиях или об общих истинах, как то законах природы и т.п. Употребление условных форм Б. Еремич рассматривает через призму категории модальности как выражающей реальные, истинные ситуации и нереальные ситуации, которые могли бы произойти. Анализируется в том числе так

наз. пропозициональная модальность, выражающая суждение, и событийная модальность, акцентирующая ментальную ориентацию говорящего в отношении реализации события. Подчеркивается, что в японском языке модальность специфична своим широким базированием, включающим частицы, формы отрицания, залоговые формы, формы вида, времени и др. Б. Еремич приходит к выводу, что каждой из проанализированных форм присущи специфические семантические и функциональные признаки. Устанавливаются различия между гипотетическими и негипотетическими формами. Негипотетические формы, применяемые для описания реальных событий прошлого, выражаются с помощью *tara*. Во многих случаях условные формы могут быть взаимозаменяемы, но с рядом ограничений. В третьей части статьи условные предложения обсуждаются с точки зрения выражения темпоральности и темпоральной полноты. Формы *ba* и *tara* привязаны к хронологическим последовательностям течения времени. Форма *nara* не имеет таких ограничений и может сочетаться с грамматической формой прошедшего времени и формой не-прошедшего времени; таким образом, она характеризуется темпоральной полнотой.

Статьи Б. Еремича и П. Хойнацкого объединяет тематическая связь с категорией модальности. Павел П. Хойнацкий в статье «Базовый характер финальной частицы *zo* и проблемы классификации модальности в японском языке» (в томе V), обращаясь к категории модальности, приводит ее дефиниции и классификации, подчеркивая вместе с тем неочевидность и дискуссионность самого понятия модальности в японском языкознании. Им устанавливается связь категории модальности с категорией вежливости. Среди главных факторов формирования стиля и форм вежливости указываются: социальная позиция, степень дружелюбности отношений, возраст, служебное положение и др.; обычный стиль применяется при более низкой или равноценной позиции. На выбор стиля влияние оказывает официальность или неофициальность контактов – вежливые формы в отношении кого-либо, с кем обычно общались обычным, нейтральным стилем, ощущаются слушающим как сарказм. Отмечается возможность выражения вежливости и вне категории модальности – через оппозиции морфологических форм или выбор более элегантной лексики благодаря прибавлению к существительным префикса *o* или *go* или путем использования самоуничижительных форм; кроме того – посредством неупотребления прямых форм. Так, приказ может быть заменен вопросительным предложением или пожеланием (что оставляет право выбора за слушающим).

Во второй части статьи в аспекте так наз. модальности коммуникативных позиций обзорно обсуждается целый ряд заключительных частиц (в терминологии П. П. Хойнацкого – финальных), диапазон их употребления и выполняемые ими функции. В выражении этого типа

модальности задействованы частицы *yo*, *zo*, *ze*, *sa*, *wa*, *ne*, *na*, *nâ*, а также *yone* (*yo* + *ne*), рассматриваемые в том числе как средство заполнения лакун в знаниях между говорящим и слушающим. В их употреблении проявляется стремление сообщить отношение говорящего к слушающему и к содержанию высказывания. Частицы *yo* и *ne* имеют выраженный разговорный характер; они выражают функции, связанные с подтверждением и передачей информации, направлены на слушающего, поэтому не выступают в монологах и внутренней речи. Выраженный разговорный характер имеют частицы *na* и *nâ*, выполняющие функцию распознавания и восклицания. Благодаря их ненаправленности на слушающего, они могут использоваться и в монологе. Частицы *ne* и *sa* могут использоваться не только в конце предложения, но и в середине такового в качестве восклицания с целью обратить внимание слушающего. Указывается, что функцию заключительных частиц выполняют также частицы, произошедшие от союзов-частиц и существительных с дефектной структурой: это *toma*, *mono*, *mon*, *no*, *kke*, *tteba*. Финальные частицы могут иметь ярко выраженный разговорный характер (таковы *yo* и *ne*), но могут не иметь такового. Отмечается дифференцированность японских частиц по региональному, возрастному и гендерному признакам. Женщины проявляют склонность к частице *wa*, а мужчины, напротив, ее избегают (за некоторыми исключениями). Не все частицы в одинаковой степени способны сочетаться с предикатом, а у ряда частиц наблюдаются особенности такой сочетаемости. Кроме того, частицы способны соединяться друг с другом. Так, частица *wa* может соединяться с частицами *yo*, *ne* и *yone*.

Третья часть статьи посвящена финальной частице *zo*, указывающей на «актуальное состояние сознания говорящего» (с. 127) и способной выражать возникновение у говорящего какого-то нового состояния сознания. Подчеркивается, что сама по себе эта частица не выражает вежливость. Она может быть обращена и к слушающему, но не предполагает этого в обязательном порядке. Основная же функция частицы *zo* состоит в подтверждении ощущений, полученных в результате обнаружения чего-либо лишь в неконversationных ситуациях, таких как монолог или внутренняя речь. Частица *zo* может употребляться в качестве средства выражения спонтанных эмоций, но не выступает в разговорных ситуациях. Однако в ряде диалогов она может использоваться для передачи определенной информации. П. П. Хойнацки подчеркивает дискуссионность вопроса употребления частицы *zo* среди японских лингвистов. Имеется мнение, что основная функция *zo* – передача информации о том что говорящий ожидает от слушающего каких-то действий, обусловленных состоянием сознания адресата. Употребление *zo* необязательно связано с требованием выполнения действия и используется часто для того, чтобы слушающий узнал что-то, о чем не знает, или

заметил что-то, чего раньше не замечал. П. П. Хойнацки подчеркивает, что нелегко развести функции частиц *zo* и *yo*, если исходить из основной функции *zo* побудить слушающего узнать что-то новое (а побуждение предпринять действие выступает уже как функция второго плана). По сравнению с *yo* частица *zo* имеет более сильное звучание, а значит, оказывает большее воздействие на собеседника. В соответствии же с принципами японской вежливости выражения, предполагающие значительное влияние на собеседника, не могут использоваться в отношении людей с более высоким социальным статусом. Разграничению употребления *yo* и *zo* служит то, что *yo* можно использовать в вежливом стиле, а *zo* будет в такой стилистике выглядеть неестественно. К тому же *zo* не употребляется в составе приказов и волонтиативных высказываний. Ведь *zo* уже само по себе обладает чрезвычайно сильным воздействием. В монологах значимость *zo* состоит в стремлении запечатлеть в нашем сознании информацию о событии, которое только что свершилось, причем этот акт осуществляется в момент высказывания.

Описывая разные взгляды на классификацию модальности в японском языке, П. П. Хойнацки подчеркивает, что единственно верной классификации не существует. Особо им выделяется классификация К. Миядзаки, заслугой которого он считает создание наиболее гибкой классификации. П. П. Хойнацки обращает внимание на то, сколь исключительное место среди других частиц занимает частица *zo*. Поддерживая мнение, что она может выражать все три класса модальности, выделенные К. Миядзаки – реализацию, констатацию и вопрос. Так, в ситуациях монолога, выражающих поиск подтверждения, частица *zo* может указывать на вопросительную модальность. Через предложения, имеющие своей целью предоставить слушающему неизвестную ему информацию, *zo* проявляет свою связь с констатациями. П. П. Хойнацки подчеркивает, что его целью было показать основные функции частицы *zo*. Эта частица не предполагает передачу информации слушающему, но настроена в основном на ситуацию монолога, в котором выражает актуальное состояние сознания говорящего и указывает на поиск подтверждения в связи с этим состоянием. П. П. Хойнацки высказывает предположение, что, возможно, целесообразно было бы главной функцией *zo* считать требование подтверждения. Он считает, что в монологе *zo* выражает поиск подтверждения какого-либо состояния, которое только что возникло в нашем сознании. В диалоге же путем употребления частицы слушающему передается неизвестная ему ранее информация, оказывает влияние на возникновение нового состояния сознания и одновременно потребует подтверждения такого состояния сознания. Подтверждение данного состояния связано не только с его распознанием (обнаружением), но и с адекватно подобранной реакцией на него. П. П. Хойнацки

считает, что каждый из ученых прав, а его концепция является результатом выборки общих признаков употребления частицы *zo*.

Заключая обзорный материал, отметим, что авторы *Opuscula Iaponica et Slavica* ведут поиск скрытых категорий, проникая в глубины грамматической семантики, выявляя семантический потенциал объектов исследования. Хотелось бы высказать предположение, что изучение трудов коллег, в том числе в плане расширения понятийно-терминологического аппарата специальности, может послужить личному продвижению исследователей по пути познания, способствовать пополнению запаса специальных текстов и обогащению профессиональной картины мира языковеда.

Литература

1. Алпатов В. М. Части речи в японской лингвистической традиции // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Vol. III / Editor Marek A. Iwanowski. Warszawa: BEL Studio, 2016. S. 15-22.
2. Алпатов В. М. Японская лингвистическая традиция и ее представления о слове // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Vol. IV / Editor Szymon Grelak. Warszawa: BEL Studio, 2018. S. 7-16.
3. Кульпина В. Г. Теория форм вежливости японского языка В. М. Алпато-ва как теоретико-эвристическая база параметризации речевого этикета в славянских языках // *Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Алпатова. Труды научной конференции Института востоковедения РАН 22-23 апреля 2015 г.* В 2-х т. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН 2016. С. 23-45.
4. Кульпина В. Г., Татаринов В. А. Японистика в славянском контексте (о языковых единицах, о переводе хайку, о концептах и субконцептах, японизмах в лексикографии и др.) // *Вестник Московского университета*. Серия 22. Теория перевода. 2015а, № 1. С. 120-135.
5. Кульпина В. Г., Татаринов В. А. О полиаспектной интерпретации японского языка и японистики // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей* / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2015б. Вып. 52. С. 4-25.
6. Панина А. С. Столы, собаки и списки. О сочетаемости японских показателей множественности // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Vol. IV / Editor Szymon Grzelak. Warszawa: BEL Studio, 2018. S. 117-128.

7. Пономарчук С. Н., Чайковский Р. Р. Японский язык: уникальность и открытость (к проблеме китайского влияния) // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Vol. II / Editor Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: BEL Studio, 2014. S. 15-26.
8. Соломкина Н. А., Подлеская В. И. Бенефактивные конструкции в японском языке: особенности современного употребления // *Opuscula Iaponica et Slavica*. Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Vol. III. Warszawa: BEL Studio, 2016. S. 23-36.
9. Стрижак У. П. Одушевленность как грамматическая и понятийная категория: когнитивный подход к описанию // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Vol. V / Editor Владимир М. Алпатов. Warszawa: BEL Studio, 2018. S. 37-48.
10. Alpatov V. M. The notion of sound and word in the European and Japanese linguistics // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Vol. I / Editor Marek A. Iwanowski. Warszawa: BEL Studio, 2014. P. 9-16.
11. Alpatov V. M. On Japanese linguistic myths // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Vol. II / Editor Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: BEL Studio, 2015. P. 7-14.
12. Chojnacki P. P. Główny charakter partykuły finalnej zo oraz problem klasyfikacji modalności w języku japońskim // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Vol. V / Editor Владимир М. Алпатов. Warszawa: BEL Studio, 2018. S. 83-138.
13. Grzelak Sz., Mori N. Japanese Conversational interjections: their functions and importance in 1.2 instruction // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Warszawa, 2016. Vol. III / Editor Владимир М. Алпатов. Warszawa: BEL Studio, 2016. P. 193-202.
14. Jeremicz B. Formy warunkowe w języku japońskim oraz różnice między nimi // *Opuscula Iaponica et Slavica* / Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Vol. V / Editor Владимир М. Алпатов. Warszawa: BEL Studio, 2018. S. 49-82.

Сакральные термины и изменение их семантики у иранских зороастрийцев¹

Понятие 'душа' у древних иранцев

Особое место в лексиконе зороастрийцев Ирана занимает древнейшее слово **vrun** 'душа'. Оно засвидетельствовано в этом значении еще в авестийских текстах, см. ав. **urvan** 'душа'. При этом понятие приложимо не только к человеку, но и к другим творениям Ахура Мазды. Таково словосочетание ав. **Gəuš Urvan** 'душа Быка'.

М. Бойс в книге «Зороастрийцы» [Бойс 1988] пишет, в частности: «Приношения огню и воде составляли основу ежедневных богослужений, называемых <...> иранцами – *ясна* (от корня *яз* – 'приносить жертву, поклоняться'). В этих богослужениях возлияния для огня брались от кровавых жертвоприношений, которые, очевидно совершали регулярно. *Индоиранцы* (курсив мой – Е.М.) испытывали благоговейный страх и трепет, отнимая жизнь у животных. Они никогда не убивали без осязательной молитвы, благодаря которой, по их представлениям, душа животного продолжала жить. Сознание кровного родства между человеком и животным нашло свое отражение в древних частях богослужения – *ясна*: "Мы молимся нашим душам и душам домашних животных, которые кормят нас <...>, и душам полезных диких животных" (*Ясна* 39). У иранцев возникло представление о том, что души животных, убитых с осязательной молитвой, поглощаются (или воссоединяются с) божеством, которое они почитали как Гэуш-Урван ('Душа Быка'). Иранцы верили, что кровавые жертвоприношения укрепляют это божество, а оно, в свою очередь, заботится о всех полезных животных на земле и способствует их избилению» [Бойс 1988, с. 11]. *Гэуш-Урван* – это поэтическая аллегория и персонификация скота [Рак 2006, с. 21].

В упомянутой книге «Зороастрийцы», в главе, посвященной смерти и загробной жизни у индоиранцев, М. Бойс пишет: «Существовала вера в жизнь человека после смерти, и, согласно наиболее ранним представлениям, расставшаяся с телом душа – *урван* – на три дня задерживалась на земле перед тем, как сойти вниз, в подземное царство мертвых, в котором правил Йима <...>. В царстве Йимы души жили словно

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 17-04-00563а.

тени и зависели от своих потомков, которые продолжали пребывать на земле. Потомки должны были удовлетворять их голод и одевать. Приношения для этих целей совершали в определенное время, так, чтобы эти дары могли преодолеть материальные преграды. Чаще всего приношения умершим совершались в течение первого года после смерти. Считалось, что души усопших еще одиноки и не полностью приняты в общество мертвых. Обязанность совершать приношения ложилась на наследника покойного, обычно на старшего сына, который должен был совершать их в течение тридцати лет – три декады, то есть примерно на протяжении жизни одного поколения.

Древнее понятие *фраваш* и его соотношение с понятием *урван*

М. Бойс пишет о том, что «изучение языческих иранских верований о загробной жизни осложняется наличием еще одного обозначения, кроме *урван*, для души усопшего, а именно *фраварти (авестийское *фраваш*). Этимология этого слова (так же, как и слова *урван*) сомнительная ... Фраваш представлялись чем-то вроде *валькирий* – женскими существами, крылатыми, населяющими воздух. Если они были довольны жертвоприношениями, они быстро слетались на помощь людям. Они старались обеспечить каждый год дождями свои семьи, следили за тем, чтобы в их семьях рождались дети, а во время войны невидимо сражались рядом со своими потомками.

С древнейших времен, вероятно, существовало сходство между особым культом фраваш и поклонением душе, и оно способствовало тому, что верования о них несколько смешались и стали неясными. Развитие представлений о загробной жизни в раю увеличило смешение еще больше. Казалось бы, именно могущественные фраваш мыслились живущими высоко на небе вместе с богами, но в действительности в этой связи чаще всего упоминается душа-урван.

Возможно, вековая вера во фраваш как в вездесущих помощников и защитников и препятствовала тому, чтобы их мыслили живущими вдалеке. Может, трудно было также связывать этих крылатых духов с идеей воскрешения тела. Как бы то ни было, но уже в языческие времена представления о могучих фраваш и беспомощной душе-урван в большой мере слились. В авестийском гимне фраваш (Яшт 13), содержащем древние части, они изображаются возвращающимися к своим домам в праздник Хамаспатмаздайа в поисках приношений мяса и одежий. Но в других стихах этого же гимна к фраваш зывают как к божественным по своей мощи духам. В зороастрийских текстах богослужения отождествление фраваш и души-урван иногда бывает полным, как это выражено в следующих словах: "Мы поклоняемся душам (ур-

ван) умерших, которые являются фраваша праведных". Все-таки различие между этими двумя душами сохраняется до наших дней и без сформулированного обоснования, и заключается оно в том, что с молитвой обращаются к фраваша, но для души-урван» [Бойс 1988, с. 24–25].

Можно добавить еще толкование терминов *фраваша*, *фравашр*, *фравард* в «Словаре имен и терминов» в книге М. Бойс «Зороастрийцы»: «дух, существовавший до этой жизни и остающийся после смерти человека, часто синоним души» [Бойс 1988, с. 273].

Понятие 'душа' в пехлевийских сочинениях (среднеперсидский язык)

В *среднеперсидском* лексема 'душа' представлена как **ruvān**. Как кажется, объем концепта здесь несколько сужен, хотя мы встречаем в этих сочинениях упоминания о душах не только усопших людей, но и некоторых животных.

Весьма привлекателен для нашей темы пехлевийский литературный памятник «Арда Вираз намаг», изданный в транслитерации с переводом и комментариями О.М. Чунаковой [Чунакова 2001] под названием «Пехлевийская Божественная комедия». Тема памятника – разные судьбы душ усопших в аду и в раю. Душа праведного зороастрийца Вираза, предварительно очистившегося и выпившего освященное вино, покидает его тело и в сопровождении божеств Сроша и Адура странствует по загробному миру, наблюдая за наказанием грешников в аду и блаженством праведников, благочестивых царей и правителей в раю. Его пугешествие было предпринято по решению жрецов, чтобы узнать перспективы праведных зороастрийцев после их смерти. Одно из впечатлений Вираза: «Душ грешников в аду столько, сколько волос в конской гриве, и хотя грешники стоят друг к другу так близко, как ухо к глазу, один другого не видит и не слышит, и каждый думает, что он в аду один».

К слову, на одном из низших уровней рая, на *стоянке звезд*, вместе с душами не самых полных праведников находятся *души собак*, охраняющих скот [Чунакова 2004, с. 181 по пехлевийскому памятнику «*Bundahišn*», т.е. «Сотворение основы»].

В этом же сочинении речь идет о *душе быка*. Бык в иранской мифологии – первое животное, созданное Ормаздом. Силы зла во главе с Ахриманом, напавшие на творения Ормазда, особенно стремились причинить зло "праведному человеку и пашущему быку" («*Bundahišn*») <...> До нападения Ахримана на быка Ормазд помазал быку глаза беленой с небольшим количеством воды, чтобы уменьшить его страдания от ударов, но, тем не менее бык "ослабел и заболел" и попросил Ормазда сотворить скот и определить ему дело, занятие и покровительство. После гибели быка из его тела вышла душа быка – Гошурван (Там же),

цит. по: [Чунакова 2004, с. 54]. Можно заметить, что авестийское словосочетание *Gəuθ Urvan* превратилось в среднеперсидском в композит.

Итак, Гошурван – ср.-перс. *gōšurvan*, авест. *Gəuθ Urvan* ‘душа быка’. В «Авесте» – женское божество, покровительствующее скоту, царям и героям <...>. В пехлевийских текстах отождествляется с душой убитого Ахриманом единорога быка («*Bundahišn*»). "Гошурван, как душа единорога быка, вышел из его тела, встал перед быком" и очень громко, "так, как если бы разом закричала тысяча человек", спросил Ормазда о человеке, которого он обещал создать, чтобы тот заботился о скоте. <...> Гошурван назван "богом всех животных", при почитании которого для приготовления ритуального напитка используется молоко козы». [Чунакова, 2004, с. 88].

Фравашам (ср.-перс. *fravahr*, авест. *fravašay-*) посвящен первый месяц зороастрийского календаря и девятнадцатый день каждого месяца (Фравардин). Фраваша в пехлевийских сочинениях – это бессмертные души, существующие до рождения людей и остающиеся жить после их смерти, своего рода ангелы-хранители. «Очевидно, в индоиранскую эпоху мыслились, как души предков, продолжающих загробное существование, и посвященная им декада перед весенним равноденствием (последние пять дней года и пять дополнительных) и название первого месяца зороастрийского календаря (фравардин) свидетельствуют о связи культа предков с культом умирающей и воскресающей природы. В "Авесте" фраваша описываются как крылатые существа в доспехах и с оружием, фравашами обладают все существа, в том числе Ахура Мазда, и объекты природы. <...> Фраваша воинов вместе с душами героев, "на конях и с копьями в руках", окружили небо и защитили его от Злого Духа ("*Bundahišn*"). <...> Наличие у человека бессмертной души заставляет его больше заботиться о судьбах мира», цит. по: [Чунакова 2004, с. 47-49].

В пехлевийских сочинениях сохраняются в авестийской форме наименования шести *гаханбаров* – сезонных земледельческих и пастушеских праздников. Для нашей темы важно наименование шестого гahanbara *Хамаспадмайдим* – праздника, посвященного угощению фравашей (авест. *hamaspadmaēdaya-*), см. [Чунакова 2004, с. 84] и см. выше у Мэри Бойс о «Празднестве всех душ».

Понятие ‘душа’ у современных зороастрийцев Ирана

Характерным признаком менталитета и конфессиональной практики современных зороастрийцев Ирана является сохранение древнего культа усопших и культа предков-праведников. Зороастрийцы верят, что души усопших неразрывно связаны с миром живых, а их (усопших) ангелы – фраваша – в назначенное время спускаются с небес, чтобы

убедиться в благополучии своих близких. Последние готовятся к таким посещениям и к угощению фравашей.

В языке зороастрийском дари понятие ‘душа’ представлено лексемой **vrun**. Это закономерная фонетическая трансформация ав. *urvan*, ср.-перс. *ruvān*: закономерный переход *ā > u (характерный также, например, для разговорного персидского: *Tehrūn* ‘Тегеран’); а также перестановка согласных, например, в окрестных деревнях Йезда: *vzin* < *zvin* < *zamin* ‘земля’ и др. См. также передачу этой лексемы у авторов XX в.: **vorun** (*Sorushiyān.*); **rewun** (*Ivanow*) ‘душа, дух’, ср. в говоре кермани *govun*, в говоре йезди-еврейском *gavun*, ав. *urvan-*, ср.-перс. *ruvān*, кл. перс. *ravān id.*

Судя по всему, зор. дари **vrun** относится к (покойному) человеку и едва ли к животным.

Один из образцов употребления **vrun** в словаре потомственной зороастрийки профессора Тегеранского Университета К. Маздапур [*Mazdāpour* 2006, p. 202] (далее сокращенно *M.*): *mē-di vrun-me gal-e vrūna: mo-se ge bud-o-brēng ekren, mordegun vōri ge bud ekešen, mē-di pō-me šol ebut!* ‘И моя душа вместе с душами (умерших): когда готовят (ритуальную еду) *bud-o-brēng*, умершие обоняют (этот) запах, у меня слабеют ноги (и томится сердце)’.

В этой фразе используется также лексема (персизм) **mordegun** (в форме мн. числа) ‘(души) умерших’, ср. глагол зор. дари **martvun** ‘умирать’ (при перс. *mordan*).

Здесь уместно привести *фразеологизмы*, в состав которых входит зороастрийская дари лексема **vrun**.

1) Употребительный фразеологизм **vrun-o-tēn** ‘душа/души умерших’, букв. ‘душа и тело’: *vājen tēng-e šāv, vaxt-e parseš on o vrun-o-tēn eparsen ge čera mo kōr-e-d kart o o kōr-e-d nakart...* ‘Говорят, на закате [наступает] время вопросов (букв. *parseš* ‘спрашивания’), и у души покойного спрашивают: почему ты это делал(а), а это не делал(а)’...; *yaki trin-e nun abeni ge bud-e nun e xda bar šu vo vrun-o-tēn ya:na bud-oš vekešen!* ‘устройте печь для выпекания хлеба, чтобы из дома поднимался запах хлеба, и души умерших обоняли его’; *har-či brō sōl o gombōr e peši mo drest ekrim xo xa-mo xrim; faqat mo bud-e-š on ge mordegun e rāsa o vrun-o-tēn bud-oš e kešen!* ‘Все, что мы готовим для поминок (*sōl*) и Гаханбара, мы едим сами; единственно запах (еды) достигает умерших, и их души обоняют этот запах!’

2) Сходным значением обладает фразеологизм **vrun-behešti**, **behešti** (*M.*) ‘покойный, житель рая’, букв. «райская (душа)». Заметим, что с точки зрения фонетики прилагательное **behešti** – *очевидный персизм*: исторический начальный согласный *v-* в зороастрийском дари (языке северо-западной группы) закономерно дает *v-* (*veh* ‘лучше, лучший’, но перс. *beh*). Образец фразеологизма: **vrun-behešti** *ne xo in tu ōv*

о savzi-ye behest a (М.) ‘Он(а) теперь – житель рая, пребывает в райских куцах’; memu **behešti** уоп... ‘Моя мать (теперь) обитает в раю...’.

3) Фразеологизм **homārovānān**. В новогодней газете зороастрийцев «Amordād» (от 7 марта 2009) г. опубликована заметка (на персидском языке) под заголовком («jāye **homārovānān** dar sale now sabz bād»), где обращает на себя внимание лексема **homārovānān**. Заголовок можно перевести примерно так: ‘Будем помнить об усопших в новом году (и сожалеть, что их нет с нами)’. В словаре Сорушияна [Sorushiyān, p. 184] представлен (судя по помете «к.») лишь керманский вариант лексемы *hamārovunūn* (это подтверждается и передачей буквы алеф как ā, ср. зор. дари օ). Варианта из Йезда у Сорушияна нет. Толкование лексемы таково: это место, куда уходят души усопших по истечении тридцати лет после расставания со своим телом. Они возвращаются на землю во время схождения ангелов-фравашей к праздникам и гаханбарам.

Вместе с тем в словаре К. Маздапур в составе фразы-иллюстрации к глаголу зор. дари (**v**)*ōmorzidvun* ‘прощать’ встречаем, возможно, эту же лексему (сохраняем транскрипцию и орфографию К. Маздапур): xđō šo biyāmorzā, **hamā-vrunun!** Персидский перевод этой фразы таков: ‘Да простит Господь все души (и усопших)!’ Т.е. первый компонент сложения транскрибируется и трактуется как местоимение ‘все’.

4) Фразеологизм зор. дари **genza-i vrun** (букв. ‘комната души’) – комната, которая посвящена покойным родственникам семьи; обычно каждую ночь в ней зажигают свечи; в комнате находятся фотографии покойных, книга «Авесты» и прочие традиционные атрибуты, как то: зеркало, розовая вода, ветки вечнозеленых деревьев, например, самшита, мирта, кипариса, и несколько роз.

5) Фразеологизм **sofr-i var-i vrun**, букв. «скатерть/угощение перед душой». В любом обряде, который устраивают ради души умершего, перед мобедом (зороастрийским священником) раскладывают *лорк* (смесь сухофруктов, орехов и пр.), традиционные еду и питье. Отмечается [Keshavarz, p. 66], что в настоящее время все это делается в сокращенном объеме: ограничиваются лорком, *вардрином* (сезонными фруктами) и небольшим количеством традиционной еды.

Во всех приведенных образцах с лексемой **vrun** она использована в традиционном значении ‘душа’.

Вместе с тем в языке современных зороастрийцев Ирана наблюдается *семантический сдвиг* в этой лексеме: помимо своего основного значения, она употребляется также для обозначения **тела покойного** зороастрийца. Этот сдвиг обусловлен, очевидно, этнопсихологией и речевым этикетом.

Что касается трупа покойного зороастрийца, он считается нечистым и соприкасаться с ним могут только особые лица, соблюдающие ритуальные процедуры. Не исключено, в связи с этими установками,

и использование *эвфемизма* для обозначения соответствующей реалии. Помимо этого, зороастрийцы, как и другие иранцы, соблюдают *речевой этикет*, что также могло повлиять на изменение семантики рассматриваемой лексемы. Подтверждением сказанному может служить имеющееся в словаре зороастрийца К. Кешаварза [Keshavarz 1993, p. 113] пояснение к слову **vrun**: «душа умершего человека. Из уважения так же называют труп, еще не преданный земле».

В зороастрийских текстах, записанных Д. Л. Лоримером в Йезде в 1914 г. и изданных в XXI в. Ф. Вахманом и Г. Асатрянном, говорится, что после обмывания, облачения в сидр и связывания покойника два салара очерчивают железным гвоздем линию вокруг четырех частей тела покойного. В оригинальном тексте последний назван **mō rawūn-a** – это существительное с суффиксальным *-a* артиклем определенности и указательным местоимением *mō*. Лоример писал [V.-A., p. 78]: «rawūn (с определенным артиклем – rawūna) – ‘труп’; должно быть, от rawān ‘душа’». Еще подобный образец у Лоримера [V.-A., III, p. 33, № 25]: *sīrat-i mō rawūn* ‘лицо покойного’ (без суфф. *-a*).

В словаре К. Маздапур [Mazdāpour 2006, p. 202] (в этом словаре заголовки статей – персидские слова) в статье «*janāze* – труп» приведены следующие эквиваленты зороастрийского дари: **jenāza**, **vrun** (= *ravān*), **jasad/t**. Там же имеется иллюстративная фраза: *hemīša mo nevōta jasat o jnāza o šo vōta vrun, o xiyōl de rasa ge vrun e dōdgaḥ e brēn o jasat o jnāza e sart-xuna e nen!* «Прежде мы не говорили **jasat** и **jnāza**, но говорили **vrun** (*ravān*), ты бы подумала, что «*ravān*» (по)несут в *dōdgaḥ* (и дахму), а **jasat** и **jnāza** поместят в «*sard-xāne*!»» См. **sart-xuna** с персидским переводом *sard-xāne* [там же] (в современном персидском «холодильник, ледник; рефрижератор», а также «морг» – в одном из последних словарей Анвари).

Другая фраза : ... *mo di ge vrun šo šted o vi kasn-o-kina šo bart e yōgi-y haqq o šo pōd yōge-y xa* «...мы увидели, что его труп подняли и без хлопот отнесли на достойное место и положили его на свое место (= в дахму или в могилу)» [там же].

В первом томе того же словаря К. Маздапур (вышедшем в свет на 11 лет раньше второго тома) также находим фразу с лексемой **vrun** в значении ‘тело покойного’: *ya yōgih-y ge tōq dōra o vrun tu rah-ye dōdgaḥ šo zvīn e nōd o vestō šo xēn, di šo parseš e vōt...* «Одно место, имеющее свод/арку, [и где] тело покойника, по дороге к дахме, опускали (букв. клали) на землю и читали Авесту, тоже называли *parseš...*». См. также [Mazdāpour 2004, с. 294, сн. 3].

Приведенные сведения свидетельствуют о том, что современные зороастрийцы Ирана сохраняют древний иранский культ усопших и культ предков-праведников. Сохраняются и соблюдаются (иногда в со-

кращенном виде) старые обряды. Вместе с тем происходит постепенное изменение семантики старинной зороастрийской терминологии (не говоря о ее сокращении). Не исключено, что часть древнейшей, авестийской лексики затемняется и, возможно, заменяется новообразованиями описательного характера (см. неясное наименование шестого гаханбара «Празднество всех душ» и явно связанное с ним по значению и функции вероятное новообразование «все души»).

Приведенные сведения отражают также общеизвестное двуязычие (зороастрийский дари и персидский) у современных зороастрийцев. Зороастрийский дари – язык бесписьменный, так что надписи на могильных камнях делаются на персидском языке. Нельзя не вспомнить надпись над воротами, ведущими к уже заброшенной дахме («башне молчания», месту прежнего труположения зороастрийцев) в г. Йезде. Надпись исполнена на персидском языке и представляет собой смешение лексики персидской и зороастрийского дари: «*Bar foruhar-e rāk-e hame-ye dargozaštēgān dorud bād*» ‘Да будут благословенны чистые фразы всех усопших’.

Литература

1. Бойс Мэри. *Зороастрийцы. Верования и обычаи*. 2-е изд. М. 1988. Перевод и примечания И.М.Стеблин-Каменского.
2. Молчанова Е. К. Йезди, или зороастрийский дари, – бесписьменный иранский язык: динамика развития и взаимодействие с персидским языком // *Миноритарные языки Евразии. Проблемы языковых контактов*. Под ред. И.И. Чельшевой. М., Российская академия наук, Институт языкознания. 2009 г. Рак И. В. *Мифы Древнего Ирана*. Екатеринбург 2006.
3. Чунакова О. М. *Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз Намаг) и другие тексты*. М., 2001.
4. Чунакова О. М. *Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов*. М., 2004.
5. Boyce M. Fravaši // *Encyclopedia Iranica*, vol. X, Fasc. 2, pp. 195-199.
6. Vahman F., Asatrian G. *Notes on the Language and Ethnography of the Zoroastrians of Yazd*. Copenhagen, 2002.
7. *Amordād* (газета зороастрийцев), суббота 17 эсфанда 1387 г. (дата по солнечному календарю, т.е. 7 марта 2009 г.) и по зороастрийскому календарю: Dey-be-Din-ized и Esfand 3746 г.
8. Anvari H. *Farhang-e kuchek-e Soxan*. Tehrān, 1383/2004.
9. Farahvashi, Bahram. *Farhange zabane Pahlavi*. Tehran, 1381/2002.

10. Keshavarz K. *Farhange zartoshtiyāne ostāne Yazd*. Eskilstuna, Sweden, 1993.
11. Mazdāpour K. *Pendāšteye nāpāki va tathir dar ketabe Šāyast-Nā-šāyast // Dāye gole sorx va čehārdah goftāre digar darbāreye osture*. Tehrān, 1383/2004, pp. 264-309.
12. Mazdāpour K. *Vāzhe-nāme-ye guyesh-e behdinān-e shahr-e Yazd. Jeld-e avval*. Tehrān, 1995; Jeld-e dovvom. Tehrān, 2006.
13. Soroushiyān J. S. *Farhang-e Behdīnān*. Tehrān, 1956.

«Видеть» и «знать» в диахронии кхмерского языка: пути семантической деривации

1. Вводные замечания

Глагол «видеть», как и другие перцептивные глаголы, в разных языках имеет характерную модель семантической деривации: у него развивается ментальное значение. У глагола «видеть» могут быть производные значения знания и мнения, а также значение воображаемого зрительного восприятия, когда образ возникает в сознании без стимула извне (*видеть, как наяву*). В кхмерском языке используется уникальный способ устранения многозначности глагола «видеть». Это возможно благодаря особой, не имеющей аналога в европейских языках языковой единице – лексическому комплексу (ЛК)¹.

В данной статье рассматривается использование ЛК для устранения многозначности глаголов, совмещающих значение зрительного восприятия и ментальное значение в древне-кхмерском (ДКМ), средне-кхмерском и современном кхмерском языке.

2. Древнекхмерский язык

В древнекхмерском языке перцептивное и ментальное значение совмещает глагол *yal (yol)*² ‘see, perceive; recognize, know; learn, find out, determine’ (ДАК). Он отмечается в надписях ангорского периода (802–1432 AD). В надписях пре-ангорского периода (612–802 AD) это слово отмечается только два раза, в обоих случаях в именах рабов: *yal* (K739:8), *yul* (K560:7).

Проблема неоднозначности глагола *yal (yol)* в ДКМ решается посредством создания лексических комплексов. Когда *yal (yol)*, употребляется в ментальном значении как глагол знания, оценки или мнения, он выступает самостоятельно, не образуя ЛК с поясняющими компонентами. Когда *yal (yol)* употребляется как перцептивная лексема, для

---

¹ О лексическом комплексе см. [Еловков 2006, с. 106–147], [Погибенко 2018a, 2018б].

² Примеры из древнекхмерского языка даются в транслитерации, примеры из среднекхмерского и современного кхмерского языков – в графике и фONOлогической транскрипции.

устранения неоднозначности с ним образуются ЛК со словами, активизирующими значение зрительного восприятия. В качестве такой «группы поддержки» может использоваться слово *unek* ‘глаз, глаза’. На первый взгляд, это похоже на явление экскорпорации инкорпорированного участника ситуации, описанное в работе [Падучева, 2004, с. 57], когда обязательный участник ситуации, не представленный на синтаксическом уровне, выходит на поверхностный уровень в качестве члена предложения, ср. *Я видел это* и *Я видел это собственными глазами*. Однако это только внешнее сходство. Есть два существенных различия. Во-первых, в ДКМ слово «глаза» не получает синтаксической роли члена предложения, а находится в составе ЛК. Во-вторых, функциональная природа экскорпорации участника ситуации «глаза» в ДКМ иная. Если в русском языке она возникает для того, чтобы обеспечить синтаксическую связь с добавленным определением, то в ДКМ она используется, чтобы устранить неоднозначность глагола *yal* (*yol*).

Для устранения неоднозначности глагола *yal* (*yol*) в качестве второго компонента в ЛК может использоваться другая единица, способная активировать перцептивное значение – синонимический ЛК *pratyakṣa prādurbhāva*, состоящий из санскритских заимствований, букв. ‘visible, perceptible, observable – to come into view, appear, be manifested’ (DAK). В состав *pratyakṣa* (скр. *pratyakṣa* ‘present before the eyes, visible’) входит корень *akṣan* ‘глаз’, а в семантической структуре слова *prādurbhāva* «глаза» являются инкорпорированным участником, т.е. обязательным участником описываемой глаголом ситуации, не получающим синтаксической роли в предложении³.

Как актуализатор перцептивного значения слово *pratyakṣa* еще отмечается в ЛК с ментальным глаголом *tyaṅ* (современное *duñ*) ‘знать (по опыту); понимать’. Это происходит, когда *tyaṅ* употребляется в значении ‘узнавать, распознавать’, где присутствует перцептивный компонент⁴, например:

- (1) д.кхм. *cur tyāṅ samartha pratyakṣa tyāṅ sot*
 Познай (= *tyāṅ pratyakṣa*) свои возможности, познай (их) больше’
 (K393N, 9)⁵

³ Об инкорпорированных и экскорпорированных участниках ситуации см. [Падучева, 2004, с. 57].

⁴ О богатой смысловой палитре глагола «знать» в русском языке и о том, что его лексическое значение, располагаясь между полюсами «истинное знание» и «мнение», пересекается с семантикой некоторых других ментальных предикатов, говорится в [НОСС, 2004, с. 397].

⁵ В номере ДКМ надписи цифры после запятой обозначают номер строки.

Ф. Дженнер переводит (1) как ‘Pray recognize (your) manifest (= *pratyakṣa*) abilities and know (them well)’ (ДАК, р. 363). В данном случае, как и в других случаях, о которых речь пойдет ниже, исследователи рассматривают ЛК с семантическими актуализаторами перцептивного значения как синтаксические структуры (словосочетания) и при переводе приписывают актуализатору перцептивного значения функцию члена предложения.

Рассмотрим пример, где *yal* используется в двух разных значениях – перцептивном и ментальном, чему соответствует разная форма номинаций. Лексема *yal*₁ выступает самостоятельно в ментальном значении как глагол мнения, оценки, *yal*₂ выступает в перцептивном значении в составе ЛК со словом *vnek* ‘глаз, глаза’.

- (2) *kaṃrateṅ aṅ vraḥ guru res nāṃ yal₁ dhūli vraḥ pāda dhūli jeṅ vraḥ kaṃrateṅ aṅ nāṃ yal₂ vnek ni ta vraḥ vleṅ nu vrāhmaṇ ācāryya nu kaṃsteṅ aṅ [raja]kulamahāmantri nu khloṅ vala phoṅ vraḥ karuṇā duk jā varṇṇa khmuk vraḥ kralā arccana jā varṇṇa karmmāntara hau pandval vṅya oṃ vara <...>*

‘Его преподавание наставник, выбрав (монахов), привел **увидеть** (= *yal*) его величество, привел **увидеть** (= *yal vnek*) священный огонь и брахманов, наставников, его преподавание *Rajakulamahāmantri* и всех командующих. Его милость соизволил учредить касту *khmuk* молельного павильона и касту *karmmāntara*. (Его милость) призвал (выбранных монахов), чтобы возложить им на головы цветы и дать им свое благословение’ (К444В, 13-15).

Ф. Дженнер переводит *yal vnek* как «see with [their] own eyes» (ДАК, р. 451), приписывая слову *vnek* ‘глаз’ функцию члена предложения. Но в данном случае *vnek* не является членом предложения (дополнением), как, например, в сов. кхм. *khə:n nuṅ phne:k* ‘увидеть собственными глазами’ (букв. ‘видеть – PREP – глаз’), а является компонентом ЛК. Его функция заключается не в том, чтобы реализовать свое лексическое значение и выступить в качестве члена предложения, а в том, чтобы устранить неоднозначность глагола *yal*.

В синтаксической структуре предложения (2) и простой глагол, и ЛК имеют симметричное вхождение: они являются предикатными актантами двух сочиненных конструкций: *nāṃ yal₁* ‘привел увидеть’ и *nāṃ yal₂ vnek* ‘привел увидеть’. Из текста следует, что *yal₁* описывает ситуацию, когда выбранные монахи должны были увидаться с королем, чтобы король мог одобрить их кандидатуры, что является ментальной деятельностью⁶. Глагол *yal₂* описывает ситуацию, когда ее участники

⁶ В современном языке одобрение выражается при помощи ЛК с этим же глаголом: *jūəl prə:m* ‘соглашаться, давать согласие’, букв. ‘понимать – делать вместе, соглашаться’.

должны были увидеть кандидатуры, одобренные монархом, что является перцептивной деятельностью.

Предложенное нами толкование значения *yal*₁ следует из содержания надписи. Она выгравирована на стеле из Кампонгтхом и представляет собой указ короля Джаявармана V о создании двух новых каст (корпораций). В ней описывается, кем и как выбирались кандидатуры, которым предстояло составить костяк (*mūla*) двух новых корпораций, их права и обязанности, характер субординации по отношению к уже существовавшим кастам. В конце надписи говорится о церемонии инвеституры двух групп, состоящих из двадцати монахов: каждому вручалась пластина из золота или из серебра, на которой предстояло выгравировать текст указа.

Как указывает Ж. Сёдес [ПС II, с. 62], этот же фрагмент с небольшими вариациями отмечается еще в двух надписях: K868A, датируемой тем же годом, что и K444B (974 A.D.), и в более поздней надписи K175S (979/987 A.D.). В этих надписях также используется ЛК *yal vnek* с перцептивным значением. Пример из надписи K868A:

- (3) *kamrateñ añ vraḥ guru res paṃnvās roḥ vraḥ ḥāsana dhūlī vraḥ pāda dhūlī jeñ vraḥ kamrateñ añ nām yal vnek ni ta vraḥ vleñ nu vrāhmañ ācārya nu kaṃsteñ añ [raja]kulamahāmantri nu khlōñ vala phoñ*
<...>

‘Его преподобие наставник, выбрал монахов по распоряжению его величества, привел **увидеть** (= *yal vnek*) священный огонь и брахманов, наставников, его преподобие *Rajakulamahāmantri* и всех командующих’ (K868A, 24-28)

В следующем предложении глагол *yal* имеет перцептивное значение и выступает в составе ЛК *yal pratyakṣa prādurbhāva*, где в качестве аугмента перцептивного значения используется вложенный синонимический ЛК, состоящий из санскритских заимствований, букв. ‘visible, perceptible, observable – to come into view, appear, be manifested’ (DAK):

- (4) <...> *man kamrateñ jagat śrī bhadreśvara liṅgapura mok punarbhāva āy śrī śikarīśvara piy gi vraḥ tejaḥ ta yal pratyakṣa prādurbhāva*

<...> что Верховный господин мира *Śrī Bhadreśvara Liṅgapura* пришел, чтобы возродиться в *Śrī Śikarīśvara*, дабы (его) божественная огненная энергия была **видима** (= *ta yal pratyakṣa prādurbhāva*, букв. ‘DP – видеть – видимый – стать видимым’) (K380E, 3-5)

Перевод Ф. Дженнера «with the result that his fiery energy, visible to the eye, is manifest» так же, как и в случае перевода предложения в (2), основан на непризнании того факта, что *yal pratyakṣa prādurbhāva* является единым ЛК, где *pratyakṣa prādurbhāva* является компонентом ЛК,

функция которого заключается не в том, чтобы реализовать свое лексическое значение и выступить в качестве члена предложения, а в том, чтобы устранить неоднозначность глагола *yal*. Более того, маркер зависимой предикации *ta* ‘DP’ показывает, что ЛК *yal pratyakṣa prādurbhāva* – это единица, не членимая на члены предложения, которая выступает в функции зависимого предиката – определения к *vraḥ tejah* ‘божественная огненная энергия’.

Гибридные ЛК, включающие в свой состав санскритские и палийские заимствования, используются часто в ДКМ текстах. Как отмечается в работе [Погибенко, 2019, с. 265] они имели чисто прагматическую функцию. Использование концептологии заимствованных религий – индуизма и буддизма – было сопряжено с заимствованием слов, выражающих эти концепты. Знание санскрита и пали было привилегией высших слоев общества. Чтобы надписи на камне в храмах и святилищах были понятны и другим верующим, использовались гибридные ЛК, в которых кхмерское слово поясняло заимствованное. Однако в случае гибридного ЛК, представленного в примере (4), не кхмерское слово поясняет санскритские заимствования, а санскритские слова акцентируют перцептивное значение кхмерской лексемы.

В тех случаях, когда глагол *yal* (*vol*) использовался как ментальный, он употреблялся самостоятельно, не образуя ЛК с поясняющими компонентами. Например:

- (5) *yal man neḥ tai kanhyañ ti vap rau oy thlāy krapī*
 ‘Он **узнал** (= *yal*), что эта женщина *Kanhyañ*, которую *Vap Rau* отдал в качестве уплаты за буйвола’ (K233B, 7)

В следующем предложении на первый взгляд может показаться, что использование глагола *vol* ‘видеть’ без компонента, акцентирующего перцептивное значение, нарушает сформулированное правило. Однако это не так. В данном случае переносное значение глагола *vol* мигрирует в сторону ментального значения: в отличие от ситуации «видеть наяву», ситуация «видеть во сне» предполагает другой орган восприятия.

- (6) *vap phdam ta gi svam pratyādeśa vol kaṃmraten añ vaiṣṇava mvāy*
pandval ta vraḥ pāda viṣṇuloka thā daha ṅyāñ vi - - - pi sthāpa rūpa
añ bhaktiy añ oy tammrya noḥ viñ

‘Ночью, во сне, испросив наставления, (он)⁷ **увидел** (= *vol*) некоего господина *Vaiṣṇava*, который изрек в адрес его величества

⁷ Речь идет о Джаявармане III, а эпизод описывает произошедшее с ним в год его восшествия на престол в возрасте шестнадцати лет (850 AD): молодой король отловил слона, а слон убежал обратно в лес.

*Viṣṇuloka*⁸ следующее: «если в *Vi* - - - - построишь мою статую для поклонения, я верну этого слона» (K521S, 4-7).

В следующем примере *yal* употребляется самостоятельно, потому что его значение скорее ментальное, связанное со знанием, *ta yal* ‘которых видели’ в данном случае означает ‘о которых известно’:

(7) *nā bhāga vīravarmma ta yal man ṅyāñ udyoga cāp - - - kamrateñ jagat pi nām kulavr̥ṇḍopāya phoñ mokk çapata bhaktiy ta kamrateñ jagatt*

‘Что касается группы (людей) *Vīravarmma*, **которых видели** (= *ta yal*, букв. ‘DP – видеть’), что (они) стараются усердно служить (= *ṅyāñ udyoga cām*) - - - богу, пусть приводят своих домочадцев дать клятву верности богу’⁹ (K 380E, 19-20).

Ж. Сёдес переводит клаузу *ta yal man ṅyāñ udyoga cāp - - - kamrateñ jagat* как «сеux que l’on voit inciter les autres à s’efforcer de saisir - - - au dieu» ‘те, которых видели, как они подстрекают других хватать (т.е. красть) в храме’. На наш взгляд, этот перевод неправильный. Он противоречит логико-коммуникативной структуре текста и характеру культурно-исторического момента, о котором повествует надпись.

Перевод Ж. Сёдеса основывается на двух ложных посылах. Во-первых, Ж. Сёдес не принял во внимание то, что слово *cāp* ‘брать, хватать’ является ошибочным написанием вместо *cām* ‘хранить, служить, быть преданным’¹⁰. Во-вторых, он не признает такой единицы как лексический комплекс и анализирует последовательность *ṅyāñ udyoga* как каузативную конструкцию ‘побуждать других стараться (хватать)’. На наш взгляд, *ṅyāñ udyoga* является гибридным синонимическим ЛК со значением ‘стараться, стремиться’, где *ṅyāñ* ‘1. to strive, do one’s best, endeavor, 2. to incite, to compel, to order’ (ДАК), *udyoga* ‘to exert oneself (прилагать усилия), strive (стремиться, прилагать усилия), strain, make every effort, do one’s utmost’ (ДАК). С учетом этих двух поправок *ṅyāñ udyoga cām* можно перевести как ‘стараться усердно служить’ вместо ‘подстрекавать других хватать’. Контекст и историческая ситуация свидетельствуют о том, что перевод Ж. Седеса делает высказывание лишенным смысла, не согласующимся с логической структурой данной надписи. Поясним это предположение.

K380E входит в комплекс надписей древнего храма Кхмерской империи Прэахвихеа¹¹. Этот храм, посвященный богу Шиве, начал стро-

⁸ Посмертное имя короля Джаявармана III.

⁹ Перевод мой – Т. П.

¹⁰ Хотя в сноске (8) [IC VI, с. 268] Ж. Сёдес замечает, что, возможно, вместо *cāp* ‘брать, хватать’ должно быть *cām* ‘хранить, служить, быть преданным’.

¹¹ В наше время этот храм является объектом территориального спора между Камбоджей и Таиландом.

ить король Яшоварман I (889–901 AD). Надписи K380 относятся к эпохе правления Суриявармана I (1001/06–1050 AD), которая ознаменовалась расцветом культа Шивы. Этому королю долгое время считали буддистом, исходя из его посмертного имени Нирванапада. Однако теперь считается, что он исповедовал шиваизм [Дажан 2009, с. 419]. Надпись K380E посвящена знаменательному событию: возрождению Сурияварманом I культа Шивы в Преахвихеа. Текст начинается словами «Слава гуру, из которых Шива наипервейший! Процветания для Шри Суриявармадевы! Успех!» [IC, VI, p. 267]. Далее говорится, что после того, как король возвестил о том, что бог *Ṣrī Bhadrēṣvara* из *Liṅgapura* возродился в бога *Ṣrī Ṣikharīṣvara* (Преахвихеа), явив всем свою божественную силу, члены королевской семьи собрались в храме, куда король повелел призвать старейшин и знать с их родственниками и домочадцами. Все они должны были дать клятву верности и преданности новому божеству. Клятва включала обязательство сохранять храм, обеспечивать его содержание, защищать от врагов и бунтарей. Король повелел, чтобы такую же клятву принесли пять категорий подданных. Они перечисляются в следующем порядке: 1) люди из ряда эрмитажей и люди из района *Nilakanṭha* и члены их семей, 2) воины и принцы из *Vrai Saṃlañ* и члены их семей и домочадцы, 3) люди из *Vīravarmma* и члены их семей и домочадцы, 4) люди из *Jeñ Vnam* и члены их семей 5) люди из *Thpal Saṃlañ* и члены их семей.

В рассматриваемом примере (7) король обращается к третьей категории подданных. Исходя из структуры и содержания надписи, представляется более логичным то, что к ним король обращается не как к подстрекателям, а как к истинно преданным, которым наравне с другими группами подданных предстоит поддержать короля в его усилиях по возрождению культа Шивы.

Что касается предположения об ошибочном написании слова *cār* ‘брат, хватать’ вместо слова *cām* ‘хранить, служить, быть преданным’, есть еще один аргумент в его пользу. В древнекхмерском, как и в современном кхмерском, конечнослоговые взрывные /p, t, k/ произносились имплозивно. Поэтому имплозивный [p] и губной [m] можно легко перепутать на слух. Так что человек, записывавший указ короля под диктовку, мог легко перепутать слова *cār* и *cām*. Такую ошибку мог сделать писарь, храмовый летописец или гравер.

Итак, в ДКМ глагол *yal* (*yal*) ‘видеть, воспринимать, знать, выяснять’ в тех случаях, когда он употреблялся как перцептивная лексема, в целях устранения неоднозначности мог образовывать ЛК со словами, которые акцентировали перцептивный компонент значения.

Неоднозначность глагола *yal* (*yal*) может устраняться не только при помощи создания такой лингвоспецифической единицы номинации, как ЛК, но и тривиальным образом, при помощи чисто синтаксических

средств. Приведем пример, в котором глагол *yal* (*vol*) в перцептивном значении выступает самостоятельно, не образуя лексического комплекса, однако в этом случае есть другие члены предложения, которые устраняют его неоднозначность. В следующем предложении *yal* выступает с модификатором *jveñ* ‘1. to be visible for a long way, be clear, 2. to see a long way, see or understand clearly’ (ДАК)¹². Но он не устраняет полисемию глагола *yal*, поскольку сам совмещает перцептивное и ментальное значение. Несмотря на то, что часть предложения не поддается переводу, видно, что полисемия устраняется благодаря ИГ прямого объекта *gi rupa kānti* ‘эти прекрасные изображения’.

- (8) *ruv kalpa gi tapaḥ ta mān - - yal jveñ ti agra gi - - ruya gi rupa kānti*
 ‘*ruv kalpa gi tapaḥ ta mān - - видеть* издалека (эти) возвышающиеся места (речь идет об установленных изображениях Брахмы, Вишну и Шивы) *gi - - ruya* эти прекрасные изображения’ (K393S, 38-39)

В текстах надписей ангорского периода всего отмечается десять случаев употребления *yal* (*vol*) ‘видеть, знать’, восемь из них включены в корпус IC, все они были рассмотрены выше.

3. Среднекхмерский язык

В кхмерской Рамаяне, создание которой относится к среднекхмерскому периоду, глагол *jūəl*, так же как и в ДКМ глагол *yal* (*vol*), имеет и ментальное, и перцептивное значение. Однако, в отличие от ДКМ, употребляясь в перцептивном значении, он может выступать самостоятельно, не образуя ЛК с семантическими аугментами. Есть пример, когда другие глаголы, не перцептивные, но в семантической структуре которых перцептивной компонент присутствует, образуют ЛК с санскритским заимствованием *nè:tra*: ‘глаз, глаза’: *kə:j kən rumpèj nè:tra*:, букв. ‘смотреть, наблюдать – смотреть, осматривать (оценивая) – тщательно разглядывать, обследовать – глаза’. И только в подсистеме «королевской» и «монашеской» лексики с глаголом *jūəl* для выражения перцептивного значения начинает использоваться ЛК *tə:t jūəl* ‘видеть (о боге, короле)’, где *tə:t* ‘смотреть (о боге, короле)’. При выражении ментального значения кроме *jūəl* используются его синонимы *duñ* и *skōəl*. См. Таблицу 1.

Рассмотрим все эти случаи в двух дошедших до нас текстах кхмерской Рамаяны – Риемке I (16-17 вв.) и Риемке II (18 в.).

¹² В надписях он отмечается только один раз.

jǔəl с перцептивным значением

- (9) ដូងស្លាដុះល្ប់ *do:ŋ sla: doh ləjum* Кокосовые и арековые пальмы растут, свисая, плотно окружая келью
- បន្សំព្រះកុដិឆ្កើង *bənsom prěəh kot phkaəŋ*
- រៀងរាយបីយល់ឡើង *riəŋ riəj bej jǔəl laəŋ* рядами, **видя** (=jǔəl) (это), поднимается
- គួរដៃក្តិតបីចន្លូកន្លាស់។ *kuə dai kdec bec chlo:k chlah* (сама) рука сорвать все это¹³. (RI, 5)¹⁴
- (10) ទូលថាបពិត្រព្រះអង្គ *tu:l tha: bəput prěəh ʔəŋ* обратилась к королеве: «О, госпожа, Вы
- យល់ស្តេចទៅគង់នៅនា *jǔəl sdac təw kǔəŋ nəw niə* **видели** (=jǔəl) короля, (когда) оказались в
- នគរទសមុខយក្សា *no:kə: tǎəsaʔ muk jǎək* городе десятиголового демона,
- ចិត្តចោរដួងគិរិអប្រិយ។ *cet cao cuə ciət ʔaprej* распутного, подлого, мерзкого». (RII, 37)
- (11) រូបរាងរាពនោះកើម្តេច *ru:p riəŋ riəp nuh taə mdec* Как выглядит этот Равана?
- សូមទានសម្តេចមហេសី *so:m tiən səmdac mətʰe:sej* Милости прошу, королева!
- ខ្ញុំកើតមកជំងឺម្ល៉េះក្តី *khnom kaət mət:k thom mleh kdej* Я, сколько живу на свете,
- ពុំដែលបានយល់ដល់ម្តង។ *pum dael ba:n jǔəl dvl mdv:ŋ* никогда, ни разу его не **видела** (=jǔəl). (RII, 38)
- (12) ស្តេចយល់អស់ស្ត្រីកំពុង *sdac jǔəl ʔəh snom rǔət puən* Король **увидел** (=jǔəl), все служанки разбежались и попрятались
- ភិតភ័យលាក់ខ្លួនបោះណា *phut phej lǎək khluən snvəh na:* в страхе, кто куда (RII, 67)

¹³ Здесь и далее перевод мой – Т. П.

¹⁴ В ссылках на тексты Риемке I и Риемке II арабскими цифрами обозначены номера строф.

Лексический комплекс *tə:t jǔəl* с перцептивным значением

Есть примеры, в которых многозначность глагола *jǔəl* ‘видеть; понимать’ устраняется посредством образования ЛК *tə:t jǔəl* ‘видеть (о короле)’ с глаголом *tə:t* ‘смотреть (о боге, короле)’. Так, в строфах 67–106, в которых описывается эпизод безумствующего Рамы, для описания зрительного восприятия королевских особ (Рамы, Ситы и Лакшмана) несколько раз используется глагол *jǔəl* (строфы 67, 69, 75, 80, 85 (два раза), 93), и только один раз – ЛК *tə:t jǔəl*.

(13)	កាលអើយកាលនោះ ព្រះនរោត្តមធិរាជចមពង្ស	<i>ka:l ʔaaj ka:l nuh prəəh nəərun riəc svmpəŋ</i>	И тут король, верховный властелин,
	ទកយល់រូបរាជយក្សយង	<i>tə:t jǔəl ru:p riəp jəək jəŋ</i>	увидел (= <i>tə:t jǔəl</i>) портрет Раваны, свирепого демона,
	ក្រែវក្រោធដូចភ្លើងវិស័យ។	<i>kre:w kraot douc phlə:ŋ visaj</i>	(он) разгневался, словно объятый пламенем. (RII, 88)

Наличие в среднекхмерском языке этого ЛК объясняет нетривиальное изменение значения глагола *jǔəl* в современном кхмерском языке, где он распался на две лексемы: ‘видеть (о боге, короле)’ и ‘понимать’. Приведем пример, из которого видно, с чего мог начаться процесс формирования ЛК *tə:t jǔəl* ‘видеть (о короле)’. Так, в (14) компоненты комплекса пока выступают как сочиненные предикаты, описывающие последовательность ситуаций, и каждый из глаголов имеет свои зависимые элементы: *təw* ‘идти, уходить; PREP’, *jǔəŋ* ‘(майск.) светлый’.

(14)	ក្សត្រី ទត ទៅយង យល់	<i>ksatrej tə:t təw jǔəŋ jǔəl</i>	Королева посмотрела (= <i>tə:t təw</i> ‘смотреть – на’) и увидела (= <i>jǔəŋ jǔəl</i> ‘ясно видеть’),
	ព្រះលក្សមកដល់ហើយណា	<i>prəəh ləəksa? mə:k dɔl haaj na:</i>	(что) пришел Лакшмана,
	នាងនាថង្គាថ្លែងចរចា	<i>niəŋ niət thla: thlaeŋ sv:ca:</i>	драгоценная госпожа рассказала
	ប្រាប់ព្រះអនុជម្ដើមថ្លែង។	<i>prap prəəh ʔanuc thlaəm thlaj</i>	младшему брату короля, (своему) деверю, (RII, 75)

Процесс деривации нового значения глагола *jǔəl* ‘видеть (о боге, короле)’ в современном кхмерском мог произойти на базе ЛК *tə:t jǔəl*

‘видеть (о боге, короле)’ в результате редукции первого компонента, референциальные ограничения которого унаследовал второй компонент. Диахроническая цепочка деривации выглядит следующим образом:

- (15) *ɬə:t jǔəl* ‘смотреть (о боге, короле) и видеть’ > *ɬə:t jǔəl* ‘видеть (о боге, короле)’ > *jǔəl* ‘видеть (о боге, короле)’.

jǔəl с ментальным значением

Приведем примеры из Риемке II, в которых *yǔəl* имеет ментальное значение.

(16)	ខ្ពង់ខ្ពស់នេះយល់ដឹងខុស ច្រឡើងសលើសលោះក្តៅក្តួង តាមតែក្សត្រីច្បាស់ច្បង អត់ទោសប្រោសប្រាណប្រណី។	<i>khluən khnom nih jǔəl ciə khoh</i> <i>crvə̀lə:h lə:h lǔəh chkōəm chkə:ŋ</i> <i>ta:m tae ksatrej cbah cbv:ŋ</i> <i>ʔət tò:h praoh pra:n prvnej</i>	Я понимаю (=yǔəl), (что) провинилась, непростительно нарушила правила. В Вашей власти, благородная королева, проявить милосердие и простить. (RII, 33)
(17)	កាលអើយកាលនោះ ព្រះលក្សអនុជឆ្លើមផ្លែ យល់ព្រះរៀមរាជក្រោធក្រៃ ក្រាស់ឱ្យសម្លាប់សីតា ស្តេចភិតញ្ជើរឆ្លើមប្រមាត់ ដូចព្រះខ័នកាត់សិរសា នឹងចង់ទូលសុំផឹកា យល់ស្តេចក្រៅក្រោធខឹងក្តាត់។	<i>ka:l ʔaəj ka:l nuh prəəh lǎksaʔ ʔanuc thlaəm thləj jǔəl prəəh riəm riəc kraot kraj</i> <i>trah ʔaəj səmlap si:ta:</i> <i>sdac phuət ʔə̀ə thlaəm prəmat</i> <i>douc prəəh khan kat se:sa:</i> <i>nuŋ cvŋ tu:l som thi:da:</i> <i>jǔəl sdac kre:w kraot khuŋ kdat</i>	Тут Лакшмана, младший брат и деверь, понял (=jǔəl), что король Рама очень разгневан, (так как) приказал убить Ситу, (RII, 107) (он) очень испугался и задрожал всем телом, как будто меч короля поразил Шешу ¹⁵ . Захочет попросить за принцессу, понимает (=jǔəl), (что) король еще больше рассвирепеет (RII, 108)

¹⁵ Лакшмана, младший брат Рамы, олицетворяет змея Шешу, индуистского бога, царя всех нагов.

В следующем примере у глагола *jǔəl* ментальный компонент выходит на первый план: коварная демоница сообразила (ментальная деятельность), что сказанное Ситой позволяет ей притвориться, что ее просьба нарисовать портрет Раваны – это якобы чисто женское любопытство, а не ловушка, которую она для нее готовит.

(18) កាលអើយកាលនោះ ឯនាងអគុណមោហ	<i>ka:l ʔaəj ka:l nuh ʔae niəŋ ʔɔtol mò:ha:</i>	Тут злобная Атол,
យល់ក្សត្រិប្រាប់ឆ្ពោះណា	<i>jǔəl ksatrej prap cnvɥ na:</i>	уразумев (= <i>jǔəl</i>), что сказала королева,
ទូលទៀតដោយនូវកលកិច្ច។	<i>tu:l tiət daoj nəw kəl kec</i>	обратилась (к ней), продолжая плести (свой) коварный замысел: (RII, 42)

Синонимы ментального *jǔəl*

В кхмерской Рамаяне отмечается синонимическая замена ментального *jǔəl* на *skǔəl* ‘знать (место, человека), быть знакомым’ (КРС), ‘to know, to become acquainted with, to recognize’ (H77) и *dəŋ* ‘знать, понимать’ (КРС), ‘to know (a fact), to be informed (on some subject)’ (H77). Эти ментальные глаголы отмечаются и в ДКМ надписях: *dəŋ* – ДКМ *tyaŋ* ‘знать (по опыту); понимать’ *skǔəl* – ДКМ *sgal* ‘to know, be acquainted or familiar with’ (DAK) (один случай употребления).

Ср. (18) и (5), где значение ‘узнать’ передается глаголом *yal* сов. кхм. *jǔəl*.

(19) ឯអគុណយក្ខតិភី	<i>ʔae ʔv:tul jeəkkheni:</i>	А демоница Атол
នឹងដើមនរបតីលីលា	<i>dəŋ daəm neərəə? paʔteʔ li:liə</i>	узнала (= <i>dəŋ</i>) (что) Великий господин, прекрасный муж
ក្រឡាប់វិលមកហើយណា	<i>krvlap vuul mək haəj na:</i>	уже вернулся,
បីសាចអរឯងពេកក្តាត់។	<i>bejsa:c ʔv: ʔaəŋ pè:k kdat</i>	злобная, она безмерно обрадовалась, (RII, 50)

В следующем примере *skǔəl* используется как синоним *jǔəl*. При описании данной ситуации востребована ментальная лексема, поскольку демоница из рода Раваны притворяется, что словесное описание Раваны, сделанное Ситой, малопонятно и непостижимо, поэтому она просит Ситу изобразить это на доске.

(20)	សូមទានព្រះអង្គអាសូរ	<i>soum tiən prĕəh ʔəŋ ʔa:so:</i>	Прошу, сжальтесь, королева,
	យកក្តារខៀនតូរបន្តិច	<i>ʝ:k kda: khiən ku: bəntec</i>	нарисуйте на доске,
	មុខដប់ដៃដប់នោះម្តេច	<i>muk dəp dəj dəp nuh mdec</i>	как это, десять лиц, десять рук,
	ខ្ញុំចង់ស្តាប់រូបនោះនែ។	<i>khnom cəŋ skōəl ru:p nuh nəj</i>	я хочу увидеть (=skōəl 'узнать') это изображение. (RII, 43)

Лексический комплекс *kə:j kən rumpəj nə:tra:*

Рассмотрим пример из Риемке II в котором используется ЛК *kə:j kən rumpəj nə:tra:*, букв. ‘смотреть, наблюдать’¹⁶ – смотреть, осматривать (оценивая) – тщательно разглядывать, обследовать – глаза (скр)’.

(21)	សង្ឃឹមមៀរផ្ទាប់ព្រៃ	<i>səsiə təmīə phtōəp prĕj</i>	Шла крадучись вдоль (кромки) леса,
	គយគន់រំពៃនេត្រា	<i>kə:j kən rumpəj nə:tra:</i>	внимательно наблюдала,
	សូតសេពទិព្វមន្តមាយា	<i>sout se:p tuəp mən miəjə</i>	читала магические заклинания, (чтобы) обманом
	និម្មិតប្រែប្រាណតន្ត្រីយ។	<i>nimut prae pra:n ʔəntri:</i>	переволотиться.

(RII, 30)

Синонимический компонент *kə:j kən rumpəj*, входящий в этот ЛК, отмечается и в современном кхмерском, например, в ЛК *rumpəj kə:j kən tə:l* ‘внимательно наблюдать’, где вместо слова «глаза» используется слово «смотреть». Эти ЛК анализируются в [Погибенко, 2020]. Там говорится, что они используются для описания ситуаций, в которых перцептивный и ментальный аспекты одинаково важны. Так, в (20) описывается ситуация, в которой злобная демоница из рода Раваны, только что вышедшая на свет из-под земли, прячется за деревьями, оценивает обстановку и наблюдает за Ситой и ее свитой. С одной стороны, она опасается, как бы себя не выдать до того, как она превратится в служанку из дворца, с другой – она с завистью смотрит, как женщины беззаботно и весело резвятся в воде.

Глаголы *kə:j, kən, rumpəj* не могут в полной мере выразить перцептивный компонент. Они относятся к тому тематическому классу, о котором Е. В. Падучева говорит: «Многие глаголы включают перцеп-

¹⁶ Другое значение этого слова – ‘таможня’.

тивный компонент, но обозначают вполне специфическое действие или деятельность, для которой главное – цель, а не участие восприятия в ее достижении», в качестве примера она приводит, среди прочих, глаголы *досмотреть, отследить, подкараулить* [Падучева, 2004, с. 197]. Слово *nè:tra*: ‘глаза’ в данном случае дает возможность активировать перцептивный компонент, содержащийся в семантической структуре глаголов *кə:j, кən, rɪtrəj*, и вывести его на передний план, создавая, тем самым, объединенную семантическую структуру ЛК, где и ментальный, и перцептивный компоненты имеют одинаковый статус.

Такая весьма утонченная манипуляция со смыслами возможна благодаря лексическому комплексу – языковой единице номинации, объединенная семантическая структура которой устроена, как показывает данный пример, весьма сложным образом.

4. Современный кхмерский язык

В современном кхмерском языке *nè:tra*: ‘глаза’ или *prěəh nè:tra*: ‘глаза бога, короля’ используется в ЛК с перцептивным глаголом *tə:t*: ‘смотреть (о боге, короле)’: *tə:t prěəh nè:tra*: ‘смотреть (о боге, короле)’. Однако в этом случае у компонента *prěəh nè:tra*: нет функции устранения неоднозначности глагола *tə:t*, поскольку он монофункционален.

ДКМ многозначный глагол *yal (yol)*, имевший и перцептивное, и ментальное значение, в современном языке распался на два слова: *jūəl*: ‘видеть (о боге, короле)’ и *jūəl*: ‘понимать’. В качестве глагола, имеющего и перцептивное, и ментальное значение, в современном кхмерском употребляется *khə:n*: ‘видеть; понимать’, и устранение неоднозначности остается по-прежнему актуальным. Эта задача, как и в ДКМ, решается при помощи образования ЛК. В современном кхмерском это *jūəl khə:n*: ‘понимать’ букв. ‘понимать – видеть, понимать’, только теперь акцентируется не перцептивное, как у ДКМ *yal (yol)*, а ментальное значение, и в качестве «группы поддержки» выступает *jūəl*, этимологом которого является ДКМ *yal (yol)*.

Однако требует объяснения порядок следования компонентов в ЛК *jūəl khə:n*, где «группа поддержки», т.е. компонент, активирующий ментальное значение, находится в препозиции к многозначному глаголу. Возможно следующее объяснение. Этот ЛК образовался, когда *jūəl* еще не распался на две лексемы и, как в ДКМ, имел и перцептивное, и ментальное значение, а *khə:n* – только перцептивное. Таким образом, первоначально ЛК *jūəl khə:n* был образован с той же целью, что и ДКМ *yal vnek* и *yal pratyakṣa prādurbhāva*, т.е. для того, чтобы активировать значение зрительного восприятия (см. формы со звездочкой в Таблице 1). В ходе дальнейшего развития слово *yal*, современное *jūəl* утратило перцептивное значение во всех случаях употребления кроме тех, где субъ-

ектом является бог или король, а у слова *khəːŋ*, напротив, закономерно развилось ментальное значение. В результате ЛК *jūəl khəːŋ* изменил свое значение с перцептивного на ментальное ‘понимать’, но порядок следования компонентов остался прежним, что свидетельствует о том, что лексический комплекс – это устойчивая, воспроизводимая единица.

Некоторые особенности перевода глагола «видеть» на кхмерский язык

При переводе с европейских языков на кхмерский язык предложений с глаголом «видеть» используются разные стратегии выражения («упаковывания») перцептивного и ментального компонентов. Рассмотрим примеры из двух версий перевода Библии на кхмерский язык: *Old Version* (KOV, 1954, 1962) и *Standard Version* (KSV, 2005). Между этими переводами есть существенные различия в выборе лексики и синтаксических конструкций, в чем, например, можно убедиться, сравнивая (22) и (23), (24) и (25).

Предложения из главы о сотворении мира, содержащие глагол «видеть», на кхмерский язык переводятся с использованием разных стратегий, суть которых одна – эксплицитное выражение и перцептивного, и ментального компонентов. Рассмотрим эти стратегии.

1. ЛК *tə:t khəːŋ*, букв. ‘смотреть (о боге, короле) – видеть, понимать’ (KSV, 1-4, 10, 12, 18, 21, 25).

- (22) ព្រះជាម្ចាស់ទុកឃើញថា ពន្លឺ
នោះល្អប្រសើរហើយព្រះអង្គក៏បានញែកពន្លឺចេញពីភាពងងឹត
prəəh ciə mcəh tə:t khəːŋ tha: pənlui: nuh lʔv: prəvsəə haəj prəəh ʔvəj
kv: ba:n nɛ:k pənlui: cɛŋ pi: phiəp ɲəŋjut
букв. ‘И Бог **увидел** (= *tə:t khəːŋ*), что этот свет хорош, и Бог
отделил свет от тьмы’ (KSV, 1-4)
‘И **увидел** Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы’
(Библия, 1990, 1-4)

2. «Разорванный ЛК» – полипредикативная структура, в которой перцептивный и ментальный компоненты выражены в вершинных предикатах сочиненных клауз: *khəːŋ ... jūəl* букв. ‘видеть, понимать ... понимать’ (KOV, 1-4), *tə:t ... khəːŋ*, букв. ‘смотреть (о боге, короле) ... видеть, понимать’ (KOV, 1-31)

- (23) ព្រះទ្រង់ឃើញពន្លឺនោះក៏យល់ថាជាល្អហើយ រួចទ្រង់ញែកពន្លឺពីងងឹតចេញ
prəəh trəŋ khəːŋ pənlui: nuh jūəl tha: lʔv: haəj ruəc trəŋ nɛ:k pənlui:
pi: ɲəŋjut cɛŋ
букв. ‘И **увидел** (= *khəːŋ*) Бог тот свет и **понял** (= *jūəl*) что (он)
хорош, и отделил Бог свет от тьмы’ (KOV, 1-4)

‘И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы’
(Библия, 1990, 1-4)

Как можно видеть, в KOV переводчик счел недостаточным употребление полисемантического глагола *khə:n* и для снятия неоднозначности добавил ментальный глагол *jǔəl* отдельной синтаксической предикацией. В последующих стихах – 10, 12, 18, 21, 25, которые содержат повторяющееся «И увидел Бог, что это хорошо», *jǔəl* не используется. Это объясняется тем, что в кхмерском языке в связном тексте повторяющиеся ЛК обычно подвергаются редукции во второй и последующих номинациях, как, например, в примерах (23) и (24) *prĕəh trəŋ* ‘Бог’ во второй клаузе редуцируется до *trəŋ* (подчеркнуто). И только в последнем предложении главы о сотворении мира, где подводится итог, переводчик снова использует «разорванный ЛК» только в другой комплектации:

(24) រួចព្រះគ្រងទុកគ្រប់ទាំងរបស់ដែលទ្រង់បានធ្វើនោះ ក៏ឃើញថា ទាំងអស់ជាការល្អប្រពៃ
នោះក៏មានល្អ មានព្រឹកឡើង ជាថ្ងៃទី៦។
ruəc prĕəh trəŋ tɔ:t tĕəŋ rəbvh dael trəŋ ba:n thvə̀: nuh kv: khə̀:n tha:
tĕəŋ rəvh ciə ka: lʔv: prəpĕj nuh kv: miən ləŋiəc miən pruk laəŋ ciə
thŋaj ti: pram muəj

букв. ‘И Бог **увидел** (= *tɔ:t* ‘смотреть’) все то, что Бог создал, и **понял** (= *khə:n*), что все это очень хорошо. Был вечер, (и) наступило утро, это был шестой день’ (KOV, 1-31)
‘И **увидел** Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый’ (Библия, 1990, 1-31)

Интересно отметить, что в Библии на английском языке в этом предложении используется стратегия, аналогичная кхмерской: «And God **saw** (= *tɔ:t*) every thing that he had made, and, **behold** (= *khə:n*), it was very good. And the evening and the morning were the sixth day’» (The Holy Bible, 1-31)

3. Комбинация способов 1 и 2: *tɔ:t khə̀:n ... jǔəl* (KSV, 1-31).

(25) ព្រះជាម្ចាស់ទុកឃើញអ្វីៗទាំងអស់ ដែលព្រះអង្គបានបង្កើតមក
ព្រះអង្គឆ្ងល់យល់ថាល្អប្រសើរដុះហើយ។ ពេលនោះ មានល្ងាច មានព្រឹក
គឺជាថ្ងៃទីប្រាំមួយ។

prĕəh ciə mcəh khə̀:n ʔavej ʔavej tĕəŋ rəvh dael prĕəh ʔvŋ ba:n
bvŋkaət tɔ:k prĕəh ʔvŋ chvè:ŋ jǔəl tha: lʔv: prəsaə vəmphot haəj
pè:l nuh miən ləŋiəc miən pruk ku: ciə thŋaj ti: pram muəj
букв. ‘Бог **увидел** все, что Бог создал, (и) Бог ясно **осознал**
(= *chvè:ŋ jǔəl*), что (это) очень хорошо. Тогда был вечер, было
утро, это был шестой день’ (KSV, 1-31)

‘И **увидел** Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый’ (Библия, 1990, 1-31)

4. Кумулятивно, одним глаголом *khə:n* ‘видеть; понимать’ (KOV, 1-10, 12, 18, 21, 25).

- (26) ទ្រង់ក៏ឃើញថាល្អ
trɔ:n kv: khə:n tha: lʔv:
 букв. ‘И Бог **увидел** (= *khə:n*), (что) хорошо’ (KOV, 1-10)
 ‘И **увидел** Бог, что это хорошо’ (Библия, 1990, 1-10)

Таблица 1. Глагол *jūal* в истории кхмерского языка.

	тип значения	референциальные ограничения
Древнекхмерский		
<i>yul (yol)</i>	1. ментальное 2. перцептивное	
Лексические комплексы		
<i>yul vne:k</i>	перцептивное	
<i>yul pratyakṣa prādurbhāva</i>	перцептивное	
Синонимы		
<i>tyaṅ</i>	ментальное	
<i>sgal</i>	ментальное	
Среднекхмерский		
<i>jūal</i>	1. ментальное 2. перцептивное	
Лексические комплексы		
<i>tɔ:t jūal</i>	перцептивное	(о боге, короле)
<i>ko:j kən rumpəj nè:tra:</i>	ментальное + перцептивное	
Синонимы		
<i>dəŋ</i>	ментальное	
<i>skɔ̌al</i>	ментальное	
Современный кхмерский		
<i>jūal</i>	перцептивное	(о боге, короле)
<i>jūal</i>	ментальное	
<i>*khə:n</i>	перцептивное	
<i>khə:n</i>	1. перцептивное 2. ментальное	
Лексические комплексы		
<i>*yūal khə:n</i>	перцептивное	
<i>yūal khə:n</i>	ментальное	
<i>tɔ:t khə:n</i>	ментальное	(о боге)
<i>tɔ:t preəh nè:tra:</i>	перцептивное	(о боге, короле)

Синонимы		
<i>dəŋ</i>	ментальное	
<i>skǝəl</i>	ментальное	
Предикаты сочиненных клауз		
<i>khə:p ... juəl</i>		
<i>tə:t ... khə:p</i>		(о боге)
<i>tə:t khə:p ... juəl</i>		(о боге)

5. Заключение

На протяжении всей истории кхмерского языка глаголы зрительного восприятия подвергаются двум противоположным тенденциям: семантической деривации, в результате которой у них развивается ментальное значение, и созданию языковых стратегий для устранения этой многозначности

Хотя, как пишет Е. В. Падучева, многозначность – в природе языка, и носитель языка обычно не чувствует контекстно обусловленных сдвигов значения [Падучева 2004, с. 14, 15], на рассмотренных примерах мы убедились, что носитель кхмерского языка воспринимает многозначность как угрозу для смысла и стремится преодолеть ее при помощи уникального языкового инструмента, которым располагает кхмерский язык – лексического комплекса, одно из функциональных назначений которого – борьба с многозначностью слова.

Сокращения и условные обозначения

ДКМ	древнекхмерский	с.кхм.	среднекхмерский
д.кхм.	древнекхмерский	сов. кхм.	современный кхмерский
кхм.	кхмерский	тайск.	тайский
ИГ	именная группа	COMIT	комитатив
ЛК	лексический комплекс	DP	маркер зависимой предикации
п	пали	INSTR	инструмент
скр	санскрит	PREP	предлог

Литература

1. Дажан Б. *Кхмеры*. М., 2009.
2. Еловков Д. И. *Структура кхмерского языка. Фонетика. Фонология. Грамматика*. С.-П., 2006.

3. НОСС – *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Москва – Вена: 2004.
4. Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М., 2004.
5. Погибенко Т. Г. Лексический комплекс в языке ма // *Вестник Института востоковедения РАН*, № 5. М., 2018а. С. 200-211.
6. Погибенко Т. Г. Лексический комплекс в австроазиатских языках // *Труды Института востоковедения РАН. Вып.19: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография*. М.: ИВ РАН, 2018б. С. 197-211.
7. Погибенко Т. Г. Пропадающие участники ситуации в кхмерском предложении: семантическая инкорпорация, эскорпорация, нулевая анафора // *Вестник Института востоковедения РАН*, № 1 (11). М., 2020. С. 281-293.
8. Pogibenko T.G. Is Khmer a Language with “Decorative Morphology”? (On John Haiman’s Vision of Khmer) // *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, №5. Moscow, 2019. P.256-267

Источники

Библия. М., 1990.

ДАК – Jenner, Philip N. *A Dictionary of Angkorian Khmer*. Canberra, 2009.

ДПАК – Jenner, Philip N. *A Dictionary of pre-Angkorian Khmer*. Canberra, 2009.

The Holy Bible. London, Oxford University Press.

IC – *Inscriptions du Cambodge*, vol. I – VIII, Hanoi-Paris: 1937 – 1966.

H77 – Headley R. *Cambodian-English Dictionary*. Washington, D.C., 1977.

KOV – *Bible in Khmer, Old Version* (Hammond Version, 1954, 1962)

KSV – *Bible in Khmer, Standard Version*. United Bible Societies, 2005.

RI – *Rāmakerti (XV–XVII siècles). Texte Khmer Publié par Saveros Pou*. Paris: École Française D’Extrême-Orient, 1979.

RII – *Rāmakerti II. (Deuxième Version du Rāmāyaṇa Khmer). Texte Khmer, Traduction et Annotations par Saveros Pou*. Paris, École Française D’Extrême-Orient, 1982.

Каталог семантических переходов в языках мира: данные дравидийских языков

1. Введение. Каталог семантических переходов *DatSemshift*

Языковые изменения происходят на разных уровнях, от фонетики и графики до синтаксиса и семантики. Некоторые изменения, такие как появление новых лексических единиц, неологизмов, развиваются быстро, на наших глазах. Другие протекают медленно, один семантический компонент значения или одна фонема в слове может меняться на протяжении столетий. Наблюдения за изменяющимися лексическими значениями являются предметом рассмотрения разных лингвистических дисциплин: сравнительно-исторического языкознания (ср. [Бурлак, Старостин 2005]), исторической лексикографии и этнолингвистики (ср. [Толстая 2009]), семантической типологии (ср. [Juvonen, Koptjevskaja-Tamm 2016] и другие).

В данной работе пойдет речь об одном из типологических подходов к языковым изменениям в семантике – о концепции семантических переходов в терминологии Анны А. Зализняк [Зализняк 2013, Zalizniak 2018 и др.]. В этом теоретическом направлении изучается семантическое развитие лексических значений; основной понятийной единицей при этом является «семантический переход». Семантический переход между лексическими значениями устанавливается при наличии «концептуальной смежности между двумя языковыми значениями, проявляющейся в совмещении этих значений в пределах одного “слова в широком смысле”», на синхронном уровне или диахронически [Зализняк 2013, с. 37]. Совмещения эти могут проявляться одним из следующих способов, или «реализаций»:

- синхронная полисемия – ведущий тип реализации,
- диахроническая семантическая эволюция,
- морфологическая деривация,
- когнаты и
- заимствования [там же].

Для установления семантического перехода изучаются взаимосвязи исследуемых значений в рамках того или иного языка или между языками, если переход выражен, например, когнатами в родственных языках, как немецкое *Knecht* и староанглийское *cnicht* в переходе **boy** –

servant (ID 0057¹). Лексические значения представлены при этом, в отличие от других теоретических направлений, в виде «ярлыка» на английском языке (см. подробнее в [Zalizniak 2018, p. 772]). Исследуются пары «значение-источник и значение-цель», при этом переход может быть однонаправленным, двунаправленным, либо направление может быть не определено (см. [Руссо 2019]). Концепция Каталога семантических переходов – один из инструментов исследования лексических изменений, основанный на том, что диахроническая семантическая эволюция и синхронная полисемия – две стороны одного и того же явления, и потому исследование доступной нашему наблюдению синхронной полисемии дает ключ к восстановлению пути семантической эволюции. Как пишет М. Копчевская-Тамм, «семантический переход от одного значения к другому всегда имеет промежуточную стадию, когда два значения сосуществуют в одной и той же полисемичной лексеме» [Juvonen, Korttevskaia-Tamm 2016, p. 1]. Именно явление полисемии становится той «связующей точкой», в которой встречаются диахроническое и синхронное измерение лексического значения.

Сбору и анализу данных о семантических переходах посвящен проект группы исследователей, начатый под руководством Анны А. Зализняка в Институте языкознания РАН. Разрабатывается Каталог семантических переходов в языках мира «Datsemshift 2.0»; каждый переход описывается в установленном формате и фиксируется в электронной базе данных Каталога [Datsemshift 2020]. Так, например, установлен семантический переход **breathing** → **animal**, он внесен в Каталог Datsemshift и имеет в нем идентификационный номер (ID 1701). Для этого перехода описано несколько реализаций: он реализован морфологической деривацией в случае латинского *anima* ‘дыхание’ → *animal*, *-ālis* ‘животное’ и санскритского *prāṇa*- ‘дыхание’ → *prāṇin*- ‘живое существо’, в форме когнатов – в старославянском *дыхати* ‘дышать’ и готском *dīus* ‘животное’ и т.д.

На настоящий момент в базе данных Datsemshift описано более 14000 реализаций, собрано более 4200 семантических переходов.

2. Универсальный или лингвоспецифичный?

Семантический переход может встречаться в языках чаще, быть более универсальным или наоборот, редким, характерным для узкого списка языков или даже для одного языка. Учитывая значительное число существующих языков и ограниченные возможности их анализа, мы не можем с полной уверенностью говорить об «универсальных» и «линг-

---

¹ Здесь и далее в скобках после перехода указывается его идентификационный номер в Каталоге (ID).

воспещенных» переходах, поскольку каждый новый рассматриваемый язык может опровергнуть их «универсальность» или «лингвощецифичность». Но о более частотных и более редких переходах, о переходах единичных, известных (на данный момент) только в одном языке, говорить можно.

При этом исследование можно вести как с общетипологических позиций, сопоставляя данные языковых идиомов разных семей и частей света, так и в рамках того или иного ареала или генетической общности. На основании материала о переходах, таким образом, могут быть выявлены ареальные и/или генетические тенденции.

Данная работа проведена в рамках генетического подхода к семантическим переходам – ее предметом являются реализации семантических переходов, описанных в Каталоге, в дравидийских языках.

Источниками данных являлись словари – переводные, такие как мадрасский Tamil Lexicon или англо-курух [Grignard 1986], и этимологические – такие как этимологический словарь каннада [Učida, Rajapurōhit 2013]. Некоторые случаи развития значения уже описаны в лингвистических работах, поэтому для них как источники указываются эти работы.

Следует сказать, что дравидийские культуры имеют давнюю письменную традицию. В особенности это касается тамильского языка, наиболее ранние записи на нем относятся к эпиграфике III в до н.э., языков телугу и каннада (ранние произведения относятся к IX в. н.э.), а также малаялам (начиная с X – XII вв.). Тамильская литература является счастливой обладательницей подробнейшего словаря Tamil Lexicon, созданного на основе многовековых лексикографических исследований и объединяющего значения, относящиеся к разным эпохам развития языка; разрабатывается (но еще не завершен) многотомный Malayalam Lexicon. Также надо отметить знаменитый этимологический словарь T. D. Burrow и M. V. Emeneau [Burrow, Emeneau 1984], в котором собраны детальные данные по более чем 4000 «гнездам» дравидийских этимологий; словарь выдержал несколько изданий. На основании его данных мы можем узнать многое о семантических переходах, реализованных в дравидийских языках в форме когнатов. Однако что касается малых дравидийских языков, особенно бесписьменных, информации по ним для изучения семантических переходов недостаточно. На основании имеющихся словарей, в основном переводных, можно отследить только некоторые наиболее существенные семантические переходы.

На настоящий момент в базе данных описано более 200 семантических переходов, в реализациях которых участвуют единицы дравидийских языков – тамильского, малаялам, телугу, каннада, тулу, курух, куи, гонди, брахуи.

3. Когнитивные механизмы и экстралингвистические факторы (география, климат)

Одним из механизмов, реализующих семантический переход, является полисемия – объединение под одной словесной оболочкой нескольких различающихся значений. Лексические значения могут объединяться (порождая «колексификацию», в терминологии А. Франсуа [Franscois 2008]) под влиянием разных факторов, в том числе совсем не связанных с языком. Такие экстралингвистические факторы возникают из-за различия стран и континентов, особых климатических и географических условий.

Например, в Южной Индии, почти не знакомой с таким явлением, как снег, значение выражающей его единицы может быть максимально широким: практически единственная, если не считать еще двух заимствований из санскрита, тамильская лексема *paṅikkattī* передает значения ‘снег’, ‘град’, ‘лед’, ‘мороз’, а однокоренные с ней единицы *paṅi* и др. также включают ‘туман’, ‘холод’, ‘воду’. В этом языке можно говорить о переходе **snow – frost (ID 4277)** и **snow – ice (ID 4286)**, хотя эти понятия далеки друг от друга для жителя более холодной страны, в географически более северных языках такие переходы не встречаются.

Несмотря на ограничения теории лингвистической относительности и исторические заблуждения, известно, что постоянное соприкосновение с определенными реалиями окружающего мира порождает в языках широкий круг детализированной лексики для их описания. Примером этому может служить история с ошибочным признанием богатства эскимосского лексикона льда и снега «великим обманом»: обмана не было. Современные полевые исследования опровергают его. Так, в статье «Сколько слов для льда у эскимосов?» [Крупник 2010] описывается работа по изучению традиционных «экологических знаний» у носителей эскимосских языков и их соседей. Полученные данные включают списки терминов для льда по языкам, от 60 до 120 терминов, собранных в группы: «молодой лед и процесс осеннего образования льда»; «припайный лед»; «паковый лед»; «старый и многолетний лед»; «формы ледовой поверхности (торосы, гряды и т.д.)»; «трещины, полыньи»; «плавающие льдины»; «опасные места на льду»; «охота и передвижение на льду» и т.д. Собраны и сотни лексических единиц саамских языков, описывающих детали снежного и ледяного покрова, процессов замораживания и таяния снега, см. [Magga 2006]. Очевидно, что и семантических переходов с участием этих лексических единиц будет описано множество.

В то же время в других языках, где это явление встречается нечасто или совсем не встречается, наименований мало и семантические переходы с ними имеют, как было сказано выше, очень общий характер.

И, конечно же, в тамильском не встречается семантический переход **snow – winter** (ID 1691), возможный, например, в удинском языке из нахско-дагестанской языковой семьи; **ice → glass (material)** (ID 3117), как во французском; или **to sweep – blizzard** (ID 4278), как в деривации «метель» в русском.

Зависимость языковой концептуализации от климатических условий можно увидеть, в том числе, в различии семантических переходов **cold (adj.) – hostile** в (ID 2104) языках Центральной Евразии и **cold (adj.) – friendly** (ID 2105) в суахили и тамильском: прохладная и холодная температура ассоциируются с положительными эмоциями и с дружеским отношением в странах, где основной климат – жаркий и очень жаркий.

Схожим образом паттерны семантических связей значения «огонь» обуславливаются природными реалиями: *огонь* в Австралии и Новой Гвинее это совсем не тот *огонь*, который зажигают жители Норвегии или России. Некоторые современные работы устанавливают географическое распределение паттернов со значительной точностью. Так, работа А. Шеппер, Л. Сан Рок и Р. Хендери «Дерево, дрова и огонь в языках Сахула» показывает, что колексификации (то есть объединение в одном слове, см. выше) значений, связанных с идеей огня, в языках Австралии и Папуа – Новой Гвинее распределены строго географически: полная колексификация *tree – firewood – fire* характерна только для восточной части Новой Гвинее и севера континента Австралии (см. сборник статей [Juvonen, Kortjevskaja-Tamm 2016]). Что касается дравидийских языков, на данный момент, помимо полисемии, связывающей *tree* и *fire*, для этого значения на дравидийском материале описана только семантическая деривация, возможная для стран с жарким климатом, **fire – sun** (ID 4093). Также встречается лексическое воплощение идеи невыносимого огня в загробном мире: **fire – hell** (ID 3728), параллельное, впрочем, идее невыносимого холода: **frost – hell** (ID 4283), выраженной дериватом *imappirapai* от *imat*: ‘hell, marked by extreme cold’.

4. Когнитивные механизмы и культурно обусловленные реалии

Многие когнитивные связи между теми или иными объектами или явлениями действительности обусловлены культурными особенностями, традициями, поведенческими паттернами или имеют отношения к темам и артефактам человеческой культуры.

Такова система цветообозначений – одна из наиболее разработанных областей в лингвистической типологии (ср. [Рахилина 2007]). Концептуализация цветообозначений в разных языках имеет давнюю традицию исследования, начиная с работ [Berlin, Kay 1969], [Wierzbicka 1990]

и др. Общеизвестно, что цветообозначения отражают культурную специфику цветового восприятия. В частности, черный цвет, отсылающий к семантике «траура» в современных европейских языках, в Индии цветом траура не является, наоборот, можно узнать вдову по белому сари. Эти особенности передаются и в семантических переходах.

Членение цветового спектра на зоны может быть разным, особенно это касается близких частей спектра, например, оранжевого и красного, зеленого и голубого и т.д. В дравидийских языках желтый цвет сближается с зеленым, это отражено в семантическом переходе **yellow – green** (ID 2539): полисемия в телугу *rasca*, *rascana*, когнаты в каннада *raci*, *rascu*, *rascane* ‘yellowish colour’ и тамильском *racuppi* ‘greenness’ и др. (всего в Каталоге 28 реализаций). Все эти формы восходят к ПД основе **paC-* ‘green, yellow; fresh, raw’, описывающей молодое растение с нежно-зеленой, почти желтой, зеленью – стеблем и листьями [Starling 2020]. Этот образ широко распространен в различных культурах, поэтому в переходе встречаются примеры из языков разных частей света.

Продолжает образ «молодого зеленого листа» или «молодого незрелого плода» семантический переход **green – young** (ID 1137), реализованный во многих дравидийских языках, в т.ч., например, в телугу морфологической деривацией *raci* ‘молодой’ от того же корня.

Прототипическим объектом желтого цвета Вежбицкая считает *солнце* [Wierzbicka 1990], но переходов **sun – yellow** в данном материале не встретилось (и его нет, по крайней мере на данный момент, в Каталоге переходов). Однако встретился семантический переход **yellow – gold** (ID 0821), реализованный в тамильском языке полисемией *pinkalam*. В [Zalizniak 2012] этот переход рассматривается как часть семантического развития значения ‘yellow-with-green’ [Zalizniak et al 2012, p. 637].

Другим развитием этой же метафоры зеленого цвета как цвета молодых, незрелых ростков является переход **green – unripe** (ID 3968), реализованный например, в языке куи полисемией уже другого происхождения: *sīdi* ‘raw, unripe, green; sober’.

Интересная и нетривиальная семантическая связь прослеживается в семантическом переходе **blue – beautiful** (ID 4002), описанном на данный момент только для тамильского языка. Восприятие синего цвета как прекрасного, ср. тамильскую лексему *pī* ‘синий; прекрасный; цветок’, синонимичную *azaku* ‘красота’, редко встречается в языках мира (по крайней мере, в описанном на сегодняшний день материале). Чаще можно встретить семантическое развитие значения «синий цвет» в такие абстрактные понятия, как ‘грусть’: **blue – sad** (ID 2807), ср. англ. *He’s feeling blue*, существительное *blues* ‘грусть, меланхолия’, откуда и название музыкального жанра, и характеристики, как ‘пьяный’: **blue – drunk** (ID 4003), ср. рус. *синий, синяк* (об алкоголике). А вот ассоциация красоты с синим цветом – редкий случай. Но говорить о его уникально-

сти мы не можем, пока в достаточной мере не изучены другие языки. Другим «цветом красоты» оказывается в тамильском языке черный: **black – beautiful** (ID 4267), в противоположность, например, белому в якутском языке: **white – beautiful** (ID 0204).

Культурные особенности проявляются и в том, как концептуализируется «центр эмоций» в данном языке. Из возможных типологически вариантов **heart / liver/ bowels, intestine** и др. → **location of emotions** (см. подробнее в [Руссо 2013]) в языке выбираются те, которые соответствуют наивно-биологическим представлениям говорящего на языке народа, как **bowels, intestine** → **location of emotions** (ID 3562), выраженный полисемией *karu!* в каннада.

Другой пример культурной обусловленности представляет собой семантический переход **to join together (tr.)** → **poetry** (ID 3433), описанный на данный момент только для тамильского и амхарского языков (но предполагаются новые реализации по мере анализа данных). Понятно, что возможность такой когнитивной связи появляется только в языке, относящемся к высокоразвитой культуре, с живой поэтической традицией; в основе ее лежит метафора соединения строк или песен.

Фактор обусловленности культурным контекстом можно увидеть и в семантических переходах с участием терминов родства. Так, в северодравидийском языке брахуи обнаруживается переход **father – defender** (ID 4022), отсутствующий в остальных дравидийских языках, в которых значение ‘отец’ вступает в другие когнитивные соотношения: **father – grandfather** (ID 3871), **father – boss** (ID 3590), **father – son** (ID 4026), **father – big** (ID 4034), **father – god** (ID 3869) и др. Переход **father – defender**, как нам представляется, отражает влияние пласта культуры, заимствованного носителями брахуи от иранских народов, окружающих их уже многие столетия. С этим семантическим переходом, очевидно, связано отступление от дравидийской системы родства с кросс-кузенным браком и переход к мусульманским брачным обычаям, выделяющим среди родственников группу «махрам» – мужчин, которые обязаны защищать женщину и с которыми (и только с ними) ей можно выходить на улицу (см. тж [Смирнитская 2020]). В группу «махрам» входит и отец, тем самым выступающий в роли защитника.

5. Частотность семантического перехода в разных языках

Уже на нынешней стадии развития Каталога Datsemshift можно говорить о более частотных и более редких семантических переходах. Результат сортировки по количеству реализаций на странице Semantic shifts базы данных показывает, какие переходы имеют больше всего описанных в проекте реализаций на сегодняшний день. В первые 25 пе-

переходов с наибольшим количеством реализаций входят связи глаголов физического и ментального действия, такие как переход **to grasp, seize – to understand** (ID 0242), и глаголов восприятия и поведения в социуме, как **to hear/to listen – to obey** (ID 0034), взаимосвязи между объектами окружающего мира и человеческими системами отсчета, как **sun – day** (ID 1007) и **earth – year** (ID 3883), родственные и семейные обозначения, вероятно, отражающие развитие общественных систем, как **woman – wife** (ID 0966) и **father – uncle (father’s brother)** (ID 3704) и другие.

Большинство этих переходов имеют реализации и в дравидийских языках, как переход **to hear/to listen – to obey** (ID 0034), имеющий 107 реализаций и наиболее частотный в Каталоге на настоящий момент, с реализацией полисемичным глаголом *mennā (meñj-)* ‘to hear, listen, obey’ в курух, и его когнатом *vinu (viñt-)* в телугу; и переход **to grasp, seize – to understand** (ID 0242), реализованный в тамильском полисемией глагола *ko!* ‘to seize, grasp; think, consider’. К этим же частотным переходам относятся тамильская реализация перехода **sun – day** (ID 1007) – полисемия *el* ‘sun, sunshine, day, daytime’, как и в телугу – морфологическая деривация *dinakaruḍu* ‘солнце’ как ‘делающее день’ от *dinamu* ‘день’. Переход **earth – year** (ID 3883) не встретился в дравидийском материале до сих пор, однако наблюдается схожая когнитивная связь – между родственными лексемами в малаялам *ūri* ‘earth, world’ и каннада *sūr* ‘time, turn, season’ [Burrow, Emeneau 1984, p. 238].

Наоборот, меньше всего реализаций у семантических переходов, связывающих узкие или культурноспецифические понятия, а также редкие, особенные семантические соотношения. Например, переход **father – elder sister** (ID 4028), реализованный в телугу полисемией *appa* ‘отец’, (диал.) ‘старшая сестра’ и встречающийся также в турецком (*ede* ‘отец’, ‘старший брат’, ‘старшая сестра’). Этот переход отражает представление о старшем родственнике, исполняющем функции отца, который при этом в действительности может быть старшим сиблингом – братом или даже сестрой. Или переходы, в которых участвуют важные культурные реалии, как **colour – caste** (ID 4269), описывающий метафору «цвета» как неотъемлемой характеристики человека и его родственной группы, касты, клана. К таким ситуациям примыкают семантические связи как **wife – sati** (обряд самосожжения вдовы на погребальном костре мужа) в каннада, не введенная в Каталог ввиду ее выраженной культурной специфичности.

6. Продуктивность значения-источника

Некоторые значения можно назвать более «продуктивными» с точки зрения семантической деривации, тогда как другие проявляют меньшую тенденцию «распространять» себя. В дравидийском материа-

ле были встречены семантические переходы и более, и менее продуктивных значений.

Одно из более явных «продуктивных» семантических полей, участвующих во многих цепочках семантической деривации – область цветообозначений, о которой мы говорили выше. Другой случай – значения, относящиеся обычно к глагольным – описания физических действий, такие как ‘рубить’, ‘открывать’ (ср. [Juvonen, Korttjevskaja-Tamm 2016, p. 177 и далее]), или восприятия, такие как ‘видеть’, ‘слышать’ и др.

Так, распространенный характер имеет семантический переход **to see, to look at – to wait** (ID 0037). Эту взаимосвязь определяет примат зрительного восприятия, когда ожидание наступления какого-либо события (как, например, «приход автобуса») или появления какого-либо другого человека (например, «приход подруги в театр») предполагает, что персонаж вглядывается, всматривается вдаль. Ожидание может, конечно, относиться и к восприятию на слух, как например, «ожидание шагов за дверью», и к тактильному восприятию, – например, ожидание, «когда высохнут волосы», «перестанет болеть голова», или быть исключительно внутренним, абстрактным процессом, как «ожидание прихода интересной мысли». Но в описанном на настоящий момент материале Каталога распространен именно семантический переход **to see, to look at – to wait**, что, вероятно, связано с главенствующей ролью зрительного восприятия во многих обществах (ср. обсуждение в [Evans, Wilkins, 2000]). Дравидийские языки тоже не остаются в стороне: этот переход реализуется полисемией *hunning* в брахуи, полисемией *ērnā* (*īryas*) в курух, деривацией в тамильском языке.

С приматом зрительного восприятия связан и другой семантический переход, **to see, to look at – to care for** (ID 0384). Об этом переходе в связи с языками Папуа-Новой Гвинеи писал Н. Эванс [ibid]. Здесь мы видим иную ситуацию: когда один человек ухаживает за другим, он должен на него смотреть, чтобы следить за изменениями в его состоянии; в этом состоит суть действия ‘присматривать’ – смотреть не постоянно, но время от времени, ср. выражение *держатъ руку на пульсе*. Эта ситуация отражается во многих языках, на момент выхода статьи в Каталоге описано 38 реализаций. Среди дравидийских языков надо упомянуть реализацию полисемией того же *ērnā* (*īryas*) в курух и *pār* – в тамильском языке, а также морфологическую деривацию от другого корня в каннада: *kāpāḍu* ‘to guard, take care of’ от корня *kā/ kāy/ kāyi* (*kāyid-*) со значением ‘to watch, to guard’. Ср. пример из тамильского языка: *nān pāḍṛṛēn*. ‘Я позабочусь об этом’, букв. «Я буду смотреть», ср. русское *присмотрю*.

И наоборот, непродуктивны с точки зрения семантических переходов исходные значения, имеющие относительно узкую семантику, как значение ‘younger sister’; с ним в базе данных на настоящий момент

описаны только переходы **younger sister** – <term of address to a woman> (ID 4239), реализованный полисемией *taṃgi* в каннада, и **younger sister** – **friend** (ID 4276), реализованный родственными лексемами *chellelu* и *celikāḍu* в телугу.

Также менее продуктивны в качестве значения-источника значения, отсылающие к конкретному представителю какого-либо широкого класса, например, «ольха» как род деревьев и кустарников, участвующая, согласно описанию на настоящий момент, только в семантическом переходе **alder-tree** → **minnow** (ID 1671), характерном для чешского, немецкого, венгерского и эстонского языков, или «антилопа» как подсемейство животных, участвующая в переходе **antelope** ↔ **rhinoceros** (ID 1447), реализованном в монгольском и караимском языках, или переход от названия животного «шакал»: **jackal** – **warrior** (ID 4285) в тамильском языке.

7. «Мотивированность» значения-цели

Значение, которое мы считаем «значением-целью» в бинарном представлении семантического перехода, тоже может быть более и менее «продуктивным». Среди направлений, близких к изучению семантических переходов, фокус на «значении-цели» сохраняет лексикология. В этнолингвистической школе С. М. Толстой развивается понятие «мотивационная модель» как «регулярные мотивационные отношения, возникающие между словами с определенными семантическими компонентами» [Толстая 2009]. «Мотивированность» каждого значения в Каталоге семантических переходов можно представить, если собрать вместе все переходы, в которых это значение входит как «цель». Среди наиболее разнообразно «мотивированных» значений следует назвать значения **husband** и **wife**, к которым, по крайней мере в дравидийских языках, «ведет» множество семантических связей, как **old man** – **husband** (ID 0860), реализованное деривацией в тамильском языке: *kizavaṇ* ‘старик’ → *maṇaikkiḱizavaṇ* ‘муж’ (букв. «домашний старик») и другие.

Среди наименее «мотивированных» значений можно назвать, например, значение **uncle (mother's brother)**: в Каталоге на сегодня описаны только переходы **uncle (mother's brother)** – **father-in-law** (ID 3703) и **uncle (mother's brother)** – <term of address to a man> (ID 3870), однако в обоих *uncle (mother's brother)* не является значением-целью.

8. Переходы в значениях, относящихся к человеческим качествам

Отдельный интерес представляют семантические переходы между абстрактными понятиями и качествами, характеристиками человека. Они не могут быть объяснены только антропоцентризмом, свойством человеческого сознания рассматривать явления окружающей действи-

тельности через призму восприятия самого себя. Здесь действуют более сложные, обусловленные разными языковыми и культурными особенностями, когнитивные механизмы. Так, семантическая деривация **lazy – stupid** (ID 4080), встречающаяся в австронезийском языке хилигайнон, а также в каннада и тамильском языке, отражает восприятие человека, который лениво делает свою работу, как человека с низкими когнитивными способностями. И наоборот, скорость когнитивно сопоставляется с внимательностью человека, о чем свидетельствует семантический переход: **quick – to beware, to be careful** (ID 4243), выраженный полисемией *jāgrate* в каннада. Культурно обусловленную специфику ассоциативных связей цветообозначений демонстрирует и переход **white – honest** (ID 1431), реализованный деривацией в языке малайлам, полисемией в латыни, караимском языке и тамильском.

9. Заключение

В статье были рассмотрены дравидийские данные, описанные в Каталоге семантических переходов *Datsemshift 2.0*. Материал, содержащийся в Каталоге на настоящий момент, включает значения из 10 языков: каннада, тамильский, телугу, малайлам, тулу, брахуи, малто, тулу, гонди, куи. Дравидийские конкретно-языковые реализации есть как у распространенных, так и у более редких переходов; как у переходов с продуктивными с точки зрения семантических переходов значениями, так и с менее продуктивными. Например, в телугу встречается как более частотный переход **to hear/to listen – to obey** (ID 0034), так и редкий **father – elder sister** (ID 4028).

Географическое расположение и особенности климата приводят к отсутствию таких переходов, как **snow – winter** (ID 1691), и появлению генерализованных переходов, как **snow – frost** (ID 4277), вместо частных, таких как **to sweep – blizzard** (ID 4278), свойственных языкам, на которых говорят в более холодных климатических зонах. На состав, встречаемость и реализации семантических переходов оказывают влияние особенности культуры говорящих на этих языках народов. К таким культурно обусловленным переходам можно отнести переход, например, **heart ↔ location of emotions** (ID 1171), реализованный тамильской полисемией *ākam*, и переход **bowels, intestine → location of emotions** (ID 3562), выраженный полисемией *karuḷ* в каннада, и конечно, тем более такой специфичный для языков Индии переход, как **colour – caste** (ID 4269).

Семантические переходы – теоретический конструкт, описывающий взаимосвязи значений в лексиконе, особенности связывания и обработки информации, свойственные именно данным языкам. Изучение семантических переходов в группе генетически родственных языков может дать много новой информации о когнитивных механизмах, которые в данных языках заложены.

Литература

1. Бурлак С. А., Старостин С. А. *Сравнительно-историческое языкознание*. М.: Издательский центр «Академия», 2005.
2. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // *Вопросы языкознания*, № 2, 2001. С. 13–25.
3. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии. // *Вопросы языкознания*, № 2, 2013
4. Крупник И. И. Сколько слов для льда у эскимосов (по материалам Международного полярного года 2007–2008). // *Studia Anthropologica: Сборник статей в честь проф. М.А. Членова* / Ред.-сост. А. М. Федорчук и С. Ф. Членова. Научн. ред. О.В. Белова – М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2010. с. 411-446
5. Рахилина Е. В. О семантике прилагательных цвета. // *Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ*. – М., 2007. – С. 29-39
6. Руссо М. М. О направлении семантических переходов // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей*. Электронное научное издание. М. 2019 Вып. 11. С. 181-190.
7. Руссо М. М. Исчезающие и возникающие органы // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей*. Электронное научное издание. М. 2013. Вып. 5. С. 173-199.
8. Смирнитская А.А. Система родства языка брахуи с точки зрения типологии семантических переходов. // *Этнография*. 2020. Вып. 4 (в печати).
9. Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе. // *Категория родства в языке и культуре*. М., 2009. С. 7-22
10. Berlin B., Kay P. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley: Univ. of California press, 1969.
11. Burrow T.D. and Emeneau M.B. *A Dravidian Etymological Dictionary (DED)*, 2nd edn. Oxford: Munshirm Manoharlal / Clarendon Press, 1984 (1st edn. 1961)
12. Datsemshift 2.0. – Zalizniak Anna A., Bibaeva M., Bobrik M., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Mikhailova T., Orlova M., Russo M., Smirnitckaya A., Voronov M. *Каталог семантических переходов в языках мира. DatSemshifts 2.0* URL <http://datsemshift.ru/> [Accessed on 27.08.20].

13. Evans, Nicholas and David P. Wilkins, 2000. In the mind's ear: The semantic extensions of perception verbs in Australian languages. // *Language* 76, p. 546–592
14. Grignard, A. *An Oraon (Kurux)-English Dictionary*. New Delhi 1924 (reprint 1986).
15. François A. Semantic maps and the typology of colexification. // Vanhove M. (ed.) *From Polysemy to semantic change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. 2008 . P. 163–216.
16. Juvonen P., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). *The lexical typology of semantic shifts*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016.
17. Magga O. H. Diversity in Saami terminology for reindeer, snow, and ice. // *International Social Science Journal. Sociology*. 2006. Electronic edition. URL <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1468-2451.2006.00594.x>
18. Učida N., Rajapurohit B.B. *Kannada-English Etymological Dictionary*. Tokyo, 2013.
19. Wierzbicka A. Semantics of color terms: cultural and cognitive aspects // *Cognitive linguistics*. 1990. Vol. 1. № 1.
20. Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology // *Linguistics*. 2012. 50 (3). P. 634-670.
21. Zalizniak, Anna A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 22, № 4 (2018). P.770-787.

Семантические изменения в контексте лексической реконструкции (на примере магической лексики в чадских языках)

1. Введение

Изменение значений лексических единиц – сужение или расширение, появление нового и отмирание старого значения – характерно для всех языков и создает дополнительные трудности для семантической реконструкции. После реконструкции словоформы в языке (на основе регулярных фонетических соответствий между языками-потомками) необходимо установить, какова была исходная семантика. Эта процедура особенно сложна, если исследование ведется на материале разных периодов проследить семантическую эволюцию конкретной лексической единицы, но вместо словаря с полноценным описанием семантики для большинства языков располагаем только списками слов и их переводом.

В решении задачи лексической реконструкции на материале чадских языков¹ весомую помощь могут оказать семитские когнаты, поскольку для большинства языков этой семьи история семантического развития лексических единиц прослеживается по текстам и нашла отражение в словарях. Лексическая реконструкция в отсутствие внешних данных тоже возможна, хотя и достаточно трудоемка. Поскольку семантические изменения в языках разных групп бесписьменных (или младописьменных) чадских языков происходят не синхронно, велика вероятность того, что промежуточные этапы изменения исходного значения сохранились в одном или нескольких языках. Как показывает практика, проанализировав весь релевантный материал, зачастую удается восстановить всю цепочку семантических изменений.

2. Магическая лексика в чадских языках

Далее мы проанализируем семантические изменения, характерные для лексики, связанной с магией и колдовством, которая широко представлена во всех чадских языках. Лексический материал в основ-

---

¹ Чадские, семитские, египетский, кушитские, омотские и берберские языки образуют афразийскую (семито-хамитскую) макро-семью.

ном организован в виде этимологических статей, начинающихся с реконструированной прачадской формы под звездочкой и её предполагаемого значения. Затем приводятся рефлексы в отдельных чадских языках (в следующем порядке: западная ветвь, центральная, восточная) и семитские когнаты. Необходимый комментарий фонологического характера дается в сносках. Фрагментарная лексика приводится без общечадской реконструкции. Названия афразийских языков даются в латинице.

Даже в небольших словарях по чадским языкам можно обнаружить лексику с семантикой ‘дух’, ‘магия, колдовство’, и на первый взгляд эта лексика кажется непроеизводной. Однако при более внимательном анализе выявляется регулярный семантический сдвиг: ‘ветер’ или ‘тень’ > ‘дух, магия’. При хорошем лексикографическом описании этот сдвиг прослеживается и в одном языке, например:

1. Чад. *fVl- ‘ветер, дуть’: зап. Kupto *filfil* ‘ветер, воздух, дух, дьявол’; центр. Hdi *fala-k* ‘ветер’, Mada *fla* ‘дух, связанный с магическим предметом, часто – злой’; Makari *fil* ‘сдуть (ветром)’, (гр. маса) Azumeina *fela* ‘быть развеянным по ветру (в прямом и переносном смысле)’, *fleina* ‘идол, оракул’, Gizey *fùl* ‘дуть’, *fùl* ‘дух’. Во всех остальных языках этой же группы первичная семантика не сохранилась: Marba, Musey *fulna*, Nam *fùl* ‘дух’, Masa, Lew *fùl* ‘дух зарослей’; вост. Kera *fiuli* ‘дуть’.

2. Чад. *sVk- ‘ветер’ > ‘дух’: зап. Hausa *iskà* 1. ‘ветер’; 2. ‘злой дух (особенно – духи которые вызывают разную форму истерии)’, Jimi *usuku-m* ‘ветер’, *usaku-ŋ* ‘дух’, Ngamo *šak-šaka* ‘злой дух’, Tangale *wogɔ* ‘злой дух, колдовство’; центр. Gude *sàkà?* ‘беспорядочные дуновения ветра’ (идеофон), Hdi *sakwa zizi* ‘дух предка’ (*zizi* ‘дед’), Masa *súk* ‘дух’.

3. Зап. Boghom *swòm*, Mangas *sòm* ‘ветер, дух’, Hausa *sámami* ‘дух, который предположительно принимает форму змеи’, Bolewa *sammù* ‘колдовство’², Dott *soom* ‘ясновидящий, врач’.

4. Чад. **č’VIVm*- ‘тень > дух’: зап. Karekare *čàlùm*, Bolewa *šilim* ‘тень, дух’, Kupto *šilim* ‘тень, душа’, Kirfí *šilim* ‘дух’.

В последнем случае первичное значение ‘тень’ можно доказать. Дело в том, что **č’VIVm*- является производным от чад. **č’VL*- ‘тень’ (с семантическим сдвигом ‘тень’ > ‘дым’ в цент. ветви): зап. Ngas *džil* ‘тень под деревьями’, Sha *čalâ*, Daffo *čile?*, Monguna *čélè?* ‘тень’; центр. Affade *c’ali*, Maltam *sələu* ‘дым’. Надежным когнатом чадского корня является сем. *zll ‘тень’: Akkadian *šillu*, Aramaic *šalālā*, Ugaritic *šl*, Arab *šill-*, Hbr *šel* ‘тень’, Geez *šll* ‘быть тенистым, затемнить, скрыть из виду’, *šalālot* ‘тень, темнота’, Tigre *šalal* ‘тень, темнота’, Amharic *šalālā* ‘бросить тень’, и т. д. (CDG, p. 555). Отметим, что семантика ‘скрыть из виду’ (засвидетельствованная только в языке Геез) может быть промежу-

² Аналогичный сдвиг семантики (‘дух’ > ‘колдовство’) см. в примерах 2 (Tangale), 10 (Karekare), 11 (Bokkos, Sakun, Makari).

точным звеном семантического сдвига: ‘тень, затемнить’ > ‘скрыть из виду, сделать невидимым’ > ‘дух, колдовство’.

5. Чад. **ari/un-* ‘тень’ > ‘дух’: зап. Mwaghavul *riin* ‘тень, дух’, Mupun *riin* ‘тень, дух’ (существует поверье, что некоторые люди после смерти превращаются в духов и беспокоят людей по ночам), Ngas *riin* ‘тень неодушевленных объектов’, *ma-riin* ‘тень одушевленного движущегося объекта (считается необходимым атрибутом жизни)’, Mushere *riin* ‘тень человека, дух’, Chip *rin*, Karekare *rənni*, Bolewa *rūnni*, Gera *rūnnà* ‘тень’, Kupto *ruun* ‘тень, душа’, Kariya *arin*, Watji *arnai*, Mburku *rèèna*, Diiri *m-arn* ‘тень’, Bokkos *rin* ‘дух’; вост. Birgit *ʔornó* ‘тень’, Mokilko *dō-rnòndò* ‘мрачный, тенистый’.

6. Чад. **sVdV-k-* ‘тень > дух’: зап. Hausa *sídik* ‘чернота’ (идеофон); центр. Glavda *šidəkw(à)*, Malgwa *šədəkʷa* ‘тень, дух’, Mandara *šidükwé*, Gisiga *mu-sədòk* ‘тень’.

Как следует из приведенного материала, ‘дух’ в чадских языках имеет отрицательную коннотацию (он вызывает болезни, беспокоит людей по ночам). См. еще один характерный пример:

7. Чад. **gVwVʔ/2-* ‘(злой) дух’: зап. Ngas *kwii* ‘дух’, Karekare *gwaigwai* ‘дух, демон’, Bolewa *gòigoi* ‘дух, похожий на маленького ребенка’, Kupto *gòygòy* ‘дух (живущий в пещерах, он не всегда опасен для людей)’; центр. Gude *gùʔwá* ‘недуг, наведенный духом того, кому ты сделал что-то плохое’.

Можно привести еще несколько примеров в отдельных языках центр. ветви (без чадской этимологии): Bura *sabal* ‘вред, спровоцированный духами животных’, Marba *ngòól* ‘дух зарослей’, Mada *óggwàl* (производный глагол) ‘заколдовать (отобрав у человека жизненную силу)’.

В целом нет ничего удивительного в том, что в чадских и семитских языках мы можем проследить также и следующее развитие семантики: ‘злой, плохой’ > ‘злой дух’ > ‘колдун, колдовство’. См. следующие примеры:

8. Чад. **bVHVʔ-* 1. ‘быть плохим, злым’ > 2. ‘злой дух, колдовство’: 1. центр. Fali Kiriya *bay* ‘плохой’, Buduma *bi*, Logone *mááwe*, *mááwee* ‘быть плохим’, Gude *bwàyi* ‘плохой, злой’, Dzeraw *bāi* ‘плохой, злой’; вост. Jegu *bayò-t* ‘плохой’, Bidiya *beyò* ‘злостность’. 2. зап. Kupto *mbúʔà* ‘колдовство’, Pero *bóu* ‘дьявол’; вост. Mokilko *bèyyé* ‘злой дух’. Заслуживает внимания семитская параллель: Arabic *bʕw* ‘совершить преступление; сглазить; навлекать несчастье’ (БК, v. I, p. 44).

9. Сем. Ugaritic *bty* ‘злодей, колдун’ (DUL, p. 250). В чадских языках удалось обнаружить фонетически безупречный когнат³ только с производной семантикой: центр. Podoko *mbeče* ‘исполнять обряд’, Mada *ámbačà* ‘заколдовать’.

³ Угаритский интердентальный *t* восходит к прасемитскому *t, который соответствует чадскому *č.

От имени существительного с семантикой ‘(злой) дух’ с помощью префикса *m-/n-* (в зависимости от начального согласного) образуется имя существительное ‘колдун’, с дальнейшим семантическим сдвигом: ‘традиционный целитель’ > ‘врач’, см. следующие примеры:

10. центр. Mada *dàgà* ‘дух, вызывающий вздутие желудка’. Производные: зап. Kupto *ndágáyá* ‘колдун’, Karekare *dàg^w-ar* ‘колдовство’.

11. чад. **(kV)kVn-* ‘злой дух, магия’: зап. Montol *kung* ‘злой дух’, Kupto *kòndòm* ‘духи’, Vokkos *kuná* ‘колдовство’; цетр. Gude *kíkìinà* ‘вид злого духа’, Sakun *kyikun* ‘волшебство’, Makari *kunus* ‘магия, фетиш’, Munjuk *kìniwì* ‘отравить с помощью магии’. Производное имя: центр. Tera *nàkàni* ‘врач’.

Нельзя исключить родство чадского корня с центр.-сем. **kāhin-*⁴ ‘жрец, колдун’: Hebrew *kōhēn*, Syriac *kāhnā*, Ugaritic *khn*, Arabic *kāhin* (GCS, p. 213), см. также Arabic *khn* ‘быть колдуном, жрецом, предсказывать будущее’, *kāhin-* ‘предсказатель будущего, жрец’ (ВК, v. II, p. 940). Отметим семантический сдвиг ‘колдун’ > ‘жрец’ в семитских языках.

12. **bur-* ‘злой дух’: зап. Tangale *burá* ‘имя злого духа’; вост. Mokilko *bírré* ‘бродить (о злых духах) ночью, чтобы пожирать души людей’. Производное имя с префиксом *m-*: зап. Daffo, Bokkos *^mburú* ‘колдун, целитель, врач’, Sha *^mburú* ‘врач’; центр. Mbara *^mbré* ‘злой колдун’, Mbuko *mbəro-m* ‘Бог, дух’. У чадского корня есть надежная семитская параллель: Akkadian *bārū* ‘прорицатель’, *barī-tu* ‘прорицательница’, *bārū-tu* ‘прорицание’ (CAD, pp. 121, 111, 131).

Для полноты картины приведем единственный обнаруженный пример прачадского корня с похожей семантикой, но без отрицательной коннотации:

13. чад. **bVl-* ‘колдовство’: зап. Paa *bali* ‘околдовать, очаровать’, *bàlā-mà* ‘колдовство’, Warji *bə̀lə-mai* ‘колдун’, Bghom *bal* ‘предсказывать судьбу’; центр. Sakun *ma-mbəl-um* ‘дух’, Kuseri *balai* ‘дух, фантом’, *mbilla* ‘магия’; вост. Ndam *bə̀lí* ‘целитель, колдун’, Vagein (в разных диалектах) *bòlí*, *bolí*, *bōlí* ‘традиционный целитель’. Вполне надежная внешняя параллель обнаружилась только в одном сем. языке: Gees *balbala* ‘предсказывать по знаменьям, приметам’ (CDG, p. 95).

Существенно, что отрицательная коннотация магической лексики реализуется и в производных формах. Сравним исходный корень с нейтральной семантикой **pan-* ‘дух, магическая сила’: зап. Tangale *pə̀np* ‘магическая сила’ Ngas *ka-pan* ‘вид духа’, вост. Lele *pányá* ‘дух предков’

⁴ В чадских языках поствеляный (*ʕ*, *h*, *h*) в интервокальной позиции может вызывать эмфатизацию звонкого смычного согласного (**b/dVHVVC-* > *b/dVC-*, см. пример 8), в интервокальной позиции поствелярный обычно не сохраняется. В нашем случае в качестве ‘следа’ поствелярного согласного можно рассматривать ‘замещающую редупликацию’: **kVhVn-* > *kVhVn-*.

и производные от него формы: зап. *Ywom k-paŋ* ‘ненависть’, *Tangale pùn-su* ‘проклинать, накладывать заклятье’.

Есть основания полагать, что основным атрибутом колдовства был яд, см. зап.-чад. *Tangale dignè* ‘приворожить, отравить’, центр. *Munjuk kinìwì* ‘отравить с помощью магии’, а также следующий пример:

14. Зап. чад. *Nausa dǎrnii* ‘любой вид магии и колдовства’; центр. *Dzeraw dàr* ‘колдун(ья)’, *Musey dawra* ‘колдовство’, *Mafa dere* ‘яд’, вост. *Kera dàr* ‘яд’.

Также можно отметить, что существенной особенностью анализируемой лексики является ‘полярность’ семантики у когнатов, см. например:

15. Вост.-чад. *Sokoro sùne* ‘магия’, *Egyptian šn.w* ‘заклинатель, колдун’ (EG, v. IV, p. 496), сем. *Sabaic s₂n* ‘личный враг, недоброжелатель’ (SD: 133).

Когнаты с противоположной семантикой (при полном совпадении фонетической структуры) можно найти и в близкородственных семитских языках: *Sabaic f^l* ‘желать зла кому-либо’ (SD, p. 43) и *Arabic fa^ʔala* ‘сделать доброе предсказание’ (BK, p. 530).

Для чадских языков характерно совмещение (даже в одном языке) таких полярных значений как ‘яд’ и ‘лечебное средство’. См. следующие примеры:

Центр.-чад. *Ouldem āgùgumā* ‘вид магии’, *Gude ngúmá* ‘магия, яд, лечебное средство’⁵.

16. Чад. **W^r-⁶* ‘яд’ – ‘лечебное средство’: зап. *Karekare sóorù-m*, *Kirfì šara-dì* ‘лечебное средство’, *Dera wór-n* ‘яд, лечебное средство’; *Daffo ser* ‘яд’; центр. *Kola mà-ɓry* (-*tr*- > -*ɓr*-) ‘лечебное средство’, *Gisiga tala-k* ‘лечебное средство’, *Mofu tala-k* ‘лекарство, препарат’ (*CVrVC*- > *CVVC* регулярно); *Mesme tor* ‘лечебное средство’, *Dzeraw tór*, *Dari tór* ‘яд’; вост. ‘лечебное средство’: *Lele kǎ-sīrē* (*k*- это префикс коллективных имен), *Somrai šār-wā*, *Tumak hār-āw*, *Mígama ċárú*.

Этот чадский корень имеет надежную внешнюю параллель: сем. *Geez šaraya*, *šarraya* ‘колдовать, накладывать заклятья, отравить, лечить, давать лекарства, заклинять’, *šarāy* ‘магия, колдовство, яд, лечение, лечебное средство’, *Тигре sara* ‘лечить’, *šaray* ‘снадобье, яд’ (CDG, p. 536). Крайне важно отметить, что в языке геез прослеживается изменение семантики и у глагола, и у имени. С одной стороны, – от нейтрального ‘колдовать’ до полярных значений – ‘отравить’ и ‘лечить’, с другой – от нейтрального ‘колдовство, магия’ до ‘яд’ и ‘лечебное средство’.

⁵ Применительно к чадским языкам ‘лечебное средство’, а не ‘лекарство’ представляется более адекватным переводом английского ‘medicine’.

⁶ С помощью знаков *ɫ* и *ɮ* передаются латеральные фрикативные фонемы (глухая и звонкая), чад. *ɫ соответствует сем. *ʕ.

В качестве когнатов к Geez *śaraya* приводятся следующие формы: Arabic *šry* ‘защищать, сражаться за кого-то, обеспечивая ему защиту’ и Sabaic *sry* ‘спасать, защищать’ (CDG, p. 536). В этих двух языках прасемитский корень *šry (предположительно – с нейтральным значением) в результате семантического сдвига получил только положительную коннотацию.

17. Чад. **yVn-/wuyVn-* (> *m-yVn-*, *yVn-k-*) ‘снадобье – яд – лечебное средство’: зап. Gerka *ɣin*, Goemai *en* ‘яд’ (FrK, p. 219), Gerka *gən* ‘лечебное средство’ (BIY, p. 2), Goemai *ʔɛn* ‘яд или лечебное средство’ (III, p. 67); Paa *hàna-kí*, Sirí *yəŋ-kí*, Jimbin *ɣun-hu*, Miya *anii-hə*, Mburku *yən-hə*, Tsagu *yənən*, Kariya *yinə-hən*, Warji *ɣyi ɣinna* ‘лечебное средство’, Guruntum *wiunu* (< *wu-gun*), Geji *ikin*, Dott *ʔwon*, Polchi *wo-ɣun*, Saya *wu-gn*, Jimi *ágən* ‘лечебное средство’; центр. Wandala *unye* ‘яд’, Lamang *ɣʷini* ‘лечебное средство’, Logone *mí-ɣun* ‘средство (снадобье), лечебное средство, яд для стрел’ (LkL, p. 67), *mi-ɣun* ‘лечебное средство, лекарство’ (AIL, p. 14), Kuseri *mo-ɣon* ‘яд (для стрел)’, Sakun *ɣiwun* ‘лечебное средство’ (*ŋ*- < *nɣ*-).

Весь спектр семантики – ‘средство (Mittel), лекарственное средство, яд для стрел’ зафиксирован только в центр.-чад. языке Logone в списке слов, собранных в начале 20-го века, а в современном языке та же форма обозначает только ‘лечебное средство, лекарство’. Существенно, что в близкородственном языке (Kuseri), наоборот, закрепилось только значение ‘яд’. В этом же временном интервале произошел семантический сдвиг: ‘яд’ > ‘лечебное средство’ в зап.-чад. языках Geemai и Gerka (см. выше).

Первичную семантику пары ‘яд’- ‘лечебное средство’ (а именно – ‘яд’) подтверждает и следующий пример: Dera (зап.-чад.) *pə̀rà* ‘яд’ и когнаты в южно-кушитских языках – Iraqw *puuri* ‘лечебное средство, оказывающее негативное воздействие на кого-либо, пыльца ядовитого гриба’, Gorowa *puuri* ‘пыльца ядовитого гриба’ (KM, p. 227). Очевидно, что ‘лечебное средство, оказывающее негативное воздействие’ – это и есть ‘яд’.

Примером вторичности семантики ‘лечебное средство’ является и единственный общий термин для этого концепта в языке Хауса – *máa-gàni* ‘лечебное или профилактическое средство, магия, заговор’. С морфологической точки зрения *máa-gàni* – это имя существительное с префиксом *máa* (‘имя инструмента’), образованное от отглагольного имени *gaani* ‘зрение, предсказание’.

Напротив, лексика с семантикой ‘яд’ непроизводна и широко представлена в отдельных чадских языках, см. еще некоторое количество релевантных примеров:

Зап. чад. Bolewa *dìinà*, Tangale *den* ‘яд’; центр. Cuvok *médédè̀nè̀y* ‘отравить что-либо’.

Зап. Miya *ádázi* ‘яд’, центр. Sakun *dazu-ndu* ‘яд для убийства’.

Центр. *Glavda gùra* ‘яд, яд для стрел’, *Bura gwar*, *Hdi gur-ma*, *Sakun gara* ‘яд’.

Центр. *Gizey sínáw* *Masa*, *Nam sínéw* ‘(змеиный) яд’.

Большое количество лексики с семантикой ‘яд’ можно объяснить обилием ядовитых змей и семантическим сдвигом: ‘ядовитая змея’ > ‘яд’⁷. Например: чад. **zVm-* ‘вид ядовитой змеи’: зап. *Montol zem* ‘змея’, *Goemai z'ám* ‘гадюка, очень ядовитая змея, яд которой убивает за короткое время’, центр. *Hdi zэм* ‘большая ядовитая змея’, производное имя – *Bura zama-n* ‘яд’.

Как следует из уже приведенных примеров, яд (в основном змеиный) используется не только для колдовства, но и для обработки наконечников стрел и копий, см. еще несколько лексем: центр. *Bura čaki* ‘отравленная игла (для поражения врага или злого духа)’, зап. *Hausa zábgái* ‘яд для стрел’.

Яд растительного происхождения является, скорее, исключением, нам удалось обнаружить всего пару названий ядовитых растений: зап. *Hausa báasáa* ‘кустарник, используемый для изготовления яда для стрел’, центр. *Mada áháf* ‘растение, дерево, снадобье, яд’. И лишь в одном случае можно предположить семантический сдвиг: ‘ядовитое растение’ > ‘яд, отравить’, а именно: зап.-чад. *Goemai šir* ‘ядовитое растение, которым убивают рыбу’, *Ngizim šár-ká* ‘яд’; вост. *Dangla sèrriyé* ‘отравить’.

В основном же растения используются в лечебных целях. Названия лекарственных растений есть в каждом словаре, например: зап. *Hausa láabúu* ‘листья дерева *Annona reticulata*, используемые как лекарство для лошадей’, центр. *Gude čičidá* ‘вид дерева (листья используются как лекарство от дизентерии)’, *Sakun hanzay* ‘растение, используемое в медицине’, *Bana x'ábíy* ‘дикий лук (используется как лекарство)’, *Maŋa šéšém* ‘вид дерева (кора используется как лекарство от малярии)’ и нек. др.

Ни одно из названий целебных растений не имеет этимологии, и даже для отдельных групп чадских языков лексема с семантикой только ‘снадобье, лечебное средство’ не реконструируется.

3. Некоторые выводы

Лексика, связанная с колдовством широко представлена в чадских языках и имеет надежные когнаты в семитских. В основном подобная лексика имеет отрицательную коннотацию. С этимологической точки зрения термины, связанные с колдовством, могут восходить к су-

---

⁷ Частично – заимствованиями, например, арабское *samm-*, *summ-* ‘яд’ (ВК, V. I, p. 1133) обнаруживается в нескольких центр.-чад. языках: *Malgwa sum*, *Affade sэм(m)*, *Mbara sam* ‘яд’.

ществительным ‘ветер’, ‘тень’ или прилагательным ‘плохой’, ‘злой’. Для этой лексической группы характерны семантические сдвиги, приводящие к совмещению полярных значений: ‘отравить’ и ‘лечить’, ‘яд’ и ‘лечебное средство’. В последнем случае нам, как кажется, удалось установить исходную семантику (именно – ‘яд’). Особо следует отметить, что в чадских и эфиосемитских языках наблюдается аналогичные цепочки семантических изменений.

Сокращения

вост. – восточный, гр. – группа, зап. – западный, сем. – семитский, центр. – центральный, чад. – чадский.

Литература

1. AIL – Alison S. *Logone-Birni Kotoko Provisional Lexicon*. Cameroun: SIL, 1999.
2. BK – Biberstein-Kazimirski A. de. *Dictionnaire arabe-français*. Vol. I - II. Paris: Maisonneuve et Co, 1860.
3. BIY – Blench R. *Ywom wordlist*, 2013 [сайт]. URL: <http://www/rogerblench.info/RPOP.htm> (дата обращения 20.07.2020).
4. CAD – Gelb I. J., Jacobsen Th., Landsberger B., Oppenheim A. L. (eds.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. 2. Glückstadt: J.J. Augustin, 1965.
5. DUL – Olmo Lete del, G., Sanmartin J. *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition*. Leiden: Brill, vol. I, 2003.
6. FpK – Fitzpatrick J. F. J. Some Notes on the Kwolla District and its Tribes // *Journal of the Royal African Society* 10, 1910-1911, p. 16-52.
7. CDG – Leslau W. *Comparative Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1987.
8. GCS – Kogan L. *Genealogical Classification of Semitic. The Lexical Isoglosses*. De Gruyter, Boston/Berlin, 2015.
9. Hll – Hellwig B. *A Dictionary of Goemay* (unpublished).
10. KM – Kiessling R., Mous M. *The Lexical Reconstruction of West-Rift Southern Cushitic*. Köln: Köppe, 2003.
11. LkL – Lukas, J. *Die Logone-Sprache im zentralen Sudan*. Leipzig: Deutsche Morgenländische Gesellschaft, 1936.

12. SD – Beeston A. F., Ghul M. A, Müller W. W., Ryckmans J. *Sabaic Dictionary*. Louvain-la-Neuve: Peeters, 1982.
13. Полный список источников по чадским языкам, 2019 [сайт]. URL: <http://ivran.ru/en-book?id=1403> (дата обращения 20.07.2020).

**Динамика соотношения понятий «путь» и «дорога»
в этимологии иранских языков
(к типологии семантических трансформаций)**

Этимология иранских языков выявляет динамику соотношения понятий, или концептов, «путь» и «дорога», выраженную в истории соответствующих слов. Под понятием «путь» здесь подразумевается направление, траектория движения, независимо от способа перемещения и от среды, в которой происходит движение (в определенных контекстах также расстояние и время движения, типа *путь и далек, и долог*). Под понятием «дорога» подразумевается выбранная или подготовленная полоса земли, по которой происходит движение. Лексические воплощения этих понятий – общего «путь» и частного «дорога» – в иранских языках взаимосвязаны, и этот факт позволяет проследить этимологию соответствующих слов и этапы изменения их семантики.

Древнейшими в иранском лексиконе в группе слов этого разряда были праиранские имена с основами **pantā-*: **paθā-*; **panta-*, **paθ(a)-*; **panti-*: *paθi-* с общим значением 'путь; дорога, тропа'. Эти слова охватывали семантический спектр как общего направления движения в пространстве, так и конкретных представлений о поверхности либо о среде (включая водную и воздушную), по которой (или внутри которой) это направленное движение происходит.

Данные основы восходят к индоевропейскому периоду: они этимологически родственны древнеиндийскому *pānthā-*: *pathā-* 'дорога, путь, тропа' и продолжают индоевропейскую основу **pont(h)ā-*: *pnt(h)ə-* 'путь; дорога, переправа, мост', производную от глагольного корня **pent-* (в диалектах, легших в основу языков арийской дочерней семьи, – **penth-*) 'идти, ступать; двигаться' → 'находить', ср. греч. *πάτος* 'тропа; шаг', *πόντος* 'морской путь, море', лат. *pons* (генитив *pontis*) 'мост; переход', англ. *path*, нем. *Pfad*, церк.-слав. *пѣть*, рус. *путь* [Pokorný 1959, S. 808-809; Maughofer II 1996, S. 81-83; Фасмер III 1971, с. 413].

Этот широкий круг значений сохранялся в древних иранских языках в именах, восходящих к данным вариантам основ. Так в авестийском языке зафиксировано: *panti-* м.р., **pantā(n)-* м.р., *paθ-* м., ж.р., *paθā-* ж.р. 'тропа, дорога, путь' с разными морфонологическими вариантами основ в разных падежах [Bartholomae 1979, Kol. 843-844, 847-848], в древнеперсидском: *paθi-* ж.р. 'тропа, дорога, путь' [Kent 1950, p. 137,

195]. При этом уже в текстах на древнеиранских языках выявляется употребление данного имени не только в буквальном, но и в переносных значениях: 'верный, правильный жизненный путь', 'верное религиозное направление' и т.п., например др.-перс. *paθim tyām rāstām mā avarada* 'с пути, который правильный, не уклоняйся' [Kent 1950, p. 137, 195]; авест. *hu-paθmainya-* 'относящийся к доброму пути; ведущий по доброму пути', то есть 'к верному учению' [Bartholomae 1979, Kol. 1826]. Эти оттенки значений тоже восходят к доиранскому хронологическому уровню, о чем свидетельствуют параллели с таким же употреблением аналогичного имени в Ригведе: ср. авест. *aśahe pantam* – РВ *ṛtāsya pānthāh* 'путь к истине', 'путь истины' [Mayrhofer II 1996, S. 82].

В дальнейшем в «больших» литературных иранских языках средневековья – среднеперсидском и парфянском, – семантика этого слова «разветвляется»: выделяется особая группа переносных значений: 'напутствие' → 'наставление, поучение; совет', но при этом сохраняется и исконный круг значений: '(реальный или мысленный) путь, дорога'. Например: ср.-перс. *pand* 1) 'дорога, путь'; 2) 'напутствие, совет, наставление' [MacKenzie 1971, p. 64; Воусе 1977, p. 71]; парф. *pandān* 'дорога, путь, тропа', но парф. *pand* 'совет, наставление' [Henning I 1977, p. 527; Воусе 1977, p. 71]. Обращает на себя внимание аналогичное «расщепление» семантики слов, связанных с данной индоевропейской основой в славянских языках: ср. рефлексы праслав. **naprotje*: словен. *naprotje* 'препятствие, помеха', др.-рус., церк.-слав. 'напутствие', укр. *напуття* 'пожелания, напутствие, советы' [ЭССЯ-22, 1995, с. 227-228].

В языках-наследниках диалектов среднеперсидского языка, то есть в классическом персидском и современных персидском, таджикском, дари, в продолжениях данных слов эта новая группа значений – 'напутствие, наставление; совет, поучение', – становится главной, а затем и единственной, вытесняя буквальное обозначение пути, дороги, направления реального движения. Ср., например: кл. перс. *pand* 'наставление, поучение, нравоучение' [Horn 1893, S. 73; Фарханг II 1969, с. 22]; дари, совр. перс. *pand* 'совет, наставление'; тадж. *pand* 'совет; наставление, поучение; нравоучение; увещание'.

Те же семантические изменения рефлексов основ **pantā-*: **paθā-* и т.п. наблюдаются в производных словах, композитах и в устойчивых словосочетаниях. Например: ср.-перс. *pand-nāmak* 'Книга наставлений' [Nyberg 1974, p. 150]; кл. перс. *pand-nāma* 'книга советов, книга поучений'; в сочетаниях кл. перс. *pand dādan* 'советовать, поучать' (букв. 'давать напутствие, совет'), *pand giriftan* 'прислушаться к совету' (букв. 'брать, принимать напутствие, совет'), *pand-pazir* 'принимающий советы, прислушивающийся к советам' и др. [Фарханг II 1969, с. 22]; тадж. *pand-noma* 'книга назиданий'; *pand šunidan* 'прислушаться к совету',

pand guftan ‘советовать, наставлять, поучать’, *pand-gūy*, *pand-omūz* ‘дающий советы, наставляющий’, *pand-gūyi* ‘увещевание, наставление (действие), чтение нравоучений’, *pand-omez* ‘наставительный, поучительный’, *pand-pazir* ‘послухный, сговорчивый’, *pand-nopazir* ‘непослухный, несговорчивый’ и т.п.

Тот же круг значений: ‘напутствие; совет; поучение’, – налицо в разных живых иранских языках в словах, заимствованных из классического персидского языка и позднее – из современных персидского, таджикского, дари. Например: белудж. *pant* ‘поучение, обучение’, то же в сочетании белудж. *pant deag* ‘поучать, наставлять’. Курд. *pʻand*, курд. сор. также *pand*, *mang* ‘наставление’ (форма *mang* – фонетический вариант курдского *pand*, происшедший в результате замены *-nd > -ng) – адаптированные заимствования из персидского; аналогична семантика гилян. *pand*, кафрони *pand* ‘совет, наставление’, заимствованных из персидского [Цаболов 2010, с. 85-86].

В тех языках, где прослеживаются исконные рефлексy праиранского прототипа, наблюдается сохранение в них древнего широкого круга значений: ‘путь; дорога, тропа’ в буквальном и переносном значениях. Например: парачи *panān* (мн.ч. на -ʻān) ‘дорога; путь’ < *pantānəm [Morgenstierne 1929, p. 280; Ефимов 2009, с. 225] и композит парачи *panānmožak* 1) ‘идуший по дороге’; 2) ‘умеющий ходить (о ребенке)’ [Ефимов 2009, с. 225].

Особенно характерен унаследованный широкий круг значений для иранских языков восточной ветви. Это свидетельствуется материалом исконных слов не только вымерших, но и живых языков.

См. материал вымерших восточноиранских языков: в согдийском языке основы [-*paθ*] ‘дорога, путь’ и [*pandāk*] ‘дорога’ в качестве отдельных слов не отмечены, но зафиксированы в композитах: согд. *kʻrpθ*, согд. христ. *qʻrpθ* ‘военная дорога’, букв. ‘армейская дорога’ < **kārapaθi-* (**kāra-* ‘войско, армия’) [Gharib 1995, p. 186]; согд. будд. [*rāθpandāk*] ‘дорога’ (букв. ‘дорога-путь’) [Gharib 1995, p. 339]. Хор. *pndʻk* 1) ‘путь (в буквальном и переносном значениях)’; 2) ‘дорога’ [Henning I 1971, p. 35; Benzing 1983, S. 173, 207, 522-523, 545]. Хот.-сак. *pandāa-* (с фонетическими вариантами) < **pantā-ka-* ‘путь, тропа, дорога’ [Bailey 1979, p. 207, 210-211; Emmerick 1968, p. 308-310]; *pamdā-rāysa-* ‘вождь, предводитель’ [Bailey 1979, p. 211], хот.-сак. *avaha-* ‘без дороги, по бездорожью’ [Bailey 1979, p. 10]. Бактр. *пандαυο* ‘путь, дорога’ < **pantā-ka-* [Sims-Williams 2007, p. 251].

Ср. материал живых восточноиранских языков: мундж. нижний *pōnda*, мундж. верхний *poda*; йидга *pādo* (в диалектах также *pōndo*) ‘путь, тропа, дорога’ (с закономерной утратой *n перед шумной согласной) [Morgenstierne 1938, p. 235; Грюнберг 1972, с. 343]. Шугн. *pūnd* м.р. ‘путь, дорога; тропа’ [Карамшоев 2, 1991, с. 467-468] и производные

слова и устойчивые сочетания: шугн. *čōr-būnd* 'перекресток, распутье' (из тадж. *čōr* 'четыре' + шугн. *pūnd* 'путь, дорога, тропа'); шугн. *pūndēz* м.р. 'горная тропа; тропинка'; *pūnd-ziwēdīj* 'тот, кто прокладывает путь; первопроходчик'; *pūnd-divēsij* 'проводник, провожатый' (букв. 'показывающий путь'), *pūnd-va* 'в пути, по дороге', *pūnd zēxtōw* 'учиться ходить' (букв. 'взять хождение') и др., включая слова с переносным значением: шугн. *pūnd xičxīdōw* 1) 'прервать (чью-л. речь); заставить замолчать'; 2) 'переубедить доказательствами', букв. 'прервать путь'; *ar pūnd xāvđōw* 'соглашаться с чьими-л. доводами' (букв. 'спуститься на дорогу') и т.п.; при этом ср. шугн. *pand* 'поучение, урок', заимствованное из таджикского [Карамшоев 2, 1991, с.372]. Руш. *pānd*, хуф. *pōnd* 'путь, дорога' и гибридное слово руш. *bīpānday*, хуф. *bīpōnday* 'бездорожье' [Соколова 1959, с. 226] (префикс *bī* 'без' заимствован из таджикского). Барт. *pōnd*, *pōn* [Соколова 1960, с. 146] 'путь, дорога', рош. *pānd*, сар. *pond* [Morgenstierne 1974, р. 56] 'путь, дорога'. Язг. *pān* (с компенсаторным удлинением гласного в результате отпадения *-d*), реже *pand* (мн.ч. *pāndáθ*) 1) 'путь; дорога'; 2) послелог 'через, сквозь' [Эдельман 1971, с. 186]. Сангл. *punuk* 'проход, перевал' < **pantaka-* и сангл. *pənuik*, *pān* 'дорога, путь' [Morgenstierne 1938, р. 317, 407]. Вах. *vdək*, *vədək* 'путь, дорога' (с метатезой и диссимиляцией из **pa(n)taka-* [Стеблин-Каменский 1999, с. 378]. К этой группе слов, возможно, относилось также исконное ягн. **pot-* 'дорога, тропинка', если название съедобной травы ягн. *potawayśák*, *potawýśak* 'Poligonum bistorta L.' (во второй части композита: *wayś*, *weś* 'трава') [Андреев, Пещерева 1957, с. 309] означало первоначально '(при)дорожная трава' (с отражением *-θ- > -t- в одном из ягнобских говоров).

Ср. однотипные и этимологически общие производные имена: например, *ham + **pant(a)-* : *paθ(a)-* 'попутчик' то есть '(идуший) той же дорогой' или 'встреченный' то есть '(находящийся) на той же дороге': ср.-перс. *hāmpand* 'спутник, товарищ, попутчик' [Nyberg 1974, р. 150]; орм. кан. *īmbā-ī* 'друзья' < **ham-pāθya-*? [Morgenstierne 1929, р. 331, 387]; хор. 'nbnc ж.р. 'препятствие / встреча на дороге(?)' < **ham-panti-* [Henning I 1971, р. 29; Benzing 1983, S. 58-59], при хор. 'nbθ, 'nbyθ 'товарищ, компаньон' < **ham-paθ-*, 'nbθ' wk 'товарищество, компания' [Henning I 1971, р. 28-29; Benzing 1983, S. 60].

Ср. однотипные сочетания рефлексов **panta-* 'путь, дорога' и производных от праиранского корня глагола **iak-* 'идти, ходить': шугн. *pūnd-īd* 'хотьба, хождение' [Карамшоев 2, 1991, с. 467-469]; шугн. *pūnd īdđōw* 'ходить, шагать, передвигаться'; руш. *pānd taydōw* [Соколова 1959, с. 226], барт. *pōnd taydōw* 'быть в состоянии ходить, мочь ходить' [Соколова 1960, с. 146], язг. *pān təžáj* 'идти, ступать'.

В скифо-осетинской языковой группе, кроме сохранения древнего обозначения реальных пути, дороги (см. **pant(i)-* 'путь' [Абаев 1979,

с. 297]), развивается собственная семантическая линия, отличная от других иранских языков: 'свой (намеченный) путь'. Так в осетинском языке от основы в варианте **panta-* образованы: *fænd / fændæ* 'замысел, план; намерение, желание' и производные: *æmvændæj* 'единодушно', *xivænd* 'своевольный, своенравный, упрямый' [Абаев 1958, с. 445-446]. При этом здесь, как и в других иранских языках, в производных словах, композитах и в устоявшихся словосочетаниях нередко выявляется архаичный широкий спектр значений, более близкий к прототипу, чем в закрепившихся самостоятельных словах. Например, понятия 'путь, по которому происходит движение, дорога' наглядны в осет. *fændag* 'путь, дорога' < **panta-ka-* [Абаев 1958, с. 445-446]; скиф. Παταίχος; осет. *fætæg* 'вождь' < **padaka-*, букв. 'путеводитель' (ср. др.-инд. *pathaka-* 'путевед, путеводитель') [Абаев 1958, с. 464]; осет. *divændag* 'перекресток' (< **duwa-pantaka-*), *ironvændag* 'обряд оплакивания покойника' (из более раннего *iron-fændag*, букв. 'осетинский путь') [Абаев 1958, с. 548]; *fændagon* 'путник', *fændaggag* 'дорожная провизия', *fændarast* 'добрый путь (пожелание)'. Но при этом имеется также деноминативный глагол *fændyn | fændun* 'желать, хотеть, быть склонным' и от него вторичные отглагольные имена: осет. *fændiag / fændewagæ* прил. 'желанный, соответствующий желанию'; *fændon* 'желание; желанный' [Абаев 1958, с. 446-447]; осет. диг. *barvændæ* 'добрая воля' (из *bar* 'воля, право' и *fænd* 'желание') [Абаев 1958, с. 237] и др.

Таким образом, рефлексy праиранских основ **pantā-*: **padā-*; **panta-*, **pad(a)-*; **panti-*: *padī-* с общим значением 'путь; дорога, тропа' в разных иранских языках сохранили конкретную семантику и развили переносные и абстрактные понятия, связанные с движением, буквальным и мысленным.

При этом в больших западноиранских литературных языках: среднеперсидском и парфянском, в которых развилось в данных лексемах особое значение 'напутствие, поучение', значение реального пути и дороги постепенно ослабевало, и впоследствии в потомках среднеперсидского языка значение реальных и переносных 'пути, дороги' в этих словах было утрачено, заместившись словами иной этимологии.

Приблизительно в этот средневековый период в разных языках, включая среднеперсидский и парфянский, закрепляются новые обозначения понятия «дорога», восходящие к другому древнеиранскому имени. Это продолжение древнеиранского производного имени **raduā-* 'относящийся к колесной повозке, к колеснице' → 'колесная, проезжая дорога'. Оно восходит к праиранскому имени **rat(h)a-*, **radā-* 'колесо; колесная повозка; колесница' – продолжению праарийского **ratha-* 'колесо; колесная повозка; колесница', и имеет этимологические соответствия в древнеиндийском языке, ср. др.-инд. *rātha-* 'повозка, легкая двухколесная боевая колесница', *rāthya-* 'относящийся к повозке, колесни-

це'; *rathyā-* ж.р. 'колесная, проезжая дорога / улица'. Праарийское **ratha-* 'колесо; колесная повозка; колесница' восходит, в свою очередь, к индоевропейскому корню **ret-*, **reth-* 'бежать; катиться', **roto-* 'колесо, круг' (ср. лат. *rota* 'колесо, круг; гончарный круг', нем. *Rad* 'колесо', лит. *rātas* 'колесо' [Pokorny 1959, S. 866; Fraenkel 1965, S. 703, 730; Mayrhofer II 1996, S. 429-430]).

Имена этой группы зафиксированы в древнеиранских языках:

Авест. поздн. *raða-* м.р. 'повозка; (боевая) колесница' (в отличие от авест. поздн. *vāša-* 'повозка') и производные имена: авест. поздн. *raðaē-štar-*, *raðaē-štā-*, *raðōi-štā-* м.р. '(воин,) стоящий на колеснице' (= 'воин', второе сословие в Авесте) из **raðai + štā-* от корня **stā-* 'стоять' (ср. др.-инд. ведич. *ratheṣṭhā-* м.р. 'воин на колеснице') [Bartholomae 1979, Kol. 1506-1507]; авест. поздн. *raða-kara-* прил. (ж.р. на *-kairī-*) 'мастерящий повозки'; авест. гат. *raiḍya-* ср.р. 'дорога, путь' (ср. др.-инд. *rāthyā-* ж.р. ' проезжая дорога') [Bartholomae 1979, Kol. 1508]; авест. поздн. *mat-raða-* 'вместе с повозкой' [Bartholomae 1979, Kol. 1121]; авест. поздн. *srao-raða-* прил. '(обеспеченный) доброй повозкой' [Bartholomae 1979, Kol. 1634].

Др.-перс. **raða-* 'колесница' в составе сложных слов: др.-перс. *u-raða-* прил. 'имеющий хорошие колесницы' из *u-* < **hu-* 'хороший' + *raða-* (ср. др.-инд. *suratha-* – имя собств.); производное др.-перс. **raḍara-* 'колесничий' в слове (*u*)*raḍara-* 'имеющий хороших колесничих' [Kent 1950, p. 176]; др.-перс. **raḍavaða-* имя собств. (из эламского источника), букв. 'едущий в колеснице' (ср. авест. *vazō-raða-* – то же) [Hinz 1975, S. 201].

Мидийский **raða-* 'колесница' в составе композитов: **raḍaištā-* имя собств. (из эламского источника), букв. '(воин,) стоящий на колеснице' (ср. авест. *raðaē-štā-*) [Hinz 1975, S. 201]; **āsurada-* имя собств. (из арамейского источника), букв. 'имеющий быструю колесницу' (< **āsu-* 'быстрый' + **raða-* 'колесница') [Hinz 1975, S. 47].

В более поздних языках, включая среднеперсидский и парфянский, зафиксированы как названия колесницы, повозки, так и производные от них – рефлексy архаичных слов и новообразования: от основы **raða-* 'колесница; повозка' > Ср.-перс. ран. *ras*, поздн. *rah*, *rahy* 'повозка; колесница' [Henning I 1977, p. 528; Nyberg 1974, p. 166; MacKenzie 1971, p. 70; Воусе 1977, p. 78] и производные, например ср.-перс. *rahīg* 'дитя, слуга' [Воусе 1977, p. 78]. Ср.-перс. *artēš-tār* 'воин', заимствованное в среднеперсидский из авестийского *raðaēšta-* или *raḍaištā-*, *raḍōištā-* м.р. '(воин) стоящий в колеснице', с переразложением компонентов слова. От него образовано уже в самом среднеперсидском производное слово ср.-перс. *artēštārīh* 'воинство' [Nyberg 1974, p. 30; MacKenzie 1971, p. 11]: далее – кл. перс. *artēšdār* 'воин, солдат; военный' и затем совр. перс. *arteš* 'войско, армия' [Hassandoust I, 2014, s. 162-163].

Рефлексы этой же основы *raθa- наблюдаются и в других вымерших иранских языках: парф. *ryh* [*reh*] ‘колесница’ [Boyce 1977, p. 80]; хот.-сак. *rraha*- ‘повозка; колесница’ [Bailey 1979, p. 360].

Древнеиранское производное слово *raθuā- с вариантами *rāθa-, *rāθi-, *rāθiya- с трансформацией значения: ‘относящийся к колесной повозке, к колеснице’ → ‘колесная, проезжая дорога’ → ‘дорога’, – сыграло особую роль в обозначении ‘дороги’ и далее – ‘пути’ в разных иранских языках. Рефлексы его с этими значениями выявляются в разных вымерших иранских языках, включая среднеперсидский и парфянский, а также в большей части живых иранских языков, при этом не только в потомках данных языков, но и в виде адаптированных заимствований в разные языки из классического персидского и позднее из современных персидского, таджикского, дари.

Тем самым эти имена, ставшие обозначением ‘дороги’, постепенно расширяют сферу употребления, выступая и в переносных значениях и занимая семантическую нишу понятия ‘путь’, вытесняя оттуда слова, восходящие к основам *panā- : *paθā- и т.п.

См. ср.-перс. *rāh* ‘дорога’ [Nyberg 1974, p. 165-166; MacKenzie 1971, p. 70; Boyce 1977, p. 77], далее кл. перс. *rāh*, *rah* 1) ‘дорога, проход; улица’; 2) ‘отрезок пути’; 3) ‘средство, способ’; 4) ‘правило, закон’; 5) ‘раз’ [Фарханг II 1969, с. 146-148]; совр. перс. *rāh* 1) ‘дорога, путь’; 2) ‘способ, метод, приём’; 3) муз. ‘лад’; 4) религ. ‘вероучение, вероисповедание’; 5) ‘раз’; 6) ‘полоса, полоска’; тадж. *roh* 1) ‘дорога, путь’; 2) ‘способ, метод, приём; образ’; дари *rāh*, бахтиари *rōh*, ларский *rāh* ‘дорога, путь’ и т.д.

То же в северо-западных языках: парф. [*rāh*] ‘путь, дорога’ [Boyce 1977, p. 77]; курд. *rē*, *rīh*, *rā* ж.р. ‘дорога, путь’; талышский *ro*, заза *rāy*, *re*, *raya*, гурани *ra*, *re*, *re-gah*, белуджский *rā* ‘дорога’, лурский *rā*, бахтиари *rah*, *rāh*, воничуни, кохрудит *roh*, кешей *rāh*, зефрей *re*, сангисари *re*, шамерзади *rāh*, седеи, газы *re*, кафрони *reh*, сивенди, сурхеи, ласгарди *rā*, семнани *re* [Цаболов 2010, с. 203], с отражением в части языков *rāθī- или *rāθiya-, но в большинстве – адаптированные заимствования из персидского. Орм *rāy* ж.р. ‘дорога’, возможно, продолжение древнего прототипа [Morgenstierne 1929, p. 405], но скорее это раннее заимствование из языка дари.

Прототипы *rāθya-, *rāθa- ‘дорога’ имеют продолжения и в части восточноиранских языков: согд. *r’δ(h)*, *r’δδ(h)* [*rāθ*] ‘дорога’ [Henning I 1977, p. 547]; согд. христ. *r’θ* [*rāθ*] ‘дорога’ [Gharib 1995, p. 338-339] < *rāθa- или *rāθya-. Ягн. *rot*, *ros* ‘дорога, путь, тропинка’ [Андреев, Пещерева 1957, с. 315] с отражением по диалектам *t*, *s* из согдийского -θ. Пшт. *lār* ж.р. ‘дорога, путь’ (в восточных диалектах также *lāra* ж.р. ‘дорога, путь’ с вторичным наращением рефлекса суффикса жен. рода

*-ā; в диалекте вазири и других также *lyār* ‘дорога’); форма происходит через промежуточное **rāl-* из более раннего **rāṣ-* с метатезой *r – *l > *l* – *r* [Morgenstierne 2003, p. 44]. Бактр. *rawo ‘дорога’ < **rāṣa-* зафиксировано в производных словах, см. ниже [Sims-Williams 2007, p. 259]. Сангличское *rā*, *rāh* ‘дорога’ заимствовано из языка дари [Morgenstierne 1938, p. 409].

Значения ‘дорога’ и далее ‘путь’ и другие, связанные с этими понятиями, наблюдаются в разных иранских языках в производных словах и устойчивых словосочетаниях с этими новыми обозначениями ‘дороги’.

Например:

Ср.-перс. *rāh-nimāy*, ср.-перс. ман. *rāhnmūdār* ‘проводник; руководитель’ [MacKenzie 1971, p. 70; Boyce 1977, p. 77]; ср.-перс. *rāh-dār* ‘разбойник на дороге’ [Nyberg 1974, p. 166; MacKenzie 1971, p. 70]. Совр. перс. *rāhāb* 1) ‘водосток’; 2) ‘водопровод’ (*āb* ‘вода’); *rāhāhan* ‘железная дорога’ (*āhan* ‘железо’); *rāhbar* 1) ‘проводник’; 2) ‘руководящий’; 3) ‘руководитель, вождь; предводитель’ (*-bar* основа наст. вр. глагола ‘вести’); *rāhbor* 1) ‘грабитель’; 2) ‘резвый (о лошади)’; *rāhband* 1) ‘шлагбаум’; 2) устар. ‘грабитель’; 3) устар. ‘дорожный сторож; сборщик дорожных пошлин’; *artešbod* ‘генерал армии’ и др. Тадж. *rohaki* разг. ‘прохожий, путник’; *rohbar* 1) ‘руководитель, лидер’; 2) ‘наставник’; *rohband* 1) ‘преграждающий путь’; 2) ‘преграда, препятствие’; 3) ‘шлагбаум’; *rohbon* 1) ‘охраняющий дорогу, часовой на дороге’; 2) ‘ремонтник-дорожник’; *rohzan* ‘разбойник, грабитель’ и др.

Согд. будд., ман. *r’δč* [*rāṣč*], согд. хр. *r’ṣč* [*rāṣč*] в разных значениях: согд. ман. нареч. ‘(находясь) в пути, по пути’, согд. будд. прил. ‘находящийся в пути, в дороге’ [Henning I 1977, p. 503]; согд. христ. сущ. ‘бродяга’, см. также [Gershevitch 1954, § 1003; Gharib 1995, p. 338-339]; согд. будд. *r’δčyk* [*rāṣčīk*] ‘путник’ [Gershevitch 1954, §1014; Gharib 1995, p. 338]; согд. ман. *r’δḍi’k* [*rāṣ-tāk*] ‘идуший по дороге; setting on the way’ (с компонентом *-tāk* от корня **tak-* ‘идти, течь’) [Gershevitch 1954, §1128; Gharib 1995, p. 338]; согд. будд. *r’ḍpnti’k* [*rāṣ-pandāk*] ‘путь-дорога’ [Gharib 1995, p. 339]; согд. будд., ман. *r’ḍ šw-*, христ. *r’ṣ šw-* ‘двигаться по дороге, путешествовать’ и ягн. *rot šau-* ‘отправляться в путь’ [Gershevitch 1954, § 695; Gharib 1995, p. 339-340; Андреев, Пещерева 1957, с. 315]; согд. хр. *r’ṣp’n* [*rāṣ-pān*] ‘разбойник’, однако построенное по той же модели ягн. *rahbon* ‘охраняющий дорогу; страж’ – заимствовано из таджикского [Gharib 1995, p. 339-340; Андреев, Пещерева 1957, с. 311]. Ягн. *tifor-rōtē* ‘перекресток’ (*tifor* ‘четыре’) – исконный компонент [Андреев, Пещерева 1957, с. 335].

Курд. курм. *rēbar* ‘проводник, вожак’ – адаптация заимствованного перс. *rāhbar* ‘проводник’ [Цаболов 2010, с. 203-4]; курд. курм. *rēč* ‘след, тропа; путь; дорожка’ (с *-č* из суф. *-ča(k)*); *rēč-āv* ‘русло реки’

(с *-āv* < **āpa-* ‘вода’); курд. сор. *rēga*, *rēgā* ‘дорога, путь’ (с *-ga* < перс. *gāh* ‘место’) [Цаболов 2010, с. 204].

Пшт. *lārbá* ‘путник’; *lār-šovúnkay* 1) ‘указывающий путь’; 2) ‘гид, проводник’; 3) ‘наставник, руководитель; вождь’; *lār-šovəna* 1) ‘указание, наставление; руководство’; 2) ‘примечание (к закону)’; *lār-nivəna* ‘разбой, грабёж’ и др. [Асланов 1985, с. 746].

Бактр. *rawoβanao* имя ‘разбой на дорогах’ (ср. кл. перс. *rāhbān*, согд. *r’šp’n* ‘дорожный грабитель’, букв. ‘хранитель дороги’) < **rāḍa-pāna-* + суф. *-ao* [Sims-Williams 2007, p. 259]; бактр. *ωραω*, *ωραο* прил. ‘сопутствующий, идущий совместно по дороге’ < *ω-* + *rawo ‘дорога’ < **rāḍa-* [Sims-Williams 2007, p. 282].

Осет. ирон. *raetənyd* ‘оглобля’, продолжающее др.-иран. **raḍa-* (рефлекс которого как отдельное слово не сохранился) + *ayd* ‘ляжка, бедро’ (< **haxti-*, ср. др.-инд. *sakhti-*) [Абаев 1958, с. 37; Абаев 1973, с. 383].

Таким образом, в иранских языках обозначение понятия «путь» наиболее древнее, восходящее к индоевропейскому состоянию, а понятие «дорога» – более позднее, связанное в конечном счете с человеческой деятельностью (в данном случае – выбор или создание протяженного участка земли, пригодного для проезда колесного транспорта, созданного человеком). Это находит некоторую дальнюю семантическую аналогию со славянскими языками, где понятие «дорога» и связанная с ней лексика тоже указывает на результат человеческой деятельности: см. рус. *дорога* ← ‘продранное в лесу пространство’, ср. праславянский глагол *dьrgati, имя *dorga из индоевропейского **dorgh-* от глагола **deregh-* ‘драть, дергать, корчевать, продирать’ [Фасмер I, 1964, с. 530].

Прочная позиция слов, восходящих к **rāḍya-*, **rāḍa-* ‘колесная дорога’, и далее расширение круга значений этих слов в средневековый период, с последующим вытеснением из этой сферы рефлексов **panta-*, **paḍa-* ‘путь’, в западноиранских языках, возможно, было стимулировано развитием колесных дорог при укреплении и усилении государственной власти на территории Западного Ирана, в зоне которого оказались регионы распространения этих языков. Колесные дороги строились и в государствах восточноиранского мира: Согдиане и Бактрии, что можно проследить по материалам согдийского и бактрийского языков. Однако у нас нет свидетельств процесса последующего вытеснения старых названий, поскольку нет данных современных языков, которые были бы непосредственными продолжениями диалектов бактрийского языка. Единственный же потомок согдийского языка – ягнобский язык находится под сильным воздействием таджикского. Хотя здесь круг значительный рефлекса **rāḍya-*, **rāḍa-* значительно расширен, но сохранность исконных рефлексов **panta-*, **paḍa-* ‘путь’ остается неясной.

Для жителей горных регионов Памиро-Гиндукушского ареала, передвигавшихся по горным тропам и подвесным карнизам, до XX в. не использовавших колесного транспорта, обустроенная колесная дорога не была нужна, и ее исконное название здесь не развилось. Зато колесная дорога была существенной для кочевников – носителей древних диалектов, легших в основу языка пашто, и рефлексы **rāḍya-*, **rāḍa-* ‘дорога’ здесь закрепились и стали относительно рано настолько употребительны, что подверглись заметным историко-фонетическим трансформациям.

Все эти сведения лишний раз свидетельствуют о том, что типология семантических трансформаций в лексике в конечном счете зависима от типологии этнокультурных процессов.

Сокращения

авест. – авестийский (авест. гат. – авестийский – диалект Гат, авест. поздн. – авестийский поздний); англ. – английский; бактр. – бактрийский; бел. – белуджский; ведич. – ведическое; гилян. – гилянский; греч. – греческий; др.-инд. – древнеиндийский; др.-перс. – древнеперсидский; кл. перс. – классический персидский; курд. – курдский (курд. курм. – курдский курманджи; курд. сор. – курдский сорани); лат. – латинский; лит. – литовский; нем. – немецкий; парф. – парфянский; РВ – встречающееся в Ригведе; рус. – русский; совр. перс. – современный персидский; согд. – согдийский; согд. христ. – согдийский христианских текстов; ср.-перс. – среднеперсидский; тадж. – таджикский; хот.-сак. – хотаносакский; церк.-слав. – церковнославянский; ягн. – ягнобский; язг. – язгулямский

Литература

1. Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I. М.–Л., 1958; т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1979; т. IV. Л., 1989.
2. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. М., 1979.
3. Андреев М. С., Пещерева Е. М. *Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем, А. К. Писарчик*. М.–Л., 1957.
4. Асланов М. Г. *Пушту-русский словарь*. М., 1985.
5. Грюнберг А. Л. *Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык*. Л., 1972.

6. Ефимов В. А. *Язык парачи*. М., 2009.
7. Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь в трех томах*. Т. 1. М., 1991; т. 2. М., 1991; т. 3. М., 1999.
8. Соколова В. С. *Бартангские тексты и словарь*. М.–Л., 1960.
9. Соколова В. С. *Рушанские и хуфские тексты и словарь*. М.–Л., 1959.
10. Стеблин-Каменский И. М. *Этимологический словарь ваханского языка*. СПб., 1999.
11. *Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX)*. Ҷ. I–II. М., 1969 [Словарь таджикского языка (с X века до начала XX века), на тадж. языке].
12. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. М., 1964–1973.
13. Цаболов Р. Л. *Этимологический словарь курдского языка*. Т. II. М., 2010.
14. Эдельман Д. И. *Язгулямско-русский словарь*. М., 1971.
15. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 22, под ред. О.Н.Трубачева. М., 1995.
16. Bailey H.W. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge–London–New York–Melbourne, 1979.
17. Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904 (repr.: Berlin–New York, 1979).
18. Benzing J. *Chwaresmischer Wortindex (mit einer Einleitung von H.Humbach)*. Wiesbaden, 1983.
19. Boyce M. A Word-list of Manichaean Persian and Parthian. // *Acta Iranica*, sér. 3, vol. 2, Suppl. Téhéran–Liège, 1977.
20. Emmerick R. E. *Saka Grammatical Studies*. L., 1968.
21. Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Heidelberg–Göttingen, 1962–1965.
22. Gershevitch I. *A Grammar of Manichean Sogdian*. Oxf., 1954.
23. Gharib B. *Sogdian Dictionary. Sogdian-Persian-English*. Tehran, 1995.
24. Hassandoust M. *An etymological dictionary of the Persian language*. Tehran. Vol. I–V, 2014 (на перс. яз.: *Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi*. Ҷeld-e 1–5. Tehrān, 1393).

25. Henning W. B. *A Fragment of Khwarezmian Dictionary*. Ed. by D. N. MacKenzie. L., 1971.
26. Henning W. B. *Selected Papers*. Vol. I–II. Téhéran–Liège, 1977 (*Acta Iranica*, t. 14–15).
27. Hinz W. *Altiranisches Sprachgut den Nebenüberlieferungen*. Wiesbaden, 1975.
28. Horn P. *Grundriss der neupersischen Etymologie*. Strassburg, 1893.
29. Kent R. *Old Persian (Grammar, Texts, Lexicon)*. New Haven, 1950 (2nd ed., 1953).
30. MacKenzie D. N. *A Concise Pahlavi Dictionary*. L., 1971.
31. Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Heidelberg, 1986–2001.
32. Morgenstierne G. *Etymological Vocabulary of the Shughni Group*. Wiesbaden, 1974.
33. Morgenstierne G. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. I – 1929. Vol. II – 1938. Oslo.
34. Nyberg H. *A Manual of Pahlavi*. Pt 2. Glossar. Wiesbaden, 1974.
35. Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.
36. Sims-Williams N. *Bactrian Documents from Northern Afghanistan. II, Letters and Buddhist Texts*. L., 2007.

АННОТАЦИИ

Андреева В. А. *Лексические изменения в современном вьетнамском языке*

В статье рассматриваются изменения в лексическом составе вьетнамского языка, произошедшие в конце XX – начале XXI вв. Лексические изменения обусловлены как экстралингвистическими факторами, так и внутриязыковыми причинами. Одним из основных источников пополнения лексического состава вьетнамского языка является словообразование, осуществляющееся в основном способами словосложения и аффиксации. Активное участие в образовании новых лексических единиц принимают ханьветские морфемы. В последнее время наблюдается мощная волна иноязычных заимствований, в основном английских. Массово заимствуются аббревиатуры. Происходит перемещение лексики с периферии в ядро лексической системы: актуализируется устаревшая лексика, в общеупотребительный фонд переходит диалектная, разговорная и жаргонная лексика.

Ключевые слова: *вьетнамский язык, лексическая система, словообразование, иноязычное заимствование*

Бакланова Е. А. *Аффиксальное заимствование в тагальском именном словообразовании*

Более 300 лет контактов тагалого с испанским языком колонизаторов привели к масштабному усвоению испанской лексики. В работе постулируется, что вследствие «непрямого» (по Seifart 2015) заимствования морфологических элементов из ассимилированных единиц ограниченную продуктивность в тагальском именном словообразовании приобрели испанские агентивные суффиксы *-ero/-a*, *-ista*, диминутивы *-ito/a*, *-illo/a*. Аффиксальное заимствование заметно расширило инвентарь именной суффиксации, а также обеспечило базу для развития маргинальной категории рода в современном тагалого.

Ключевые слова: *тагалог, филиппино, языковой контакт, аффиксальное заимствование, испанизация*

Белецкий С. Б., Оджванг Э. *Чередование согласных /ʃ/ и /tʃ/ в двух диалектах языка курия – симбити и ринчари*

Исследование показало, что на раннем этапе развития в языке курия произошла фрикативизация. *с / *j > ʃ. В диалекте симбити закрепился звук /ʃ/, а в диалекте ринчари он далее перешел в /tʃ/. Причинами возникновения звуков можно считать следующие фонологические процессы: пост-назальную аффрикативизацию и спирализацию в префиксах существительных и каузативных суффиксах глаголов, а также гармонию сибилантов. В сегментах, свободных от действия названных процессов, фрикативизация произошла полностью.

Ключевые слова: *фонетическое чередование, курия, ринчари, симбити, банту, фрикативизация, спирализация*

Белова А. Г. *Лексическая и грамматическая спецификация в древне-арабском*

Лексическая спецификация глагольного значения заключается в том, что значение действия или события дополняется информацией о времени или месте его совершения. Дополнительная информация сужает значение глагола. Другим видом спецификации глагола является его деноминация. Явление деноминации характерно для всех периодов истории арабского языка. Этот процесс продолжается и в настоящее время. Наряду с лексической спецификацией глагола в арабском языке действует грамматический способ. Грамматическая спецификация сообщает дополнительную информацию о самом действии или событии.

Ключевые слова: *арабский язык, лексическая спецификация, основа (порода), грамматическая спецификация, деноминация, глагольное значение*

Блинов А. А. *Развитие процесса аббревиации в арабском языке: от Корана до средневековых рукописей*

Статья посвящена процессу аббревиации в арабском языке, которая зародилась в качестве высокопродуктивного способа словообразования в глубокой древности. Буквенные сокращения впервые появились еще в 7 в. в первом письменном памятнике арабского языка – Священном Коране, а затем распространились повсеместно в текстах средневековых рукописей. В работе анализируются различные приемы аббревиации с описанием типов аббревиатур и указанием их примеров.

Ключевые слова: *арабский язык, Коран, хадисы, аббревиатуры, рукописи, арабский мир*

Быкова С. А. *О некоторых изменениях в японском языке в конце XX – первых десятилетиях XXI вв.*

В статье анализируются различные изменения в японском языке конца XX – первых десятилетий XXI вв. Основными факторами, влияющими на появление фонетических, грамматических и лексических новаций в указанный период, являются научно-технический прогресс и развитие высоких технологий, а также появление новых диалектальных форм, которые распространяются в общий язык.

Ключевые слова: *японский язык, новации, акцентуация, новые диалекты, «виртуальные» диалекты*

Гращенко П. В. *Образование сериальных конструкций в тюркских языках как озвучивание функциональных вершин*

Тюркские конструкции со вспомогательными глаголами диахронически развиваются из сложных предложений, задаваемых при участии конвербов. Цель данной статьи – рассмотреть условия, при которых категории времени, вида и модальности, выраженные сериальными конструкциями, возникли в тюркских языках, и определить наиболее вероятный сценарий их развития. Прежде всего будет рассмотрена связь новообразо-

ванных грамматических значений и исходных лексических значений глаголов, из которых появились показатели времени, вида и модальности. Будут рассмотрены разные сценарии взаимодействия между множествами лексических и грамматических значений. Будет также затронут фактор частотности и его важность для процесса грамматикализации. Результатом исследования будет вывод о том, что грамматикализация сериальных глаголов иногда проявляет неожиданные свойства, которые не следуют строго лишь из семантического отбеливания или частотного факторов.

Ключевые слова: *тюркские языки, глагол, грамматикализация, сериальная конструкция*

Гутгарц Я. Н. *Дистрибутивы в языке тигринья (тиграйском)*

Статья посвящена дистрибутивам в языке тигринья. На множестве аутентичных примеров планомерно обсуждаются образование дистрибутивных форм и их семантические параметры. Затрагиваются некоторые вопросы контекстуального перевода с тигринья на русский.

Ключевые слова: *язык тигринья (тиграйский), дистрибутивные формы, контекстная семантика, лексическая функция, перевод, лексикография.*

Демич К. И., Костыркин А. В. *Особенности становления современной японской философской терминологии в эпоху Мэйдзи по лексикографическим данным*

Усвоение европейской философской мысли в эпоху Мэйдзи в ходе модернизации Японии имело свою специфику. На первом этапе над другими преобладал особый тип лексико-семантического заимствования – «замещение». Особую роль в рецепции философской терминологии сыграла публицистика Ниси Аманэ, а также первые философские словари Иноуэ Тэцудзиро и Томонаги Сандзюро. Результат этого процесса был закреплен и отражен в японских толковых и переводных словарях, наиболее репрезентативных для своего времени.

Ключевые слова: *лексические заимствования, семантические изменения, японский язык, философская терминология, лексикография, эпоха Мэйдзи*

Додыхудоева Л. Р. *К составу и семантике фразеологии, обозначающей страх, со стержневым компонентом глаза (на материале Pamирских и таджикского языков)*

В статье рассматриваются фразеологические единицы со стержневым компонентом *глаза*, обозначающие страх, в нескольких иранских языках Таджикистана, Pamирских и таджикском. Мы сопоставляем их, выявляя на этой основе общие тенденции и особенности в языковой картине мира их носителей, а также определяем на материале данной фразеологии пути семантической деривации и построения семантических переходов в иранских языках региона.

Ключевые слова: *фразеология, страх, соматизм, глаза, иранские языки, таджикский язык, памирские языки, шугнанский язык, ваханский язык, лексика, полисемия, семантическая деривация, семантический переход, ареальная лингвистика, языковые контакты*

Зверев А. С. *Знак смеха в японском языке: рождение нового служебного показателя в условиях письменной интернет-коммуникации*

Прежние исследования грамматикализации, даже основанные на письменном материале, преимущественно ориентировались на устный язык. В статье рассматриваются чисто письменные (графические) явления неформальной интернет-коммуникации, которая, как известно, во многих отношениях более приближена к устному, нежели письменному общению. Обсуждаемый процесс грамматикализации, сопряженный с утратой прежнего устного коррелята, приводит к появлению новой японской экспрессивной частицы пунктуационного характера.

Ключевые слова: *заключительные частицы, модально-экспрессивные частицы, пунктуация, знаки препинания, знак смеха, грамматикализация, японский язык*

Кадырова О. М. *Примеры семантических переходов в турецком языке: семантический снежный ком и история сужения «турецких итанов»*

Статья посвящена примерам семантических переходов лексем *kalem, araba, don, etek*, употребляемых в современном турецком языке, новую жизнь которым дали не только естественные процессы эволюции языка, но и деятельность Турецкого лингвистического общества в рамках языковой реформы, начатой в 1928 г. Кроме того, приводятся некоторые примеры модернизации казахского языка в наши дни.

Ключевые слова: *полисемия, семантические переходы, расширение значения, семантическая эволюция, модернизация турецкого языка, реформа языка*

Комарова И. Н. *Инновационное и архаичное в диалектах тибетского языка*

Статья посвящена сопоставлению диалектов Тибета – Вэй (Лхаса) и Амдо. Проблема заключается в том, что многие тибетологи разделяют тибетские диалекты на «архаичные» и «современные». Между тем диалект Амдо, подобно диалекту Лхаса, прошел большой инновационный путь фонологических преобразований инициальных и финальных групп слова и в настоящее время является абсолютно современным диалектом, хотя и без тоновой системы.

Ключевые слова: *диалекты Тибета, архаичные и современные диалекты, инновационный процесс, инициальные и финальные комплексы*

Крамарова С. Г. *Смещение кодов и заимствования в балийском языке*

В статье рассматривается вопрос о влиянии на балийский язык других языков, в первую очередь индонезийского языка. В настоящее время

границы использования балийского и индонезийского языков размыты и смещаются в сторону большего использования индонезийского языка. Также отмечается наличие в балийском языке всех трех регистров заимствований, в основном лексических, из индонезийского языка, что говорит о его возрастающей открытости и процессе демократизации, происходящем в нем.

Ключевые слова: *балийский язык, индонезийский язык, английский язык, смешение кодов, заимствования*

Крнета Н. *Изменения в системе личных местоимений японского языка в XX в.*

В статье рассматриваются актуальные изменения в системе японских личных местоимений, происходящие с 80-х гг. XX века, с точки зрения как постоянно действующих языковых (понижение степени вежливости местоимений, фонетические изменения) и экстралингвистических факторов (изменения структуры общества), так и новых явлений (усиление роли СМИ, появление интернета, повышение роли женщин и молодежи в обществе). Прослеживается тенденция увеличения частотности использования личных местоимений, «усреднения» языка, перехода местоимений из мужской подсистемы речи в женскую и *vice versa*, обогащение состава личных местоимений за счет диалектизмов и форм, считавшихся устаревшими, и обогащение «ролевого языка» как хранителя и потенциального источника новых личных местоимений в будущем.

Ключевые слова: *японский язык, система личных местоимений, вежливая речь, «ролевой язык», мужская и женская речь*

Крылова А. С., Ренковская Е. А. *Контактные явления в языке куллу*

Статья рассматривает явления, связанные с языковыми контактами на северо-востоке Индии, на материале индоарийского языка куллу. Анализируются основные группы заимствований из хиндустани и его литературных вариантов хинди и урду, английского, персидского, арабского, санскрита, панджаби, а также мандеали и других языков химачали. Прослеживаются нетривиальные пути заимствования для ряда единиц. Помимо лексических, рассмотрены также и такие грамматические следы контактных влияний, как неодушевлённые местоимения и превентивы.

Ключевые слова: *язык куллу, контактные влияния, заимствования, неодушевлённые местоимения, превентивы*

Кульпина В. Г. *Расширение и динамика профессиональной картины мира (по материалам польско-российского ежегодника Opuscula Iaponica et Slavica)*

На материале польско-российского ежегодника *Opuscula Iaponica et Slavica* показываются возможности формирования и обогащения профессиональной картины мира лингвиста. Вышеназванный процесс демонстрируется на основе статей по проблемам эволюции представлений ученых о языковых единицах японского языка и развитии грамматических

категорий. Различия в интерпретации языковых явлений и фактов могут способствовать конкуренции представлений о таковых и реинтерпретации явлений языковой действительности.

Ключевые слова: *история языкознания, грамматика, грамматическая семантика, языковая картина мира, периодическое издание, японский язык*

Молчанова Е. К. *Сакральные термины и изменение их семантики у иранских зороастрийцев*

Статья посвящена лексической семантике (и ее динамике) некоторых традиционных зороастрийских сакральных терминов. Они привлекают внимание в связи с отражением в них этнокультуры и этнопсихологии зороастрийцев Ирана. Представления зороастрийцев и соответствующие термины показаны (по источникам) в соответствии с изменениями на протяжении истории: на древнем этапе (на материале авестийского языка), на этапе пехлевийских сочинений (в эпоху Сасанидского Ирана) и на современном этапе (на материале языка зороастрийского дари). Особое место в лексиконе зороастрийцев Ирана занимает древнейшее слово *vrit* 'душа'.

Ключевые слова: *язык зороастрийский дари, Авеста, фравашаи, душа, пехлевийские сочинения, изменение семантики*

Погибенко Т. Г. *«Видеть» и «знать» в диахронии кхмерского языка: пути семантической деривации*

В истории кхмерского языка глаголы зрительного восприятия подвергаются двум противоположным тенденциям: семантической деривации, в результате которой развивается ментальное значение, и созданию языковых стратегий для устранения этой многозначности. В статье описывается уникальный способ устранения многозначности глаголов восприятия в древнекхмерском, среднекхмерском и современном кхмерском языке – это лексические комплексы, в которых используются слова, как исконные, так и заимствованные, выступающие в роли аугментов перцептивного и ментального значения.

Ключевые слова: *кхмерский язык, глаголы восприятия, лексический комплекс*

Рудницкая Е. Л. *Частичная лексикализация синтаксической модели «прямой объект + отглагольное имя» (лексическая номинализация) в эвенкийском языке как не имеющем словосложения*

В статье рассматривается эволюция модели «отглагольное имя + аккумулятивный объект» – эта модель была продуктивна в первой половине XX века. В современном языке данная модель употребляется ограниченно, по-разному в устном и письменном тексте. В устном языке эта модель обозначает название постоянного занятия или профессии, а в письменном (литературном) произошла неполная лексикализация сочетания «*орон-мо / оро[и]-р-во* 'олень(-PL)-ACC' + *ирги-* 'воспитывать'» в зна-

чении «оленеvod». Рассматривается механизм образования и признаки лексикализации модели.

Ключевые слова: номинализация, прямой объект, эволюция в языке, устный язык, литературный язык, словообразование, синтаксис, лексикализация, эвенкийский язык

Смирнитская А. А. *Каталог семантических переходов в языках мира: данные дравидийских языков*

Статья посвящена дравидийским данным, собранным в Каталоге семантических переходов в языках мира (Datsemshift 2.0). На дравидийском материале анализируются тенденции в образовании семантических переходов: от продуктивных значений-источников, как *to hear/to listen – to obey*, и от непродуктивных, как *jackal – warrior* или *younger sister – friend*. Рассматриваются лингвоспецифичные переходы, связанные с экстралингвистическими факторами: с климатом, как *frost – hell*, и с особенностями культуры, как *blue – beautiful* и др.

Ключевые слова: семантика, семантическая типология, семантический переход, дравидийские языки

Столбова О. В. *Семантические изменения в контексте лексической реконструкции (на материале магической лексики в чадских языках)*

В статье анализируются семантические изменения, которые характерны для лексики, связанной с колдовством в чадских языках. Поскольку подобная лексика впервые стала предметом специального исследования, в нашу задачу входил также поиск когнатов в семитских языках и выявление одинаковых семантических изменений в языках обеих семей.

Ключевые слова: чадские языки, семитские языки, когнат, семантическое изменение, реконструкция, колдовство

Эдельман Д. И. *Динамика соотношения понятий «путь» и «дорога» в этимологии иранских языков (к типологии семантических трансформаций)*

Этимологическое изучение лексики иранских языков дает возможность выявить трансформацию лексического выражения понятий «путь» и «дорога», а также динамику семантического соотношения слов, которые являются лексическим воплощением этих понятий. Некоторые семантические переходы имеют типологические параллели в славянских языках.

Ключевые слова: слово, этимология, семантика, типология, иранские языки

SUMMARIES

Andreeva V. A. *Lexical changes in modern Vietnamese*

The paper deals with changes in the vocabulary of the Vietnamese language that occurred in the late XX – early XXI centuries. Lexical changes are caused by both extralinguistic and intra-linguistic factors. One of the main sources of growth of the Vietnamese lexicon is word formation, which is carried out mainly by means of compounding and affixation. Sino-Vietnamese morphemes are actively involved in the formation of new lexical units. Recently, there has been a sharp increase in foreign-language borrowings, mainly English. Abbreviations are widely borrowed. There is a shift of vocabulary from the periphery to the core of the lexical system: outdated vocabulary is reused, dialect, colloquial and slang terms are incorporated into the common vocabulary.

Keywords: *Vietnamese language, lexical system, word formation, foreign language borrowing*

Baklanova E. A. *Affix borrowing in the Tagalog nominative formation*

More than 300 years of Tagalog-Spanish contacts have resulted in a large-scale adoption of the Spanish lexica in Tagalog/Filipino. We assume, that due to an “indirect borrowing” (Seifart 2015) of the Spanish morphological items from loanwords, the Spanish agentives *-ero/-a*, *-ista* and diminutives *-ito/a*, *-illo/a* have become mildly productive in Tagalog. Spanish affix borrowing has expanded the nominative derivation inventory of Tagalog, as well as provided a foundation for the development of marginal gender category in the language.

Keywords: *Tagalog, Filipino, language contact, hispanisation, affix borrowing*

Beletskiy S., Ojwang' E. *Sound Variation /ʃ/≠/tʃ/ in Kuria Varieties Rinchari and Simbiti*

The study shows that at the earlier stage of its development Kuria language underwent incomplete fricativisation *c / *j > ʃ. /ʃ/ was fossilized in what later became Simbiti and gave raise to /tʃ/ in what nowadays is Rinchari. Fossilisation and affrication were triggered by post-nasal affrication and spirantisation in prefixes and causative extensions, while sibilant harmony serves only for fossilisation. In segments that were free of the mentioned processes, fricativisation took place completely.

Keywords: *sound variation, Kuria, Rinchari, Simbiti, Bantu, fricativisation, spirantisation*

Belova A. G. *Lexical and grammatical specification in Old Arabic*

The lexical specification of a verb meaning is that the meaning of an action or event is supplemented with information about the time or place of its

occurrence. Additional information narrows the meaning of the verb. Another type of verb specification is called a denomination, i.e. verbs derived from nouns. The phenomenon of denomination is typical for all periods of the history of the Arabic language. This process continues in the present time. Along with lexical specification in the Arabic language the grammatical method works. Grammatical specification provides additional information about the nature of the action or event itself.

Keywords: *Arabic, lexical specification, grammatical specification, verb meaning, denomination, stem*

Blinov A. A. *The Development of the Abbreviation Process in Arabic: from Quran to Medieval Manuscripts*

The paper explores the abbreviation process in Arabic, whose origins as a highly efficient way of word-building date back to ancient times. Alphabetic acronyms first appeared in the first written monument of Arabic, the Holy Quran, as early as the 7th century and then became widespread in the texts of medieval manuscripts. The article analyzes different abbreviation techniques describing abbreviation types and providing examples.

Keywords: *Arabic, Quran, hadith, abbreviations, manuscripts, Arab World*

Bykova S. A. *Concerning some changes in the Japanese language in the late 20th century – first 20 years of the 21st century*

The article reviews some changes in the Japanese language in the late 20th century – first 20 years of the 21st century. Main factors affecting the phenomenon of phonetic, grammatical and lexical novations in this period are the scientific and technical progress as well as the appearance of new dialectal forms which are spreading in the common language.

Keywords: *Japanese language, innovations, accentuation, new dialects, «virtual» dialects*

Dodykhudoeva L. R. *On the composition and semantics of phraseology designating fear, using the somatic term eyes (based on data of Pamir and Tajik languages)*

The article is focused on idioms describing the emotional state of fear in several Iranian languages of Tajikistan, notably Pamir and Tajik. We define and examine phraseological units containing the somatic term *eyes*, and identify mutual trends and distinctive features of the worldview (“linguistic model of the world”) of these languages’ speakers. Particular attention is paid to the analysis of polysemy, trends in semantic derivation and semantic shifts.

Keywords: *phraseology, fear, somatic terms, eyes, Iranian languages, Tajik language, Pamir languages, Shughnani, Wakhi, vocabulary, polysemy, semantic derivation, semantic shift, areal linguistics, language contacts*

Edelman J. I. *Dynamics of the relation between the concepts «path» and «road» in the etymology of Iranian languages (towards a typology of semantic transformations)*

Etymological studies of lexicon of Iranian languages give opportunity for revealing the transformation of lexical expression of the concepts «path» and «road», and also the dynamics of semantic scope of the words which are the lexical expressions of these concepts. Some of their semantic shifts have typological parallels in Slavic languages.

Keywords: *word etymology semantics typology Iranian languages*

Grashchenkov P. V. *Turkic Serialization as Functional Head Spell-Out*

Serial Verb Constructions (SVCs) in Turkic are appeared diachronically from the converbial clause chaining. The goal of the paper is to consider the conditions under which the TAM categories expressed via SVC emerged in Turkic and to decide which scenario is more suitable for it. I will mostly consider grammatical meanings developed from SVs with respect to the lexical meanings of verbs that participate in it. I will discuss what shapes the interplay between the lexical and the grammatical arrays should take and try to formulate the predictions that arise in case if we adopt different logics of grammaticalization. I will also consider the frequency factor and discuss whether it is also that important as is usually argued. I came up with the result that SVC grammaticalization sometimes exhibit unexpected properties that do not follow strictly from just the semantic bleaching and frequency factors.

Keywords: *Turkic languages, serial construction, grammaticalization, verb*

Gutgarts Y. N. *Distributive forms in Tigrinya language*

The article gives an overview of the distributive forms in Tigrinya language. By the many authentic examples, their formation and semantic parameters are systematically discussed. Some questions related to contextual translation from Tigrinya into Russian are touched upon.

Keywords: *Tigrinya language, distributive forms, contextual semantics, lexical function, translation, lexicography*

Kadyrova O. M. *The narrowing of “wide Turkish trousers” and some other semantic shifts in Turkish*

The paper concerns some cases of semantic shifts in Turkish. The meanings of lexemes *kalem*, *araba*, *don*, *emek* are studied. Their history is rather long and they are still widely used in modern Turkish. We suggest that natural development of the language along with Turkish Language Association’s activities related to the Turkish language reform allowed the lexemes to survive.

Keywords: *polysemy, semantic shift, semantic extension, semantic evolution, Turkish language, language reform*

Komarova I. N. *Innovational and archaic features of Tibetan dialects*

The paper presents a comparison of Tibetan dialects – Lhasa and Ambo. Most tibetologists divide Tibetan dialects into the archaic (Ambo) and modern (Lhasa) groups. However both the Amdo dialect and the Lhasa dialect went through an innovational process affecting word-initial and final phonetic complexes, and both are at present completely modern, even though the Amdo dialect lacks the tonal system.

Keywords: *Tibetan dialects, archaic and modern dialects, phonetic innovation*

Kostyrkin A. V., Demich K. I. *On genesis and making of modern philosophical terminology in Meiji Japan as evidenced by lexicographic data*

Adoption of philosophical ideas from Europe during the Meiji modernization exhibited Japanese national peculiarities. The “substitution” as a special sort of lexical and semantic borrowing dominated at the first stage. Nishi Amane’s essays and translations along with the pioneering philosophical dictionaries by Inoue Tetsujiro and Tomonaga Sanjuro led the reception of philosophical terminology. The result was reflected and codified by mono- and bilingual Japanese dictionaries representative of the times.

Keywords: *lexical loans, semantic changes, Japanese language, lexicography, philosophical terminology, Meiji era*

Kramarova S. G. *Code-mixing and loan-words in Balinese*

The paper discusses the influence of Indonesian and other foreign languages on Balinese. The spheres of the use of Balinese are not clear nowadays so that Indonesian tends to take the place of Balinese in some of them. It is also noted that Indonesian influences Balinese in the terms of code-mixing and loan-words. This process indicates the increasing openness of the Balinese language and its democratization.

Keywords: *Balinese language, Indonesian language, English language, code-mixing, loan-words*

Krneta N. *On changes of personal pronouns system of Japanese language in XX century*

The paper discusses the changes of the Japanese sophisticated system of personal pronouns in XX cent. and especially the ones that have been taking place since the 1980s. The changes are analyzed from the point of view of the traditional linguistic factors, such as the decrease of the politeness level and phonetic changes, and nonlinguistic factors, especially the social structure changes. Special attention is paid to the new phenomena, namely to the role of mass communications, Internet, change in women’s social status, and the rising popularity of youth language. The paper describes current trends, namely more frequent use of the personal pronouns, “standardization” of language, loss of clear boundaries between the so called “male” and “female” personal pronouns, increase in the number of frequently used personal pronouns as new pronouns are introduced from dialects and archaic forms, rising importance of the “role language”.

Keywords: *Japanese language, system of personal pronouns, honorific language, “role language”, male and female language*

Krylova A. S., Renkovskaya E. A. *Contact phenomena in Kullui language*

The paper discusses a range of phenomena related to language contacts in the north-eastern part of India, on the base of Kullui language data. The main groups of borrowings from Hindustani (and its standard varieties Hindi and Urdu), English, Persian, Arabic, Sanskrit, Punjabi, Mandeali and other Himachali languages are analyzed. For some lexical items, unusual ways of borrowing are traced. Beside lexical borrowings, such grammatical results of contact influence as unanimate pronouns and preventives are reviewed.

Keywords: *Kullui language, contact phenomena, borrowings, unanimate pronouns, preventives*

Kulpina V. G. *Broadening and dynamics of professional worldview (as seen in Polish-Russian annual Opuscula Iaponica et Slavica)*

Publications in the Polish-Russian annual *Opuscula Iaponica et Slavica* are shown as contributing to forming and enriching a linguist's professional worldview. We explore articles dealing with the evolution of Japanese vocabulary and grammatical categories. Different interpretations of linguistic phenomena may promote discussion and reinterpretation of facts.

Keywords: *history of linguistics, grammar, grammatical semantics, linguistic worldview, scientific periodical, Japanese language.*

Molchanova E. K. *Sacred terms and changes in their semantics among Iranian Zoroastrians*

The article is devoted to the lexical semantics (and its dynamics) of some traditional Zoroastrian sacral terms. The beliefs of Zoroastrians and the corresponding terms are shown (by sources) as they change throughout history: at the ancient stage (in the Avestan language), at the stage of Pahlavi writings (in the era of Sassanian Iran) and at the present stage (as seen in the Zoroastrian Dari). A special place in the lexicon of Zoroastrians of Iran is occupied by the most ancient word *vrun*.

Keywords: *Avesta, fravaši, Pahlavi writings, Zoroastrian Dari language, soul, semantic change*

Pogibenko T. G. *“See” and “know” in the history of the Khmer language: paths of semantic derivation*

Verbs of visual perception in Khmer demonstrate two opposite tendencies: semantic drift towards mental meaning and development of specific strategies for disposing of the resulting polysemy. Old Khmer, Middle Khmer and Modern Khmer have a unique means for polysemy elimination which is lexical complexes that comprise words operating as augments of mental or perceptual meaning.

Keywords: *Khmer language, verbs of perception, lexical complex*

Rudnitskaya E. L. *Partial lexicalization of the syntactic model “direct object + deverbal noun” (lexical nominalization) in Evenki as a language without compounding*

The paper examines the evolution of the model “deverbal noun + accusative object” – this construction was productive in the first half of the XXth century. In the nowadays Evenki, the construction is not regular any more. In the oral language, it can only denote a permanent occupation or profession, and in the written (literary) language, only the phrase «орон-мо / оро[н]-р-го ‘reindeer(-PL)-ACC’ + ургу- ‘raise’» is used with the “(reindeer) herder” meaning (Russian *оленьевод*). We consider the mechanism of formation and features of lexicalization of the model.

Keywords: *nominalization, direct object, evolution in the language, oral language, literary language, word-formation, syntax, lexicalization, Evenki*

Smirnitckaya A. A. *The Catalogue of Semantic Shifts in Languages of the World: analysis of Dravidian data*

The article analyzes Dravidian data in the Catalogue of Semantic Shifts in Languages of the World (Datsemshift 2.0). The semantic shifts realizations in various Dravidian languages belong to different types of shifts: from productive source meanings, as *to hear / to listen – to obey* and from less productive ones, as *jackal – warrior* or *younger sister – friend*. The shifts associated with extralinguistic factors are considered: with climate, like *frost – hell* (ID 4283) and with cultural features, like *blue – beautiful* (ID 4002).

Keywords: *semantics, semantic typology, semantic shift, Dravidian languages*

Stolbova O. V. *Semantic changes and lexical reconstruction (vocabulary of ‘sorcery’ in Chadic languages)*

The paper is focused on semantic shifts typical of the vocabulary of ‘sorcery’ in different Chadic languages. Considering that this semantic field has never been under discussion, our goal was also to look for cognates in Semitic languages and to reveal similar semantic changes (if any) in both families.

Keywords: *Chadic languages, Semitic languages, cognate, semantic shift, reconstruction, vocabulary of sorcery*

Zvrev A. S. *The laughter mark in Japanese: the emergence of a new auxiliary marker in written internet communication*

Previous studies of grammaticalization, even based on written material, have been primarily focused on spoken language. The paper deals with essentially written (graphical) phenomena of informal internet communication, which is known to closely resemble speech rather than writing. The discussed process of grammaticalization accompanied by the loss of the former oral correlate gives rise to a new Japanese expressive particle which is punctuational in nature.

Keywords: *final particles, discourse particles, punctuation, laughter mark, grammaticalization, Japanese language*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Валентина Алексеевна – научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН.

Бакланова Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

Белецкий Станислав Борисович – кандидат филологических наук, доцент Школы филологических наук Высшей школы экономики (Москва), преподаватель кафедры иностранных языков и литературы Университета Додоми (Танзания).

Белова Анна Григорьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Блинов Андрей Андреевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Быкова Стелла Артемьевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ.

Грашенков Павел Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент МГУ имени М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Гутгарц Ярослав Николаевич – младший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Демич Кирилл Игоревич – научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Додыхудоева Лейли Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора иранских языков Института языкознания РАН.

Зверев Алексей Сергеевич – научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Кадырова Ольга Михайловна – младший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Комарова Ирина Нигматовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН.

Костыркин Александр Вячеславович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Крамарова Светлана Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии Юго-Восточной Азии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Крнета Наталия – кандидат филологических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

Крылова Анастасия Сергеевна – научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Кульпина Валентина Григорьевна – доктор филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Молчанова Елена Константиновна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Сектором иранских языков Института языкознания РАН.

Оджванг Энок – магистр лингвистики, младший преподаватель колледжа бизнес-образования (Дар-эс-Салам, Танзания).

Погибенко Тамара Григорьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Ренковская Евгения Алексеевна – младший научный сотрудник Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН, лаборант-исследователь Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Рудницкая Елена Леонидовна – доктор филологических наук, ведущий сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Смирнитская Анна Александровна – научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Столбова Ольга Валерьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН.

Эдельман Джой Иосифовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора иранских языков Отдела индоевропейских языков Института языкознания РАН

Научное издание

Труды Института востоковедения РАН
Выпуск 29

**ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ
И ВОСТОКОВЕДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ.**

Язык меняющийся

Верстка: А. С. Панина

Подписано 23.12.2020
Формат 60x90x16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,375. Уч.-изд. л. 16
Тираж 500 экз. Зак. № 452

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН.
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел.
Зав. отделом И. В. Федулов.
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5